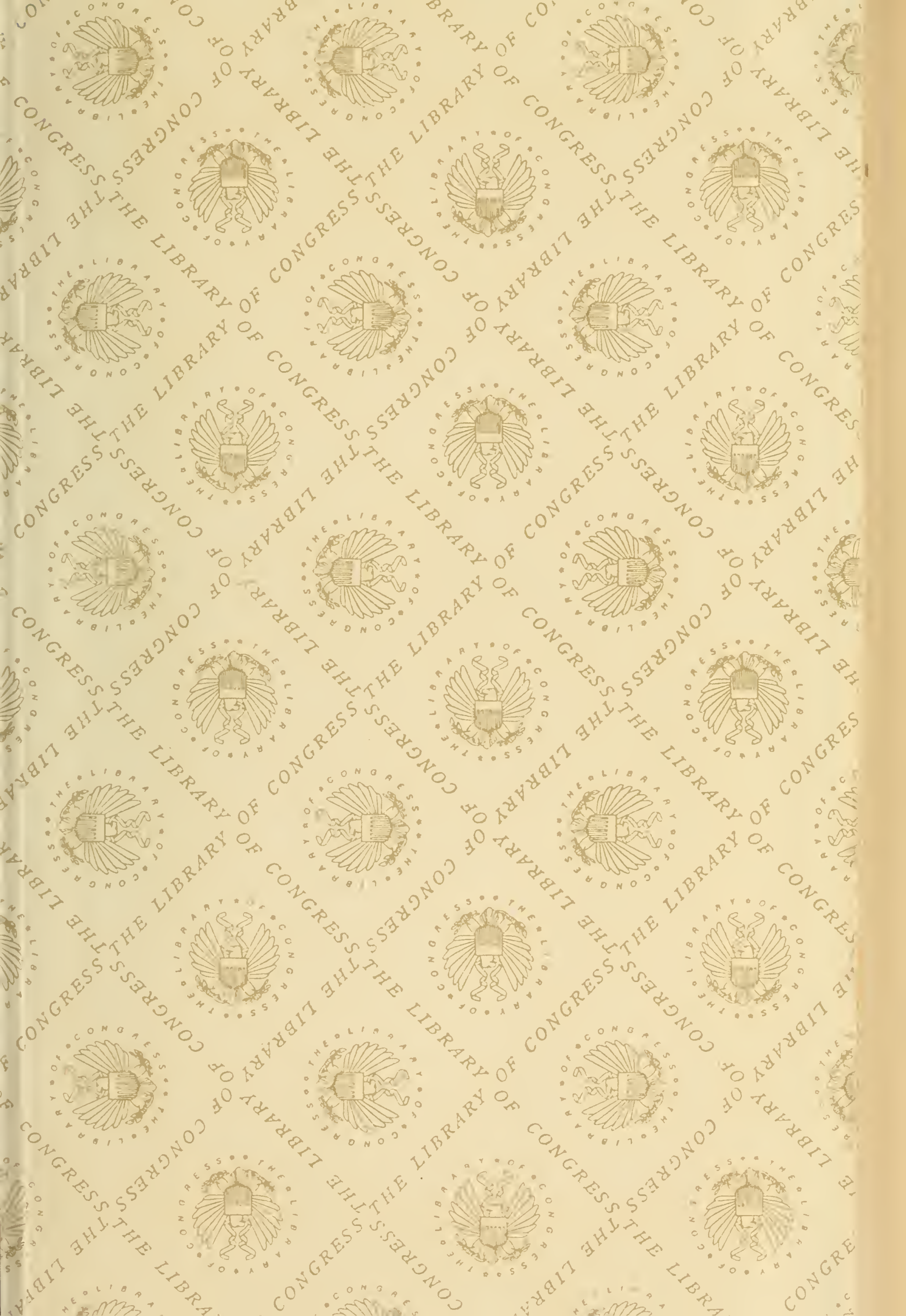
THE LIBRARY OF CONGRESS


THE LIBRARY OF CONGRESS

Zinov'ev, Fedor Alekseevich
"Stseny i razskazy"

СЦЕНЫ И РАЗСКАЗЫ

Ф. ЗИНОВЬЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА и Ко.
Вас. Остр. 3 л. № 44.
1865.

ДВОРЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

СЦЕНЫ.

Посвящаются Алексѣю Федоровичу Зиновьеву.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Комната большая, но не совсѣмъ опрятная. Стѣны окрашены желтою краскою, съ пунцовыми каемочками у карниза. На потолкѣ цвѣты и купидоны. Диванъ, кресла и стулья краснаго дерева, покрытые чѣмъ-то темненькимъ и старенькимъ, и набитые чѣмъ-то жесткимъ. Передъ диваномъ столъ краснаго дерева. Въ простѣнкѣ, между двумя окнами, зеркало, составленное изъ двухъ половинокъ, въ рамкѣ изъ краснаго дерева, съ черными уголками. Подъ зеркаломъ ломберный столъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Александра Герасимовна Розонова, дама пожилыхъ лѣтъ, полная, слегка красная; съ широкимъ, чуть тронутымъ рябинами лицомъ. Глаза оловянные; подъ широкимъ носомъ, надъ толстыми губами, пробиваются черненькіе усики. Она говоритъ очень скоро и слегка пришептываетъ, что однакоже не мѣшаетъ ей быть первой сплетницей въ уѣздѣ. — Сидитъ на диванѣ и разливаетъ чай.

Липочка, старшая ея дочь. Блондинка, лѣтъ двадцати пяти, очень высокая и до крайности худая. Лицо ея блѣдно и некрасиво; глаза немного косятъ; зубы рѣдки и съ зеленоватымъ оттѣнкомъ.—Раскладываетъ гран-пасьянсъ.

Катенька, младшая дочь Розоновой. Брюнетка, низенькая и толстая; она смугла и также не красива. Имѣетъ свойство всегда потѣть и отдуваться.—Она сидитъ у окна и чешетъ фальшивую косу.

Всѣ три въ утреннемъ, довольно грязномъ неглиже.

Липочка. Нѣтъ, не выходитъ!

Розонова. Да что ты пустяки раскладываешь, лучше погадай на себя, на бубновую даму.

Липочка (раскладываетъ карты, сперва пошептавъ надъ колодой). Что ужъ, и гадать скучно! Знаю напередъ, что выпадутъ самыя дурныя карты! Видите?

Розонова (жадно устремляетъ глаза на карты). Что-же? Что-же? Прекрасно, превосходно! Ахъ, Боже мой! Липочка! другъ мой! какихъ тебѣ еще картъ? какихъ картъ еще надобно? Посмотри: сердечное объясненіе съ молодымъ человѣкомъ, неожиданный разговоръ въ собственномъ своемъ домѣ, пріятныя собственныя свои мысли, перемѣнная жизнь, сватьба, деньги!

Катенька. Всего ей.... какъ не такъ!

Липочка (съ досадой). Смотрите, всему помѣшаетъ какая-то трефовая дама! и это всякій разъ у меня всякое благополучіе отнимаетъ. Кто эта противная дама, желала-бы я знать!

Катенька. Извѣстно кто: Долотова, Марья Петровна.

Розонова. Да, она точитъ на насъ зубы, желаетъ намъ всѣхъ бѣдствій! Это ехидна просто! Но ничего, ничего! пусть только отецъ вашъ останется на службѣ, я ужъ все устрою. Не безпокойтесь!

Катенька. Да, устроите, какъ-же! жди отъ васъ! Всѣ выходятъ замужъ, только мы сидимъ въ дѣвкахъ. Весь уѣздъ смѣется!

Липочка. Ужъ правда что! Намедни этотъ мерзавецъ, Козинъ, вѣдь за душою гроша нѣтъ, сахару по кусочкамъ къ чаю у лакея своего занимаетъ, по недѣлямъ жрать нечего, — а туда-же зубы скалитъ. Мы идемъ, а онъ всякой сволочи говоритъ: а вотъ и невѣсты неневѣстныя! Каково этакій афронтъ вынести!

Катенька. Да ужъ отъ этого Козина житья нѣтъ — просто! На вечерѣ у Козелкова я танцую съ секретаремъ

уѣзднаго суда, а Козинъ смотритъ на меня, да во-все свое свиное горло поетъ подъ музыку:

Наша Катенька, съ подъячимъ,
На Петровскомъ скачетъ, скачетъ;
Сестра Липа слезно плачетъ,
Что подъячій съ ней не скачетъ.

Я-бы его убила, просто!

Липочка. Это ужасно, просто!.. засидѣться въ дѣвкахъ! А вамъ, маменька, и горя мало!

Розонова. Развѣ я виновата? Кажется, домъ всегда полонъ гостей, для всѣхъ дверь отперта. Чуть кто въ городъ пріѣдетъ изъ новыхъ, отецъ сейчасъ бѣжитъ знакомиться и тащитъ къ себѣ. Вы сами, Богъ васъ знаетъ, не умѣете какъ-то найтись!

Катенька. Вы принять никого не умѣете, при гостяхъ сальные огарки считаете.

Розонова. Вотъ я же виновата! Стыдилась-бы такія вещи матери говорить! Что же по-вашему позволять все тащить изъ дому? Для васъ же каждый грошъ берегу! Дайте остаться отцу на мѣстѣ.

Липочка. А какъ папенька не останется?... Вѣдь онъ подъ уголовный судъ попалъ!

Розонова. Богъ дастъ останется. Не въ первый разъ, слава Богу, онъ подъ судомъ; выпутывался прежде, и теперь Господь смилуется, пронесетъ грозу мимо!

Катенька. Если-бы Богъ далъ! Да ужъ папенька слишкомъ! Весь уѣздъ въ одинъ голосъ трубитъ, что онъ съ живаго и съ мертваго деретъ!

Розонова. Отлично! Прекрасно! Наградилъ Богъ дочерью! Нечего сказать!... Для кого онъ все это дѣлаетъ, служитъ, покою не имѣетъ? все для васъ же! А отъ васъ хороша благодарность!

Липочка. Что-то ему Богъ дастъ, сегодня!

Розонова. Богъ милостивъ! Вотъ уже третій день за упокой губернатора, предводителя и предсѣдателя уголовной палаты за обѣдней поминаютъ; я подала. Это вѣрное, испытанное средство! Если вамъ придется когда-нибудь просить кого-нибудь, подайте только помянуть его за упокой за обѣднею, — онъ сейчасъ начнетъ тосковать, пока не исполнитъ вашей просьбы.

Липочка. Никакъ къ обѣднѣ благовѣстятъ, а я еще не одѣта! Матрешка! Матрешка!

Матрена (растрепанная, босая и грязная дѣвка). Чего изволите, сударыня?

Липочка. Что-жъ ты гладила платье?

Матрена. Сейчасъ выглажу.

Липочка (передразнивая ее). Сейчасъ выглажу! сейчасъ выглажу! Что же ты дѣлала до-сихъ-поръ, мерзавка? Вотъ тварь-то! спишь долго!... Я вотъ сейчасъ буду одѣваться, посмотрю, если что-нибудь не приготовлено, я тебѣ всю косу выдеру!

Катенька. А мнѣ готово одѣваться?

Матрена. Сейчасъ, барышня, приготовлю! Вѣдь я одна, мнѣ не разорваться!

Катенька. Какъ же это тебѣ не стыдно? Ничего ты не хочешь сдѣлать! Одна! — встала-бы пораньше!

Розонова. Еще разсуждаетъ, бестія! Я тебѣ вотъ дамъ не разорваться! Убирай самоваръ!

(Григорій Семеновичъ Розоновъ *(господинъ слонообразный по вышинѣ и дородству)* входитъ въ мундирѣ, запыхавшись, и съ разстроеннымъ видомъ).

Розонова. Ну что, моя пупочка?

Розоновъ. Уфъ! чортъ возьми, усталъ! (Отдувается и садится въ кресла; дочери подходятъ и цалуютъ у него руку). Здравствуйте, дѣти!

Розонова. Ну, что тебѣ Богъ далъ?

Розоновъ. Что! Плохо дѣло! Въ уголовной палатѣ за

триста цѣлковыхъ оправдали, а губернаторъ и не принялъ даже...

Розонова. А у предводителя былъ?

Розоновъ. Былъ.

Розонова. Ну, что же?

Розоновъ. Чего отъ этого осла ожидать? Наговорилъ кучу глупостей.... Говоритъ, если губернаторъ не допускаетъ до баллотировки, то и дѣлать нечего.

Розонова. Дуракъ онъ, вислоухій! Мы найдемъ, что дѣлать! Съѣзди къ Журавлеву, попроси, чтобы онъ поддержалъ тебя своимъ вліяніемъ.

Розоновъ. Да что толку-то въ его вліяніи? Понимаешь, губернаторъ и слышать не хочетъ, чтобы я оставался исправникомъ.

Розонова. Это не твое дѣло! У губернатора выхлопотать я беру на себя. Съ дамой онъ не будетъ такъ невѣжливъ! Поѣзжай къ Журавлеву.

Розоновъ. Что ѣздить попусту, вѣдь не допустятъ до бал....

Розонова (съ досадой перебиваетъ его). Допустятъ! Это ужъ мое дѣло! Что мнѣ съ тобою дѣлать, когда ты глупъ, какъ колода! Наградилъ Богъ муженькомъ, нечего сказать! Ничего сдѣлать не можетъ самъ! все я, да я! Отправляйся къ Журавлеву, а я поѣду къ губернатору. Дѣти, одѣньтесь, неравно кто-нибудь зайдетъ! Матрешка! одѣваться!

Липочка. Такъ мы въ церковь не пойдемъ?

Розонова. Видишь, что некогда.

Липочка. Ну, такъ мы однѣ пойдемъ. По-крайней-мѣрѣ, маменька, купите мнѣ той матеріи на платье, что вчера смотрѣли.

Розонова. До платьевъ-ли теперь! А ты, батюшка, чего расселся? Отъ жиру поворотиться не можешь! Оплылъ весь! Поѣзжай же къ Журавлеву!

Розоновъ. Нечего ѣздить по пустякамъ. Еще успѣю, дай отдохнуть.

Розонова. Ну, наградилъ Богъ мужемъ, нечего сказать! Только и знаетъ, что отдувается! Скоро треснетъ отъ жиру! Подлецъ ты, подлецъ! тебѣ что ни говори, все какъ къ стѣнѣ горохъ! Тьфу, окаянный!

Розоновъ. Неужели нельзя отдохнуть? Еще успѣю къ Журавлеву!

Розонова. Успѣешь! Оттого-то такъ и идетъ все хорошо, что ты или жрешь, или дрыхнешь, или сидишь какъ чурбанъ! (Уходитъ. Изъ другой комнаты слышенъ ея голосъ). А ты, мерзавка, въ окошечко глядишь! Посмотрите, утюгъ простылъ, а платье не глажено! (Звуки пощечинъ).

Липочка.
Катенька. } Вѣрно мое! Ахъ, мерзавка! (Бѣгутъ за матерью).

Розоновъ. Расходилась! Ну жизнь, нечего сказать! Достался мнѣ этотъ годокъ!... Фу, чортъ возьми, спать хочется! Умаялся! Думалъ соснуть немножко, — нѣтъ, поѣзжай! Зачѣмъ я поѣду, какого лѣшаго, прости Господи, дѣлать! Спина заболѣла кланяться.... Журавлевъ согласится, про это и говорить нечего. Я съ нимъ умѣю говорить, да ему другаго такого исправника не найти ни за что! Да губернаторъ-то не допуститъ до выборовъ, баллотироваться не позволитъ. Вотъ все и пропадетъ даромъ, только острамишься! (Зѣваетъ). А хорошо-бы было еще лѣтъ шесть потянуть службу! Ужъ я бы не зѣвалъ! Устроился-бы, а тамъ въ отставку. Ну пусть отдаютъ подъ судъ, — развѣ подъ судомъ люди не живутъ! Я богатъ, обезпеченъ, а тамъ суди себѣ! (Зѣваетъ). Спать смерть хочется, такъ ротъ и деретъ. Знаю, что даромъ проѣдусь, ее губернаторъ и на глаза къ себѣ не пуститъ! Нѣтъ, поѣзжай! Дорого-бы далъ, чтобы вздремнуть минутъ десятокъ. Когда не надѣешься, такъ и дѣлать ничего не хочется, трудно съ мѣста подняться!...

Батюшки мои, никакъ идетъ мое сокровище! (Вскакиваетъ и убѣгаетъ).

Розонова (въ другой комнатѣ). Смотрите же, не забудьте подать за упокой раба Божія Павла. Это будетъ отлично; его будутъ поминать въ то самое время, когда я буду просить его.

СЦЕНА II.

Кабинетъ губернатора. Большая комната, оклеенная дорогими обоями. Мебель орѣховая, покрытая зеленымъ сафьяномъ. Письменный столъ заставленъ фарфоровыми куколками и разными бездѣлушками. Около стола этажерка съ кипами бумагъ. Губернаторъ сидитъ за столомъ, куритъ трубку и зѣваетъ. Его лицо довольно подержанное, волосы на головѣ, усахъ и бакенбардахъ черные съ просѣдью. На немъ шелковый халатъ, на шеѣ крестъ, на головѣ шапочка. Черезъ нѣсколько времени входитъ довѣренное лицо, небольшое существо съ остренькими глазками и плутовскою рожею.

Губернаторъ. А-а-а! Филатовъ! это ты, братецъ?

Довѣренное лицо. Здравія желаю, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Губернаторъ. Все что-то поясница, братецъ, ломитъ! Ну, что новенькаго?

Довѣренное лицо. Ничего, ваше превосходительство, все по старому! Послѣ завтра у полиційместера балъ, — сегодня онъ пріѣдетъ просить ваше превосходительство.

Губернаторъ. Я думаю, много сволочи будетъ?

Довѣренное лицо. Не безъ того, ваше превосходительство, вы изволите знать, какое у насъ общество: знатныхъ и порядочныхъ очень мало. Ахъ, да! генералъ Власьевъ пріѣхалъ въ городъ.

Губернаторъ. Гмъ!... Давно?

Довѣренное лицо. Вчерашній день, ваше превосхо-

дительство. Я думаю, сегодня будетъ у вашего превосходительства. Говорятъ, вчера предсѣдателю Буркалову жена глазъ подбила.

Губернаторъ. Экая баба этотъ Буркаловъ! Вотъ баба-то! У него совершенно нѣтъ никакого характера, — изъ него что хотятъ, то и дѣлаютъ. Я ему сколько разъ говорилъ: посмотри на меня, Александръ Спиридоновичъ: у меня, что сказано, то свято! Я одинъ глава, властитель! Такъ-ли, не такъ-ли, не только никто передѣлывать, — не смѣетъ даже и пикнуть! А у него просто чортъ ногу переломитъ, республика какая-то, ни на что непохоже что дѣлается. Онъ скажетъ одно, жена повернетъ по-своему, секретарь по-своему! Просто выходитъ хаосъ, Содомъ, демократія! Водятъ его за носъ, да и только. Баба просто — срамъ!

Довѣренное лицо. Ужъ это точно, ваше превосходительство!

Губернаторъ. И препустой человѣкъ, — что въ немъ!

Довѣренное лицо (улыбаясь). Пустенекъ-то онъ очень! Многіе находятъ его умнымъ, а что тамъ умнаго!

Губернаторъ. Какой тамъ умъ, самъ шагу ступить не можетъ, его все на помочахъ водятъ, да за носъ.... Предсѣдателемъ еще везетъ кое-какъ, а вѣдь губернаторомъ не могъ-бы быть?

Довѣренное лицо. Помилуйте, ваше превосходительство, какой онъ губернаторъ! Гдѣ ему быть! Чтобы занимать такой постъ, надобно и умъ, и твердый характеръ, и отмѣнныя способности.

Губернаторъ (съ видомъ кота, котораго пощекотали за ухомъ). А вѣдь онъ глупъ! Да чего тебѣ лучше. Третьяго дня играемъ мы у Волчкова въ преферансъ. Фуксъ покупаетъ къ червямъ, я удерживаю, — Фуксъ на безкозырей, я удерживаю, — Фуксъ на семь, я говорю — пасъ. Вогналъ голубчика! Фуксъ играетъ семь въ червяхъ, я хожу по первой

въ пики и подвожу короля Фукса подъ обухъ. Что же, ты думаешь, Буркаловъ отвѣтилъ мнѣ? Ну, какъ ты думаешь, а?

Довѣренное лицо (глубокомысленно). Я думаю, онъ долженъ былъ отвѣчать.... Дѣло ясное....

Губернаторъ (торжественно). Нѣтъ-съ, онъ бацъ въ черви... того бишь въ бубны, и Фуксъ выигралъ игру, а ведь долженъ былъ остаться безъ одной, какъ Богъ святъ! Вотъ тебѣ и умъ его!

Довѣренное лицо. Какой у него умъ! Ахъ, вотъ еще исторія. Изволите вы знать Селянова?

Губернаторъ. Знаю. У него еще жена красавица.

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Такъ изволите-ли видѣть: напротивъ ихъ поселился офицеръ: можетъ, изволите знать, гусаръ въ отпуску: Косолапъ-Михайловъ?

Губернаторъ. Знаю. Богатый человѣкъ, мотъ, картежникъ и пьяница!

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Только Селянова ужасно полюбила пѣть съ гитарою, сидя на окошкѣ. Мужу шестьдесятъ слишкомъ, онъ уже глухъ, ничего почти не слышитъ, ну такъ ей и раздолье. Сядетъ она, а напротивъ гусаръ и тоже съ гитарою. Вотъ онъ и начинаетъ: (поетъ съ ужимками, то теноромъ, то дискантомъ, въ послѣднемъ случаѣ закатывая глаза подъ лобъ и сжимая губы). «Все-ли въ добромъ вы здоровьѣ?» Она отвѣчаетъ: «слава Богу, я здорова!» Онъ: «какъ-бы съ вами повидаться?» Она: «извольте за сарай отправляться!» Онъ: «у васъ лихи тамъ собаки!» Она: «Маѳа васъ туда проводитъ!»

Губернаторъ (катаясь отъ смѣху). Ха, ха, ха! Эхъ, чортъ тебя задави! Уморилъ, братецъ, уморилъ просто! Ха, ха, ха! Какъ? какъ?

Довѣренное лицо (повторяетъ).

Губернаторъ. Ха, ха, ха! Извольте за сарай отправляться! Ха, ха, ха!

Довѣренное лицо. А мужъ сидитъ и приходитъ въ восторгъ, что жена его такъ хорошо поетъ, да табачокъ понюхиваетъ.

Губернаторъ. Съ рогами! Ха, ха, ха! Подурачился и я на своемъ вѣку! Меня теперь не проведешь, всѣ штуки самъ дѣлалъ (напѣваетъ)! У васъ лихи тамъ собаки!

Молчаніе. Довѣренное лицо улыбаясь, смотритъ на губернатора и усиливается еще что-нибудь выдумать для потѣхи его превосходительства. Вбѣгаетъ собачка и ласкается къ губернатору.

Губернаторъ (лаская ее). Ахъ ты шельма! Одалиска! Одалиска!

Довѣренное лицо (вынимаетъ изъ кармана конфетку и даетъ собачкѣ). Вотъ тебѣ, Одалиска, гостинецъ!

Губернаторъ. Это ты любишь, страстно любишь! Плутовка этакая! лакомка! А умная какая, ей Богу умнѣе Буркалова! Ну, Одалиска, служи, служи! Танценъ, танценъ!... Вотъ такъ.... Филатовъ съ-ѣзди въ оранжерею, купи букетъ и отвези отъ меня Маріи Петровнѣ. На возвратномъ пути купи икры и балыку.

Довѣренное лицо. Слушаю, ваше превосходительство. Еще ничего не изволите приказать?

Губернаторъ. Пока ничего. Зайди къ женѣ, можетъ быть ей что-нибудь нужно. Да вотъ что, мой милый, прикажи мнѣ дать трубку. Чортъ, скука такая, что ужасъ!

Филатовъ уходитъ. Лакей подаетъ трубку. Губернаторъ гладитъ собачку, куритъ трубку и зѣваетъ.

Губернаторъ. Чортъ знаетъ, что за тоска!.... Марья Петровна не сдается, хоть-бы и интрижку завести. Эхъ, вспомнишь былое, такъ сердце кровью обольется. Когда я былъ командиромъ полка, жизнь была совсѣмъ другая. Напримѣръ, Ерохинъ, что за почтительный былъ, прекрасный офицеръ! Женился нарочно для меня, зная что я неравнодушенъ

къ Настѣ, а самъ такой почтительный и не зналъ жены, все мнѣ предоставилъ. За то былъ у меня казначеемъ, теперь полковникъ, увѣшанъ орденами.... (Поетъ). У васъ лихи тамъ собаки, Маѳа васъ туда проводитъ! (Молчаніе). Тоска!... Одалиска, Одалиска! разбойница этакая! Дай я тебѣ ожерелье вырѣжу! (Вырѣзываетъ изъ бумаги сквозной кружокъ и надѣваетъ на шею собачонкѣ, та прыгаетъ и старается освободиться, — онъ хохочетъ). Одалиска, Одалиска! Прихотливое созданье!

Входитъ жена его, Анна Ивановна, молодая, красивая дама въ шелковомъ дорогомъ платьѣ.

Анна Ивановна. Bonjour, mon cher ami! Какъ ты здоровъ?

Губернаторъ. Merci, дружокъ! Ничего, поясница немножко пошаливаетъ, — ну да c'est tout-à-fait bagatelle!

Анна Ивановна. Очень рада! Вотъ что, mon cher, послѣ завтра балъ у полиціймейстера, я буду въ новомъ платьѣ, а тамъ у меня останется всего одно ненадеванное. Я слышала, что полицмейстерша и Буркалова выписали себѣ превосходныя платья; я не могу же быть хуже ихъ одѣта.... Будутъ собранья, балы, мнѣ не въ чемъ выѣхать. Пошли привезти мнѣ платья три или четыре, да поскорѣе. Кого-нибудь изъ чиновниковъ можно командировать по казенной надобности, что-ли. Слышалъ? Faites cela aujourd'hui, непремѣнно. Dite â Filatof, чтобы онъ назначилъ кого-нибудь un de ces pauvres tchinovniks; сегодня же все приготовъ. Eh bien, что же ты молчишь?

Губернаторъ. Хорошо, хорошо, матушка!

Анна Ивановна. А я приготовлю записочку, что̀ именно нужно. Не забудь же! Mais vous êtes tout-à-fait distrait aujour d'hui! Пришлите мнѣ Филатова, когда воротится; я сама прикажу, а то на васъ надежда плохая.

Губернаторъ. Хорошо!

Анна Ивановна. Хорошо, хорошо! — только и слы-

шишь! Что вы не выспались сегодня, что-ли? Старъ сталъ, какъ я вижу, изъ ума вышелъ, батюшка!

Уходитъ въ сильномъ гнѣвѣ.

Губернаторъ. Ну пошла! И чего разозлилась? Сегодня хоть на глаза не показывайся! Ну ужъ характеръ, нечего сказать! Прошу покорно жить съ такой женой! У насъ ужасно дурно, что нельзя прогнать жены, какъ у магометанъ. Вотъ теперь и терпи, переноси, да вынимай денежки. А тамъ прекрасно: забурлила которая, сейчасъ ее вонъ. А вѣдь славно быть турецкимъ пашею!.... Чортъ возьми!.... Лучше чѣмъ губернаторомъ. Здѣсь примешь какую-нибудь пару лошадей въ кои-то вѣки, да и то оглядываешься, не замѣтили-ли, а тамъ дѣлай себѣ что хочешь.... А какой-бы я себѣ гаремъ завелъ — прелесть! Двадцать красавицъ, такихъ роскошныхъ, полногрудыхъ, огненныхъ!.... Чортъ возьми! Пришелъ-бы въ гаремъ, а онѣ, всѣ нагія, бросаются ко мнѣ, а Анна Ивановна сдѣлана рабою за буйный нравъ и разноситъ шербетъ.

Входитъ человѣкъ съ докладомъ: «госпожа Розонова.»

Губернаторъ. А? Что тебѣ нужно?

Человѣкъ. Госпожа Розонова.

Губернаторъ. Какого ей чорта? Скажи — занятъ.

Человѣкъ. Я говорилъ. Просятъ доложить.... Оченно, говорятъ, нужно.

Губернаторъ. Скажи занятъ! Этотъ Розоновъ мнѣ надоѣлъ! Она вѣрно явилась просить о мужѣ. Занятъ! Слышалъ? Нельзя сегодня, не принимаю.

Человѣкъ уходитъ.

Губернаторъ. Чортъ знаетъ, хоть была-бы помоложе, получше, а то сатана сущая! Мужъ мерзавецъ, взяточникъ, достоинъ каторги, возись тутъ съ нею!.... Ну, такъ я прихожу въ свой гаремъ.... Это что такое? (Прислушивается).

Розонова (за дверью). Мнѣ необходимо видѣть его превосходительство!

Человѣкъ (за дверью, съ жаромъ). Вамъ, говорятъ, нельзя, заняты, не принимаютъ!

Розонова (за дверью, плаксиво). Какъ нельзя? Мнѣ нужно его видѣть, нашего отца и благодѣтеля!

Возня. Двери съ силою распахиваются. Розонова влетаетъ въ кабинетъ, чепчикъ ея нѣсколько на боку. Человѣкъ чуть не падаетъ, съ восклицаніемъ: «да что-жъ вы въ самомъ дѣлѣ!» Губернаторъ поспѣшно схватываетъ кипу бумагъ съ этажерки, собачонка лаетъ.

Губернаторъ (сердито). Что вамъ угодно, милостивая государыня? Какъ вы смѣете врываться ко мнѣ такимъ образомъ! Вамъ сказано нельзя, занятъ важными дѣлами! — а вы врываетесь! Ты, болванъ, зачѣмъ пускаешь, а?

Человѣкъ. Да что съ ними дѣлать! рвутся, чуть съ ногъ не сбили! (Выходитъ).

Розонова. Ваше превосходительство! Отецъ нашъ! Отъ кого же намъ ждать правды и защиты, какъ не отъ васъ, нашего благодѣтеля?

Губернаторъ. Мнѣ некогда, сударыня.

Розонова. Ваше превосходительство, одну минуточку! Ваше превосходительство! защитите невинныхъ! воззрите на сиротъ угнетенныхъ! Ей Богу несправедливо.... люди злые оклеветали моего мужа!

Губернаторъ. Нельзя, сударыня, и не просите! Извольте выйти вонъ! Мнѣ некогда!

Ронозова. Вашъ превосходительство!

Губернаторъ. Вашъ мужъ преступникъ! Его въ Сибирь сослать нужно, на каторгу! А вы позволяете себѣ врываться безъ всякаго уваженія! Вы забываете, кто я? Вы забылись! Какъ вы смѣли рѣшиться на такую дерзость?.... Это изъ рукъ вонъ! Не просите напрасно. Я сказалъ: не допускать его до выборовъ; а что я сказалъ, то свято, у меня уже такой характеръ. Я ни-за-что не перемѣню своего рѣшенія. Оставьте же меня?

Розонова. Ваше превосходительство, смилуйтесь!

Губернаторъ. Онъ подъ судомъ! Я еще вотъ посмотрю, какъ судъ рѣшитъ.

Розонова (говоритъ чрезвычайно быстро и не даетъ губернатору промолвить слова; тотъ стоитъ, разинувши ротъ, въ ожиданіи, когда ему можно будетъ заговорить). Судъ его оправдываетъ, онъ ей-Богу невиноватъ, ваше превосходительство, совершенно невиноватъ. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Вы извольте только взглянуть на него. Наконецъ, извольте пожалѣть себя, если уже насъ не жалѣете! Вы дѣлаете несправедливость; послѣ ваши же враги скажутъ: «вотъ онъ несправедливъ былъ къ Розонову.»

Губернаторъ (горячась все болѣе и болѣе). Не вамъ меня учить, сударыня! Извольте выйти вонъ! Нельзя, нельзя, нельзя, нельзя, нельзя! Слышали?

Розонова (съ умиленіемъ). Смилуйтесь, ваше превосходительство! (Плачетъ). Надъ слезами несчастныхъ сжальтесь!

Губернаторъ. Нельзя! Я что сказалъ, то свято, — у меня уже такой характеръ. Оставьте меня, мнѣ некогда.

Розонова. Ваше превосходительство!....

Губернаторъ (разражается бѣшенствомъ). Ничего не хочу слушать! Извольте выйти вонъ! Какъ вы смѣете безпокоить меня? Кто вамъ позволилъ этакія вещи дѣлать! Какъ вы такъ забываетесь! Да знаете-ли что я съ вами сдѣлаю? Я вамъ покажу, какъ обращаться такимъ дерзкимъ образомъ со мною! Вы забылись, къ кому вы пришли! Идите вонъ или я прикажу васъ вывести!

Розонова (падаетъ на колѣни и обхватываетъ его ноги). Никто меня не отгонитъ отъ васъ, ваше превосходительство! Я буду обливать слезами невинности ноги ваши.

Губернаторъ (совершенно растерявшись). Что вы дѣлаете, сударыня!.... Ради Бога.... помилуйте!

Розонова. Ваше превосходительство, я не встану дотѣхъ-поръ, пока вы не выслушаете меня, не защитите ва-

шею милостью насъ, несчастныхъ. Мужъ мой невиноватъ и судъ его оправдываетъ....

Губернаторъ. Встаньте, Бога ради, сударыня!

Розонова. Нѣтъ, ваше превосходительство, я до-тѣхъ-поръ буду лобзать прахъ ногъ вашихъ, пока вы не смилуетесь! Онъ хоть служить не будетъ, — только снимите съ него это пятно, отмѣните ваше рѣшеніе. Ей Богу, клянусь вамъ дѣтьми моими, это клевета.... отъ злобы, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Встаньте, ради Бога, сударыня.... Я, право... я готовъ слушать... Встаньте, ради Бога встаньте!... Я все готовъ....

Розонова. Нѣтъ, дайте слово, ваше превосходительство! Ей Богу, все клевета, пощадите, защитите! (Прижимается губами къ сапогу).

Губернаторъ. Что вы, сударыня! Помилуйте!.... Все сдѣлаю, что могу, только встаньте, сударыня!.... Ради Бога!

Розонова. Онъ смягчается, отецъ нашъ! (Встаетъ). Все неправда, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Положимъ такъ; но его не желаютъ дворяне....

Розонова. Дворяне? Помилуйте, ваше превосходительство, всѣ этого только и желаютъ! И доказательство вамъ — выберутъ его непремѣнно. Его всѣ хотятъ, ваше превосходительство.

Губернаторъ. Его злоупотребленія....

Розонова. Все клевета.... судъ его оправдываетъ, ваше превосходительство. Это желали лишить ваше превосходительство дѣятельнаго, полезнаго чиновника! Это враги порядка и враги моего мужа распустили эту низкую клевету!

Губернаторъ. Онъ попался во взяткахъ,—а я врагъ ихъ, врагъ несправедливости!

Розонова. Это знаютъ всѣ, ваше превосходительство! И другія губерніи смотрятъ съ завистью на насъ, за то,

что мы имѣемъ отмѣнное счастіе жить подъ отеческимъ надзоромъ вашего превосходительства. А мало-ли что наговорятъ враги порядка и правды! Все напраслина! Зло всегда возстаетъ противъ правды, ваше превосходительство! Моего мужа ненавидятъ враги за неподкупную правду и справедливость, за то, что онъ не допускаетъ неправды. Вотъ на него и клевещутъ.

Губернаторъ. Но есть факты....

Розонова. Все клевета, ваше превосходительство, и судъ нашелъ, что все это самая черная клевета. Какой онъ взяточникъ! Развѣ онъ похожъ на взяточника? Развѣ онъ можетъ быть взяточникомъ, когда онъ благоговѣетъ передъ именемъ вашего превосходительства, и утромъ и вечеромъ со слезами молитъ Бога, чтобы онъ помогъ ему исполнять волю вашу. Вотъ за что его не любятъ, за преданность его къ вашему превосходительству!.. Вашъ чиновникъ, господинъ Филатовъ, производилъ самое строгое слѣдствіе и нашелъ, что мужъ мой правъ, не смотря на всѣ ухищренія враговъ и клеветниковъ. Правда, онъ разъ согрѣшилъ, и то не взятку взялъ, ей Богу, просто на-просто укралъ, ваше превосходительство, ей Богу, укралъ!

Губернаторъ. Ну вотъ видите....

Розонова. Укралъ, изъ глубочайшаго почтенія къ вашему превосходительству. Онъ знаетъ, что вы охотники до собакъ: онъ и укралъ для вашего превосходительства собачку. Только до-сихъ-поръ не осмѣливался имѣть счастіе поднести вашему превосходительству. Рѣдкая собачка, ваше превосходительство: нельзя было удержаться, тѣмъ болѣе, что она была у старика безчувственнаго.

Губернаторъ. Очень благодаренъ! отчего-же, — съ удовольствіемъ приму. Я собственно противъ вашего мужа ничего не имѣю. Мнѣ доложили, что его дворяне не желаютъ.

Розонова. Напротивъ, ваше превосходительство! Всѣ

искренно желаютъ. Его просятъ и непремѣнно выберутъ. Это все вамъ наговорили, ваше превосходительство! Лучшаго и болѣе преданнаго слуги вы не изволите найти, ваше превосходительство. Онъ безъ слезъ умиленія не можетъ произнести священнаго имени вашего. Будьте-же милостивы, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Я согласенъ съ своей стороны: я ничего не имѣю противъ вашего мужа, и если судъ его оправдаетъ и дворяне пожелаютъ....

Розонова. Истинно желаютъ, ваше превосходительство,—это одно ихъ общее желаніе! Такъ вы позволите на счетъ собачки?

Губернаторъ (съ пріятностью и прищуривая глаза). Маленькая?

Розонова. Вотъ такая крошечная.

Губернаторъ. А уши длинныя?

Розонова. Ужасно длинныя, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Хвостъ пушистый?

Розонова. До невѣроятности.

Губернаторъ. Я буду очень благодаренъ.

Розонова. Такъ смилуйтесь, ваше превосходительство, окажите справедливость! Я готова расцаловать ноги ваши! До-тѣхъ-поръ не отойду, пока ваше превосходительство не смилуетесь. Все буду стоять на колѣняхъ (становится на колѣни), буду цаловать ваши ножки, не выпущу ихъ. Это не я плачу, ваше превосходительство, —это дѣти мои плачутъ, невинные младенцы.

Губернаторъ. Встаньте, сударыня.... ради Бога.... Я согласенъ!

Розонова. Ваше слово?

Губернаторъ. Даю вамъ слово.

Розонова. Вотъ истинная справедливость! Награди

васъ Господь Богъ! Великія дѣла видны на лицѣ вашего превосходительства!

Губернаторъ. Успокойтесь, сударыня, и скажите вашему мужу, что я противъ него ничего не имѣю, я даже расположенъ къ нему. Онъ можетъ баллотироваться.

Розонова (хочетъ поцаловать его руку). Не знаю, какъ благодарить, ваше превосходительство.

Губернаторъ (прячетъ руки). Перестаньте, перестаньте! Справедливость—мой долгъ: у меня ужъ такой характеръ!

Розонова. Рѣдкій характеръ, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Такъ длинныя уши?

Розонова. Длинныя, ужасно длинныя, ваше превосходительство.

Губернаторъ. Хорошо, я приму съ благодарностью. Прощайте, сударыня. Очень радъ, что могу сдѣлать для васъ. Оказать справедливость—мой долгъ.

Розонова. Благодѣтель нашъ! Жизни мало отблагодарить васъ. Пойду обрадовать сиротъ своихъ!

Уходитъ, поправляя чепецъ.

Губернаторъ. Что съ нею дѣлать! Не могу видѣть, когда женщина плачетъ, цалуетъ ноги, стоитъ на колѣняхъ. Иначе отъ нея не отдѣлаешься, ногъ не выпуститъ. Не дать-же ей носкомъ въ носъ! Да, такъ можетъ говорить и дѣйствовать только угнетенная невинность.... Я, слава Богу, понимаю людей, могу судить.... Они въ самомъ дѣлѣ прекрасные люди, почтительные.... Очень радъ, что могъ сдѣлать для нихъ. Что касается до подарка, такъ, признаться, онъ мнѣ очень пріятенъ. Подари онъ мнѣ три тысячи, я бы не былъ такъ радъ, какъ собачкѣ. Маленькія собачки—страсть моя. Надѣюсь, что это не взятка! Собаку, говорятъ, не грѣхъ украсть, не только принять въ подарокъ.... Гмъ! посмотрю, какая собачка, должно быть—прелесть!... Я давно искалъ такой, бредилъ имѣть такую!... Какое-же дать

ей имя?... Кадо!... нѣтъ, фи! что за Кадо!... Цезарь?... нѣтъ, мала для Цезаря.... Назову ее Роза!.... Укралъ для меня! экая каналья!... Впрочемъ теперь рѣдки такіе преданные, почтительные чиновники!

СЦЕНА III.

Кабинетъ въ домѣ полиціймейстера. Прекрасно меблированная комната, украшенная цѣлыми коллекціями всевозможныхъ видовъ чубуковъ. Они разставлены на трехъ горкахъ, изъ которыхъ двѣ по угламъ комнаты, а третья у письменнаго стола. На письменномъ столѣ наставлено безчисленное множество пепельницъ, изъ нихъ торчатъ сигары и папиросы; кромѣ того на столѣ еще лежитъ много сигаръ и на углахъ стола стоятъ двѣ табачницы. Григорій, человѣкъ полиціймейстера, въ бѣломъ фартукѣ, стоитъ, опершись на половую щетку. Частный приставъ въ мундирѣ и со шляпою въ рукахъ.

Частный. Такъ это правда, Григорій Степановичъ, что Павелъ Михайловичъ на меня никакой претензіи не имѣютъ?

Григорій. Нѣтъ, говорятъ вамъ, нѣтъ! А имѣли, можно сказать, крѣпкое ожесточеніе, такъ что и того васъ хотѣли (дѣлаетъ выразительное движеніе ногою) изъ службы... Понимаете? Ну ужъ я уладилъ. Всегда для васъ стараюсь. Павелъ Михайловичъ и то ужъ говорятъ, что это ты, Григорій, все за Пузанова? вы должно быть вмѣстѣ плутуете!— А я говорю: вотъ у васъ все плутую, Павелъ Михайловичъ,—а вы безъ Пузанова будете какъ безъ рукъ.

Частный. Ну, что-же онъ?

Григорій. Правда, говорятъ.

Частный. Такъ и сказалъ?

Григорій. Такъ и сказалъ.

Частный. Ой-ли, да правда-ли это, Гриша?

Григорій. Что-жъ мнѣ лгать? Вы думаете, что взялъ отъ васъ пятьдесятъ рублей, такъ ужъ и лгать буду. Да я

тысячи не возьму, чтобы сказать неправду. А что я для васъ всегда какъ-есть стараюсь. Только, смотрите, уговоръ лучше денегъ, исполнить все въ точности.

Частный. Полно вамъ, Григорій Степановичъ, да я по дружбѣ этого не захочу. Я за ваше одолженіе ужъ отблагодарю!

Слышенъ звонокъ.

Григорій. Послѣ поговоримъ. Никакъ Павелъ Михайловичъ пріѣхали.

Частный поправляетъ волосы, обтягиваетъ мундиръ, приставляетъ ногу къ ногѣ и вытягивается въ струнку. Григорій уходитъ отпирать.

Черезъ нѣсколько времени входитъ Полиціймейстеръ *(полный мужчина, съ большими усами и съ краснымъ лицомъ. При каждомъ его движеніи эполеты на плечахъ прыгаютъ и кисточки ихъ болтаются)*. Частный кланяется въ поясъ.

Полиціймейстеръ. А-а-а! Пузановъ! Ну что, все благополучно?

Частный. Все исправно, ваше высокоблагородіе!

Полиціймейстеръ (разсматривая сигары и папиросы). Что бы это закурить такое? И то, и то хорошо. Попробую-ка новыхъ. Подлецъ Чернопятовъ навязалъ, — божится, ракалія, что малина, а не сигара! (Закуриваетъ сигару, болтаетъ ею въ воздухѣ и нюхаетъ дымъ. Частный слѣдитъ за его движеніями и мотаетъ головою за движеніемъ его руки). Въ самомъ дѣлѣ, кажется, не дурны! Запахъ довольно хорошъ. Ну, Пузановъ, а много-ли у тебя купцовъ на цугундеръ взято?

Частный. Шестеро, ваше высокоблагородіе: трое за невѣрные вѣсы, двое за фальшивую мѣру и одинъ за продажу вредоносной рыбы.

Полиціймейстеръ. Небось все мелочь?

Частный. Извѣстно, мелочные торговцы, лабазники. Впрочемъ, двое капитальные.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо. У меня послѣ завтра балъ, такъ съ тебя слѣдуетъ провизія и вся закуска. Зайди сейчасъ къ моей женѣ, она тебѣ составитъ реэстръ:

чего и сколько надобно... Понимаешь? Ты сперва купцовъ попридави, а потомъ и выпусти, такъ и тебѣ еще останется. Вы, чортъ васъ знаетъ, праведники какіе-то! И что вы дѣлали при старомъ полиціймейстерѣ, — не знаю! Откуда онъ набралъ такихъ олуховъ, — да вѣрно и самъ былъ не умнѣе! Ничего это придумать не могутъ: я вотъ все изобрѣтай, да научай уму-разуму, а сами взять-то не умѣютъ! Дерутъ какъ будочники по гривнамъ, да по полтинамъ — и въ городѣ ни порядка, ни уваженія нѣтъ! Я люблю, чтобы все было по-военному, вездѣ-бы былъ порядокъ, жила дисциплина. Чтобы квартальный зналъ, что онъ не даромъ квартальный; частный — что онъ не даромъ частный; купецъ—что онъ на то и купецъ, чтобы наживать, — ну, наживай, да подѣлись и съ ближними. Скажи Шепчугову, что съ него слѣдуютъ вина; вотъ на, отдай ему реэстръ, чтобы по немъ доставилъ въ точности; а если что тамъ будетъ лишнее противъ написаннаго, такъ тѣмъ лучше!

Входятъ два частныхъ и почтительно кланяются.

Полиціймейстеръ. А, Шепчуговъ и Ломовъ! Куда вы провалились, что васъ не дозовешься! Вотъ тебѣ, Шепчуговъ, реэстръ винъ, сегодня-же прошу доставить Григорію; только смотри, чтобы вина были первый сортъ, а то тебѣ, пожалуй, всякой кислятины, да мерзости свалятъ. А съ тебя, Ломовъ, слѣдуетъ освѣщеніе, и деньгами для найма музыкантовъ и прочей дряни. Денегъ немного, — рублей съ сотнягу или около того. Ну, я увѣренъ, господа, что все будетъ отлично, что вы постоите за себя, отличитесь, не захотите замарать своего начальника! Не ударьте-же лицомъ въ грязь, чтобы у насъ былъ такой балъ, что чертямъ тошно! Чтобы никому не сдѣлать такого бала, понимаете? Дѣло идетъ на благородное соревнованіе. Ну, ступайте-же, распоряжайтесь! Балъ будетъ послѣ завтра. Понимаете, что на балу будетъ вся губернія....

Частные. Постараемся, слушаемъ-съ.

Полицiймейстеръ. Ну, съ Богомъ!

Частные уходятъ. Полицiймейстеръ снимаетъ сюртукъ и надѣваетъ халатъ. Входитъ толстый купецъ, три раза крестится и потомъ низко кланяется.

Купецъ. Наше вамъ, со всякимъ благоговѣнiемъ.

Полицiймейстеръ. А! Назаръ Ѳедуловичъ! Я тебя поджидалъ. (Садится къ столу).

Купецъ. Смѣемъ спросить, на счетъ, значитъ, какихъ ефто такихъ дѣловъ, вы, примѣрно, говорить изволите?

Полицiймейстеръ. Садись-ка, садись.

Купецъ. Ничаво-съ, и постоимъ! Значитъ, ноги не отвалятся, дома все сидѣли.

Полицiймейстеръ. Садись! (Купецъ садится на краю стула, вынимаетъ клѣтчатый платокъ и обтираетъ лицо). Ну, какъ дѣлишки?

Купецъ. Ничаво-съ! благодаренiе Господу, значитъ, черезъ пень въ колоду валятся помаленьку-съ.

Полицiймейстеръ. Ну, хорошо!... Не хочешь-ли трубочки?

Купецъ. Благодаримъ покорно! Съ-измальства, то-есть, не сдѣлали привычки. Покойный тятенька, дай Богъ имъ царствiе небесное, Боже упаси, на счетъ ефтаго предмета какое смотрѣнiе имѣли.

Полицiймейстеръ. Ну, какъ хочешь,—вѣдь вы всѣ староверы.

Купецъ. Не то, чтобъ сталовѣры, примѣрно, были, а такъ, значитъ, привычки не сдѣлали. Вѣдь ефто, какъ есть, баловство одно и баловствомъ зачинается.

Полицiймейстеръ. Ну, вотъ что, братъ, какъ-бы это на счетъ того.... А водку ты пьешь вѣдь?

Купецъ. Употребляемъ, грѣшны-съ.

Полицiймейстеръ. Такъ хочешь водочки, а?

Купецъ. Нѣтъ-съ, благодаримъ и за ефто покорнѣйше, пить еще не пристало.

Полиціймейстеръ. Какъ не пристало?

Купецъ. То-есть, значитъ, не время,—обѣдни не отошли.

Полиціймейстеръ. Ну, какъ знаешь! Такъ, я говорю, какъ-бы это на счетъ того, на счетъ деньжонокъ, а? Мнѣ-бы очень было нужно.

Купецъ. Прощенья просимъ-съ! то-есть вотъ передъ Богомъ-съ говоримъ: совершенно нѣтъ; что называется, сами перебиваемся.

Полиціймейстеръ. Ну, ужъ у тебя нѣтъ, — такъ у кого-же деньги?

Купецъ. Помилуйте, откудова имъ быть-то-съ? Народъ мы маненькой, дѣловъ хорошихъ нѣтъ-съ. Какая ефто торговля-съ,—то-есть, можно сказать, только Бога гнѣвимъ, а не торговлю имѣемъ. На свѣчку, въ праздничный день, въ церковь, примѣрно, не выторгуемъ. Вотъ тутъ и дѣлай какъ знаешь. Какимъ-же тутъ деньгамъ быть?

Полиціймейстеръ. Эхъ, братъ! стыдился-бы говорить! Вѣдь экая у тебя, истинно, жидовская, алчная душа, окаменѣлое сердце! Теперь какое время-то?

Купецъ. Какъ какое-съ?

Полиціймейстеръ. Да такъ же! жидъ ты! Вѣдь теперь выборы: ты съ помѣщиковъ, я чай, всю шкуру посдерешь! Ну, и дери, я ни слова, я всегда готовъ тебѣ помощь оказать, такъ ты долженъ же чувствовать.

Купецъ. Чувствительно благодаримъ-съ за все ефто и всегда съ нашимъ почтеніемъ-съ.

Полиціймейстеръ. Съ нашимъ почтеніемъ! Что это за почтеніе, огалтѣлый ты этакій! Пришлетъ тамъ ребятишкамъ на молочишко къ новому году, вотъ и все почтеніе. Развѣ ты столько въ годъ наторгуешь, а?... Развѣ я тебѣ мѣшаю? Ну говори же! Не помогаю я тебѣ во всемъ безобразная твоя утроба, ненавистная?

Купецъ. Завсегда, какъ есть, благодарны, и навсегда вашею милостію довольны.

Полиціймейстеръ. Знаю, что довольны, — еще-бы вамъ быть недовольными! да благодарности-то у васъ на пятакъ мѣдный нѣтъ! Христо-продавцы этакіе! понятія не имѣете человѣческаго! Грабь, наживайся, да знай же и совѣсть! Подѣлись съ другими, вѣдь всѣ мы братья, ближніе! Другой-бы самъ принесъ, а ты, ожесточенный, въ долгъ не даешь! Я, вѣдь, у тебя, у окаяннаго, взаймы прошу! Могъ-бы, вѣдь, требовать, напакостить, по міру, ракалію пустить!

Купецъ. Что же, воля ваша! Мы люди какъ есть маненькіе.

Полиціймейстеръ. То-то, люди маленькіе, а въ пустыхъ деньгахъ отказываешь. Всего, вѣдь, пятьсотъ! Что это, дрянь! тьфу! не стоитъ разговоровъ имѣть! А на тебя, посмотри самъ, какое ожесточеніе нашло: ты, вѣдь, себя не помнишь? Эхъ, братъ! плохо вамъ, потачку давать — зазнаетесь больно.... Васъ-бы за бороды, таскать, да пакости вамъ дѣлать, тогда-бъ вы знали! А я васъ по головкѣ глажу, на все смотрю сквозь пальцы. Ты думаешь, я ничего не вижу, не знаю? — нѣтъ, братъ, ты выжига, да я и самъ прожженный! Ты карманъ набиваешь и не думаешь подѣлиться, — ну, да чортъ съ тобой! дай хоть взаймы.

Купецъ. Мы примѣрно, то есть, на счетъ того говоримъ, что денегъ въ настоящее время не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ну что же, ты боишься, что я не отдамъ, — думаешь что пропадутъ деньги твои поганыя?

Купецъ. Ефтого мы думать не могимъ и сумлѣнія никакого, то есть, имѣть не можемъ.

Полиціймейстеръ. Ну такъ что-жъ? Эй, братъ, не плюй въ колодезь, испить водицы пригодится!

Купецъ. То есть, а на долгое-ли время вамъ потребно?

Полиціймейстеръ. Ну, при первыхъ деньгахъ отдамъ.

Купецъ. Сердечно-бы желали, да видитъ Богъ, не могимъ.

Полиціймейстеръ. Такъ не дашь?

Купецъ. Изъ чего дать-то? то есть, вѣрьте Создателю, не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо же! Дамъ же я тебѣ торговлю! Анаѳема ты этакій ожесточенный, жидъ проклятый!

Купецъ. Съ нашимъ-бы почтеніемъ, да что дѣлать-съ, рѣшительно, значитъ, не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ладно! Это ужъ братъ, не попріятельски! А я еще съ тобою, со свиньею, хлѣбъ-соль водилъ! Попляшешь же ты у меня, ракалія этакая?

Купецъ. На счетъ ефтого напрасно гнѣваться изволите!

Полиціймейстеръ. Хорошо, братъ,—запоешь иначе!

Купецъ. Какое тутъ пѣніе, вѣрьте Богу, до слезъ приходится! Вотъ все, что могимъ—сто рублевъ; только ужъ если милость будетъ ваша, смѣемъ просить, на счетъ торговъ-то тѣхъ. Ужь не оставьте, явите хоть тѣмъ Божескую милость!

Полиціймейстеръ. Сто рублей, да торги! Я вижу, ты скотина! Пошелъ вонъ! Я съ тобой и разговаривать не хочу.

Купецъ. То есть, напрасно безпокоиться изволите!

Полиціймейстеръ. Что же ты, оглохъ, что-ли? Слышалъ! Убирайся къ чортову дѣду! Ну. (Топаетъ ногами, купецъ кланяется и исчезаетъ въ смущеніи и испугѣ). Экая скотина! бестія! ракалія! Ужъ ты принесъ-бы въ подарокъ и самъ, да некогда возиться. Пять сотъ-бы отвалилъ, кланялся-бы въ ноги, чтобъ только взялъ, да время не терпитъ. Эй! Назаръ Ѳедулычъ! Назаръ Ѳедулычъ!...

Купецъ (бѣжитъ, топочетъ по сосѣдней комнатѣ и выставляетъ голову въ двери). Здѣсь.

Полиціймейстеръ. Ну, прибавляй еще сотню, да и чортъ съ тобой!

Купецъ. Ей Богу, не могимъ. Двадцать пять еще можно-съ, а то какъ угодно!

Полицiймейстеръ. Что-жъ ты торговаться со мной будешь? Ахъ ты гадина, бычья морда! Двѣсти — или ты запоешь у меня Кузькину мать! (Купецъ со вздохомъ вытаскиваетъ бумажникъ).

СЦЕНА IV.

Номеръ въ лучшей гостинницѣ города. Довольно большая комната, но меблирована плохо. Журавлевъ, первый богачъ въ губерніи, сидитъ на диванѣ и пьетъ чай. На немъ бархатный халатъ. Физіономія его нѣсколько солдатская, но надутая и важная. Онъ не толстъ и не тонокъ. Назарьевъ, одинъ изъ помѣщиковъ партіи Журавлева, почтительно сидитъ на кончикѣ стула. Фигурка толстенькая, подленькая, съ моргающими глазками. Говоритъ сладко, вкрадчиво и почтительно.

Назарьевъ. Такъ вы изволили Медидова утвердить судьею, слушаемъ! А какъ насчетъ исправника, — кого прикажете выбирать?

Журавлевъ. Въ исправники?.... Я еще не знаю.... Подумаю.

Назарьевъ. Никоновъ хочетъ баллотироваться.

Журавлевъ. Никоновъ?

Назарьевъ (оробѣвъ). Я то-есть нисколько не держусь его стороны! Это рѣшительно все равно.... все равно для меня!.... Кого прикажете, того и выберемъ. (Съ сладкою улыбкою) Вы вѣдь въ этомъ болѣе насъ знать можете, живя всегда среди просвѣщенія столицы и имѣя отмѣнное образованіе, до котораго намъ далеко.

Журавлевъ. Объ этомъ я подумаю и скажу вамъ, кого выбирать.... Г-нъ Розоновъ подъ судомъ, ему не позволяютъ баллотироваться, да и подлецъ страшнѣйшій! Ухъ, какой подлецъ!

Назарьевъ. Ужаснѣйшій подлецъ! Просто грабитель!

И такія мерзости дѣлаетъ.... Весь уѣздъ отъ него чуть не плакалъ! Взяточникъ, христопродавецъ! Онъ кажется, ошибкой, не рѣшилъ ни одного дѣла правильно, не сдѣлалъ ничего по справедливости.

Журавлевъ. Я вотъ посмотрю.... Чтобы послѣ завтра всѣ собрались ко мнѣ, передъ тѣмъ какъ ѣхать въ собраніе.

Назарьевъ. Слушаемъ-съ.

Журавлевъ начинаетъ что-то насвистывать. Назарьевъ переминается, сидя на стулѣ, наконецъ послѣ нѣкотораго молчанія встаетъ.

Журавлевъ. Ну, прощайте. Помните же, передъ собраньемъ.

Назарьевъ. Слушаю-съ! (Наклоняется нѣсколько впередъ и все время говоритъ съ особенною пріятностью) Иванъ Сергѣевичъ! у меня есть къ вамъ просьба.... то-есть, вотъ одолженіе такое.... по гробъ не забуду.

Журавлевъ. Ну говорите скорѣе, прямо.

Назарьевъ. Я хотѣлъ-было побезпокоить васъ, не будете-ли столь добры, не одолжите-ли мнѣ деньжонокъ немного. Сами изволите знать, теперь время такое, необходимо и туда и сюда, и въ собранье, и въ театръ — дочери показать.... Все расходы: туалетъ, то, другое, нельзя же — дочь невѣста.

Журавлевъ. Кутишь много.

Назарьевъ. Помилуйте, кажется бьешься какъ рыба объ ледъ, концы сводишь. Дочь невѣста, что дѣлать-то! Хочешь, не хочешь, а кошелекъ развязывай.

Журавлевъ. Ну, сколько же нужно?

Назарьевъ (задыхаясь). Рублей пятьсотъ.

Журавлевъ. Серебромъ?

Назарьевъ. Я бы того.... попросилъ.... серебромъ.

Журавлевъ. Туда же серебромъ! А изъ какихъ средствъ заплатишь?

Назарьевъ. Великимъ постомъ набью масла конопля-

наго, продамъ еще пеньку, хлѣба — и уплачу часть; а другую ужь отсрочьте, сдѣлайте милость до осени, я вамъ представлю свекловицею, на который прикажете изъ вашихъ сахарныхъ заводовъ.

Журавлевъ. Вы не должны ничего?

Назарьевъ. Долженъ пустяки: пятьдесятъ рублей. Я всѣ уплачу, сполна.

Журавлевъ. Ну хорошо, приготовьте росписку въ пятьсотъ рублей; изъ нихъ четыреста пятьдесятъ получите отъ Трофима деньгами, да пятьдесятъ прежняго долгу.

Назарьевъ. Не знаю, какъ благодарить васъ, Иванъ Сергѣевичъ!

Журавлевъ. Прощайте, не стоитъ благодарности.

Назарьевъ. Счастливо оставаться!

Пятится задомъ, раскланивается и исчезаетъ въ дверяхъ.

Журавлевъ (одинъ). Фу, какая тоска! Какъ гадко возиться съ этою дрянью, а что дѣлать!.... Что за низкіе люди! Готовы продать все, самихъ себя, не только ближнихъ! Да впрочемъ, кто въ нашъ вѣкъ не пожертвуетъ существенной пользѣ химерою, пустыми звуками: дружба, пріязнь, человѣчество!.... Глупецъ, одинъ глупецъ только можетъ предпочесть эти пустые звуки дѣлу и упустить для нихъ существенную выгоду. Конечно, за мелочь не стоитъ продавать себя, надобно взять хорошую цѣну, чтобы стоило того. Впрочемъ нынче цѣны на честь и совѣсть человѣка значительно упали.... Справедливость требуетъ, чтобы я заботился о себѣ болѣе, чѣмъ о другомъ, и свои личныя выгоды предпочиталъ выгодамъ другихъ; — ясно, что я долженъ желать себѣ лучшаго. Если же я желаю себѣ лучшаго, то ужъ черезъ это самое желаю другому худшаго! — Если я наживаю сто рублей, такъ вѣрно оттого, что ихъ кто-нибудь прожилъ. Что же изъ этого? — Значитъ, я благоразумнѣе другихъ! Ну, если я себѣ изъискиваю способы помочь скорѣе нажить, а другому разориться — что же въ этомъ безнрав-

ственнаго? — Ровно ничего! Я только ускоряю обыкновенный процессъ обращенія цѣнностей и больше ничего. Я его ускоряю, — я не краду, не граблю! — то дѣйствительно низко. А ужъ этотъ процессъ начался, онъ совершается безпрерывно, такъ что же значитъ ускорить его? Тѣмъ болѣе, что если не я, такъ кто-нибудь другой сдѣлаетъ то же самое. Непремѣнно!.... Говорятъ, эгоизмъ — порокъ, а безъ эгоизма не можетъ быть порядка никакого. Эгоизмъ есть врожденное чувство, это инстинктъ, свойственный всѣмъ живымъ существамъ, и безъ него не можетъ быть никакого благоустройства, — все рушится, падетъ! Съ какой стати и для чего я буду заботиться о выгодахъ другаго? — Да мнѣ-то что за дѣло до него! Такимъ образомъ ужъ лучше всего отдай все состояніе свое, да и ступай самъ просить, чтобъ объ тебѣ заботились другіе. Вѣдь выдумали же эти философы такую дичь!.... Ха, ха, ха! Экіе глупцы!.... Впрочемъ мысль прекрасная и дѣльнымъ людямъ принесла много пользы. Кричишь о соціализмѣ, либерализмѣ, гуманности, о правдѣ вѣчной, трескотнею реторическою залѣпишь глаза, да за этими-то ширмами, за мыслями-то о высокомъ и удерешь какую-нибудь штуку. Ее и не замѣтятъ, а безъ того сказали-бъ: сдѣлалъ низость, — да и штука-бы навѣрно не удалась, потому что хорошія штуки возможны только при хорошей довѣрчивости. Правда, что нѣсколько человѣкъ, которые посмышленѣе, смекнутъ въ чемъ дѣло, пожалуй станутъ доказывать, что сдѣлалъ подлость, — да остальные хоть будутъ видѣть, да не повѣрятъ. Масса слишкомъ пропитается уваженіемъ къ благородству и вольности мыслей, ей какъ надуешь въ уши высокихъ идей, то у нея и голова пойдетъ кругомъ. Кричи громче — прослывешь великимъ человѣкомъ, благороднѣйшимъ, честнѣйшимъ, идеаломъ совершенства и добродѣтели!... Гмъ! Есть же глупая, неразвитая толпа ничтожныхъ неучей, которые отъ души, совершенно по убѣжденію вѣрятъ въ эти пустые, громкіе

звуки: честь, благородство, добродѣтель, гуманность! — вѣрятъ, восхищаются ими! Приходятъ въ восторгъ отъ всякой глупости, гдѣ по-ихнему выразилась сколько нибудь эта идея. Кричи только громче о своемъ благородствѣ, — толпа повѣритъ, какъ вѣрили древніе римляне, что они грязь.... Правда, говорится въ какой-то книгѣ, что люди честные — овцы, которыхъ умные стригутъ. Только вмѣсто «честные» надобно сказать «глупые», потому что людей честныхъ на землѣ нѣтъ! Всякій человѣкъ — подлецъ. Есть только люди умные и глупцы. Умный, истинно образованный человѣкъ, очистившійся отъ всякихъ предразсудковъ, разумѣется пойметъ, что только то и хорошо, что существенно полезно, и съумѣетъ эти бирюльки, мыльные пузыри пустить въ ходъ для пріобрѣтенія существенныхъ выгодъ. А тамъ другіе пусть себѣ восхищаются. — Да мнѣ смѣшно представить себѣ настоящаго благороднаго и добродѣтельнаго человѣка! Это должно быть чучело страшное! Какъ можно быть истинно благороднымъ и честнымъ? — Не понимаю! — Мнѣ выгодно такъ сдѣлать, а честь и всѣ эти вымышленныя, пошлыя правила требуютъ другаго; — да я буду глупецъ, болванъ, олухъ, если поступлю противъ своихъ выгодъ. — Разумѣется, если выгода большая, — а при незначительной выгодѣ, само собою, разсчетливѣе пренебречь выгодою, — потомъ это принесетъ тысячу процентовъ на сто. Честь и благородство — это такой товаръ, который надобно сохранять какъ можно дольше и тщательнѣе, а потомъ какъ представится случай разомъ и пустить въ продажу. Только надобно крѣпиться, ждать удобнаго случая, когда набьютъ цѣну, когда можно больше взять выгодъ. Да еще слѣдуетъ продать такъ, чтобъ другіе не знали, чтобы тотъ же товаръ опять можно было пустить въ ходъ, въ торговлю. Вотъ это умно, дѣльно! Толпа благоговѣетъ, готова присягнуть, что это честнѣйшій человѣкъ, могъ покривить душою вотъ въ такихъ-то и въ такихъ-то дѣлахъ, да пренебрегъ всѣми вы-

годами для правды; а того не знаетъ, что этотъ господинъ запряталъ свой товаръ и не хочетъ за гроши продавать своей чести и совѣсти. За то ужъ какъ представится случай, такъ вознаградитъ себя за все. И что-жъ, — прекрасно, благоразумно. Жизнь есть торговля, коммерція, стараться долженъ всякій наторговать. Мнѣ кажется, что въ глубинѣ души, каждый такъ же думаетъ, какъ я, и по наружности набиваетъ цѣну на свой товаръ. Непродажныхъ нѣтъ! Если не беретъ тысячи, возьметъ двѣ; не беретъ двухъ, такъ возьметъ пять, десять, двадцать! За сто тысячъ продастъ себя! Есть глупцы, которые не соображаютъ запроса съ требованіемъ и дѣйствительною стоимостью. Иные хотятъ слишкомъ дорого и цѣнятъ свои кривыя душонки не вѣсть какъ! — ихъ зовутъ благородными. Они такіе же мерзавцы, какъ и всякій человѣкъ; а только глупцы черезчуръ дорожатся, ну и ходятъ за то безъ сапоговъ, и ни на службѣ, — нигдѣ не годятся. Другіе же, вотъ какъ эти ослы Назарьевъ, да Розоновъ и всѣ имъ подобные, — берутъ слишкомъ дешево, точно открыли мелочныя лавочки и по частямъ, открыто, продаютъ свою совѣсть. Я бы ихъ назвалъ неразсчетливыми дураками, — а свѣтъ ихъ зоветъ подлецами, совершенно незаслуженно! Умный человѣкъ придерживается благоразумной середины, какъ опытный купецъ, понимающій сразу покупателя, и знающій и курсъ и цѣну товару!

Слуга (въ богатой ливреѣ). Господинъ Розоновъ.

Журавлевъ. Проси!.... Этому что нужно. Вѣрно хочетъ, чтобы я просилъ за него губернатора. Нѣтъ, это дудки!

Розоновъ входитъ и низко кланяется.

Журавлевъ (величественно и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ). Здравствуйте! Что скажете, почтеннѣйшій?

Розоновъ (вкрадчиво, съ пріятною улыбкою и съ робостью). Находясь съ вами въ одномъ городѣ, долгомъ счелъ засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Журавлевъ. А! благодарю! Садитесь!

Розоновъ. Благодарю покорно! (Садится).

Журавлевъ играетъ кистями своего халата. Розоновъ пощипываетъ свою шапку. Молчаніе.

Журавлевъ. Ну, какъ ваши дѣла?

Розоновъ. Ничего, такъ себѣ! Палата меня оправдала по милости вашей, Иванъ Сергѣевичъ. Теперь вотъ вопросъ: если я правъ, такъ на какомъ основаніи губернаторъ не допускаетъ меня до выборовъ? Имѣетъ-ли онъ на это право? Я самъ не хочу баллотироваться, потому что служилъ, служилъ, наконецъ утомился, усталъ, надоѣло! Не допустить до выборовъ! — это согласитесь сами, Иванъ Сергѣевичъ, клеймо позора, въ нѣкоторомъ отношеніи. А какое онъ имѣетъ къ тому основаніе? Судъ меня признаетъ виновнымъ, тогда дѣлай, что хочешь; но когда судъ меня оправдалъ, это незаконно. И что я сдѣлалъ такое? Не угодилъ какимъ-нибудь Головкинымъ, не дѣлалъ по-ихнему, или другому надобно мѣсто исправника, такъ они заднимъ ходомъ пробрались къ губернатору, да натрубили ему въ уши Богъ-знаетъ чего, а тотъ, не разузнавши дѣла, и хватилъ: не допускать до баллотировки.

Журавлевъ. Но вѣдь, сознайтесь, было за вами довольно грѣшковъ.

Розоновъ. Развѣ по ошибкѣ, Иванъ Сергѣевичъ, — но вѣдь я человѣкъ, а не ангелъ. Люди всѣ могутъ ошибаться. А умышленно никогда я не кривилъ душою. Вся эта исторія вышла черезъ Головкина, а вы сами изволите знать, какой это зловредный человѣкъ....

Журавлевъ (дѣлаетъ гримасу). Да, это зараза уѣзда!

Розоновъ. Хуже желтой лихорадки. Онъ меня ненавидитъ за то, что я всегда готовъ угодить вамъ; говоритъ, что я для васъ продаю законъ и совѣсть, представилъ всѣ мои дѣйствія по вашимъ дѣламъ въ ужаснѣйшемъ видѣ.

Но развѣ меня можно за это упрекнуть? Разумѣется, я не стану угождать ему, еще не заслужилъ этого. Вы — дѣло другаго рода. Вы несравненно стоите выше его и по уму, и по образованію, и по положенію въ свѣтѣ. Наконецъ вы — мой благодѣтель. Всѣ мои дѣйствія были, такъ сказать, лептою благодарности, а благодарность есть чувство и принадлежность душъ высокихъ.

Журавлевъ (съ неудовольствіемъ и дидактически). Да, но у меня не было и нѣтъ такихъ дѣлъ, за которыя-бы васъ могла упрекнуть совѣсть. Первый долгъ человѣка — это соблюденіе вѣчной правды, неизмѣняемой справедливости и поддержаніе общественнаго порядка. Я держусь постоянно этихъ принциповъ и постоянно руководствуюсь ими во всемъ.

Розоновъ. Это точно-съ. Я говорю это не къ тому, а собственно хотѣлъ выразить, что все это клевета. Но согласитесь сами, обидно, что какой нибудь Головкинъ, съ своею шайкою, смѣетъ распоряжаться судьбою человѣка, класть на него пятно, — смѣетъ требовать къ себѣ уваженія; и когда не успѣлъ меня привлечь къ себѣ и возстановить на васъ, не успѣлъ заставить меня всѣми мѣрами вредить вамъ и дѣлать непріятности, такъ оклеветалъ и наложилъ такое посрамленіе.

Журавлевъ. Ну, мнѣ вредить какому-нибудь Головкину мудрено.

Розоновъ. Да что вы думаете, Иванъ Сергѣевичъ, — онъ какъ собачонка, какъ дворняшка, готовъ лаять на слона. Конечно, большаго вреда не сдѣлаетъ, а непріятностей кучу. Мало-ли на что меня склоняли! Вотъ новаго исправника выберутъ, тогда изволите увидѣть сами. Всѣ эти Никоновы и тому подобные вамъ кланяются, обѣщаютъ золотыя горы, чтобы попасть на мѣсто, а сами потихоньку сговариваются съ Головкинымъ; всѣ эти кандидаты, тайно или явно, принадлежатъ къ его шайкѣ. Сами же смѣются: пусть,

говорятъ, выберетъ насъ только Иванъ Сергѣевичъ, мы его уважимъ.

Журавлевъ (вспыхнувъ). Это вздоръ! Быть не можетъ.

Розоновъ. Чего же мнѣ лгать, Иванъ Сергѣевичъ! Клянусь вамъ моими дѣтьми, будь я проклятъ, не дойди до дому, чтобъ мнѣ дѣтей моихъ не видать, если это не правда.

Журавлевъ (встаетъ и прохаживается съ досадой по комнатѣ, Розоновъ тоже встаетъ). Не можетъ быть!

Розоновъ. Угодно, я вамъ образъ поцалую, Иванъ Сергѣевичъ? Чего же мнѣ лгать, я служить болѣе не намѣренъ, послѣ всего этого. Для меня кто ни будь исправникомъ — все равно; но цѣня ваши благодѣянія, я долженъ предупредить, что всѣ кандидаты изъ шайки Головкина. Вы сами извольте взять въ соображеніе, что всѣми, не принадлежащими къ вашей партіи, управляетъ Головкинъ. Въ немъ видятъ какого-то молодца, генія, что онъ осмѣлился лаять на васъ, или, какъ онъ говоритъ, бороться съ вами. Они не понимаютъ, что вы по милости своей только не раздавили его, какъ мошку. Наконецъ, если вы выберете человѣка порядочнаго, который и радъ-бы постараться былъ сдѣлать что-нибудь для васъ, да у него не хватитъ умѣнья. Здѣсь нужна опытность, Иванъ Сергѣевичъ! Вотъ, какъ я прослужилъ двѣнадцать лѣтъ, такъ ужъ могу сказать, знаю дѣло: меня не обморочитъ Головкинъ, да и секретарь за носъ не поведетъ.

Журавлевъ. Ну что же, еще на шесть лѣтъ хочешь? (Садится).

Розоновъ (садится тоже). Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, я больше служить не могу и не хочу. Пора отдохнуть.

Журавлевъ. Врешь, вѣдь хочешь. Я по глазамъ вижу; наконецъ, къ чему ты все это несъ, столько чепухи нагородилъ, если не хочешь самъ въ исправники.

Розоновъ. Ей-Богу не хочу, Иванъ Сергѣевичъ. Го-

ворилъ я изъ моего усердія къ вамъ и искренней благодарности.

Журавлевъ. Что-жъ, карманъ, значитъ, набилъ довольно?

Розоновъ. Гдѣ набилъ, Иванъ Сергѣевичъ! Что у меня есть? Только что по міру не пойду.

Журавлевъ. А деревни, а домъ?

Розоновъ. Много-ли тутъ всего-то! Вотъ извольте посмотрѣть, какъ другіе будутъ набивать карманы; въ двѣнадцать-то лѣтъ не столько пріобрѣтутъ. А я что нажилъ? А не хочу служить такъ потому, что надоѣло, потому что видишь однѣ только непріятности.

Журавлевъ. Вѣрно бока болятъ, били много?

Розоновъ. Кого? меня?

Журавлевъ. Да.

Розоновъ. Нѣтъ, не приводилъ Господь дожить до этого!

Журавлевъ. Небось попадало?

Розоновъ. Бить меня не бивали, а доложу вамъ, вотъ гусаръ какой-то, на Угости мерзостей надѣлалъ.

Журавлевъ (улыбаясь). Ну, что же онъ сдѣлалъ?

Розоновъ (довольный, что вызвалъ улыбку на лицѣ своего патрона). Пріѣхалъ разъ я на слѣдствіе въ Угость и остановился на станціи. Послѣ обѣда, знаете, прилегъ отдохнуть за перегородкой. Сплю. Только вдругъ колокольчикъ. Слышу, какой-то проѣзжающій ввалился въ большую комнату, шумъ поднялъ на всю деревню, хоть святыхъ вонъ унеси, кричитъ, ругается. По голосу слышно, что выпивши должно быть. Только смотритель, чтобы, знаете, усмирить его и говоритъ: «тише, не извольте шумѣть! здѣсь капитанъ-исправникъ отдыхаетъ!» Чортъ его за языкъ потянулъ обо мнѣ сказать, каналью! Проѣзжающій и заревѣлъ: «а-а-а! капитанъ-исправникъ! а гдѣ этотъ куроцапъ?»—Здѣсь, за перегородкой! говоритъ смотритель. Идетъ, слышу, ко мнѣ. Я

лежу, притаился, будто сплю. Вошелъ онъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, да и говоритъ: «экая свинья какая! отъѣлся какъ! Тьфу ты, скотина! весь курами набитъ! Треснетъ отъ жиру! Эй ты, куроцапъ!» Я лежу—ни гугу, даже всхрапываю. Что, думаю, отзываться, авось отвяжется. Не тутъ-то было! Принялся онъ на меня плевать. Плюетъ да приговариваетъ: «ахъ ты скотина, свинья! боровъ откормленный! Проснись ты, сало свиное!» Я все молчу. Встать, такъ надобно отстаивать свою честь, пожалуй прибьетъ или, чего добраго, и убить такому сорванцу не долго. Наплевался онъ вдоволь, наконецъ подошелъ поближе и сдѣлалъ такую мерзость, что и сказать совѣстно.

Журавлевъ (заливается — хохочетъ, что очень нравится Розонову). Ну, а вы что? Ха-ха-ха!

Розоновъ. Я лежу. Что-жъ тутъ съ нимъ дѣлать, не стрѣляться же! Хотѣлъ я позвать сотскихъ, да думаю, только пошевельнусь, такъ искалѣчитъ. И знаете, не хорошо было явиться въ мокромъ видѣ. Къ счастію, тутъ сказали ему, что лошади готовы. — «Ну прощай, говоритъ, скотина, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться!» Сѣлъ и уѣхалъ. Посмотрѣлъ я въ книгу: какой-то гусарскій корнетъ проѣхалъ въ домовой отпускъ, а нашумѣлъ хоть-бы генералу....

Журавлевъ. Ну, а Паисовъ какъ побилъ?

Розоновъ. Это ужъ напрасно, Иванъ Сергѣевичъ: точно, онъ на базарѣ разъ меня кнутомъ перепоясалъ, да и только; ну и я его тоже.

Журавлевъ. А говорятъ, что онъ вскочилъ къ тебѣ въ коляску да задалъ такую вытрепку, что чудо. А потомъ, когда онъ тебя отпустилъ и хотѣлъ соскочить изъ коляски, ты вырвалъ у кучера кнутъ да и ударилъ его, а онъ кнутъ отнялъ и выколотилъ изъ тебя пыль отличнѣйшимъ образомъ.

Розоновъ. Напрасно, Иванъ Сергѣевичъ. Конечно, я неповоротливъ такъ, какъ онъ. Такъ въ немъ чуть душа держится.

Журавлевъ. За что это онъ тебя?

Розоновъ. Все по вашему дѣлу, Иванъ Сергѣевичъ. На его мужика пало подозрѣніе, что онъ съ вашего завода сахаръ крадетъ. Трофимъ вашъ какъ написалъ, я сейчасъ и налетѣлъ, да ничего не нашелъ, а мужика все-таки отпоролъ для страха; за это у насъ и началась ссора... Вотъ посмотримъ, кто для васъ такъ будетъ стараться, какъ я.

Журавлевъ. Да, а Порожневу продалъ меня....

Розоновъ (съ чувствомъ обиженнаго достоинства). Продалъ! Помилуйте, Иванъ Сергѣевичъ, какъ же я могу васъ продать? что я за подлецъ такой! Тварь безчувственная, что-ли? И наконецъ, что мнѣ Порожневъ, — тьфу сущее! Что онъ? Сегодня до него коснулось дѣло, такъ онъ, пожалуй, радъ золотыя горы сулить, а завтра ищи его; а вы всегда съ нами. Вы — дворянинъ, украшеніе нашего уѣзда, а онъ что? — дрянь! Нельзя было ничего сдѣлать; тогда вашъ Трофимъ ошибку сначала сдѣлалъ, а потомъ Головкинъ такъ глаза уставилъ и уши навострилъ, что ужасъ. Нельзя было никакъ отвертѣться.

Журавлевъ. Ужъ этотъ мнѣ Головкинъ!

Розоновъ. Смотрите, что теперь будетъ, когда исправника выберутъ изъ его шайки!

Журавлевъ. Ну, Никоновъ благородный человѣкъ.

Розоновъ. Онъ на это мѣсто не годится. Онъ, я вамъ доложу, будетъ все исполнять по мертвой буквѣ закона.

Журавлевъ. Да и важенъ слишкомъ для этого мѣста. Такъ Головкинъ хотѣлъ, чтобы я поддержалъ кого-нибудь изъ его партіи — и потомъ осмѣять, одурачить меня?

Розоновъ. Клянусь вамъ, Иванъ Сергѣевичъ.

Журавлевъ. Ну, ты — хочешь быть исправникомъ?

Розоновъ. Нѣтъ-съ, Иванъ Сергѣевичъ....

Журавлевъ. Полно врать! Говори безъ притворства, а то не велю выбирать. Да впрочемъ, тебѣ вѣдь губернаторъ запретилъ баллотироваться.

Розоновъ. Это я надѣюсь уладить.

Журавлевъ. Только я уже просить не буду. Мы съ нимъ не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы я могъ его просить.

Розоновъ. Я самъ улажу это дѣло. Такъ и быть, чтобы услужить вамъ, еще лѣтъ шесть промаюсь.

Журавлевъ. Для меня?

Розоновъ. Ей-богу, собственно изъ желанія услужить вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, чтобы уничтожить вашихъ враговъ и не дать имъ торжествовать.

Журавлевъ. Теперь ты такъ говоришь, а тамъ Головкину угождать будешь

Розоновъ. Нѣтъ, не дожить ему до этой чести, чтобъ я ему поклонился. Онъ врагъ вамъ, а потому и мой: ваши враги и мнѣ враги, Иванъ Сергѣевичъ. А вотъ увидите, какъ я скручу Головкина, какъ буду исправникомъ. Я его доѣду!

Журавлевъ. Да, теперь-то все обѣщаешь, а выберутъ, такъ другое запоешь.

Розоновъ. Вотъ вамъ Богъ, клянусь вамъ Создателемъ, чтобъ мнѣ дѣтей не видать, будь я проклятъ отнынѣ и довѣка, если только что-нибудь подумаю, не только сдѣлаю не по вашему. Чтобъ провалиться мнѣ сквозь землю! Слуга буду просто за благодѣянія ваши! Вѣдь я не камень, Иванъ Сергѣевичъ!

Журавлевъ. Велю тебя баллотировать и поддержу и въ губернскомъ правленіи и въ Петербургѣ, только смотри, у меня держи ухо востро, не то подъ судъ упеку.

Розоновъ. Покорно васъ благодарю. (Бросается цаловать руки, Журавлевъ не даетъ. Розоновъ цалуетъ полу его халата). Увидите сами, какъ я заслужу.

Журавлевъ. Отъ Трофима получать будешь шестьсотъ рублей по-прежнему, за особыя дѣла—особый разсчетъ. Только смотри, чтобы Порожневыхъ не было.

Розоновъ (въ припадкѣ восторга). Повѣрьте ужъ... Уви-

дите! Не знаю, какъ и благодарить васъ! Ну, да на дѣлѣ увидите.

Журавлевъ. Заѣзжай ко мнѣ послѣ завтра передъ выборами.

Розоновъ. Слушаю.

Журавлевъ. Ну, прощайте!

Розоновъ. Награди васъ Господь Богъ, за ваши благодѣянія. (Уходитъ).

Журавлевъ. Негодяй... А другаго такого исправника не найдешь. Во-первыхъ, Головкинъ его терпѣть не можетъ. Они враги и не покумятся; во-вторыхъ, онъ совершенно какъ слуга мнѣ. Я имъ могу располагать какъ крѣпостнымъ, онъ въ моихъ рукахъ. Онъ знаетъ, что я его могу въ бараній рогъ согнуть, если онъ что-нибудь сдѣлаетъ не по моему.

СЦЕНА V.

Общая зала въ трактирѣ, довольно грязная, довольно закопченная; нѣсколько отдѣльныхъ столиковъ съ грязными судками, съ уксусомъ, горчицею и проч. На потолкѣ виситъ люстра старинной формы и ваза, покрытая пылью. У одной стѣны машина. Зала наполнена помѣщиками. Кто обѣдаетъ, кто пьетъ, кто куритъ. Половые бѣгаютъ. Машина заливается русскими пѣснями, въ особенности мятелицею и комаринскою.

Молодой человѣкъ въ очкахъ (со стаканомъ вина въ рукахъ). Да, это правда, предводитель лицо важное! его надобно выбирать, подумавши.

Нѣсколько голосовъ. Эхъ, Андреянъ Сергѣевичъ! Надобно же ему было умереть! Вотъ былъ предводитель такъ предводитель!

Переученый (молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ университетѣ, и по мнѣнію сосѣдей переучившійся такъ, что завирается. Онъ склоненъ къ отрицанію всего существующаго въ уѣздномъ мірѣ). Что же онъ сдѣлалъ?

Н ѣ с к о л ь к о г о л о с о в ъ. Хлѣбосолъ былъ, добрякъ! Обѣды дѣлалъ такіе, что прелесть просто! Любилъ поѣсть!

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА:

— Нѣтъ-съ, я вамъ скажу, любилъ угостить!

— Что дѣлалъ? кормилъ насъ превосходно!

— А доброта-то какая! вѣжливость!

М о л о д о й ч е л о в ѣ к ъ в ъ о ч к а х ъ. Это вещь важная. Вотъ я вамъ скажу случай со мною. Когда я принялъ въ управленіе имѣніе свое, я любилъ уже черезчуръ, знаете, того... кутнуть. Ну-съ, Розоновы и тому подобные крикъ подняли, что я промотаю все. Вотъ кто-то надоумилъ Андреяна Сергѣевича,—вѣдь глупъ былъ покойникъ, — что онъ, дескать, предводитель, и долженъ остановить меня. Хорошо. Присылаетъ онъ ко мнѣ приглашеніе. Я пріѣзжаю, а дѣло, надобно вамъ сказать, было зимою. Онъ встрѣчаетъ меня,—ужъ знаете, какъ всегда встрѣчалъ Андреянъ Сергѣевичъ! Душа человѣкъ! Наконецъ, поговоривши о томъ о другомъ, вѣдь онъ не хуже Розоновой любилъ посплетничать,—переминается этакъ и говоритъ: вы, говоритъ, молодой человѣкъ, позвольте мнѣ, старику, вамъ посовѣтовать... вы, говорятъ, того... то есть... водку пьете?... Я говорю: какъ же, пью, Андреянъ Сергѣевичъ, пью! Покорно благодарю, не откажусь, холодно! Я прозябъ и съ удовольствіемъ выпью! — Тотъ дѣлать нечего — позвонилъ, велѣлъ подать водки, я выпилъ рюмку, заставилъ и его выпить, и попросилъ графинчикъ поставить возлѣ меня на столикъ. Ну-съ, вижу, опять Андреянъ Сергѣевичъ жмется, точно животъ у него разболѣлся. Вы, говорятъ, началъ онъ опять, въ карточки любите поиграть?... Съ большимъ удовольствіемъ, говорю я, съиграемте, съиграемте. Я люблю перебросить картишки. Да и дѣлать-то больше нечего: такъ сидѣть скучно!— Покойникъ растерялся и не опомнился, какъ очутился за

столомъ и заложилъ мнѣ банкъ. Я взялъ съ него семьсотъ рублей, пообѣдалъ, выпилъ и уѣхалъ.

Общій смѣхъ и восклицанія: «браво! отлично! великолѣпно!»

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Вотъ не забылъ же человѣкъ долга гостепріимства. Другой-бы вѣдь надѣлалъ пожалуй непріятностей; а этотъ сейчасъ понялъ, что взялся не за свое дѣло. А каково хлѣбосольство-то, вѣдь онъ никогда въ карты не игралъ, а тутъ сѣлъ.

ГОЛОСА.

— Превосходный, чудный человѣкъ!
— Прекрасная душа!
— Гостепріимство какое!
— Кто у насъ его замѣнитъ!

Переученый. Вѣдь сами же сознаетесь, что онъ былъ глупъ.

ГОЛОСА.

— Такъ что же?
— Недалекъ!
— Просто глупъ!
— Развѣ предводителю нуженъ умъ?
— Развѣ по уму предводителя выбираютъ?
— Зачѣмъ намъ умъ?

Переученый. Какъ же предводитель дуракъ?

Пожилой господинъ съ бородавкой (съ жаромъ). И прекрасно! Батинька, развѣ вы не знаете, что отъ предводителя требуется, во-первыхъ, хорошій столъ, чтобы онъ кормилъ хорошо и почаще давалъ обѣды, и для этого — второе: чтобы онъ имѣлъ состояніе, потому что безъ состоянія невозможно кормить хорошо. Ну, такъ здѣсь ума не надобно.

Переученый. Но какъ же дѣла?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Какія дѣла? Развѣ предводитель станетъ корпѣть надъ бумагами, какъ приказный, что̀ это вы? Что нужно и письмоводитель сдѣлаетъ; экая какая фигура—бумаги! дѣла! Да чортъ ихъ побралъ-бы!

Переученый. Да вѣдь вы сами отъ этого терпите. Вы жалуетесь на неправосудіе, зачѣмъ же вы выбираете такихъ лицъ въ судьи и предводители, которыя васъ не хотятъ и не могутъ защитить, а напротивъ, еще терзаютъ васъ. Это все равно, что набрать змѣй, обвить ими все тѣло и потомъ жаловаться, что онѣ жалятъ!

ГОЛОСА.

— Это фразы!
— Экъ куда хватили!
— Это вы начитались въ книгахъ, а на дѣлѣ не такъ!
— Тутъ не философія, а практика!
— Не нами началось!
— Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ!
— Эй, малый! бутылку портвейну.
— Бери, ты, тетеря, да давай, что тамъ еще!
— Бутылку шампанейки!

Господинъ красивой наружности. Развѣ мы выбираемъ? Выбираютъ богатые, Журавлевы, а мы здѣсь для баласту,—ничего не значимъ. Отъ этого и выбираютъ извѣстныхъ негодяевъ, потомъ отъ нихъ и плачь. Они во всемъ угождаютъ богачамъ, а насъ давятъ.

ГОЛОСА.

— Кого же намъ выбрать въ предводители?
— Кого же въ самомъ дѣлѣ?

Одинъ голосъ. Лапина.

ГОЛОСА.

— Вотъ нашли!

— Скупердяй!

— Подавился отъ скупости надъ деньгами.

— Хлѣбъ одинъ жретъ.

— Да у него и повара-то нѣтъ!

Другой голосъ. Сомова!

ГОЛОСА.

— Что въ немъ?

— Триста душъ,—какой это предводитель!

— Да и мудренъ больно, все говоритъ объ ученыхъ предметахъ.

— Тоже столъ плохонекъ.

— Да и не знатенъ, живетъ себѣ въ глуши, какъ таракань за печкою.

— Зачитался!

— Переучился! Ха, ха, ха!

— Порцію бифштекса!

— Водки!

— Трубку!

— Огня!

— Эй, малый, катай мятелицу.

Голосъ. Генерала Власьева!

ГОЛОСА.

— Вотъ это такъ!

— Вотъ хлѣбосолъ, вотъ истинно русская душа!

— Ангелъ, а не человѣкъ!

— Вотъ онъ можетъ быть представителемъ нашего дворянства!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Позвольте, господа, позвольте! Его выбрать — съ нашей стороны будетъ

глупость. Позвольте, я сейчасъ объяснюсь. Дѣло въ томъ, что мы и безъ того пьемъ и ѣдимъ у него когда хотимъ, — такъ что за находка если онъ будетъ предводителемъ? Журавлеву врядъ-ли понравится этотъ выборъ. Надобно выбрать кого-нибудь другаго, чтобъ можно было поѣсть и тамъ, и у Власьева.

ГОЛОСА.

— Правда!
— Дѣльно!
— Умно!
— Но кого же выбрать?
— Мулова!

Назарьевъ. Его Иванъ Сергѣевичъ не захочетъ.

ГОЛОСА.

— Хитеръ.
— Іезуитъ!
— Бѣденъ и скупъ!
— Жена всегда растрепана и въ ситцевомъ платьѣ.
— Ну кого же? И выходитъ, что некого!

Назарьевъ. А Козелкова!

ГОЛОСА.

— Ба! въ самомъ дѣлѣ!
— Богатъ и будетъ кормить хорошо.
— Прекрасно! Лучше и искать нечего.
— Это будетъ такой предводитель, что ай, разлюли, малина!
— Прелесть!
— Вѣдь онъ не хуже покойнаго Андреяна Сергѣевича будетъ!
— Нѣтъ-съ, почище!

— Пожалуй, что лучше.

— Эй, малый! пусти-ка «Лучинушку!»

— Нѣтъ, лучше какой-нибудь тамъ маршъ побѣдный!

— Трубку!

— Кофею!

— Браво, вотъ такъ предводитель!

— Ну что вы пропали всѣ, никакъ васъ не дозовешься! два часа битыхъ я не могу себѣ допроситься вина!

— Огня! Экая скотина!

— Что это за гадость мнѣ подали? Пошелъ перемѣни.

— Да, предводитель рѣдкій.

Назарьевъ. Его Иванъ Сергѣевичъ очень любитъ. Онъ черезъ Ивана Сергѣевича можетъ все сдѣлать.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Онъ человѣкъ-то съ вліяніемъ, только глупъ, глупъ непроходимо, въ головѣ — шаль, ошалѣла Магдалина, да и по наружности страховня и гробовня! А ничего, предводитель будетъ отличный!

Переученый. Вы говорите, что онъ глупъ?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Какъ сто свиней!

Всѣ. Ха, ха, ха!

Переученый. Какой же онъ будетъ предводитель?

Нѣсколько голосовъ. Кого-жъ по вашему?

Переученый. Ну хоть Головкина.

Всѣ (съ ужасомъ). А Иванъ Сергѣевичъ-то что̀ скажетъ?

Переученый. А что вамъ до него? Вѣдь для васъ нуженъ предводитель, для вашихъ нуждъ, — ну и выбирайте для себя.

ГОЛОСА.

— Идти противъ Ивана Сергѣевича!

— Вы просто съума сошли!

Это ужъ изъ рукъ вонъ!

Переученый. Козелковъ хорошъ предводитель! Представитель всего дворянства!

Пожилой господинъ съ бородавкою (съ жаромъ). Потягайтесь-ко съ нимъ подите! Онъ васъ съ вашею физикою, да астрономіею туда запрячетъ, что у-у! Вотъ и глупъ, а вы умны, учены, а ничего не сдѣлаете съ нимъ. За него вонъ Журавлевъ, а въ Петербургѣ знакомая танцовщица на содержаніи у одного графа и дѣлаетъ изъ него, что хочетъ. Козелковъ слово ей, она графу — такъ вашего не останется и праху!

ГОЛОСА.

— Ха, ха, ха! Славно!
— Ха, ха, ха! Браво!
— Да что тутъ толковать — Козелкова!
— Предложить ему!

Назарьевъ. Господа! прежде предложить надобно Ивану Сергѣевичу, онъ откажется — тогда Козелкова. Знаете, честь сдѣлать надобно.

ГОЛОСА.

— Отлично!
— Поднести ему шары на рукахъ.
— Дѣло рѣшено!
— Что-же ты маршъ, эй, тетеря, зафилософствовался!

Машина играетъ маршъ, помѣщики чокаются, пьютъ, шумятъ и курятъ. Въ этомъ хаосѣ невозможно ничего разобрать. Все общество раздѣлилось на отдѣльныя группы, Группа 1-я: Назарьевъ и три толстыхъ господина.

Назарьевъ (тихо, съ таинственнымъ видомъ). Вотъ удрать штуку: упросить Сомова баллотироваться въ предводители, да и пустить черняками; знаете, чтобы посбить спѣси-то, а то вишь онъ ученый, а мы неучи!

Толстый господинъ съ сапомъ. Это будетъ въ-самомъ-дѣлѣ мастерская штука. Это надобно устроить.

Два другіе. Мы объ этомъ похлопочемъ.

Толстый господинъ съ сапомъ. Отличная штука! Пусть-ка тогда отпуститъ свою ученую насмѣшку. Одурачить его! Вотъ воображаю, будетъ важничать-то, когда ему предложатъ баллотироваться въ предводители; носъ задеретъ, а тутъ его черняками, черняками!

Назарьевъ. Безъ прогоновъ прокатимъ на вороныхъ, такъ что небо съ овчинку покажется!

Толстый господинъ съ сапомъ. Иванъ Сергѣевичъ, я думаю, будетъ очень доволенъ,—вѣдь онъ его не любитъ.

Назарьевъ. Еще-бы! Что такое Сомовъ?—дрянь, и никогда не хочетъ поклониться Ивану Сергѣевичу, покориться. А какъ хотите, господа, такихъ настоящихъ вельможъ какъ Журавлевъ—не много. Вельможа, настоящій вельможа! Вѣдь шутка-ли, около милліона серебромъ получаетъ доходу въ годъ; въ Петербургѣ всѣ министры, графы и князья—друзья съ нимъ, онъ съ ними за панибрата! А и насъ не отвергаетъ, бѣдныхъ дворянъ.... Ну, что я передъ нимъ такое? А онъ и со мною говоритъ, допускаетъ меня къ себѣ, я осмѣливаюсь бывать у него. Право, какъ подумаешь, кто онъ, и кто я,—такъ на сердцѣ, знаете, сдѣлается какъ-то того... (Дѣлаетъ движеніе рукою). Самъ даже въ своихъ глазахъ увеличиваешься, ростешь, умножаешься!

Толстый господинъ съ сапомъ. Это совершенно справедливо. А какія онъ дѣлаетъ геніальныя вещи! Вѣдь онъ просто геній, Маркъ Игнатьевичъ!

Назарьевъ. Геній, Иванъ Петровичъ! Я никогда не забуду, какъ горѣлъ его теткинскій заводъ. Пріѣзжаетъ онъ на пожаръ. Пламя такъ океаномъ и разливается, пламя такъ и пожираетъ бурно все—и заводъ, и произведенія художества. Другой-бы растерялся, не зналъ что дѣлать, впалъ-бы въ уныніе. А онъ окинулъ все своимъ взглядомъ, велѣлъ собирать изъ ближайшихъ деревень плотниковъ и возить лѣсъ. Пожаръ свирѣпствуетъ, а тутъ уже возятъ лѣсъ для

постройки новаго завода! Только успѣли растащить старый обгорѣлый заводъ, какъ заложилъ уже новый на горячей золѣ, чуть не на пылающихъ угляхъ. Геній!

Одинъ изъ помѣщиковъ. Ему можно такъ дѣйствовать, когда лѣсу строеваго всегда наготовѣ пропасть, рукъ не нанимать—слишкомъ двадцать тысячъ душъ и милліонъ рублей годоваго дохода. Чего тутъ унывать! Я бы самъ не унылъ. А вотъ пусть-ка у него загорится послѣдній домишка, да построить не на что и некѣмъ, вотъ тогда поневолѣ уныніе найдетъ.

Назарьевъ. Нѣтъ, вы бы такъ не распорядились—дай вамъ вдесятеро больше.

Тотъ же помѣщикъ. Дѣло естественное: чѣмъ скорѣе отстроишь заводъ, тѣмъ скорѣе доходъ съ него опять получишь: тутъ каждая минута дорога, тысячи приноситъ.

Назарьевъ. Все это хорошо на словахъ, а на дѣлѣ вы бы такъ не распорядились. Теперь, это вы скажете не геніальность: сидитъ онъ за столомъ, не кончилъ обѣда, вдругъ онъ встаетъ: лошадей!—Лошади у него всегда готовы, у жены всегда день и ночь уложены особенныя вещи для дороги въ чемоданахъ, тамъ гардеробъ и прочее. Едва успѣетъ жена его надѣть шляпку, какъ они уже летятъ въ Петербургъ, въ Парижъ, а черезъ двѣ недѣли они уже опять дома, въ деревнѣ.

Тотъ же помѣщикъ. Вотъ это, я согласенъ, геніальность....

Назарьевъ. Нѣтъ-съ, далеко намъ до него. Милліонъ дохода—и принимаетъ насъ и говоритъ съ нами. Дайте мнѣ милліонъ, да я бы, кажется, не взглянулъ-бы ни на кого!

Толстый господинъ съ сапомъ. Ну, время и домой.

Назарьевъ. Что дѣлать дома-то! Не метнемъ-ли банчишку, а то вы вѣдь меня какъ липку обобрали.

Толстый господинъ съ сапомъ. Сперва коммерческую.

Назарьевъ. Пулечку? Ну, ладно. Экая проклятая восьмерка, до-сихъ-поръ забыть не могу!

Другая группа: Молодой человѣкъ въ очкахъ, полупьянъ. Пожилой господинъ съ бородавкою. Помѣщикъ Пестриковъ, кушающій съ нечеловѣческимъ аппетитомъ и съ большою жадностью; и два высокихъ, худыхъ брата Мартыновичи, извѣстные подъ именемъ «мартышекъ».

Пожилой господинъ съ бородавкою. Наконецъ отъискали предводителя!... Эка бѣдной какой уѣздъ подумаешь, некого и выбрать.

Пестриковъ (отрывисто). Будетъ кормить!... Поѣдимъ! (Жуетъ такъ, что за ушами трещитъ).

Пожилой господинъ съ бородавкою. Авліяніе-то, вліяніе, вы упускаете изъ виду!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Гдѣ это онъ познакомился съ этою танцовщицею?

Пожилой господинъ съ бородавкою. Да, вотъ толкуйте, что глупъ, а онъ глупъ-то глупъ, а себѣ на умѣ,— отмочитъ такую исторію, выкинетъ такую штукенцію, что и умному любо дорого выдумать! Поѣхалъ онъ въ Питеръ, знаете, кутнуть: должно быть тамъ дураковъ не видали. Ну нашелъ тамъ знакомаго, сына Дудковскаго предводителя, онъ тамъ въ лейбъ-гусарахъ служитъ; ну, они тамъ вмѣстѣ кутили, ѣздили это вездѣ. Какъ-то они повстрѣчали эту танцовщицу, тотъ ей представилъ Козелкова. Танцовщица умирала-смѣялась, говоря съ нимъ, а вѣроятнѣе всего надъ нимъ, потому что онъ какъ только разинетъ ротъ, такъ и совретъ страшнѣйшую глупость; — такихъ болвановъ, я думаю, въ Петербургѣ съ основанія его не бывало. Только Козелковъ разсказываетъ съ восторгомъ, что онъ имѣлъ честь говорить съ этой танцовщицею, которая привыкла быть въ избранномъ обществѣ аристократіи, такъ что у ней

бываютъ только графы съ князьями, да министры. И пресмѣшно разсказываетъ,—вѣдь вы знаете, какъ онъ шепелявитъ и плюется, когда говоритъ. — Малый, трубку!—Ну-съ, на другой день Козелковъ не будь простъ, ни съ того, ни съ сего, хлопъ ей подарокъ въ полторы тысячи! А? каково?—вотъ вамъ и глупъ!

Пестриковъ. Молодецъ!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Еще-бы не молодецъ! Вотъ и познакомился, и имѣетъ сильную руку....

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Что же онъ за нею—волочился?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Ну ужъ и волочился! Его-ли рылу волочиться, да еще за графскими.... Онъ вонъ у своей Матрешки цѣлый годъ благосклонности искалъ, снисхожденія просилъ: беретъ, шельма, подарки—и ни съ мѣста, только смѣется надъ нимъ; такъ ужъ онъ ее на конюшнѣ отпоролъ, такъ добился. Оказалось, что кучеръ Михѣйка его опередилъ. Онъ тогда и Михѣйку въ солдаты сдалъ. А то за графскими!.... Нѣтъ, батюшка, намъ туда нечего соваться, — а и то честь, когда позволятъ познакомиться, зайти, поклониться! — и то дѣлаетъ много. Вотъ просто на улицѣ встрѣтилъ да поклонился, такъ на тебя иначе глядятъ, сейчасъ увидишь къ себѣ почтеніе. Нашему брату, деревенщинѣ, въ передней постоять у такой особы—и то честь; а то еще волочиться! Да обратитъ-ли она вниманіе, и какъ смѣть передъ графомъ!.... Нѣтъ-съ, это несообразное дѣло. Вотъ онъ былъ вѣжливъ, почтителенъ и имѣетъ сильную руку.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А она имѣетъ большой вѣсъ?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Что̀ скажетъ графу, то и свято. А графъ и самъ по себѣ лицо важное, и имѣетъ, разумѣется, и связи, и знакомства.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Чортъ возьми!

Мартышка № 1. Да, счастливецъ Козелковъ! Подумайте, какое знакомство!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Я бы не то сдѣлалъ! Я бы приволокнулся за нею такъ, что чертямъ сталобы тошно!

Мартышка № 2. За графской-то!

Мартышка № 1. А графъ бы что сказалъ? Что-бы онъ съ вами сдѣлалъ? Нѣтъ-съ!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Да и она на васъ не обратила-бы вниманія.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ну, это я бы увидѣлъ! Я ужъ на что, на что, а на это мастеръ! Какой хотите женщинѣ голову вскружу, такъ что она будетъ безъ ума просто! Ужъ это наше дѣло! На томъ стоимъ, что пьемъ да ѣдимъ.

Пожилой господинъ съ бородавкой. Ну, ужъ тутъ ничего-бы не сдѣлали, — разумѣется, и она не безъ грѣха: ужъ танцовщица, извѣстно!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ага! Ну вотъ видите-ли! Надобно только найтись, знать, съ какой стороны подъѣхать, — словомъ, умѣть взяться за дѣло. У меня не одна такая была!

Мартышка № 1. Счастливецъ вы!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Только это не та: графъ на ней хочетъ жениться.

ВЪ ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Мартышка № 1. На танцовщицѣ!

Мартышка № 2. На актрисѣ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. На содержанкѣ!

Нестриковъ. Срамъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Это уже не при-

стало совершенно графу, — фи! Я бы отъ него отвернулся, а ей-бы надѣлалъ дерзостей.

Мартышка № 1. И этакая дрянь будетъ графинею, вотъ счастье-то! Не лучше-ли ему осчастливить какую-нибудь бѣдную дворянку!

Мартышка № 2. Это низость, просто!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нарочно поѣду въ Петербургъ, чтобы только надѣлать ей дерзостей! Терпѣть не могу, когда люди забываются и садятся не въ свои сани. Неужели-же ее будутъ принимать гдѣ-нибудь? Кто ее захочетъ знать тогда?

Пестриковъ. Теперь же кланяются, уважаютъ ее?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Теперь дѣло другое! Но жениться такъ графу,—фи! совершенно не идетъ. Да если-бы мой сынъ женился не на равной себѣ, не на дворянкѣ; я бы его проклялъ!—А то графу и на актрисѣ! Вѣдь согласитесь только съ тѣмъ, что всякій, кто только является на судъ публики, уже публичный человѣкъ, ждетъ одобренія, нуждается въ похвалахъ. Всякій о немъ можетъ судить и рядить, хвалить и осуждать. Всѣ эти актеры, актрисы, писатели, сочинители — люди болѣе или менѣе публичные! Съ ними, кто говоритъ, можно быть знакомымъ, поощрять ихъ таланты, такъ какъ они обязаны забавлять насъ, занимать; но вступать въ союзъ, родниться!— воля ваша, не слѣдуетъ. Очень весело имѣть родныхъ гаеровъ, которымъ хлопаютъ и свищутъ, которые только и живутъ, чтобы потѣшать публику. Онъ публичный человѣкъ и живетъ ужъ не для себя, а для другихъ, чтобъ другимъ было весело. Онъ долженъ стараться потѣшать насъ отъ-нечего-дѣлать. Это, такъ сказать, игрушки для взрослыхъ.

Мартышка № 1-й. Совершенно справедливо-съ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Это такъ-съ! Но я люблю этотъ кругъ, чортъ возьми, артистическій, свободный. Знаете, тамъ душа на распашку и жизнь какъ-то со-

вершенно другая, прелесть просто: веселье, любовь, вино, женщины! Эхъ, чортъ возьми! вспомнишь, такъ сердце вотъ такъ—тукъ-тукъ-тукъ и заколотитъ. Да, я таки-видѣлъ на своемъ вѣку!... А вотъ я вамъ скажу, какъ я разъ отбилъ у одного старика жену, вотъ подъ носомъ у него подтибрилъ. А онъ, не забудьте, генералъ... Малый, водки!

Мартышка № 2. Что же онъ съ вами сдѣлалъ?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ровно ничего, онъ еще былъ другомъ моимъ. Да, мы таки-покутили, пошалили, на своемъ вѣку! Постойте, постойте о чемъ пари? (подбѣгаетъ, шатаясь, къ двумъ помѣщикамъ, которые размахиваютъ руками и спорятъ).

Нѣкоторые разошлись. Оставшіеся большею частію навеселѣ. Два помѣщика въ одномъ углу залы сидятъ почти совершенно пьяные.

Помѣщикъ, потолще. Нѣтъ, нѣтъ, Порфирій Севастьянычъ!... вы только подумайте, что намъ предстоитъ!... Вы подумайте!... Вѣдь мы грѣшники? А? грѣшники?

Помѣщикъ, потоньше. Какъ же, какъ же, Кузьма Демьянычъ!... Извѣстное дѣло, я вотъ старосту посѣкъ, каналью...

Помѣщикъ, потолще. Да не въ томъ дѣло.... Выпьемъ-ка! (Пьютъ). Что староста,—тьфу!... А вотъ мы—грѣшники.... Такъ что-ли я говорю? Отвѣчай, чортъ!

Помѣщикъ, потоньше. Такъ, такъ, Кузьма Демьянычъ!

Помѣщикъ, потолще. Намъ предстоитъ геенна огненная!... Понимаешь ты?... Идѣ же огнь неугасимый!... мученія вѣчныя, такъ, что-ли? Да говори, сатана,—а то вотъ графиномъ пущу... Я хочу, чтобъ слушали, когда я говорю... Я за это жену отмолотилъ!... Пей... Ну такъ геенна огненная? (Пьютъ).

Помѣщикъ, потоньше. Геенна... Кузьма Демьянычъ!

Помѣщикъ, потолще (со слезами). Вотъ что меня сокрушаетъ. Я часто плачу о грѣхахъ своихъ... И ты пла-

чешь?.. Плачь о грѣхахъ... а не то, скотина, графиномъ рожу расшибу!.. Я терпѣть этого не могу... Плакать, такъ плакать!... (Бьетъ себя въ грудь). Грѣшники мы... окаянные!.. адъ... подумай, вѣдь адъ... каналья ты этакой... адъ, а ты и въ усъ не дуешь!... Слышь ты, Порфирій!.. вѣдь ты въ адъ, негодяй, лѣзешь!.. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!... Читай акаѳистъ Богородицѣ... слышь, станемъ молиться и плакать!... (Рыдаетъ).

Группа посрединѣ залы. Мало-по-малу всѣ собираются сюда. Въ срединѣ группы Шестовъ, высокій черный мужчина, довольно красивой наружности, и Костылевъ, рябой, маленькій человѣкъ, похожій на гада. Оба въ подпитіи.

Шестовъ. Ей Богу, вѣдь я тебя, ей Богу, подлеца люблю!.. А за что?.. за то, что у тебя откровенная душа, послѣдняя копѣйка ребромъ. Ты нескрытенъ!

Костылевъ. Нѣтъ, зачѣмъ быть скрытнымъ...

Шестовъ. Слушай! Я говорю, ты нескрытенъ... всегда готовъ угостить, какъ нельзя больше. Чокнемся! (Чокаются и пьютъ). Послѣдній грошъ пропьешь... Вотъ это я люблю!... Кутнуть въ компаніи ты очарователенъ!... Книгъ не купишь..

Костылевъ. Не куплю!

Шестовъ. И я говорю, дряни этой не купишь, на вздоръ денегъ не бросишь, а пропьешь какъ слѣдуетъ съ пріятелемъ!.. За то я тебя люблю... Угостить умѣешь... всегда, когда ночуешь у тебя, раздѣвать приходить хорошенькая дѣвочка. — Честь тебѣ дѣлаетъ твое хлѣбосольство... Самъ ни одной женщинѣ спуску не даешь во всей деревнѣ... Вотъ я тебя за что люблю! Дай поцалую, подлецъ! (Тянется поцаловать его и опрокидываетъ столъ). Ничего! колоти все! Для друга можно! (Машина играетъ комаринскую).

Шестовъ. Вотъ люблю!... вотъ лихо! (Поетъ). «Ахъ собачій сынъ, комаринскій мужикъ!» (Пускается въ присядку). Ану, братцы, жеганемъ трепака!.. Эхъ, жаль, что не деревня!... Бабъ нѣтъ, а то откололъ-бы!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Я сейчасъ актрисъ привезу! Мерзлякова лихо трепака откалываетъ.

Всѣ. Везите, везите!

Шестовъ. Эхъ, ходи браво! (Свищетъ).

Костылевъ. Ходи браво! (Пускается трепака, подбоченясь. Онъ выдѣлываетъ колѣнца передъ Шестовымъ; тотъ, подбоченясь, подергиваетъ плечами и потопываетъ ногой).

Всѣ. Браво! браво! лихо! (Затягиваютъ хоромъ). «Ахъ собачій сынъ, комаринскій мужикъ!»

Помѣщикъ, потолще. Я тебѣ говорилъ... Порфирій!.. въ адъ, подлецъ, лѣзешь... Плачь!.. Не хотѣлъ меня слушать! Вотъ тебѣ!.. (Пускаетъ въ него бутылкой; бутылка падаетъ на полъ, за нею валится онъ самъ.) Геенна!... адъ!..

Переученый (*). Жалѣть-ли ихъ, иль презирать? Вотъ русское дворянство! Вотъ образчики ихъ мнѣній и понятій! Что же это? Невѣжество-ли, необразованье такъ исковеркало ихъ понятія, изуродовало мысли, опошлило, унизило,— или, страшно и подумать, въ нихъ заснуло, умерло на вѣки чувство чести и долга, сознаніе человѣческаго достоинства, потребностей? Разсудокъ ихъ оставилъ, онъ затемненъ виномъ и обжорствомъ. Въ сужденіяхъ, въ поступкахъ — во всемъ низость! Поклоны, лесть предъ всякимъ генераломъ, предъ богачемъ, имъ почетъ и уваженье. Они скажутъ какую-нибудь глупость, ихъ слова разносятъ и повторяютъ какъ-Богъ-вѣсть какую мудрость, и въ тоже время готовы смотрѣть съ презрѣніемъ на міровой талантъ, на генія искусства, если только у него не крупный чинъ и не полные карманы! Честность, благородство, имъ, — это все лишній грузъ для нихъ, не стоящій ни гроша! Ну вотъ пріѣхали на выборы, вѣдь знаютъ другъ друга отлично, могли-бы выбрать людей достойныхъ: чтобъ правосудіе было въ присут-

---

(*) Онъ говоритъ всегда нѣсколько книжно.

ственныхъ мѣстахъ, чтобъ это были дѣйствительно храмы закона, а не рынки, на которыхъ продается совѣсть, законъ, ближній, — гдѣ чуть не съ аукціона продается неправосудіе. И тотъ всегда правъ, кто больше дастъ. Будь предводитель дѣльный, настоящій представитель дворянства — сколько-бы добра-то было! Какъ-бы слышенъ и силенъ былъ голосъ русскаго дворянства! А теперь, Боже мой, да люди-ль это? Какъ ихъ уважать, какъ ихъ слушать! Съѣдутся на выборы — послѣднюю копѣйку, кровавымъ потомъ мужика добытую, въ счетъ будущихъ доходовъ занятую, ребромъ ставятъ. Опухшіе отъ лѣни и отъ пьянства, съ тяжелой головой, съ желудкомъ, испорченнымъ обжорствомъ, въ какомъ-то хаосѣ, подъ вліяніемъ богатыхъ и крупныхъ, производятъ выборы. Стараются угодить, а объ себѣ не думаютъ. Забываютъ, что судья нуженъ именно для того, чтобъ защитить слабаго передъ сильнымъ, бѣднаго передъ богатымъ, что предводитель долженъ заботиться о бѣдныхъ. А они, холопья, своихъ притѣснителей и выбираютъ. Да съ генераломъ же, въ самомъ дѣлѣ, не спорить! богатому какъ смѣть противорѣчить! Они что сказали, то свято! Съ поклонами принимаютъ, выбираютъ кого приказано, а бѣднѣйшіе-то, которыхъ больше давятъ, которымъ больше достается, не имѣютъ и голоса! Потомъ пойдутъ жалобы, плачъ, стоны, въ судахъ нѣтъ правды, взятки — того разорили, того пустили по міру! Смѣшно, и досадно, и больно слушать! Вѣдь сами же выбирали отчаянныхъ негодяевъ, извѣстныхъ подлецовъ! На нихъ какая-то напала одурь: играютъ въ карты, пьютъ, ѣдятъ, спятъ и больше ничего. Вонъ избиратели въ присядку пляшутъ и скверныя пѣсни горланятъ. Ну, что тутъ можетъ быть хорошаго! Да, Козелковъ ихъ настоящій представитель! У нихъ голова совершенно лишняя часть тѣла: зачѣмъ думать, зачѣмъ разсудокъ? Онъ безпокоитъ, не даетъ жить спокойно, безпечно тонуть въ омутѣ, въ тинѣ! Они живутъ желудкомъ, живутъ, чтобъ ѣсть, пить и спать! Же-

лудокъ — господинъ всего. Сдѣлай обѣдъ, всѣ сбѣгутся; корми почаще, пой допьяна: будешь въ почетѣ, будутъ любить и уважать. Лишь былъ-бы полонъ карманъ, а до головы нѣтъ дѣла. Я всегда дивлюсь, что за эластичныя у нихъ спины, какъ гнутся передъ всякимъ богачемъ и титулованнымъ. А въ деревнѣ-то грязный развратъ, мерзости! Опомнись, русское дворянство! проснись и посмотри ты на себя! Пора себя поставить такъ, чтобъ тебя-бы уважали, чтобъ слушали твой голосъ! Довольно спать и угождать желудку, и золотымъ болванамъ покланяться! Дай вѣсъ уму, наукѣ мѣсто и уваженье долгу. Проникнись ты мыслію и честью! Живи разсудкомъ, а желудокъ пора уже отодвинуть на второе мѣсто. Вступи на путь, который тебѣ укажетъ честь, наука, мысль, — и чтобъ благородство дворянина тебя въ пути руководило! Чтобъ ты дѣйствительно отличалось честью, и званье *благородный* было не звукъ пустой, а заслуженное названіе, девизъ всей жизни! Да начинается движенье понемногу! Впередъ, впередъ, дворяне! Но далеко еще тебѣ идти, Россія..

СЦЕНА VI.

Квартира Розоновыхъ. Та же комната, что въ первой сценѣ.

Розоновъ (входитъ). Ну, вотъ таскался къ Журавлеву, тотъ согласился поддержать меня своимъ вліяніемъ. Еще-бы онъ не согласился! Пусть-ка поищетъ другаго такого исправника, какъ я. (Садится). Фу, усталъ! А что проку! Бѣгалъ, кланялся, просилъ, а губернаторъ не допустилъ до баллотировки. Охъ, ужъ этотъ мнѣ губернаторъ! Онъ на меня ожесточенъ, какъ хищный звѣрь! Съѣлъ-бы, кажется, если-бы только могъ! Враги мои ему надули въ уши, наговорили страстей Господнихъ! Особенно дѣло съ лошадями скверно, изъ рукъ вонъ гадко! Губернаторъ, говорятъ, твердитъ одно: Розоновъ исправникомъ, а братъ его лошадей по всему уѣзду

крадетъ, да въ другую губернію перепродаетъ; а онъ его покрываетъ. Грозился меня за это въ Сибирь сослать, да и съѣлъ шишъ съ масломъ — я по слѣдствію и суду вышелъ чище стеклышка! А все-таки подозрѣніе, пятно!... Вотъ тутъ и помогай роднымъ! Братъ вѣдь родной, нельзя не покрыть. Не обвинить же его въ воровствѣ, не поймать же съ поличнымъ на дѣлѣ! Поневолѣ молчишь, — думаешь, братъ въ свою очередь побережетъ и меня, обдѣлаетъ все шито-крыто! А онъ разворовался явно, такъ что весь уѣздъ знаетъ и кричитъ въ голосъ.... Очень мнѣ нужны его полторы тысячи, которыя онъ мнѣ далъ. Да за такую штуку, за такой скандалъ, менѣе пяти тысячъ нельзя взять гроша!... Что дѣлать? — братъ!... Враги мои межъ-тѣмъ не дремлютъ, подняли шумъ, сумбуръ, гвалтъ! Сколько ихъ набралось съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что мнѣ не дозволяютъ баллотироваться. И кто же самые ожесточенные? — тѣ, которые прежде казались нѣжными, преданными друзьями. Я говорю: пока человѣкъ имѣетъ хоть маленькое вліяніе, всѣ кланяться ему готовы; а вотъ поскользнись немножко, такъ всякая козявка, букашка, мошка вылѣзетъ изъ-за щели и усами на тебя замахаетъ, готова затоптать, укусить, опакостить. Въ прежнее время сидѣла, забившись въ щель, чтобъ ее только не тронули, не задавили, а теперь — куда тебѣ? наровитъ выбрать мѣсто повиднѣе: знай молъ нашихъ; смотрите, и я умѣю кусать и пакостить! Всякій оселъ лягается! Свались только, такъ заклюютъ, забьютъ совсѣмъ! Сейчасъ Назарьевъ, Дурноумовъ и Покровскій ѣдутъ, смотрятъ въ глаза, смѣются и не кланяются. Даже отвернулись, когда я имъ поклонился. А давно-ли, подлецы, были друзьями-пріятелями, чуть не дневали, не ночевали у меня! Эхъ если-бы мнѣ остаться исправникомъ! На зло-бы имъ!... Кто-то подъѣхалъ? (Смотритъ въ окно). Жена!... Ухъ, серце замираетъ!... Знаю, увѣренъ, что пріѣхала ни съ чѣмъ, а все-таки волнуюсь!... (Идетъ къ дверямъ).

Голосъ Розоновой (за сценой). Бога ты не боишься, разбойникъ! право, разбойникъ! За что тутъ двугривенный! Вѣдь тутъ два шага!... (Сиплый голосъ извощика что-то говоритъ, словъ разобрать невозможно). Христіанства въ тебѣ нѣтъ!... Довольно, довольно съ тебя гривенника, за глаза довольно! Не десять верстъ везъ. Другой-бы изъ христіанской души посадилъ-бы, да довезъ: видишь, бѣдная женщина, одна, скользко. А тебѣ гривенника мало.

Голосъ извощика (за сценой). Хоть пятиалтынничекъ положите. Прибавьте, матушка, по совѣсти, Христа-ради. Грѣхъ, матушка, обижать такъ.

Розонова (за сценой). Сказала больше не дамъ!

Голосъ извощика. Грѣхъ у животины отнимать, она хоча говорить не можетъ, а Богу жалится, что вы ее обсчитали. Пожалѣйте лошадку, прибавьте пятачокъ, матушка.

Розонова. Пошелъ вонъ! Я велю тебѣ шею наколотить, балванъ этакій! Матрена, возьми салопъ, скорѣе же! Гдѣ ты сидишь, я тебѣ дамъ, шельма эдакая! (Показывается въ дверяхъ.)

Розоновъ. Ну, что?

Розонова (торжественно). Ну, слава Богу, обдѣлала дѣлишки! Поздравляю! губернаторъ согласился!

Розоновъ. Быть не можетъ!

Розонова. Сперва упрямился, потомъ растаялъ, пустился въ комплименты, говоритъ: передайте вашему мужу, что я противъ него ничего не имѣю, я даже расположенъ къ нему, онъ можетъ баллотироваться!

Розоновъ. Ты шутишь!... Что, не принялъ?

Розонова. Тьфу! ты дубина, прости Господи, пень осиновый! Говорятъ тебѣ, губернаторъ дозволилъ баллотироваться и даже пустился въ комплименты.

Розоновъ Да можетъ-ли-быть?

Розонова. Говорятъ тебѣ, — ахъ ты Боже мой!

Розоновъ. Ай да молодецъ! ай да душенька моя! Да правда-ли? Это такое счастіе, что мнѣ не вѣрится!

Розонова. Для чего-жъ я тебя буду обманывать?

Розоновъ. Ты у меня дипломатъ! молотокъ!... А-а-а-а! теперь враги мои держитесь! Теперь я церемониться не буду. Прослужу послѣднія шесть лѣтъ, а тамъ меня хоть разсуди — вѣдь и подъ судомъ живутъ же люди!

Розонова. Ты смотри, не вздумай отдыхать на лаврахъ. Помни, что еще тебѣ надобно позаботиться о шарахъ. Да еще намъ многое осталось сдѣлать. Дѣтей устроить, пора вѣдь!

Розоновъ. Знаю, знаю! Не безпокойся, матушка, все сдѣлаю. Теперь я убѣжденъ, что буду исправникомъ, мнѣ недоставало только согласія губернатора!

Розонова. Что Журавлевъ?

Розоновъ. Сказалъ, что меня выберутъ, если губернаторъ позволитъ баллотироваться (Уходитъ въ другую комнату).

Розонова. Ну, слава Богу! Господь оглянулся на насъ бѣдныхъ! Мои горячія слезы не пропали даромъ!

Липочка и Катенька входятъ.

Липочка. Ну, что вамъ Богъ далъ?

Катенька. Ахъ, маменька! Ну, что?

Розонова. Слава Богу, все уладилось: губернаторъ позволилъ баллотироваться и Журавлевъ обѣщалъ выбрать Гришу.

Липочка и Катенька (прыгаютъ отъ радости и кричатъ). Ги, ги, ги!

Розонова. Оглянулся на насъ Творецъ небесный, теперь у насъ все пойдетъ, какъ по маслу!

Липочка. Только, маменька, купите мнѣ то платье, что мы смотрѣли, и шаль, — а то у всѣхъ есть шали. Нынче всѣ носятъ шали.

Катенька. Да ужъ нечего сказать — дрожите надъ всякою копѣйкою, а намъ надѣть нечего, поневолѣ думаютъ, что мы голыя невѣсты!

Липочка. А сами-то какъ ходите? — просто срамъ! въ какомъ-то ватномъ капотѣ, точно изъ стараго одѣяла передѣлали.

Розонова. Кто на меня старуху смотритъ! что ни надѣну, — все хорошо!

Катенька. Вы все отговаривались, что не знаете, останется-ли папенька на мѣстѣ. Теперь папенька остается исправникомъ; надѣюсь, что насъ можно одѣть и вывозить.

Липочка. Разумѣется! Что мы дома-то толкаемся, какіе тамъ женихи. Вотъ здѣсь — другое дѣло, поѣхать-бы въ собраніе, въ театръ.

Катенька. Вы мнѣ еще должны купить брильянтовое кольцо.

Липочка. И мнѣ тоже.

Катенька. У тебя же есть съ лирой и со стрѣлами.

Липочка. То старое.

Катенька. А у меня такъ никакого нѣтъ.

Липочка. И я хочу имѣть новое. Можешь сама тогда надѣвать старое.

Розонова. Ну, все теперь понадобилось. А деньги-то гдѣ?

Липочка. Вѣдь папенька исправникомъ будетъ, — мало ему носятъ!

Катенька. У васъ все денегъ нѣтъ!

Розонова. Откуда ихъ взять-то? Бьешься какъ рыба объ ледъ, чтобы какъ-нибудь концы съ концами свести, да вамъ что-нибудь съэкономить.

Липочка. Съ живаго и съ мертваго дерутъ, а дочерямъ ничего не хотятъ сдѣлать; нечего сказать, хороши родители!

Розонова. Что-жъ, мало для васъ дѣлаютъ? Стыдилась-бы говорить! Отъ платьевъ сундуки ломятся!

Липочка. Ну ужъ платья! Тряпки! На базарѣ покупали!

Розонова. Приданаго, слава Богу!

Липочка. Да ужъ приданое, нечего сказать! Будочникъ

больше дастъ за дочерью. Все небось на свое имя въ ломбардъ-то кладете!

Розонова. Что-же, по-твоему, намъ ничего не имѣть? Да какъ же мы будемъ жить на старости? Вы насъ въ шею вытолкаете. Намъ умирать съ голоду, просить подъ окнами придется. Теперь вотъ зубъ въ зубъ грызетесь, мать не уважаете, а дай вамъ все....

Липочка. Много надавали! нечего сказать, много отъ васъ увидишь! Есть за что уважать васъ!

Розонова. Что-же мало вамъ? Отецъ съ двадцатью душами на службу поступилъ, а теперь у него четыреста! Себѣ только двѣсти оставляемъ, за каждой по сту душъ даемъ, по пятнадцати тысячъ серебромъ сверхъ того. Мало вамъ этого, что-ли? А умремъ, съ собой ничего не возьмемъ, — все вамъ останется.

Катенька. Да, жди когда еще вы умрете!

Розонова. Покорно благодарю! Хороша дочь! Одолжила, нечего сказать! Матери смерти желаетъ!

Катенька. И не воображала! По мнѣ живите, пожалуй, хоть сто лѣтъ, для меня это все равно! Я къ тому только говорю, что вы на каждомъ шагу глаза колете вашимъ наслѣдствомъ.

Розонова. Да ужъ нечего, хороша дочка! Оттого-то вамъ Богъ и счастья не даетъ.

Липочка. Еще-бы, когда вы на всякомъ шагу проклинаете!

Катенька. Есть за что уважать васъ, только проклятія и слышишь!

Розонова. Замолчи ты, безстыдница, дрянь ты этакая!

Липочка. Ну, ужъ ругаться начала! Не хотите-ли поколотить насъ. Этого только не доставало. Хороша матушка!

Розонова. Хороши дочки! Наградилъ Богъ дѣтками!

Липочка. Наградилъ Богъ матушкою! Эхъ вы матушка!

Катенька. Только ругательства да проклятья и слышишь!

Розонова. Постойте, повезу я васъ куда-нибудь! Въ четырехъ стѣнахъ у меня просидите!

Липочка. Мы и такъ сидимъ! Не возите, благодаримъ покорно! Оттого мы въ дѣвкахъ и сидимъ.

Розонова. Мало мы выѣзжаемъ и у насъ бываютъ?

Катенька. Выходите сами за уѣздныхъ стракулистовъ!

Липочка. Хорошо у насъ знакомство, нечего сказать! Да и изъ этихъ-то никто не женится. Вы насъ одѣть порядочно не хотите.

Катенька. У тебя все-таки хоть что-нибудь есть, а у меня ровно ничего.

Липочка. Да вотъ тебѣ все надобно!

Катенька. А то небось тебѣ!

Липочка. Очень нужно одѣваться для твоего Вилькельмана. Стóитъ онъ!

Катенька. Ну ужъ ты, гусарша, молчи.

Липочка. Да, гусарша! Разумѣется, не пойду за сапожника-нѣмца.

Розоновъ (входитъ съ блинцомъ въ одной рукѣ, съ кускомъ вареной говядины въ другой). Что тутъ такое?

Розонова. Ничего, мы такъ говорили между собою. Что ты, моя пупочка, проголодался? Кушай, папочка мой, я нарочно велѣла сегодня для тебя блинцы сдѣлать; думаю: папочка мой устанетъ, надобно ему приготовить покушать.

Липочка. У папá ужасный вкусъ! Онъ ничего не любитъ такого деликатнаго, изящнаго; а самое грубое.

Розоновъ. Что-жъ, по-вашему, кремы да жилеи ѣсть? Побудьте-ка на моемъ мѣстѣ. Пріѣдешь куда-нибудь въ деревню, въ глушь, въ трущобу, гдѣ тутъ жилеи справлять. Досталъ яицъ, молока да масла, и слава Богу! Яичница, блинцы и есть.

Розонова. Вотъ что, Гриша, какъ-бы ты постарался

достать билетъ на балъ къ полицмейстеру, а то тамъ всѣ будутъ кромѣ насъ.

Розоновъ. Да что тамъ и дѣлать-то?

Розонова. Перекрести лобъ-то, батюшка, да протри глаза: видишь, двѣ дочери сидятъ, кипучая юность, имъ хочется повеселиться, да пора ужъ и замужъ. За кого онѣ выйдутъ, если будутъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ.

Липочка. }
Катенька. } Папа, душечка, достаньте пожалуйста.

Розоновъ. Хорошо, хорошо, постараюсь.

Розонова. Нечего тутъ стараться, а надобно достать непремѣнно! Да возьми ложу въ театръ, надобно же имъ показать свѣтъ. А тамъ я думаю сдѣлать вечеринку. Обѣдъ, разумѣется, само собою, для шаровъ.

Розоновъ. Хорошо, дѣлай что хочешь.

Розонова. Ну, что же ты?

Розоновъ (съѣдая принесенную провизію). Что?

Розонова. А билеты къ полицмейстеру и въ театръ.

Розоновъ. Я думалъ сперва пообѣдать.

Розонова. Успѣешь еще нажраться, батюшка, нечего тутъ! Налопаешься, такъ послѣ захочешь дрыхнуть. Отправляйся, промнись! Это тебѣ здорово!

Розоновъ (съ досадой). Оставь мое здоровье въ покоѣ. Вотъ жизнь-то, минуты не дадутъ отдохнуть, хуже собаки на побѣгушкахъ.

Розонова. Подлецъ ты, подлецъ! Безсовѣстный, право! Этого-то ты для дочерей не можешь сдѣлать!

Розоновъ. Иду, иду, иду! (Въ дверяхъ). Вы безъ меня не обѣдайте, блинцы холодные ни къ чорту не годятся.

Розонова. Не безпокойся, будутъ горячіе, только достань билеты, да объ шарахъ похлопочи.

Розоновъ (махаетъ рукой). Прощай! (Уходитъ).

СЦЕНА VII.

Номеръ въ другой гостинницѣ. Покровскій — небольшое, жирное и красное существо, по праву хозяина въ халатѣ. Дурноумовъ, молодой помѣщикъ, вышедшій изъ пятаго класса гимназіи. Галкинъ, отставной ротмистръ, высокій и худой, но съ толстымъ сизо-багровымъ носомъ. Роговъ, недоросль изъ дворянъ; его движенія рѣзки, говоритъ онъ громко и еще громче смѣется. На столѣ водка, вино и закуска, состоящая изъ селедки, сыра и хлѣба.

Роговъ. Что это Гаврюкова не видно?

Дурноумовъ. Онъ остался дома. До выборовъ-ли ему, когда онъ занятъ любовью!

Роговъ. Что-жъ, это дѣло хорошее.... А въ кого онъ влюбленъ?

Дурноумовъ. Въ дочь нашего частнаго пристава.

Роговъ. Фи! свинья! (Пьетъ водку, при чемъ дѣлаетъ гримасу и не прежде приводитъ физіономію въ нормальное состояніе, какъ закусивши).

Покровскій. Да вѣдь она недурна собой и довольно образована: по-французски говоритъ, на фортепьянахъ играетъ, получаетъ журналъ «Моду». А онъ-то что?

Роговъ. Да все, знаете, дочь частнаго. фи, фуй! скверно подумать.

Покровскій. Онъ, кажется, безъ памяти влюбленъ. Говорятъ, они съ частнымъ перепьются, въ особенности когда частный бываетъ у Гаврюкова, подерутся, а все-таки дѣло кончается тѣмъ, что Гаврюковъ становится на четвереньки и везетъ на себѣ по улицамъ частнаго, въ знакъ своего уваженія къ нему и любви къ неоцѣненной Мари (*).

Роговъ. Скотина! Я какъ въ первый разъ его увижу,

(*) Списано съ натуры.

то заставлю его возить себя по всему городу. Чѣмъ же я хуже частнаго?

(Молчаніе).

Дурноумовъ. Розоновъ совершенно запалъ.

Покровскій. Присмирѣлъ баринъ!

Роговъ. Осадили голубчика.

Дурноумовъ. А то задралъ носъ, шестомъ не достанешь. Поди ты, я-де въ Петербургѣ сильную руку имѣю, губернатора отрѣшу отъ должности, если захочу!

Покровскій. Такого подлеца поискать. Слава Богу, что мы отъ него избавились. Да, впрочемъ, его-бы и безъ того не выбрали. По-крайней-мѣрѣ, я бы ни за что ему не положилъ направо.

Роговъ. Да я бы шею наколотилъ тому, кто посмѣлъ-бы ему класть направо. А ему-бы рожу разбилъ, еслибъ онъ явился баллотироваться.

Дурноумовъ. Кого теперь выберутъ? Впрочемъ, чортъ задави ихъ душу, кого ни выберутъ — все равно: кто ни попъ, тотъ батька.

Роговъ. Чортъ съ ними! Ко мнѣ такъ ни одинъ исправникъ носу не смѣетъ показать. А становой пять верстъ объѣдетъ вокругъ моей деревни. Пріѣзжаетъ ко мнѣ разъ Нефедьевъ, говоритъ: «вотъ недоимочка за вами да взысканьице». Это меня взбѣсило. Какъ, я говорю, смѣлъ ты, скотина, явиться ко мнѣ съ такимъ вздоромъ? Розогъ! Растянулъ я его, бестію, да такъ вспрыснулъ, что по гробъ будетъ помнить.

Дурноумовъ. Будто такъ и высѣкли?

Роговъ. А то смотрѣть буду! Какъ-же! Нѣтъ, у меня держи ухо остро!

Дурноумовъ. А тутъ распустили слухъ, что вы едва уплелись отъ десятскихъ!

Роговъ. Не на таковскаго, батенька, напали! Точно десятскіе сперва-было за него, а я имъ шепнулъ, что дамъ

каждому на лѣто по десятинѣ земли, у Козьяго Брода, только, чтобы они помогли мнѣ обработать эту каналью. Живо принялись за дѣло. Я говорю: качайте въ мою голову, свидѣтелей нѣтъ, а пойдетъ на спросъ, я не выдамъ, съумѣю отписаться.

Дурноумовъ. А что имъ въ той землѣ?

Роговъ. Въ какой?

Дурноумовъ. Да у Козьяго Брода.

Роговъ. Какъ что?

Дурноумовъ. Да такъ-же. Тамъ одна глина.

Роговъ. Экъ куда хватили! Знаете же вы! Это по ту сторону Козьяго Брода глина, а на моей сторонѣ черноземъ такой, что прелесть. Это лучшая моя земля. Въ прошломъ году тамъ у меня родилась пшеница самъ двадцать одинъ, зерно крупное, такое, что всѣ ахали, а въ четверти тянуло двѣнадцать пудовъ тридцать девять съ половиною фунтовъ и сорокъ два золотника.

(Пьетъ съ такими же гримасами).

Дурноумовъ. Ну ужъ самъ двадцать одинъ!

Роговъ. Будь я подлецъ, если не правда; да чего мнѣ врать! Это вотъ вы скрытный человѣкъ, вмѣстѣ никогда не выпьете. Ну-те-ка чокнемтесь. (Наливаетъ).

Дурноумовъ. Пожалуй, выпьемъ.

Роговъ. Только чуръ съ церемоніей. А вы что же? Хозяинъ, хозяинъ! Ты, Галка? Вижу, что хочешь. Церемонишься, подлецъ, а то-бы весь графинъ выжралъ. Ну, на! Не таращи глазъ! (Наливаетъ). Ну, берите рюмки. Слушать! Ты, Галка, каналья, дальше носъ-то; не дождавшись очереди, выпить хочешь. Экій носыга, такъ въ рюмку и смотритъ, такъ и загибается. Слушать!

(Поетъ).

Благожеланная сивуха!
Многострадальная горѣлка!
Прошла ты черезъ огонь и воду

И мѣдныя трубы,
И черезъ руки жида — мучителя-винокура,
Явилась очищенная намъ
На мѣдномъ блюдѣ
Въ стеклянномъ сосудѣ,
А мы и выпьемъ! (Пьютъ).
И хлѣбцемъ закусимъ! (Закусываютъ).
Тѣлу во здравіе, душѣ во спасеніе!

А все-таки Галкинъ носъ прежде всѣхъ заглянулъ въ рюмку.

Дурноумовъ. А все-таки у васъ не родилось самъ двадцать одинъ!

Роговъ. Фу ты, Господи! Такъ спросите у моего старосты, Михѣйки, если не вѣрите. Да и что-жъ я, по-вашему, лгунъ? Самъ не знаю, что говорю?

Дурноумовъ. Нѣтъ, я этого не говорю; вы такъ, для краснаго словца хватили грѣха на душу.

Роговъ. Такъ я по-вашему лгунъ! Хорошо! Только мнѣ такихъ вещей не говорятъ. Я за такія штуки, знаете что!

Покровскій. Полноте, господа! Перестаньте, стоитъ-ли ссориться.

Роговъ. Я ничего. Я только замѣтилъ этому свинопасу, чтобы онъ поудержалъ язычокъ, если хочетъ, чтобы шкура на спинѣ была цѣла.

Дурноумовъ. Кто кого скорѣе вспоретъ?

Роговъ. Хотите пари? Ну, двѣсти цѣлковыхъ.

Дурноумовъ. Я безъ пари вспорю.

Роговъ. Нѣтъ, пари! Отчего-же вы не хотите пари? Пойдемте на пари.

Дурноумовъ. Пари я не хочу.

Роговъ. То-то! Знаетъ, что проиграетъ, баринъ. Ну, а ты, Галка, что? а?

Галкинъ. Я ничего, Андрей Васильевичъ.

Роговъ. А много у тебя жеребятъ заперто? Эхъ ты, голова! (Хлопаетъ его по затылку). Пустой шкаликъ! Его Парашута какой устроила скандальный спектакль. Вѣдь она

всѣмъ домомъ заправляетъ; его, Галку-то, вотъ этого подлеца (тыкаетъ его въ лобъ пальцемъ), колотитъ, ей-Богу колотитъ. Вѣдь баба, я вамъ доложу, здоровенная, даромъ что хромая! Ну, поднесетъ, — такъ Галка своихъ не узнаетъ. Завелись у нихъ деньги, рожь что-ли продали, чортъ ихъ знаетъ. Ну деньги есть, какъ ихъ не промотать въ городѣ. Собирается Парашута, распоряжается всѣмъ. Выдала на недѣлю всего, что было нужно; но корму жеребенку не довѣрила никому, говоритъ, пропьютъ негодяи! не будутъ его кормить! — Ну-съ, поставила его въ конюшню, насыпала корму на недѣлю, налила воды, заперла, запечатала конюшню и умчалась въ городъ. А жеребенокъ сдуру возьми да и съѣшь все въ одинъ день. Парашута пріѣзжаетъ, бѣжитъ въ конюшню, а жеребчикъ лежитъ кверху ножками — околѣлъ! (*)

Всѣ смѣются.

Дурноумовъ. Какъ это вы допустили, Павелъ Николаевичъ? А еще кавалеристъ!

Галкинъ. Да что мнѣ съ Пашей дѣлать!

Роговъ. Да ужъ нечего! За васъ все другіе дѣлаютъ. Ну, послѣ мельника, съ кѣмъ еще поймалъ жену, а?

Галкинъ. Ни съ кѣмъ, ей-Богу, ни съ кѣмъ.

Роговъ. Ну говори правду, скотина! Эка лѣшій! А за что ей жидъ Борька всякій разъ даритъ то серьги томпаковыя, то кольца?

Галкинъ. Ей-Богу неправда. Она сама его даритъ, то есть сама покупаетъ....

Роговъ. Пошелъ ты къ чорту! А что, господа, мы даромъ теряемъ золотое время, по зеленому-бы полю пройтись, а?

Покровскій. Пожалуй.

Роговъ. Банчикъ маленькій.

(*) Невымышленное происшествіе.

Покровскій. Эй, малый, Митька! Кто тамъ! Подлецъ!

Митька (черноволосый, черномазый. Весь въ дырахъ и заплатахъ). Чего изволите?

Покровскій. Гдѣ ты бываешь, черномазый? Вотъ-бы вспороть слѣдовало. Поставь столъ, да карты подай. Ворчи себѣ подъ носъ! Я тебѣ поворчу!

Порхавкинъ (входя). Наше вамъ сорокъ одно почтенье!

Покровскій. Здравія желаемъ, Алексѣй Яковлевичъ! Водочки съ холодку.

Роговъ Вистъ и я къ этой исторіи. (Наливаетъ).

Порхавкинъ. Покорнѣйше благодарю. Вино веселитъ сердце человѣка. (Пьетъ).

Покровскій. Закусите, сырку, селедочки.

Порхавкинъ. Ничего, не безпокойтесь, закушу языкомъ, всегда съ собой во рту ношу. А вы слышали?

Всѣ. Что?

Порхавкинъ. Розонову губернаторъ позволилъ баллотироваться.

ВМѢСТѢ.

— Роговъ. Брешешь!

— Покровскій. Нѣтъ!

— Дурноумовъ. Быть не можетъ!

— Галкинъ. Вотъ тебѣ и разъ!

Порхавкинъ. Это я знаю изъ самаго вѣрнаго источника.

Покровскій. Неужели этого подлеца опять выберутъ!

Дурноумовъ. Черняками его, негодяя!

Роговъ. Выбить его изъ собранія!

Галкинъ. Пропалъ я!

Роговъ. А тебѣ что?

Галкинъ. Онъ меня въ ложкѣ воды утопить готовъ.

Роговъ. Очень нужно ему на такую сволочь, какъ ты, вниманіе обращать.

Галкинъ. Онъ на меня золъ за то, что я встрѣтилъ

его брата съ крадеными лошадьми у Сиваго Овражка и разсказалъ объ этомъ въ городѣ.

Роговъ. Ну, братъ, постой, — онъ тебя доѣдетъ!

Дурноумовъ. Какъ-же это губернаторъ?

Порхавкинъ. Извѣстно — розиня, розмазня. У него была Розониха.

Роговъ. Сашута?

Порхавкинъ. Да! Въ ногахъ валялась....

Роговъ. Экая бестія эта Сашута! вотъ-бы на Конной отодрать!

Галкинъ. Воръ-баба!

Порхавкинъ. А губернаторъ хуже бабы, распустилъ нюни! Всякая подстега Герасимовна изъ него дѣлаетъ, что хочетъ. Вотъ я вамъ доложу, батенька, былъ губернаторъ, такъ губернаторъ — князь Ерыгинъ. Я вамъ скажу, умѣлъ держать въ рукахъ. Вѣдь распусти тоже возжи — такъ проку не будетъ. Бывало взглянетъ князь, такъ служишь-ли ты или не служишь, — все равно, такъ и задрожишь, поджилки такъ и затрясутся. Такой взглядъ имѣлъ орлиный, можно сказать. А лихой былъ какой! Скачетъ по улицѣ бывало, а сзади жандармъ и два казака. И бывало князь не смотритъ, дворянинъ-ли ты или какого тамъ званья — все равно, въ тюрьму, въ острогъ упрячетъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Разъ, я помню, ему какой-то совѣтникъ въ губернскомъ правленіи началъ говорить, что такъ сдѣлать, какъ приказываетъ князь, невозможно, — вишь, не по закону. Батюшки мои! какъ вскочитъ князь (вскакиваетъ и махаетъ руками) — затопалъ ногами: «я, говоритъ, вамъ законъ! Прошу не умничать! Извольте дѣлать, что приказываютъ!» Такъ и былъ порядокъ, я вамъ доложу. Въ самомъ дѣлѣ, посудите сами, законъ всего предусмотрѣть не можетъ! На что же и власти, какъ не для того, чтобы онѣ дѣйствовали. А дѣлать все по закону, такъ и властей не надо. (Садится).

Галкинъ. Совершенно справедливо.

Дурноумовъ. Позвольте, господа! Законъ долженъ дѣйствовать, а власти только должны смотрѣть за строгимъ исполненіемъ законовъ.

Порхавкинъ. Ну, нѣтъ-съ! на то и власть, чтобъ дѣйствовать, какъ ей угодно.

Покровскій. Сядемте, господа, что терять золотое время.

Роговъ. Я заложу вамъ, господа; — триста рублей въ банкѣ.

Дурноумовъ (распечатываетъ колоду и обертку кладетъ подъ себя). Сразимся!

Покровскій. Митька, картъ!

Розоновъ (входитъ). Мое почтеніе, господа!

Покровскій. Григорій Семеновичъ!

Розоновъ. Что это вы — сражаетесь?

Покровскій. Да вотъ только-что садимся. Не угодно-ли и вамъ съ нами?

Розоновъ. Благодарю покорно. Вѣдь я не играю.

Покровскій. Что новенькаго слышно?

Розоновъ. Ничего.

Дурноумовъ. Десять рублей.

Покровскій. Позвольте, и я карточку поставлю. Пять цѣлкачей.

Порхавкинъ. Идетъ пяточекъ, пятокъ.

Роговъ. Ну, а ты, Галка?

Галкинъ. Я, — нѣтъ-съ.

Роговъ. Парашута прибьетъ? Мало она тебя дуетъ! (Мечетъ). Эка идетъ неподходящая! Вона, вона! Всѣ далъ! Ну талійка, чтобъ-те пусто было.

Дурноумовъ. Транспортъ съ кушемъ и по полтинѣ око.

Порхавкинъ. Иди кривая! уголъ!

Покровскій. Уголокъ.

Розоновъ. Можете себѣ представить, сегодня присы-

лаетъ за мною Журавлевъ.—Прихожу. Только онъ вдругъ начинаетъ просить меня быть исправникомъ. Я говорю, что служить больше не желаю. Нѣтъ, пристаетъ, говоритъ: «кто же у насъ, кромѣ васъ, исправникомъ будетъ?» — Я отвѣчаю, что мало-ли у насъ дворянъ достойныхъ. — «Такъ-то такъ, говоритъ, Журавлевъ-то, — да опытности-то вашей, вашего знанія дѣла у нихъ недостаетъ». — Ну приставалъ, приставалъ, — нечего дѣлать, долженъ былъ согласиться. Точно я виноватъ, что другіе не знаютъ дѣла. Не хочешь, а служи.

Покровскій. Да отчего же вамъ и не служить, Григорій Семеновичъ?

Розоновъ. Усталъ, непріятности! Вотъ хоть-бы послѣдняя исторія. Я зналъ, что все дѣло кончится ничѣмъ. Во-первыхъ, потому, что я правъ; во-вторыхъ, если-бы и былъ въ чемъ виноватъ, такъ всегда найду себѣ поддержку и въ губернскомъ правленіи, и въ Петербургѣ. Пусть попробуютъ что-нибудь мнѣ сдѣлать! У меня и губернаторъ съ мѣста слетитъ! Онъ это хорошо понимаетъ. Теперь самъ опомнился, извиняется, другомъ такимъ, пріятелемъ. А все непріятность была, — слова изъ пѣсни не выкинешь.

Роговъ. Вотъ это хозяйственная талія. Вы, господа, заслушались Григорія Семеновича и не видите, что ваши всѣ карты биты.

Розоновъ. Я вѣдь это говорю, между нами, по-пріятельски. Я знаю, что вы всѣ господа считаете меня за человѣка порядочнаго и кажется, я могу сказать, что со всѣми здѣсь пріятель.

ВМѢСТѢ.

— Дурноумовъ. Разумѣется!
— Роговъ. Еще-бы!
— Покровскій. Помилуйте, Григорій Семеновичъ, можете-ли вы сомнѣваться!

— Порхавкинъ. Мы это цѣнимъ, Григорій Семеновичъ, повѣрьте.

Розоновъ. Ну, враги мои пусть теперь берегутся! Терпѣніе мое лопнуло; ихъ выходки просто невыносимы! Я ихъ скручу! Я имъ покажу себя! они у меня по міру пойдутъ! Надобно же уничтожить эту заразу общества.

Покровскій. Это правда ваша!

Порхавкинъ. Безпокойные люди.

Дурноумовъ. Я всегда говорилъ, что кромѣ васъ некому у насъ быть исправникомъ. Вотъ у насъ недавно былъ разговоръ, спросите.

Порхавкинъ. Ну что, я вамъ говорилъ правду про губернатора?

Покровскій. Да, если-бы онъ этого не сдѣлалъ, я бы настоялъ, чтобы весь уѣздъ нашъ протестовалъ противъ этого. Его-бы заставили допустить Григорія Семеновича до выборовъ.

Розоновъ. Пожалуйста, господа, безъ церемоніи, не нужно-ли кому чего? Можетъ-быть, кто-нибудь изъ васъ хочетъ баллотироваться, я съ удовольствіемъ поддержу своимъ вліяніемъ, только скажите. Извѣстное дѣло: рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ.

Дурноумовъ. Покорно васъ благодаримъ.

Порхавкинъ. Мы съ своей стороны за удовольствіе почтемъ....

Покровскій. Собственный нашъ интересъ заставляетъ насъ служить вамъ; знаете, какъ-то странно было-бы другаго и назвать исправникомъ.

Роговъ (все это время подтасовывалъ карты). Ну, господа, ставьте, ставьте, можно говорить и дѣло дѣлать.

Дурноумовъ. Да что ставить, право, не знаю! Двадцать пять. Измѣнитъ коварная.

Порхавкинъ. Пятокъ.

Покровскій. Пять.

Розоновъ. У насъ на какія низости рѣшаются! какой только клеветы не распустятъ! Напримѣръ, что выдумали про моего брата? Ужасъ! Какъ можно такъ марать людей.

Галкинъ. Я ей Богу ничего не говорилъ, Григорій Семеновичъ. Я только сказалъ, что имѣлъ удовольствіе встрѣтить вашего братца у Сиваго Овражка,—это совершенно справедливо. А болѣе ничего не говорилъ, убей Богъ, не говорилъ. Ни объ лошадяхъ, ни объ чемъ не говорилъ,— это все выдумали.

Роговъ. Дама бита.

Дурноумовъ. Чтобъ тебя ободрало, проклятая! (рветъ карту на мелкіе кусочки).

Роговъ. Семерка бита.

Порхавкинъ. И побиваютъ каменьями! Чтобъ ей пусто было! Три раза въ руки лѣзла подъ рядъ, анаѳема проклятая.

Роговъ. И десятка бита.

Покровскій. Что дѣлать! Колотитъ безпощадно.

Роговъ. Чтобы вы не баловались. Надобно держать васъ въ рукахъ.

Покровскій. Григорій Семеновичъ, позвольте васъ побезпокоить просьбою.

Розоновъ. На счетъ шаровъ?

Покровскій. Нѣтъ. Будьте такъ добры, выньте карточку на счастіе.

Розоновъ. Извольте! (вынимаетъ).

Покровскій. Эта карточка дорогая, и на нее побольше кушъ поставлю. Идетъ двадцать пять рублей.

Дурноумовъ. (Рогову). Дайте я подрѣжу.

Роговъ. Извольте. Не люблю я этихъ причудъ!

Дурноумовъ. Мало-ли что! (Подрѣзываетъ).

Роговъ. Что у васъ?

Дурноумовъ. Перечеркните двадцать пять. Уголъ.

Порхавкинъ. Десяточекъ.

Розоновъ. Такъ я могу разсчитывать на васъ, господа?

ВМѢСТѢ.

— Дурноумовъ. Какъ-же, помилуйте!

— Покровскій. За особенную честь поставимъ.

— Роговъ. Это нашъ священный долгъ.

— Порхавкинъ. Еще-бы! Кого-же намъ выбрать.

Розоновъ. Съ своей стороны, я къ вашимъ услугамъ, и надѣюсь не только оправдать вашу довѣренность, но и отблагодарить васъ. Ради Бога, господа, обращайтесь ко мнѣ, я употреблю все свое вліяніе, чтобъ услужить вамъ; не стѣсняйтесь и дайте мнѣ средство принести вамъ, такъ сказать, лепту благодарности и....

Дурноумовъ. (Рогову). Те, те, те, те! Батенька! А зачѣмъ вы передернули?

Роговъ. Коего чорта я передернулъ?

Дурноумовъ. Карту. Нѣтъ, батенька, у насъ такъ не играютъ!

Роговъ. Да что вы брешете?

Дурноумовъ. Я не брешу. Брешутъ собаки, а я имѣю уголъ, потому что вы передернули.

Роговъ. Нѣтъ, не имѣете.

Дурноумовъ. Нѣтъ, имѣю.

Роговъ. А вотъ посмотримъ.

Дурноумовъ. Нечего смотрѣть. Вы передернули.

Роговъ. Вотъ привязался. Въ глазахъ должно быть двоится! Пусть меня передернетъ, если я передернулъ!

Дурноумовъ. Разумѣется, передернули.

Роговъ. Смотрите, чтобы я васъ не дернулъ. Вы знаете, у меня не долго!

Дурноумовъ. Да что вы въ самомъ дѣлѣ, мошенничаете да еще позволяете себѣ!

Покровскій. Господа, господа!

Роговъ. Помилуйте, какъ-же онъ смѣетъ!

Дурноумовъ. Я садился играть на честь, а онъ извѣстный плутъ.

Роговъ. Что вы сказали?

Дурноумовъ (отодвигаясь и поблѣднѣвъ). Что? — То, что вы мошенникъ!

Роговъ (пускаетъ въ него картами). Вотъ тебѣ скотина!

Дурноумовъ (старается закрыться Покровскимъ). Да что вы, въ самомъ дѣлѣ!

Роговъ (пускаетъ въ него другою колодою). Вотъ тебѣ!

Дурноумовъ (присѣвъ за Покровскаго). Ну смотри, и я самъ!

Роговъ. А! Вотъ-же тебѣ, мерзавецъ! (Бросаетъ мѣломъ).

Покровскій. Перестаньте, господа! Ей-богу непріятно: Григорій Семеновичъ здѣсь, и вдругъ такая сцена!

Дурноумовъ. Да помилуйте, я ничего.... Я только сказалъ такъ, а онъ драться лѣзетъ.

Роговъ. А ты брешешь, да дерзости говоришь! Можетъ быть у меня нечаянно карта свалилась.

Порхавкинъ. Чаянно или нечаянно, а мы имѣемъ.

Роговъ. Но позвольте, господа....

Порхавкинъ. Свалилась карта, смѣшалась колода, не дометана талія — все равно, за все отвѣчаетъ банкометъ.

Роговъ. Вѣдь можно было сказать благородно, а не по-мужицки, не ругаться какъ этотъ свинопасъ. Привыкъ возиться съ свиньями....

Дурноумовъ. Братцы вы мои! Самъ-же лѣзетъ драться, ругается, а на меня говоритъ. Я ничего не сдѣлалъ.

Покровскій. Ну, перестаньте! Полно вамъ!...

Дурноумовъ. Я ничего. Я всегда готовъ.... вижу, человѣкъ съ горячности.

Роговъ. Ну, эта талія не въ счетъ.

Порхавкинъ. Нѣтъ, мы запишемъ.

Роговъ. За что-же вы запишете?

Порхавкинъ. За то, что вы не дометали.

Роговъ. Григорій Семеновичъ, будьте судьею.

Порхавкинъ. Прекрасно! Григорій Семеновичъ, разсудите насъ.

Розоновъ (про себя). Вотъ задача! Кто изъ нихъ имѣетъ болѣе вліянія?

Порхавкинъ. Вѣдь банкометъ отвѣчаетъ за талію?

Покровскій. Вольно-же ему было не дометать!

Розоновъ. Ну что-жъ, уступите Андрей Васильевичъ, уступите. Я собственно не знаю законовъ карточной игры, а говорю такъ потому, что большинство того требуетъ! Вотъ и я не хотѣлъ служить, а баллотируюсь изъ угожденія обществу.

Роговъ. Ну хорошо! Согласенъ! Только ты смотри, скотина въ оба!

Порхавкинъ. Я самъ буду смотрѣть.

Розоновъ. До свиданія, господа!

Покровскій. Куда-же вы? Посидѣли-бы, право, съ нами Григорій Семеновичъ, — мы такъ давно не имѣли удовольствія васъ видѣть. Извините, что случилась при васъ такая сцена.

Розоновъ. Ничего, помилуйте. Будьте здоровы!

Покровскій. Покорно васъ благодарю, что не забыли. (Идетъ его провожать).

Роговъ. Экій подлецъ этотъ Розоновъ!

Порхавкинъ. Разбойникъ!

СЦЕНА VIII.

Передняя въ домѣ полиціймейстера. Григорій сидитъ, важно развалясь; передъ нимъ будочникъ.

Григорій. Ну что-же, если платитъ деньги, такъ отпусти, чортъ съ нимъ! Экая невидальщина, что старухѣ карманы пообчистилъ.

Будочникъ. Какъ прикажете, Григорій Степановичъ! Я на счетъ частнаго, то есть, въ сумлѣніи....

Григорій. Экій болванъ! Говорятъ тебѣ — плюнь на частнаго твоего. Ничего не будетъ! Ужъ ты слушай, что тебѣ говорятъ, голова!

Будочникъ. Какъ прикажете.

(Звонокъ).

Григорій. Ступай, кто-то пріѣхалъ. Если это баринъ и неравно спроситъ, зачѣмъ? — скажи, молъ, къ Григорію Степановичу, на счетъ, молъ, песку.

(Отворяется дверь, входитъ господинъ среднихъ лѣтъ, съ печальною наружностью).

Григорій. Кого вамъ?

Господинъ. Павелъ Михайловичъ дома?

Григорій. Уѣхали.

Господинъ. Фу, ты досада! А скоро будетъ?

Григорій. Часа черезъ три, раньше не пріѣдутъ.

Господинъ. Что тутъ дѣлать?

Григорій. Да что вамъ угодно? Можетъ, и безъ Павла Михайловича сдѣлать можно?

Господинъ. Такъ часа черезъ три будетъ?

Григорій. Да, къ вечеру.

Господинъ уходитъ, что-то ворча.

Григорій. Ну, туда тебѣ и дорога. Еще, видно, не тертый, съ холопомъ говорить не хочетъ. Не знаетъ, что черезъ холопа скорѣе все дѣлаетъ. Ну-ка поди, попляши теперь. Приходи двадцать разъ, все для тебя дома не будетъ.

Будочникъ. Такъ я выпущу, Григорій Степановичъ?

Григорій. Ну выпускай! (Будочникъ уходитъ). Эхъ, чортъ возьми! житье мое было-бы ничего, если-бы у Павла Михайловича была не такая лапа, а то какъ царапнетъ, такъ не опомнишься. Деньги есть, почетъ тебѣ и уваженіе, и ба-

ринъ ничего, хорошій баринъ. (Звонокъ). Кто это опять? Цѣлый день точно колокольня, содомъ, прости Господи! Руки заболѣли, мозоли вонъ натеръ отворявши. (Отворяетъ).

Розоновъ. Дома Павелъ Михайловичъ?

Григорій. Никакъ нѣтъ, — уѣхали.

Розоновъ. Вотъ что, братецъ, я хотѣлъ сказать: у Павла Михайловича балъ, такъ когда раздаютъ билеты?

Григорій. Сегодня хожалые разносятъ и завтра будутъ разносить.

Розоновъ. Какъ-бы мнѣ попасть въ то число съ семействомъ?

Григорій. Не могу знать.

Розоновъ. Похлопочи-ка, братъ, какъ-нибудь. Вотъ тебѣ (даетъ рублевую бумажку), а за билетъ особенно получишь.

Григорій. А какъ ваша фамилія?

Розоновъ. Розоновъ, Барановскій исправникъ.

Григорій. Извольте пообождать немного. (Уходитъ).

Розоновъ (одинъ). Уфъ, усталъ, чортъ возьми! Да, тяжела житейская дорога, въ особенности съ такимъ грузомъ, какъ мое семейство! Трудишься, работаешь, какъ волъ. Склоняешься дотого, что спина заболитъ, а безъ поклоновъ нельзя, — что съ ними дѣлать, когда они такіе подлецы, что привыкли и любятъ поклоны! Чортъ знаетъ, что такое! чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже вѣкъ, тѣмъ труднѣе становится нажить копѣйку и выйти въ люди своимъ трудомъ и искусствомъ. Вѣдь что ни говори эти модники, а нажить себѣ состояніе — искусство: надобно пользоваться всѣмъ, всякій случай умѣть обратить въ свою пользу. Дай-ка этимъ модникамъ, ей-Богу не съумѣютъ! не съумѣютъ ни за что на свѣтѣ! Ну и кричатъ съ досады; дескать, намъ нельзя взять, такъ пускай же никому не достается. Чистыя дворняжки!

Григорій (входя). Вотъ вамъ билетъ-съ.

Розоновъ. Спасибо, братецъ, вотъ тебѣ. (Суетъ ему въ руку и поспѣшно уходитъ).

Григорій. Экій сквалыга навязался, — еще дворянинъ, баринъ! Тьфу, скотина! Этого нашъ братъ, холопъ, не сдѣлаетъ! Полтинникъ! и поднялась у него рука! Полтора рубля за билетъ. Вотъ тутъ дѣлай для нихъ! Стоило хлопотать за полтора рубля. Сунулся-бы самъ! Ужъ видно, что сквалыга, шаромыжникъ! Что мнѣ эти деньги — тьфу! (Бросаетъ деньги съ негодованіемъ, садится на лавку и ковыряетъ въ носу).

СЦЕНА IX.

Лучшая улица въ городѣ; на одномъ изъ домовъ вывѣска: *Магазинъ Полуграблева.* Изъ магазина по временамъ выглядываютъ прикащики. Прохожіе идутъ взадъ и впередъ. Кукакиринъ, молодой человѣкъ, раздушенный, напомаженный и завитой, какъ баранъ; на встрѣчу ему Поэтъ, тоже молодой человѣкъ, непредставительной наружности, въ движеніяхъ небрежность, въ одеждѣ умышленный безпорядокъ.

Кукакиринъ. А, mon cher, здорово! Что тебя такъ давно не видать? Не боленъ-ли?

Поэтъ. Merci! У меня это время множество дѣла. Я измучился, mon cher, истомился совершенно!

Кукакиринъ. Что-же случилось? Ты меня пугаешь, шерочка!

Поэтъ. Я чувствую, что не проживу долго; подобныя томленья и терзанья такъ изнуряютъ, убиваютъ. — Я задумалъ поэму въ семнадцати пѣсняхъ съ прологомъ и эпилогомъ, обдумалъ планъ и характеры лицъ. Ты знаешь, я пишу не какъ-нибудь, а сперва выстрадаю самъ, перечувствую и потомъ пишу. Радость и горе волнуютъ меня, какъ мои собственныя; эти переходы, внутреннія метаморфозы убиваютъ меня, и я могу сказать, что въ каждый стихъ кладу частицу жизни.

Кукакиринъ. Это плохо, mon cher! Какъ можно такъ глубоко чувствовать!

Поэтъ. Ахъ, я завидую тебѣ, mon cher! — твоей безпечности счастливой. Ты, какъ бабочка, живешь настоящимъ, не думая о будущемъ, не тревожась прошедшимъ. Танцуешь, волочишься, — и счастливъ, и доволенъ.

Кукакиринъ. Кто же мѣшаетъ и тебѣ то-же дѣлать?

Поэтъ (грозно). Мнѣ? — мнѣ танцовать? Мнѣ? когда меня тревожитъ все, когда въ груди моей злоба и адъ негодованія и желчи! Мнѣ веселиться! танцовать!... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, mon cher!

Кукакиринъ. Такъ пиши скорѣе и дѣло въ сторону!

Поэтъ. Я радъ-бы былъ писать, но не даетъ покою происходящее вокругъ. Меня терзаютъ пороки общества и недостатки человѣка. Могу-ль я, напримѣръ, быть спокоенъ, когда папа въ Римѣ еще пользуется свѣтскою властью? (Бьетъ себя въ грудь). Нѣтъ, жизнь пуста, глупа.... Соображаться съ предразсудками я не могу и не хочу. Послушай, я тебѣ прочту начало моей поэмы, чтобъ ты могъ узнать мои стремленья и заглянуть глубоко въ мое сердце. Слушай! (Декламируетъ съ величайшимъ выраженіемъ, переходя отъ гробоваго голоса къ неистовому воплю, и размахивая руками).

ПРОМЕТЕЙ.

ПОЭМА.

ПРОЛОГЪ

1.

На небесахъ торжественно и чудно.
Онѣ, какъ сводъ раскинутъ въ вышинѣ,
Блестятъ звѣздами съ мѣсяцемъ въ спокойной тишинѣ
Земля же точно храмъ, обширный, многолюдный!
Да! велико, прекрасно мірозданье!
А въ немъ и я живу ничтожная песчинка,
По волѣ Божества возросшая былинка,
И озираю все божественное зданье.
Вокругъ меня, какъ океана волны,

Толпа людей тѣснится и шумитъ
И, въ мелочахъ погрязши, въ даль спѣшитъ.
И люди всѣ ничтожества такъ полны!
Остыло въ нихъ къ высокому стремленье,
Прекрасное въ нихъ умерло иль спитъ
И все въ нихъ ясно говоритъ:
Что продолжительно ихъ будетъ усыпленье!
Они рабы приличья, предразсудка!
Они рабы — я говорю,
Они рабы — я повторю:
Въ нихъ нѣтъ свободы и разсудка

2.

Рабы они нужды! Вѣдь люди-жъ прежде жили
Не въ душныхъ, тѣсныхъ городахъ,
Въ тѣни лѣсовъ, въ дубравахъ, на поляхъ,
И счастливѣй, здоровѣй тогда были.
Такъ прочь же! Прочь вы, душныя жилища!
Одежды прочь! Онѣ насъ тяготятъ
И насъ чахоткою, болѣзнями дарятъ.
Отрава просто — наша пища!
Рабы приличья и условій свѣта!
Они рабы — и могутъ жить,
Себя мечтою веселить,
И быть дѣтьми въ солидны лѣта!

и такъ далѣе. Очень хорошо тамъ дальше сказано и разгромлено современное общество. Да, имъ нипочемъ страданія другихъ, они хладнокровно смотрятъ кругомъ на происходящее. Ихъ оно не убиваетъ! Но кто сочувствуетъ глубоко высокому, какъ я, тотъ можетъ только страдать и горю предаваться.

Кукакиринъ. А что такое? Я, признаться, ничего не слыхалъ.

Поэтъ. Намъ угрожаетъ ужасная бѣда!

Кукакиринъ. Вѣрно поджигатели опять появились?

Поэтъ. Фи, mon cher, что значитъ нѣсколько купече-

скихъ лавокъ и лачугъ для общества! Нѣтъ, весь міръ долженъ проливать горячія слезы! Страшное горе всему міру!

1 мѣщанка (другой идущей съ нею). Постой, Абрамовна! постой, родимая! Охъ, тошнехонько! Слышь, что говоритъ? — Знать антихристъ народился.

Кукакиринъ (сконфузясь). Я, право, не соображаю. (Про себя). Чортъ! терпѣть не могу говорить съ умными людьми! Дуракъ дуракомъ выходишь! Ни бельмеса не понимаешь!

Поэтъ (осмотрѣвъ его мрачнымъ взглядомъ, говоритъ гробовымъ голосомъ). Мы всѣ погибнемъ!

1 мѣщанка. Слышь, Абрамовна! Согрѣшили мы, окаянные!

Поэтъ. Быть равнодушными зрителями невозможно! По-крайней-мѣрѣ я не могу; душа моя болитъ, сердце обливается кровью, кровь стынетъ, грудь горитъ адскимъ огнемъ!

Кукакиринъ. Я не понимаю, что тебя тревожитъ.

Поэтъ. Какъ что? И это ты говоришь mon cher, такъ наивно! (Торжественно). А посмотри, что дѣлается!

Кукакиринъ (боязливо оглядываясь). Гдѣ?... Что?

2 мѣщанка. Ахти, Савишна, никакъ пожаръ! (Бѣгутъ обѣ).

Поэтъ. Гдѣ? (Покачавъ головою). Во Франціи!... Чудакъ! — Что тамъ дѣлается? Это ужасъ! Развѣ это не возмущаетъ? Посуди! Я противъ сословій, противъ званій, противъ чиновъ, противъ всего на свѣтѣ!

Кукакиринъ (подходящему Козину). Дмитрій Павловичъ, мое почтеніе! Вы незнакомы? Вотъ нашъ извѣстный поэтъ Василій Николаевичъ Простоквашинъ. Горячая и свѣтлая голова! Либералъ страшнѣйшій!

Козинъ. Очень пріятно познакомиться.

Кукакиринъ (поэту) Дмитрій Павловичъ Козинъ.

Поэтъ. Ахъ, очень радъ! Я много объ васъ слышалъ!

Кукакиринъ. Теперь поэму пишетъ.

Козинъ. Какого содержанья?

Поэтъ. Я сокрушаю предразсудки, бичую общество....

Козинъ. Прекрасная тема!

Поэтъ. Да! Не знаю только, удастся-ли напечатать....

Козинъ. Вы много печатали?

Поэтъ. Нѣтъ-съ, мало, то-есть пока еще ничего.... Вообще моихъ сочиненій цензура не пропускаетъ. Меня считаютъ человѣкомъ опаснымъ.

(Папочкинъ, генералъ, командующій безсрочными, небольшой красненькій человѣкъ, съ важною наружностью и съ кривымъ носомъ На головѣ у него шляпа треугольная съ бѣлыми перьями, не смотря на то, что такая форма уже отмѣнена. За нимъ его адъютантъ Карандышевъ, молодой человѣкъ довольно красивой наружности, въ гвардейскомъ мундирѣ. Оба гремятъ саблями).

Поэтъ. Ахъ, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Папочкинъ. Merci! Мое почтенье, Дмитрій Павловичъ, monsieur Кукакиринъ!

(Оба молча кланяются, Козинъ слегка, Кукакиринъ довольно низко. Карандышевъ дружески имъ жметъ руки).

Поэтъ. Позвольте, ваше превосходительство, поднести вамъ мое посланіе.

Папочкинъ. Благодарю васъ. Да вотъ что, мой милый, Карандышевъ досталъ мнѣ книжку въ стихахъ. Что бишь это такое? Карандышевъ, какую ты мнѣ досталъ, братецъ, книжку?

Карандышевъ. Орлеанскую дѣву, Жуковскаго.

Папочкинъ. Да. Приходите, прочитайте мнѣ ее, вы такъ хорошо стихи читаете.

Поэтъ. За особенную честь сочту явиться къ вашему превосходительству.

Папочкинъ. Пойдемте теперь. Будемте чай пить вмѣ-

стѣ, вы намъ разскажете что-нибудь, посмѣшите насъ, а то такая тоска.

Поэтъ. Покорно благодарю, ваше превосходительство. Съ удовольствіемъ. (Уходитъ).

Козинъ. Эхъ, какъ вашего либерала согнули генеральскіе эполеты! Ну, какъ вы поживаете?

Кукакиринъ. Ничего, помаленьку.

Козинъ. Вездѣ приняты какъ нельзя лучше, вездѣ смотрятъ какъ на жениха, стараются завербовать, угождаютъ! Право, ваша завидная судьба! У полицмейстера будете?

Кукакиринъ. Какъ же!

Козинъ. Къ нему сегодня везутъ цѣлые обозы. Весь городъ, говорятъ, обложенъ данью. А вотъ тащится Сашута Розонова съ своими подсвинками. Экая бочка! Каверза! Мое почтенье, Александра Герасимовна, Катерина Григорьевна, Олимпіада Григорьевна! Какъ ваше здоровье?

Розонова. Покорно васъ благодарю, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Катя, Липа, вамъ кланяется почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ.

(Барышни присѣдаютъ).

Козинъ. Ахъ Боже мой, Александра Герасимовна! Что это у васъ? Губы замараны чѣмъ-то чернымъ и блестящимъ, точно-будто ваксой!

Розонова. Ахъ, Боже мой, гдѣ? (Вынимаетъ платокъ весьма неопрятный, плюетъ въ него и вытираетъ губы).

Козинъ. Еще, еще! Сильнѣе трите! Не отстаетъ скоро проклятая вакса, должно быть генеральская! У генераловъ только такая хорошая вакса! Скоро не ототрете. Ахъ, кстати о генералахъ. Я вамъ скажу по секрету. Сейчасъ я видѣлъ генерала Цапочкина, онъ кажется очень неравнодушенъ къ Олимпіадѣ Григорьевнѣ. Онъ, знаете, какъ военный, любитъ вытянутыхъ въ струнку. Только на бѣду вашу какой-

то поэтъ здѣшній, Простокваша, пошелъ ему читать пасквиль на ваше семейство.

Розонова. Это вы ему написали?

Козинъ. Нѣтъ, онъ самъ. Вѣдь онъ самъ поэтъ.

Розонова. Это безбожно, согласитесь сами, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, это безбожно! Задѣвать дѣвицъ невинныхъ, которыя ему ничего не сдѣлали, которыхъ онъ въ глаза не знаетъ.

Козинъ. Ваша правда. Но особенно досталось вамъ. Вы знаете, его просила написать этотъ пасквиль одна дама.

Розонова. Знаю, знаю. Долотова, Марья Петровна.

Козинъ. Совсѣмъ нѣтъ! Ошибаетесь!

Розонова. Кто же эта скверная женщина?

Козинъ. Не угадаете, ни за что на свѣтѣ. (Тихо). Губернаторша!

Розонова. Можетъ-ли быть? За что же это? Ахъ, Боже мой!

Козинъ. Она васъ приревновала къ мужу. Вы съ нимъ были долго наединѣ сегодня въ его кабинетѣ.

Розонова. Боже мой! Почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Что это вы говорите! Этого еще недоставало!

Козинъ. Будьте осторожнѣе. Оно, еще, знаете, ничего-бы, но ея подозрѣнія возбудилъ Филатовъ.

Розонова. Ахъ Боже мой! Чего не выдумаютъ люди!

Козинъ. Куда это вы собрались?

Розонова. Иду вотъ въ магазинъ, купить кое-что дѣтямъ, на платья надо, шали. Только ни къ чему приступу нѣтъ совершенно! Купцы такіе безсовѣстные, въ-три-дорога за все ломятъ. Нѣтъ, чтобъ уступить! Видятъ, что дѣвицы молодыя хотятъ принарядиться, можно было-бы по христіанству уступить!

Козинъ. Ахъ, да! Долотова какую шаль получила изъ Петербурга, прелесть! Самая новомодная! Представьте, вмѣсто бахромы, обшита морскимъ котикомъ.

Розонова. Ахъ это прелесть! Слышите, Липа Катя! Шаль и вмѣсто бахромы обшита морскимъ котикомъ. Это прелестно! Скажите, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, какой ширины котики?

Козинъ. Въ ладонь съ пальцемъ.

Розонова. Знаете что, Липа, Катя, мы купимъ шали и дома обошьемъ.

Липочка. Да можетъ быть Дмитрій Павловичъ шутятъ!

Козинъ. Нѣтъ, я говорю серьезно! Увидите сами на балу у полицмейстера. Вѣдь вы будете?

Розонова. Не знаю, право.

Козинъ. Какъ можно не быть, помилуйте!

Розонова. Ахъ, Боже мой! Филатовъ, Филатовъ! Это ужасно! Пойдемте дѣти. Не забывайте насъ, почтеннѣйшій, добрѣйшій Дмитрій Павловичъ.

Входятъ въ магазинъ Полуграблева.

Козинъ. До свиданья, Александра Герасимовна. Ха-ха-ха! Вы знаете, она сегодня цѣлый часъ у губернатора въ ногахъ валялась, сапоги цаловала, и таки-выпросила позволенье баллотироваться мужу своему. Этакая гадина! Имъ много помогъ этотъ мерзавецъ Филатовъ. Ну, да я дружбу ихъ покончу.

Князь (худая, длинная, сильно-издержанная фигура. Физіономія довольно пасквильная, говоритъ на-распѣвъ и смотритъ не иначе, какъ въ стеклышко). Bonjour, messieurs! comment vous va?

Козинъ. Здравствуйте, князь!

Кукакиринъ. Bonjour mon prince, comment votre precieuse santé?

Князь. Merci beaucoup! Я здоровъ, на сколько можно быть здоровымъ въ этомъ адскомъ климатѣ. N'est ce pas, que c'est un climat de barbares. C'est le pays des ours! On ne peut pas vivre ici pour les hommes bien policés. Пойдемте, господа, къ Леблану, онъ получилъ свѣжія устрицы.

Кукакиринъ. Пойдемте! Наконецъ и у насъ порядочное завелось!

Князь. Oui. Mais entre nous, здѣсь трудно завести что-нибудь порядочное. Здѣшнее общество такъ мало развито, не имѣетъ порядочныхъ манеръ, изящнаго вкуса, такъ что это у насъ не прививается. Вы думаете, много найдется просвѣщенныхъ людей, которые, оставя предразсудки, пойдутъ ѣсть устрицы? Очень не много! Большинство будетъ смотрѣть на это съ отвращеніемъ, какъ на что-то нечистое.

Кукакиринъ. О! vous avez raison.

Князь. Намъ далеко до западной Европы! Ахъ, еслибы вы побывали во Франціи, тогда-бы увидѣли, какая страшная разница!

Козинъ (весьма серьёзно). Помилуйте, тамъ каждый мужикъ говоритъ по-французски!

Князь. А этотъ языкъ облагороживаетъ. Vous avez que cette langue est une langue des nobles! Онъ даетъ какое-то достоинство, чувство самосознанія, какую-то независимость. Идемте-же къ Леблану! Vous pa'tez aussi avec nous, monsieur Козинъ?

Козинъ. Нѣтъ, у меня есть кое-какія дѣла, да я и до устрицъ не охотникъ.

Трофимъ, управляющій Журавлева, изъ его крѣпостныхъ людей; онъ въ синей суконной чуйкѣ, поверхъ ея надѣтъ лисій тулупъ, крытый синимъ-же сукномъ. Онъ мужикъ высокій, волоса на головѣ и на бородѣ черные съ просѣдью. Черты лица крупны, глаза плутовскіе.

Князь. А! Трофимъ Ивановичъ! мое почтеніе! какъ поживаете, что подѣлываете?

Трофимъ. Помаленьку, ваше сіятельство, — благодаримъ покорно. Живемъ, пока Господь Богъ милуетъ.

Князь. Пойдемте, я вамъ бутылочку шампанскаго поставлю.

Трофимъ. Благодарю покорно.

Князь. Пойдемте, пойдемте! Я такъ радъ васъ видѣть! Allons, Кукакиринъ.

Уходятъ.

Козинъ. Экій сіятельный оселъ!

Розонова (выходя съ дочерями изъ магазина). Семьдесятъ рублей, ни гроша больше! Слышите, почтеннѣйшій, семьдесятъ рублей!

Прикащикъ (на порогѣ). Послушайте, сударыня, послушайте, ей-богу даромъ безпокоиться изволите. Послушайте, пожалуйте, пожалуйте. Вотъ если угодно, рѣшительно свою цѣну беру, для васъ уже: сто сорокъ. Меньше, повѣрьте совѣсти, гроша не могу.

Розонова. Нѣтъ, семьдесятъ рублей, ей-богу гроша прибавить не могу.

Прикащикъ. Пожалуйте, пожалуйте, сударыня; напрасно безпокоиться изволите, дешевле нигдѣ не найдете. Замѣтьте только, какая доброта, какіе цвѣта! Настоящая шерсть! Если кто вамъ грошъ дешевле продастъ — отдаю даромъ-съ. Даромъ отдаю, если дешевле гдѣ достанете такой доброты.

Розонова. Нѣтъ это дорого, больше не могу.

Прикащикъ. Совсѣмъ не дорого! замѣтьте, какая кайма, вещь первый сортъ, цвѣтъ самый нѣжный, шаль настоящая индѣйская, первый сортъ; возьмите въ руку, настоящій пухъ, вѣсу два золотника. Сто сорокъ-съ!

Розонова. Нѣтъ, больше не могу.

Прикащикъ. Съ васъ надо-бы запросить триста, такъ вы-бы дали сто сорокъ.

Скрывается.

Розонова. Что тутъ дѣлать! Шали, кажется, хороши.

ВМѢСТѢ.

— Липочка. Превосходныя. Купите, маменька.

— Катенька. Прелесть просто, и это не дорого.

Розонова. Прескверный магазинъ! Какъ запросили съ перваго слова, такъ только двадцать рублей скинули! Никакого уваженія къ покупателямъ не имѣютъ. Развѣ прибавить полтинникъ?

Липочка. По-моему сто можно дать.

Розонова. Да, сто! А деньги гдѣ? У меня не бѣшенныя деньги бросать по сту рублей. Посудите сами, добрѣйшій, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, сто рублей за двѣ шали! Возможно-ли это!

Козинъ. Прибавьте трехрублевый — отдастъ.

Розонова. И я тоже думаю. (Отворяетъ дверь). Семьдесятъ съ полтиной, почтеннѣйшій, семьдесятъ съ полтиной!

Прикащикъ. Себѣ дороже стоитъ. Вѣрьте совѣсти — не могу. Пожалуйте, не извольте безпокоиться, сто сорокъ, это даромъ. Если гдѣ дешевле найдете, весь магазинъ безъ гроша денегъ отдаю.

Розонова. Да это плечамъ будетъ больно надѣть такія шали. Въ нихъ ногъ не потащишь. Еще такъ и быть четвертакъ.

Прикащикъ. Мы-бы изъ четвертака разговаривать не стали.

Розонова. Отдавайте, почтеннѣйшій! Посмотрите, какъ имъ хочется имѣть шали. Больше вамъ никто не дастъ. Отдавайте.

Прикащикъ. Нельзя-съ! Цѣна несообразная.

Розонова. Семьдесятъ одинъ.

Прикащикъ. Нельзя-съ!

Затворяетъ дверь.

Козинъ. Что это вы! Передали!

Розонова. Въ самомъ дѣлѣ? Ну, что дѣлать!.. (Отворяетъ двери). Семьдесятъ одинъ, отдавайте почтеннѣйшій, семьдесятъ одинъ.

Прикащикъ (затворяя дверь). Крайняя цѣна! Для вечера!

Розонова. Семьдесятъ одинъ!... Пойдемте, дѣти!

Липочка. Купите, маменька!

Катенька. Вотъ вы всегда такъ!

Розонова. Нельзя-же сразу. Посмотримъ завтра!... Прощайте, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ!

(Филатовъ, довѣренное лицо губернатора, проходитъ торопливо).

Козинъ. Мосье Филатовъ, мое почтеніе!

Филатовъ. Мое почтеніе!

Козинъ. О чемъ это вы хлопочете?

Филатовъ. Да вотъ, ея превосходительсту лентъ надобно, никакъ не подберу подъ цвѣтъ.

Козинъ. Я удивляюсь вашей дѣятельности! Вы завалены порученіями. — Вполнѣ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Филатовъ. Подобныя порученія доставляютъ мнѣ удовольствіе, — я такъ обязанъ ихъ превосходительствами... До свиданія, Дмитрій Павловичъ.... А вы что тутъ подѣлываете?

Козинъ. Гулялъ, да встрѣтилъ кое-кого и заболтался... Розонова-то допустили до баллотировки?

Филатовъ. Что съ нимъ дѣлать! Мастеръ, мошенникъ, хоронить концы.. До свиданія! (Уходитъ).

Розоновъ и Мухоморовъ *(полный помѣщикъ, довольно красивой наружности, въ медвѣжьей шапкѣ).*

Розоновъ. Смотрите-же, мнѣ направо!... Скажите всѣмъ, что у меня шары будутъ мѣчены. Я буду знать, кто мнѣ положитъ черный, тогда тому ужъ лучше и не жить на свѣтѣ.

Мухоморовъ. Ужъ я постараюсь!

Розоновъ. Ну смотрите... Скажите-же своимъ знакомымъ. Вы видите, что меня не одолѣть. Вѣдь выше лба не будешь! — Пойдете противъ меня, такъ значитъ противъ Жу-

равлева пойдете. А вдвоемъ мы всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ! — Въ узелъ завяжемъ и вытянемъ.

Мухоморовъ. Ужъ повѣрьте, Григорій Семеновичъ. Только вы не оставьте, — смирите моихъ-то, приведите въ повиновеніе.

Розоновъ. Всѣхъ передеру, дайте срокъ только!

Козинъ. Мое почтеніе, Григорій Семеновичъ! Ну какъ вы охотитесь?

Розоновъ. Кто? я? Я на охоту не хожу.

Козинъ. Будто-бъ! А мнѣ сейчасъ князь разсказывалъ, что вы удачно бьете.

Розоновъ. Князь пошутилъ.

Козинъ. Ему разсказывали, что вы на тетеревей очень удачно охотитесь: какъ ударите по какой-нибудь тетери, такъ шаръ и есть.

Розоновъ. У! злой языкъ!

Козинъ. Я говорю зло, другіе дѣлаютъ зло.

Розоновъ. Конечно. Вотъ мои враги какихъ мнѣ не дѣлаютъ мерзостей!... Готовы были-бы съѣсть меня живаго.

Козинъ. Князь сейчасъ упрекалъ наше общество за дурной вкусъ. Онъ говоритъ, что здѣсь никто не любитъ устрицъ, а всѣ страшно падки до свинины.

Розоновъ. Что-жъ, свинина вещь хорошая; а устрицы, согласитесь сами, гадость.

Козинъ. Вотъ докторъ любитъ устрицы и всякую гадость.

Розоновъ. Какой докторъ?

Козинъ. Вилькельманъ. Онъ очень неравнодушенъ къ Олимпіадѣ Григорьевнѣ, или, то-есть, къ Катеринѣ Григорьевнѣ. До свиданія, я заболтался!

(Уходитъ)

Розоновъ. Ну, язычокъ! Вѣдь голь, а туда-жъ острится!

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

(спустя сутки послѣ перваго).

СЦЕНА I.

Комната въ квартирѣ Журавлева. Назарьевъ, Шиповаловъ *(помѣщикъ, похожій на тавлинку)*, Дудочкинъ, Ласточкинъ, Покровскій, Господинъ съ сапомъ, Мартышка № 1, Мартышка № 2 стоятъ въ мундирахъ и перешептываются

Розоновъ (прокрадываясь на цыпочкахъ, говоритъ шопотомъ). Что, не выходилъ еще?

Назарьевъ. Нѣтъ, еще. Сейчасъ выйдетъ.

Розоновъ. Ну, слава Богу!... А я испугался, думалъ, что опоздалъ.

Покровскій (Назарьеву). Такъ вы говорите, что Иванъ Сергѣевичъ отсюда ѣдетъ прямо въ Петербургъ?

Назарьевъ. Да.

Покровскій. Хоть-бы однимъ глазкомъ взглянуть, какъ въ Петербургѣ люди живутъ!

Назарьевъ. Не нашему рылу въ калачный рядъ соваться!.. Тамъ надобно что-нибудь изъ двухъ: или отмѣнное просвѣщеніе, или состояніе... Одно слово — столица!

Дудочкинъ (Ласточкину). Вѣдь экій пролаза этотъ Назарьевъ: втерся-таки въ довѣренность къ Журавлеву.

Ласточкинъ. Да, онъ, говорятъ, пользуется большимъ довѣріемъ Ивана Сергѣевича. Вы замѣтьте, — всѣ помыслы его знаетъ.

Дудочкинъ. Пожалуй, въ люди выйдетъ.

Ласточкинъ. Подлипалы всегда выиграютъ!

Назарьевъ (Розонову и Покровскому). Господа! я хотѣлъ-бы быть выбраннымъ въ засѣдатели; надѣюсь, что вы поможете! Въ свою очередь я у Ивана Сергѣевича похлопочу за васъ.

Розоновъ. } Помилуйте! располагайте нами.
Покровскій. }

Назарьевъ (прочимъ). Господа! Иванъ Сергѣевичъ желаетъ, чтобы я былъ засѣдателемъ. Надѣюсь, что вы не будете противъ этого?

Господинъ съ сапомъ. Иванъ Сергѣевичъ предупредилъ желанье наше.

(Входитъ еще нѣсколько дворянъ; они раскланиваются, жмутъ руки; за ними входитъ Трофимъ. Его обступаютъ съ низкими поклонами).

Назарьевъ. Трофимъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Трофимъ Ивановичъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

Господинъ съ сапомъ. Трофимъ Ивановичъ! Вашу ручку! Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы не видались!

Розоновъ. Трофимъ Ивановичъ! Какъ поживаете? Опять мы заживемъ старыми друзьями!

Трофимъ. Здравствуйте! мое почтеніе! (Розонову). Нешто опять исправникомъ будешь?

Розоновъ. Да. Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Трофимъ. Какъ не другъ! Тебѣ въ годъ тысячи полторы переплатишь! Только смотри, опять не выкинь колѣнца, какъ съ Порожневымъ. Вѣдь знаешь, что Иванъ Сергѣевичъ любитъ, чтобы все по его было — и шабашъ. Такъ ты долженъ пильновать (*) угодить ему. Ну да я тебя люблю по крайности за то, что хоша не гордъ, спасибо! Не то, что другіе: въ карманѣ шишъ, а туда-же носъ гнетъ,—дво-

(*) *Пильновать* — стараться (провинц. слово).

рянская кровь! поди ты. Туда-жъ дворянинъ, а самъ и пашетъ, и оретъ и съ крестьянъ оброкъ беретъ!

Розоновъ. Правда ваша, Трофимъ Ивановичъ.

Покровскій. Трофимъ Ивановичъ! наше вамъ!...

Дудочкинъ. Здравствуйте, Трофимъ Ивановичъ!

Ласточкинъ. Почтеннѣйшій, добрѣйшій Трофимъ Ивановичъ! Какъ живется, можется?

Трофимъ. Здравствуйте, здравствуйте!

Шиповаловъ. Трофимъ Ивановичъ! Много лѣтъ здравствовать!

Мартышка № 1. Мое почтеніе, Трофимъ Ивановичъ!

Мартышка № 2. Трофимъ Ивановичъ! Мое нижайшее почтеніе!

Трофимъ. И вы здѣсь?

Мартышка № 1. Какъ же!

Трафимъ. Тише, тише! Иванъ Сергѣевичъ газету читаютъ. Если въ тѣ поры, какъ они читаютъ, кто громко говоритъ, такъ они осерчаютъ больно. Разсердите — такъ святыхъ вонъ унеси! Нечего сказать, ужъ онъ добръ, рѣдкостно добръ, характеру самаго херувимскаго, а ужъ когда осерчаетъ — такъ бѣда просто. Онъ готовъ тутъ убить, засѣчь человѣка, значитъ горячи больно. (Розонову). Да помнишь въ позапрошлый годъ, онъ те чуть трепки не задалъ. Я такъ въ тѣ поры и думалъ, что онъ зашибетъ тебя.

Розоновъ. Что это вы, Трофимъ Ивановичъ, у насъ до того не доходило.

Трофимъ. Да толкуй теперь! А въ тѣ поры сблѣднѣлъ — что твое полотно. Бѣдовый! На твое счастье тогда Петька попался подъ руку, такъ Иванъ Сергѣевичъ его поколотилъ. Вотъ и я, грѣшный, какъ что не такъ — лажу подставить кого-нибудь или нейду, пока кого не потреплетъ или на конюшню не стащитъ. Ну тогда идешь смѣло, поругаетъ, — тѣмъ дѣло и кончится. А безъ того унеси ты, Боже!

Назарьевъ. А все-таки рѣдкой доброты душа!

Трофимъ. Добръ-то добръ, грѣхъ сказать, что недобръ. Мы за него всегда Бога молимъ. Вотъ при его батюшкѣ покойномъ всѣ управляющіе были изъ дворянъ. А Иванъ Сергѣевичъ всѣхъ отпустилъ, изъ своихъ крестьянъ поставилъ. Что-жъ вѣдь дѣла-то, слава Богу, не хуже, чѣмъ въ тѣ поры,—какъ дворяне-то были. Жалованье намъ меньше выходитъ, мы и рачительнѣе. Дворянинъ,—коли что не такъ, взялъ шапку да и раскланялся, его не выпорешь. А мы завсегда здѣсь, его крѣпостные: что хочетъ, то и сдѣлаетъ съ нами. Такъ мы должны пильновать.

Мартышка № 1. Пусть-бы меня сдѣлали управляющимъ, я бы позволилъ себя высѣчь, если-бы провинился.

Трофимъ. Высѣчь-то тебя, пожалуй, отчего не высѣчь. Только такого управляющаго намъ не надо. Не годишься.

Мартышка № 1. Отчего же, Трофимъ Ивановичъ?

Трофимъ. А вотъ отчего я тебѣ скажу. Я люблю правду говорить. Ты вѣдь того.... въ стракулятникахъ былъ, такъ лапа у тебя куда грабаста, да и носъ у тебя того и смотритъ, чтобъ въ рюмку заглянуть.

Господинъ съ сапомъ. Ну, вѣдь и вамъ перепадаетъ Трофимъ Ивановичъ!

Трофимъ. Ну, да нашъ братъ, мужикъ, я тебѣ доложу, столько не украдетъ, какъ вашъ братъ — дворянинъ. Извѣстное дѣло, наши и нужды мужицкія. Сто рублей для насъ—капиталъ. А ты сто рублей считаешь — тьфу! дрянь! Тебѣ подай тысячу, вонъ норовишь имѣнье купить. Всѣ наши управляющіе имѣнья понакупили. Иванъ Сергѣевичъ такъ и разсчитали, говорятъ: свой меньше поживится, а если и поживится, такъ все-же свой. Иванъ Сергѣевичъ рѣдкой правды человѣкъ. Порядокъ и справедливость Боже упаси какъ наблюдаютъ. Въ запрошлую весну поѣхалъ онъ это спускать барки. Я ему говорю, молъ, не суйтесь больно!—

Куда тебѣ, суетится это, кричитъ, самъ работаетъ, распоряжается. Только тянутъ это канатъ. Васька Гундявый какъ-то не остерегся, зацѣпилъ канатомъ — Иванъ Сергѣевичъ бултыхъ въ воду! Мы такъ и ахнули, какъ увидѣли, что батюшка нашъ перекувырнулся въ воду. Пошла тутъ суматоха: кто за канатъ, кто за багоръ, кто за что; а Васька Гундявый, что съ канатомъ-то былъ, не будь простъ, хлопъ въ воду, — вытащилъ! Вытащилъ онъ его на берегъ, а у него и глазки закрыты, — только дышатъ, а вотъ ни перстомъ не шевелятся. Было такъ сиверко, больно еще студено, ледъ мѣстами шелъ. Вытерли мы его водой, влили въ ротъ водки, глядимъ, очнулся. Какъ очнулся — сталъ на ноги, сейчасъ первое слово: «кто, говоритъ, меня вытащилъ?» — Говорятъ: Васька Гундявый. — «Поди сюда!» это Иванъ Сергѣевичъ то. — Тотъ подходитъ. — «Ну, говоритъ, молодецъ!» Сейчасъ обернулись: «Трофимъ! вольную ему и двѣсти цѣлковыхъ.»

Мартышка № 1. Двѣсти цѣлковыхъ!

Мартышка № 2. Боже мой, сколько! Хоть-бы Богъ далъ на мое счастіе ему еще разъ упасть, а я бы его вытащилъ!

Трофимъ. Я говорю: слушаю-съ, молъ, Иванъ Сергѣевичъ.—«А кто, говоритъ, съ канатомъ былъ?»—Васька Гундявый.—«Такъ это ты, говоритъ, мерзавецъ! Дать ему триста розогъ!» Тутъ же его сейчасъ и растянули и отпороли жестоко; я думаю, по сей часъ не забылъ, спина чешется. На другой день вольную и двѣсти цѣлковыхъ въ руки и ступай на всѣ четыре стороны. Такъ вотъ какой порядокъ наблюдаютъ! Ужъ наградить — наградятъ, за то ужъ и виновнаго накажутъ.

Розоновъ. Это самое лучшее.

Шиповаловъ. А говорятъ, покойнаго Сергѣя Андреевича больше любили.

Трофимъ. Въ томъ души не чаяли, просто. Этого за

новые порядки не такъ любятъ. Знамо дѣло: мужикъ—сивографъ, на то и есть хамово отродье, чтобы работать для господъ, примѣрно. Но долженъ же онъ и свое отдохновеніе имѣть. Не такъ-ли? На работѣ указывай пожалуй, и спина твоя, коли за дѣло. А дома мужикъ — хозяинъ, его ужъ не тронь! Онъ себѣ порядокъ наблюдаетъ. Иванъ Сергѣичъ выстроили всѣмъ каменныя избы: оно хорошо, да по хозяйству, по мужицкому, несподручно. Требуютъ, чтобъ это чистота была, а тутъ надобно и теленочка и яловку помѣстить. Курочкѣ мѣсто надо. Нигдѣ это ничего. Требуютъ чистоты,—гдѣ же держать? Хворму завели эту, чтобъ мужикъ въ синемъ армякѣ, въ красной кумачевой рубашкѣ былъ. И образцы далъ, и съ какой штуки и какъ шить. Бабамъ тоже хворма,—въ будни одна, въ праздникъ другая. Встрѣтитъ не въ хвормѣ, такъ и святыхъ унеси. Одежду эту оборветъ, сожжетъ, самаго отдеретъ. Вотъ это больно трудно. По воскресеньямъ не смѣй и на себя работать; до обѣда пѣсенъ не пой, — все это дѣлай по приказанью. Тсъ! идетъ, идетъ самъ!

Журавлевъ (входитъ). Мое почтеніе, господа! (Всѣ кланяются). Садитесь, господа, сдѣлайте одолженіе. Благодарю васъ за довѣріе ко мнѣ, я это вполнѣ цѣню! Будьте увѣрены, что если я указываю вамъ того-ли избрать, или другаго, такъ это потому, что имѣя больше вашего дѣлъ и столкновеній, я могу судить лучше о достоинствахъ избранныхъ лицъ. Надѣюсь, что вы меня настолько знаете, что не усомнитесь въ строгой справедливости моего выбора по личному достоинству каждаго избираемаго. По своему состоянію, по положенію въ свѣтѣ, я стою выше мелкихъ разсчетовъ, ничтожнаго пристрастія, которое можетъ руководить человѣка съ состояніемъ ограниченнымъ. Мнѣ нечего гнаться за моими личными разсчетами и выгодами. Безъ всякихъ ложныхъ притязаній я получаю столько съ моихъ имѣній и фабрикъ, что не погонюсь за какимъ-нибудь ни-

чтожнымъ интересомъ, который могу получить притѣсненіемъ моего сосѣда. Это будетъ такая мелочь, какъ капля въ морѣ, сравнительно съ моимъ состояніемъ. Это я говорю къ тому, чтобъ вы убѣдились, что мнѣ нѣтъ нужды иначе дѣйствовать, какъ въ видахъ пользы общей и потому предложу достойнѣйшихъ. Я не буду, какъ другіе, руководствоваться мелкими, личными выгодами. По моему мнѣнію судьею можетъ быть вполнѣ Медидовъ. Какъ вы находите?

ГОЛОСА.

— Совершенно согласны!
— Прекрасный судья!
— И мы его желаемъ!
— Достойнѣйшій человѣкъ!

Журавлевъ. Очень пріятно слышать. Исправникомъ я бы желалъ видѣть г. Розонова. Не смотря на нелѣпые слухи и нѣкоторые его недостатки, его неутомимая дѣятельность и, главное, знаніе дѣла служатъ ручательствомъ, что лучшаго исправника трудно найти. Повѣрьте, знаніе дѣла и опытность чрезвычайно важны. Я убѣдился въ этомъ. Могу судить, имѣя помѣстья въ различныхъ мѣстахъ имперіи и путешествуя за границей.

ГОЛОСА.

— Прекрасно!
— Мы съ удовольствіемъ изберемъ его!
— Почтеннѣйшій Григорій Семеновичъ, какъ мы рады!

Журавлевъ. Остальнымъ списки раздастъ вамъ Трофимъ, чтобы не вышло путаницы, какъ на прошедшихъ выборахъ. Надѣюсь, господа, услужить вамъ такими чиновниками. Надѣюсь, что и они въ свою очередь постараются оправдать наше довѣріе и избраніе!

Розоновъ. Постараюсь всѣми силами.

Назарьевъ. Вѣдь мы не дерево, слѣдовательно чувствуемъ.

Журавлевъ. Еще два слова, господа! Сѣйте свекловицы больше, не бойтесь за сбытъ. Если весь уѣздъ засѣете, я все-таки скуплю всю. Мало будетъ этихъ заводовъ, я поставлю хоть десять новыхъ. Получайте списки отъ Трофима и поѣдемте!

Кланяется и уходитъ.

СЦЕНА II.

Залъ въ дворянскомъ собраніи. Дворяне мало-по-малу съѣзжаются и образуютъ разныя группы. Жученко, отставной капитанъ, старый драбантъ сухого сложенія, брюнетъ съ просѣдью, съ солдатскою физіономіею, съ длинными усами. Одѣтъ въ старинный пѣхотный мундиръ съ узенькими, длинными фалдами и съ высокимъ, краснымъ воротникомъ, отъ котораго приливаетъ кровь въ лицо. — Мѣшковскій, капитанъ-драбантъ, блондинъ, пониже и потолще Жученки, физіономія солдатская, но на другую колодку. Усы рыжіе, коротко подстриженные, мундиръ такой-же. Оба говорятъ на *о*, съ грубымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ.

Жученко. Ба! Да это ты, братъ (*)!

Мѣшковскій. Я! — А это ты братъ?

Жученко. Я!

Мѣшковскій. Да ты какъ сюда попалъ?

Жученко. А ты какъ сюда попалъ?

Мѣшковскій. Я, братъ, въ отставкѣ и женился.

Жученко. Да вѣдь и я же, братъ, въ отставкѣ и женился!

Мѣшковскій. О-о-о-о-о! Во-какъ!

Жученко. Да!

(*) Этюдъ съ натуры.

Мѣшковскій. Что же ты помѣстье взялъ?

Жученко. Взялъ! — А ты тоже помѣстье взялъ?

Мѣшковскій. Взялъ! — Такъ ты помѣщикъ?

Жученко. Помѣщикъ! — И ты хозяинъ?

Мѣшковскій. Хозяинъ!

Жученко. Вотъ какъ! — Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Такъ и ты, братъ, хозяинъ?

Жученко. Хозяинъ!

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да.

Мѣшковскій. О-о-о-о! Славно, славно! А много у тебя душъ-то?

Жученко. Сто три по ревизіи: да прахъ ихъ возьми— разбойники!

Мѣшковскій. О-о-о! Разбойники?

Жученко. Разбойники! шельмы такіе, что страсть!

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да.

Мѣшковскій. Драть ихъ!

Жученко. Да, я и то ихъ, ракалій, по-военному!

Мѣшковскій. О-о-о! по-военному?!

Жученко. Такъ что-жъ ты думаешь, братъ? — Разбѣжались!

Мѣшковскій. Разбѣжались?!

Жученко. Разбѣжались, шельмы! канальи!

Мѣшковскій. Такъ ты, братъ, хозяинъ!

Жученко. Хозяинъ! — И ты братъ хозяинъ?!

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Во-какъ!

Жученко. Да. А у тебя сколько душъ?

Мѣшковскій. У меня по ревизіи сто двадцать.

Жученко. А на лицо?

Мѣшковскій. А на лицо душъ тридцать! — Разбѣжались!

Жученко. А-а-а! Вишъ ты,—разбѣжались!?

Мѣшковскій. Да. — Разбойники!

Жученко. Я-жъ тебѣ говорю: разбойники!

Мѣшковскій. Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Жученко. Хозяинъ! — И ты, братъ, хозяинъ?

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Во-какъ!

Жученко. Да! — Знаешь, я у себя завелъ: чуть что — драть, какъ Сидорову козу. А не то, разбойники! — убьютъ!

Мѣшковскій. Да, убьютъ же и есть!

Жученко. Это бестіи такіе, что съ ними только и можно розгой. А каковъ у тебя староста?

Мѣшковскій. Мошенникъ! разбойникъ! воръ!

Жученко. Ха, ха, ха, ха! Вѣдь и у меня тоже!

Мѣшковскій. Каналья?

Жученко. Плутъ естественный!

Мѣшковскій. Я своего сѣку каждый божій день!

Жученко. Ха, ха, ха, ха! Вѣдь и я тоже!

Мѣшковскій. А не то обворуетъ! убьетъ!

Жученко. А-а-а? Убьетъ? — Это братъ не то, что фельдфебель въ полку!

Мѣшковскій. Да въ полку и жизнь другая!

Жученко. Рота бывало идетъ — душа ростетъ просто

Мѣшковскій. А ты давно въ отставкѣ?

Жученко. Десять лѣтъ.

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да. — А ты братъ давно въ отставкѣ?

Мѣшковскій. А во на Знаменье девять лѣтъ было!

Жученко. Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Мѣшковскій. Хозяинъ. — И ты, братъ, хозяинъ?

Жученко. Хозяинъ.

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да!

Мѣшковскій. Славно!

Жученко. Небось службу забылъ?!

Мѣшковскій. Нѣтъ, братъ, не забылъ!

Жученко. А ну съ Рекрутской школы! Дѣлай-ка примѣрно!

Мѣшковскій. Изволь.

Жученко (командуетъ). Подъ к-у-у-у—*рокъ!* Да вотъ же и забылъ *).

Мѣшковскій. Гдѣ-жъ забылъ?

Жученко. А ну еще разъ! (Командуетъ). Подъ к-у-у-у—*рокъ!* Ну, и есть забылъ.

Мѣшковскій (съ жаромъ оскорбленнаго достоинства). Нѣтъ, не забылъ!

Жученко. А въ первомъ пріемѣ палецъ гдѣ?

Мѣшковскій. Какой палецъ?

Жученко (торжественно). Да большой же!—Ты берешь въ обхватъ!

(Переученый подходитъ къ нимъ).

Мѣшковскій (съ досадой). Ну въ обхватъ!

Жученко (торжественно). Ну и забылъ!

Мѣшковскій (съ жаромъ). Да въ обхватъ же!

Жученко. А да нѣтъ! На шурупѣ! **)

Мѣшковскій (съ запальчивостью). Въ обхватъ!

Жученко (съ чувствомъ превосходства). А посмотри въ уставъ!

Мѣшковскій. Да я же каждый день уставъ читаю!

Жученко. Вѣрно плохо!

Мѣшковскій. Нѣтъ, не плохо! А это ты, братъ, забылъ!

Жученко. И я тоже каждый день читаю!

---

*) Окончательная команда, напечатанная курсивомъ, произносится коротко.

** *Шурупъ*—винтъ въ ружьѣ. Дѣло идетъ о винтѣ, придерживающемъ ружейный замокъ.

Мѣшковскій. И я читаю. Посмотришь по хозяйству, отпорешь этихъ бестій, да отъ-нечего-дѣлать за уставъ!

Жученко. Ну и я то же.

Мѣшковскій. Такъ въ обхватъ же!

Жученко. На шурупѣ!

Мѣшковскій. Пойдемъ ко мнѣ! Рекрутская школа со мной!

Жученко. Взгляни!

Мѣшковскій. Вотъ сейчасъ пойдемъ! Еще успѣемъ сбѣгать. Я стою не далеко.

Жученко. Пойдемъ!

(Поспѣшно уходятъ).

Переученый (грустно, смотря имъ вслѣдъ). Вопросъ чрезвычайной важности! И главное — имъ время заниматься! Точно нѣтъ вопросовъ животрепещущихъ, необходимыхъ, которые на сердцѣ наболѣли, измучили всю душу. Когда-жъ, какъ не теперь, ихъ разрѣшить удобно, — здѣсь собрано дворянство всей губерніи. — Богъ вѣсть, что занимаетъ ихъ, составились кружки, всѣ съ жаромъ говорятъ, точно въ самомъ дѣлѣ въ нихъ есть огонь, точно - будто кровъ течетъ въ ихъ жилахъ, а не какая-то холодная лимфа! Послушаю пойду! Мнѣ хочется знать главнѣйшее настроеніе умовъ.

1-я Группа: Пестриковъ, Медидовъ (судья, исправляющій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность предводителя. Маленькій человѣчекъ съ большимъ, слегка рябымъ лицомъ, и съ огромнымъ брюхомъ. Онъ чрезвычайно любитъ спорить и противорѣчить, но только на словахъ; въ сущности онъ очень добрый человѣкъ и на дѣлѣ крайне уступчивъ. Говорятъ, что его волосы и щеки въ полномъ владѣніи его жены, а носъ подъ неограниченною властію секретаря). *Нѣсколько помѣщиковъ.*

Пестриковъ (дидактически). Ужъ я вамъ говорю: хозяйка, такъ хозяйка! Какіе у нея огурцы соленые и копченая рыба! — Объяденье! Я нигдѣ не ѣдалъ такихъ. Моя жена взяла у нея рецепты. Во-первыхъ, надобно перемыть огурцы, потомъ взять бочку, выпарить ее...

Медидовъ. Пока будете бочку парить — огурцы завянутъ!

Пестриковъ. Фу, Боже мой! Ну прежде выпарьте бочку, положите рядъ листьевъ дубовыхъ, смородиновыхъ и кленовыхъ...

Медидовъ. Экъ, куда заѣхали!—Кленовыхъ не кладутъ.

Пестриковъ. Нѣтъ, кладутъ! Потомъ положите рядъ огурцовъ, рядъ листьевъ, рядъ огурцовъ, рядъ листьевъ, такъ до верху. Засыпьте сверху листьями, укропомъ, ястрогономъ, положите нѣсколько головокъ чесноку...

Медидовъ. Сохрани васъ Боже класть чесноку! Огурцы будутъ вонять сапогами!

Пестриковъ. Можно и не класть, — кто какъ любитъ.

Медидовъ. Да кто же будетъ любить огурцы, которые воняютъ извощицкими сапогами! Нѣтъ, батенька, не мастеръ вы, я вижу, солить огурцы! Вотъ у меня, батенька, огурцы, такъ огурцы!

Пестриковъ. Далеко вашимъ до этихъ! Это сласть!— конфета! Ну-съ, потомъ уложивши такъ, обдайте самымъ крутымъ кипяткомъ....

Медидовъ. Ну что-жъ — и выйдетъ дрянь! Обдавать кипяткомъ не должно!

Пестриковъ. Нѣтъ, должно!

Медидовъ. Нѣтъ, не должно!

Пестриковъ (съ досадой). Да вѣдь вы не ѣли этихъ огурцовъ!

Медидовъ. И ѣсть не стану такой мерзости!

Пестриковъ. Вы сперва попробуйте...

Медидовъ. И пробовать такой дряни не хочу!

Переученый. Желудки!.. Боже мой, сойти съума! Неужели я не услышу ни одного живаго слова, ни одной мысли здравой? Тяжело и горько слушать! Вотъ о чемъ-то съ жаромъ разсуждаютъ. Послушаю!

2-я Группа: Господинъ съ бородавкою, Ласточкинъ, Шиповаловъ, Мухоморовъ и другіе.

Мухоморовъ. Ну, а овесъ у васъ въ нынѣшнемъ году какъ?

Шиповаловъ. Плохъ, очень плохъ! На сѣмя не сберешь.

Ласточкинъ. Дождей совершенно не было! — все погорѣло.

Мухоморовъ. Я не знаю, какъ у васъ, господа, а у меня въ нынѣшнемъ году овесъ поспѣлъ совершенно не во̀ время, такъ что я не успѣлъ его убрать и вѣрно половина зерна вытекла.

Господинъ съ бородавкой. И у меня тоже. А ужъ чего не дѣлали, чтобъ дождичка Богъ послалъ, и вокругъ полей ходили, и лягушекъ били и по деревьямъ вѣшали, — ничто не помогло. Все погорѣло.

Ласточкинъ. У меня тоже не успѣли во̀-время убрать.

Шиповаловъ. Говорятъ, есть машина такая, что живо все сожнетъ. Вотъ если-бы такая машина у насъ была!

Господинъ съ бородавкой. Сохрани васъ Господь Богъ и видѣть-то ее, а не только что имѣть!

Шиповаловъ. Отчего же?

Господинъ съ бородавкой. Отчего? — Оттого, что это вздоръ, выдумки! Пустая теорія и вольнодумство этихъ умниковъ, а на практикѣ, батенька, не то. На практикѣ чистое разоренье: купите машину, заплатите за нее собачьи деньги, а она у васъ поработала нѣсколько дней, а тамъ и стой. И все ужъ не сработаетъ такъ, какъ человѣкъ! Наконецъ и грѣхъ тяжкій! Вѣдь не показано собирать хлѣба и работать машинами. Значитъ, мы должны трудиться, исполнять Господню волю. Вѣдь не сказано машинами съѣшь хлѣбъ твой, — ну и значитъ это грѣхъ. Вѣдь Богъ это въ наказаніе за грѣхи опредѣлилъ трудиться для хлѣба, а мы говоримъ, молъ выдумали машины, теперь нѣтъ и наказанья Божьяго для насъ! Вѣдь это вотъ что!

Мухоморовъ. Именно что грѣхъ! Братцы вы мои, какъ народъ-то нынче умудряется — страсть! Выше Бога хотятъ быть!

Господинъ съ бородавкой. Вотъ то-то и плохо!... Послѣднія времена приходятъ; — прежде, какъ люди жили въ простотѣ нравовъ, не мудрили такъ, не превозносились, и было все лучше: и благораствореніе воздуховъ, и плодородіе плодовъ земныхъ! А теперь вотъ неурожаи, бѣды, скорби! Все это въ наказаніе за гордость человѣческую, за то, что мы хотимъ слишкомъ много знать. Вѣдь чуть башни вавилонской не строятъ!

Шиповаловъ. Ну, просвѣщеніе полезно!

Господинъ съ бородавкой (съ жаромъ). А зачѣмъ оно? Вотъ мой дѣдушка, царствіе ему небесное, читать не умѣлъ, а какъ жилъ! Гдѣ намъ со всѣмъ просвѣщеніемъ такъ жить! И что это въ мірѣ дѣлается? Страсть и ужасъ! Пошли вредныя идеи, безбожіе, вольнодумство! Все это просвѣщеніе! Вдругъ выдумали простой народъ грамотѣ учить. Да развѣ этихъ скотовъ можно чему-нибудь выучить! И для чего имъ науки и просвѣщеніе? Они должны работать, они созданы для работы! То-то эти машины! Прежде народъ трудился, такъ и зналъ Бога, а теперь — машины, ну, машины и въ головахъ пошли! Я бы ихъ всѣхъ и съ машинами! И все это вздоръ, не вѣрьте! Эти машины хороши за границею гдѣ-нибудь, въ Германіи. Тамъ цѣлое королевство меньше моего имѣнія. Такъ, — тьфу! — бородавка, а не государство! Ну, въ такихъ-то владѣніяхъ и королю некому служить; вѣдь надобно тоже дворъ, прислуга, войско, чины разные, управленія, власти; сосчитайте-ка все и выходитъ, что всѣ на службѣ, а на частныхъ владѣльцевъ и работать некому. Поневолѣ, хочешь, не хочешь, запрягай машину, да отдавай душу въ пекло. А у насъ чего? Слава Богу, есть кому работать! Вонъ у меня дворни одной, не знаешь куда и дѣвать, даромъ живутъ, имъ и дѣлать нечего, работы для

нихъ не выдумаешь, а обожрали совсѣмъ. Вѣдь онъ лопаетъ столько же, какъ и работникъ.

Мухоморовъ. Да, ужъ его подай ему. Корми! Онъ не разсуждаетъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Вонъ у меня Ермолай, старъ сталъ, какъ собака, ходить не можетъ, ужъ ровно ничего не дѣлаетъ, а ты его все-таки корми — жретъ какъ молодой!

Господинъ съ бородавкой. Ну, вотъ то-то и есть! Зачѣмъ намъ машины, когда у насъ и людямъ-то дѣлать нечего!

Переученый (не выдержавъ). А зачѣмъ у васъ столько дворни?

Господинъ съ бородавкой (насмѣшливо осмотрѣвъ его съ ногъ до головы). Гмъ! Зачѣмъ у меня столько дворни?.... Ха, ха, ха! Затѣмъ, что Богу угодно было дать мнѣ такой достатокъ! У другаго пахать некому, комнатъ вытопить некому, а у меня дѣлать людямъ нечего, такъ ихъ много! А зачѣмъ? это спросите у Бога. Такъ про что мы говорили-то?... Да! Ну, выдумаешь нарочно какую-нибудь работу, тамъ, горку срыть, или еще что-нибудь, знаете, только чтобы они даромъ на печи не лежали, чтобъ не даромъ кормить ихъ. Ну, зачѣмъ же тутъ машины?! Впрочемъ, знаете, — стыдно сказать, а нельзя не признаться! — вѣдь и меня разъ отуманили. Поѣхалъ я къ управляющему Давида Сергѣевича, онъ мнѣ и разсказываетъ, что Давидъ Сергѣевичъ изъ Петербурга пишетъ, купилъ, вишь, машину и отправляетъ сюда. Машина, изволите видѣть, паровая, она паромъ будетъ и муку молоть, и крупу обдирать, и сукно валять, и молотить, и не вѣсть что дѣлать, — все одна. И нѣмца мастера для устройства прислалъ. Одолѣлъ и меня врагъ, засѣла у меня въ головѣ машина. Пріѣхалъ я домой, моя мельница стоитъ, — воды нѣтъ, молоть нечѣмъ! Свои мужики привезли рожь, сосѣдніе, — нѣтъ воды да и только! Шабашъ! Стоитъ мельница. А меня врагъ такъ и толкаетъ: поставь машину, молоть будетъ,

крупу драть, сукно валять! Просто одурѣлъ! Ну, думаю, куда ни шло, поставлю! А потомъ опять раздумье беретъ. Что тутъ дѣлать? Помолился я усердно Богу, чтобы Онъ меня надоумилъ что сдѣлать. Вотъ-съ на другой день пришла мнѣ въ голову мысль: дай, молъ, погадаю! Взялъ я Соломона, бросилъ восковой шарикъ, — что же вы думаете, вышло? «*Не превозносися, человѣче, чтобы не потерять и послѣдняго даннаго Богомъ таланта!*» Тутъ на меня и нашло просвѣтленіе. Боже мой, что же это я дѣлаю! Бросилъ я изъ головы это все. Ну, а Давидъ Сергѣевичъ и поставилъ машину, и вышла гадость. Его машина поработаетъ въ годъ мѣсяца четыре или пять, а тамъ и стоитъ. А моя мельница тихо, тихо, а все цѣлый круглый божій годъ работаетъ.

Ласточкинъ. Хорошо, что вы вздумали погадать!

Господинъ съ бородавкой. Богъ надоумилъ!

Переученый. Машина работаетъ четыре мѣсяца и все-таки въ сто разъ больше сдѣлаетъ и принесетъ пользы, нежели ваша мельница, работая годъ.

Господинъ съ бородавкой. Ну, это еще вилами на водѣ писано, вы въ моемъ карманѣ не считали! Вы еще молоды! У васъ въ головѣ все идеи, да воздушные замки, а ужъ я, батюшка, посѣдѣлъ надъ дѣломъ-то. Знаю, какъ на практикѣ! Нѣтъ-съ, машины — гибель, вредъ!

Шиповаловъ (глубокомысленно). А, напримѣръ, желѣзная дорога?

Господинъ съ бородавкой (презрительно). Что же въ ней полезнаго?

Шиповаловъ. Во-первыхъ, европейское образованіе....

Господинъ съ бородавкой. Какое тамъ образованіе! Наконецъ, что въ немъ? Жили люди и безъ него, безъ европейскаго вашего образованія, еще лучше, чѣмъ теперь, — богаче, спокойнѣй, счастливѣй!

Шиповаловъ. Во-вторыхъ: скорость сообщенія....

Господинъ съ бородавкой. А зачѣмъ она? Что такъ приспичило летѣть, сломя голову?

Шиповаловъ (въ затрудненіи). Зачѣмъ? какъ зачѣмъ?— Товары перевозить!

Господинъ съ бородавкой. Товары перевозить? На то Господь создалъ скота — лошадь. А ваши машины только народъ развращаютъ. У троечниковъ — мужичковъ-ямщиковъ — хлѣбъ отняли, а пользы отъ нихъ никакой! Что я буду скакать, какъ угорѣлый? Мнѣ пріятнѣе отдохнуть когда хочу, и постоять сколько пожелается, и пообѣдать, и чаю напиться, гдѣ вздумается. Ѣду я на лошадяхъ, я полный себѣ господинъ! Захотѣлъ всталъ, прошелся, опять сѣлъ: пошелъ! Захотѣлъ ѣду, захотѣлъ — стою! А тутъ уложатъ какъ вещь и везутъ сломя голову, словно на пожаръ! Я бы всѣхъ этихъ, кто машины выдумалъ и ѣздитъ на нихъ, пересѣкъ и спросилъ: куда и зачѣмъ они летѣли? Эхъ вы, умники, умники! А небось, у васъ скотъ-то весь выпалъ

Шиповаловъ. Что-жъ дѣлать? Эпидемія.

Господинъ съ бородавкой. Ну, а у меня такъ не падалъ. Я вотъ не пошелъ къ университетскимъ умникамъ спрашивать: что дѣлать? А у меня скотница Химка больше ихъ всѣхъ знаетъ. Вотъ и въ университетѣ не была, а спасла скотъ — тѣ бы вѣдь не съумѣли!

Ласточкинъ. Какъ-же она спасла?

Господинъ съ бородавкой. А, говоритъ, прикажите, баринъ, на воротахъ и на всѣхъ углахъ написать дегтемъ: «нѣту дома, приди вчера».

Мухоморовъ. Какъ? какъ?

Господинъ съ бородавкой. Нѣтъ дома, приди вчера.

Мухоморовъ. И больше ничего?

Господинъ съ бородавкой. Больше ничего! Разумѣется, держали его на скотномъ дворѣ, не выпускали, ку-

рили навозомъ, поили изъ колодца, хотя колодезь дальше чѣмъ рѣка, да отецъ Іоаннъ освятилъ въ колодезѣ воду.

Мухоморовъ. И ни одна не упала?

Господинъ съ бородавкой. Ни одна. Да вотъ я вамъ скажу примѣчаніе, замѣтьте сами: съ-тѣхъ-поръ, какъ на нашей рѣчкѣ кожевникъ поставилъ проклятую машину, какъ часто пошли падежи!

Ласточкинъ и Мухоморовъ. Правда, правда!

Шиповаловъ. Случай!

Господинъ съ бородавкой. Нѣтъ, не случай, а машина проклятая! Отчего? Оттого что, правду говоритъ отецъ Іоаннъ, Господь отвернулся отъ водъ и онѣ стали зловредны!

Переученый. Оттого, что на вашей рѣчкѣ поселился кожевникъ; онъ вымачиваетъ кожи въ рѣкѣ, а между кожами есть съ зараженнаго скота. Черезъ это внизъ по теченію и пошли падежи. Вотъ, когда вы будете избирать исправника, такъ и ткните его въ это носомъ.

Господинъ съ бородавкой. Это такъ, по-вашему, по-ученому. Вѣдь вы не признаете божьяго промысла! А по-нашему, по-христіанскому, это божье попущеніе, наказаніе за грѣхи.

Шиповаловъ. Ваша правда: это божье попущеніе за грѣхи наши! Но, знаете, мнѣ кажется, и въ ихъ словахъ много справедливаго.

Господинъ съ бородавкой. Ну ужъ, батюшка, поздравляю съ этой справедливостью! Это гиль, дичь, вздоръ!

Господинъ съ сапомъ, Медидовъ, Пестриковъ и другіе подходятъ.

Господинъ съ сапомъ. Петръ Васильевичъ! почтеннѣйшій Петръ Васильевичъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье? Игнатій Николаевичъ! Семену Андреичу мое нижай-

шее! Павелъ Петровичъ! Петръ Павловичъ! Какъ живете, можете?

(Здороваются).

ГОЛОСА.

— Благодарю покорно!

— Вы какъ поживаете?

— Что это васъ не видно?

— Анна Дмитріевна какъ здорова?

— Дѣточки ваши?

Господинъ съ сапомъ. Покорно благодарю! Всѣ здоровы.

ГОЛОСА.

— Ну, слава Богу!

— Здравствуйте!

— Мое почтеніе!

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Господинъ съ сапомъ (господину съ бородавкой). О чемъ это вы спорили?

Господинъ съ бородавкой. Да вотъ молодой человѣкъ набрался въ университетѣ всякой дряни! У него зашелъ умъ за разумъ просто! Несетъ такую гиль, что уши вянутъ!

Медидовъ. Что такое? Что они говорятъ?

Господинъ съ сапомъ. Въ чемъ дѣло?

Господинъ съ бородавкой. Извѣстно что! Безбожіе, вольнодумство, ниспроверженіе порядка, вредныя идеи.... Напримѣръ, хочетъ мужиковъ учить грамотѣ, давать имъ образованіе.

Господинъ съ сапомъ. Не въ университетъ-ли ихъ?

Переученый. Отчего же нѣтъ? Если кто изъ нихъ пожелаетъ и дѣйствительно предастся наукѣ — пусть идетъ въ университетъ. Намъ надобно давать имъ средства учиться.

ВМѢСТѢ.

— Пестриковъ. Ну, ужъ это черезчуръ!

— Господинъ съ бородавкой. Слышите?

— Господинъ съ сапомъ. Экъ, куда хватили! Конюшня — вотъ ихъ университетъ!

— Медидовъ. Попалъ пальцемъ въ небо!

Шиповаловъ. Ужъ это совершенно излишне! Нѣтъ никакой надобности давать имъ такое образованіе. Зачѣмъ мужику лѣзть не въ свои сани, въ университетъ, съ шитымъ рыломъ, бородѣ!

Переученый. Вы говорите — нѣтъ надобности? Есть надобность! Большая! Насущная потребность! Посмотрите, какъ въ наше время измельчали люди! Гдѣ у насъ міровые геніи, или, по-крайней-мѣрѣ, великіе таланты? Ихъ нѣтъ! Нигдѣ вы не найдете человѣка съ огромнымъ дарованіемъ. Нѣтъ у насъ мыслителей великихъ, писателей, поэтовъ геніальныхъ, изобрѣтателей, ученыхъ, великихъ дѣятелей на поприщѣ гражданскомъ, великихъ полководцевъ! Ни въ чемъ, нигдѣ нѣтъ человѣка, который-бы значительно превосходилъ другихъ! А отчего?

Медидовъ. Гдѣ-жъ имъ быть у насъ въ Россіи?

Шиповаловъ. Россія молода еще! Мы пока должны учиться у иностранцевъ!

Переученый. Въ самомъ-дѣлѣ, какія мы дѣти! Малютки! Тысячу лѣтъ Россія существуетъ, а что мы сдѣлали? Какую пользу принесли мы человѣчеству? Какой вопросъ мы разрѣшили въ жизни народовъ? Мы даромъ бременили землю. Вы говорите: мы должны учиться у иностранцевъ! Неужели мы дѣти и должны ходить на помочахъ? Перенимать чужое, не жить своимъ умомъ? Пора намъ возмужать, понять себя и перестать гордиться тѣмъ, чего стыдиться-бы было надо. А вы сказать могли, гдѣ явиться человѣку съ дарованіемъ въ Россіи.... Что-жъ, у насъ развѣ быть не можетъ талантовъ? Нѣтъ, были у насъ Сперанскіе, Су-

воровы, Пушкины, Лермонтовы, Гоголи, Грибоѣдовы и другіе. Я вѣрю въ русскій умъ: въ него нельзя не вѣрить. Пора же заявить его предъ свѣтомъ. Въ Россіи много силъ, пора имъ дѣйствовать на пользу и удивленье всего міра. Пускай проснутся эти силы и русскій умъ нашъ развернется! Тогда мы много совершимъ, мы создадимъ великое, и человѣчество съ благодарностью и съ удивленіемъ къ намъ придетъ учиться!

Господинъ съ бородавкой. Пошелъ!...

Господинъ съ сапомъ. Экую понесъ ахинею!

ДРУГЪ ДРУГУ.

— Медидовъ. Темно какъ....

— Пестриковъ. Я ни чорта не понимаю!

— Мухоморовъ. Вотъ наговорилъ!

— Шиповаловъ. Сколько у него мысли!... Нѣтъ, дѣльно говоритъ.

Ласточкинъ. Нѣтъ, слишкомъ мудрено ужъ!

Переученый (продолжаетъ съ жаромъ, не обращая вниманія на ихъ перешептыванія). Не можетъ быть, подумайте вы сами, чтобъ изъ семидесяти милліоновъ не было у насъ великихъ міровыхъ талантовъ, когда мы, русскіе, и всѣ славяне, одарены такъ щедро отъ природы! Теперь мы выродились — и только! Въ жизни государства принимаютъ участіе не семьдесятъ милліоновъ, а двѣсти тысячъ. Изъ нихъ, пока, являлись всѣ таланты, имъ пока доступно просвѣщенье, но двѣсти тысячъ не могутъ же производить все геніевъ, талантовъ! Мы выродились, породы измельчали; но въ массѣ остальной, милліонной, есть геніи, таланты, но нѣтъ для нихъ дороги. Они подъ палкой вашей, въ тинѣ невѣжества, необразованья гибнутъ. Вотъ почему для насъ, для нашего отечества, для человѣчества всего необходимѣе открыть и мужикамъ дорогу къ просвѣщенью.

ВМѢСТѢ.

— Господинъ съ бородавкой. Галиматья!

— Господинъ съ сапомъ. Досадно слушать!

— Медидовъ. Дичь несетъ!

Мухоморовъ. Кто-же тогда будетъ работать, если мужиковъ учить?

Переученый. Они-же, — мужики!

Господинъ съ бородавкой. Вы же ихъ хотите засадить въ университетъ!

Господинъ съ сапомъ. Ихъ на конюшшню! — вотъ университетъ! Да розги вмѣсто наукъ: какъ вспрыснешь, такъ и научишь уму-разуму! Вотъ имъ какое надо просвѣщенье!

Переученый (господину съ бородавкой). Въ университетъ пойдетъ милліонная, можетъ быть, доля; а остальные останутся работать! Знаніе грамоты пахать нашимъ мужикамъ не помѣшаетъ, какъ не мѣшаетъ нѣмцамъ.

ДРУГЪ ДРУГУ ГОВОРЯТЪ ВМѢСТѢ.

— Пестриковъ. То нѣмцы!

— Мухоморовъ. Да. А это наши русскіе мужики!

— Ласточкинъ. Братцы мои!... Да какъ учить мужика и къ чему это? Развѣ это ему нужно?

— Шиповаловъ. Дворовыхъ еще — такъ, пожалуй, необходимо учить читать и писать.

Господинъ съ бородавкой. Когда же имъ читать, когда работать надо!

Переученый. Зимой! Наконецъ всегда, когда идетъ въ кабакъ онъ. — Онъ пьяница отъ невѣжества и скуки. Развейте его понятія, — онъ нравственнѣе будетъ. Онъ не пойдетъ кабакъ, а станетъ читать книгу.

Господинъ съ сапомъ. Фразы, фразы, фразы! Дичь! гиль! Экъ, куда заѣхали!... Досадно даже слушать!

Господинъ съ бородавкой. Да развѣ можно ихъ выучить чему-нибудь? Изъ русскаго мужика вы ничего не сдѣлаете!

Переученый. Нѣтъ, русскій мужичокъ уменъ, понятливъ и способенъ! Вы на него не клевещите!

Господинъ съ сапомъ. Хамово отродье!

Переученый. Отчего-же хамово отродье? Мы всѣ одного рода, одного происхожденія! Наши предки вышли изъ такихъ же мужиковъ, холопьевъ, хамова отродья! Насъ такъ же палками другіе дули. Наконецъ, рѣдко заслугами, а чаще подлостью, они выслужились, освободились и надъ другими возвысились сами. Тутъ они забыли все, какъ ихъ давили и оскорбляли. Забыли трудъ и стали жить въ праздности и лѣни, другихъ давя и оскорбляя. Современемъ на спинахъ ихъ зажили рубцы, руки побѣлѣли, потому что ихъ на черную и трудную работу не употребляютъ. Мы не жаримся по цѣлымъ днямъ на полѣ и носимъ тонкія одежды, оттого у насъ мягче и бѣлѣе кожа. И въ то время, какъ крестьянинъ трудится, мы въ праздности живемъ, ѣдимъ и пьемъ неумѣренно, спимъ полжизни, развратничаемъ, порокамъ предаемся, — вотъ мы и благородные — дворяне!

Пестриковъ. Что-жъ, и намъ прикажете работать?

Переученый. Разумѣется! Если за васъ трудятся другіе матеріально, физически, — вы также должны неутомимо работать головой. Въ противномъ случаѣ, они напрасно для васъ трудились и вы живете на счетъ ихъ. Вы чужеядное животное! — хуже! Вы упыри — потъ и кровь всю жизнь изъ другихъ сосете, а сами, ничего не дѣлая, толстѣете. И сверхъ того, еще презрѣніе и отвращеніе на каждомъ шагу показываете къ мужикамъ. Вы ихъ должны любить и уважать, благодарить должны.

Господинъ съ сапомъ. Мужиковъ-то!

Переученый. Да! По чьей-же милости вы такъ живете? Вѣдь вы живете на чужой счетъ. Сами вы ничего не

дѣлаете, не трудитесь; кто же вамъ даетъ средства жить въ праздности, полжизни спать, объѣдаться и мотать! Мужикъ,—вѣдь вы на счетъ его труда живете. Если сыты вы съ семействомъ, одѣты и довольны — всѣмъ мужику обязаны. Не забудьте, что это платье и каждая въ немъ нитка— потъ кровавый мужика! Каждая копѣйка, которую вы готовы на вѣтеръ бросить — потъ кровавый мужика; каждый кусокъ хлѣба, который вы ѣдите — орошенъ былъ потомъ мужика! Каждая капля вина, когда вы пьянствуете — потъ кровавый мужика! Мужикъ такой-же человѣкъ, какъ вы, онъ братъ вашъ! Лежа въ праздности, въ теплѣ и нѣгѣ, объѣдаясь до болѣзни, не забудьте вы долгій, знойный, душный, лѣтній день, палящій какъ огонь, и вспомните, что братья ваши весь этотъ день въ полѣ надъ трудною работой изнываютъ. Представьте себѣ весь этотъ тяжелый трудъ до изнеможенья, весь потъ и жажду, для утоленія которой нѣтъ чаевъ и прохладительныхъ напитковъ, а только грязная и теплая вода. Представьте себѣ голодъ, хлѣбъ съ мякиной и со жмакой (*), хлѣбъ, который и свинья ваша наврядъ-ли станетъ жрать. Зимою вспомните вы стужу, и непогоду весной и осенью. Припомните и грубыя одежды, лапти, всю эту жизнь труда, лишеній, кроваваго пота. И такъ живутъ *десятки*, *сотни* вашихъ братьевъ и трудятся до истомленья только для того, чтобъ вы *одни* могли жить въ праздности и лѣни, въ обжорствѣ и развратѣ, мотать и на вѣтеръ бросать то, что стоило другимъ такъ много трудоваго пота! Вы вспомните, что братья ваши, отъ бѣдности и отъ труда для васъ, потеряли все человѣческое и сдѣлались одной физическою силой. Вы вспомните, что ихъ способности не развились, понятія загрубѣли — и все это

(*) *Жмака* — выжимки изъ конопляныхъ зеренъ, когда бьютъ масло. Ихъ подмѣшиваютъ въ муку.

для васъ, для вашего излишества! Для васъ однихъ десятки, сотни вашихъ братьевъ осуждены на страшныя лишенія и тяжкій трудъ! Когда вы вспомните все это, поймите, что жить для нихъ, значитъ — на васъ работать и доставлять вамъ удобства и средства къ жизни. — Тогда вы его не наградите за все это розгой, толчками и презрѣньемъ; вы не скажете ему хамово отродье — Митька, Ванька! какъ-будто-бы для нихъ нѣтъ имени человѣческаго. Нѣтъ, вамъ стыдно, больно станетъ за трудъ его, за вашу лѣнь и праздность, вамъ горько будетъ! (Съ величайшимъ увлеченіемъ и чувствомъ). Вы скажете тогда: братъ мой! несчастный братъ! Цѣню твой трудъ, твой потъ, твоѐ изнеможенье. Ты для меня трудился, для моего удобства, для моей лѣни. Ты все принесъ мнѣ въ жертву: силы, способности, время, кровавый потъ, достоинства, понятія человѣка, всю жизнь ты мнѣ принесъ. Ты для меня живешь великодушно, а не на счетъ труда чужаго, какъ я. Ты выше, братъ, почтеннѣе меня! Благодарю тебя, мой братъ, кормилецъ мой, благодарю! — И съ удовольствіемъ взглянете тогда вы на морщинистыя руки, загрубѣвшія въ работѣ для васъ, и сердце ваше горько и тяжело сожмется отъ грубой одежды ихъ, отъ скверной пищи. И выростетъ передъ вами Ванька иль Петрушка въ гиганта терпѣнія и самоотверженія, въ эмблему мученика, труда и любви братской! Все мило и уваженія достойно покажется въ немъ вамъ: и грязь его, и грубость!

Господинъ съ бородавкой. Вы нездоровы!

Переученый. Нѣтъ, это вы больны и близоруки. Гордитесь же вы древностью рода.—Чѣмъ родъ длиннѣй, тѣмъ больше угнеталъ онъ, тѣмъ больше жилъ на счетъ другихъ. На немъ тѣмъ больше пятенъ. Для него пролито болѣе кроваваго пота, онъ большихъ слезъ, проклятій большихъ стоитъ!... Гордитесь, господа, гордитесь древностью дворянства!

ВМѢСТѢ ГОВОРЯТЪ ДРУГЪ ДРУГУ.

— Пестриковъ. Разумѣется, гордимся!

— Мухоморовъ. Еще-бы не гордиться!

— Шиповаловъ. Ну ужъ, это дичь!

— Ласточкинъ. Черезъ край заѣхалъ!

— Медидовъ. И слушать нечего. Вѣдь вотъ напороль-то человѣкъ!

— Господинъ съ бородавкой. Ей Богу въ желтый домъ пора! Вотъ какъ науки извращаютъ человѣка! Вотъ вамъ примѣръ: вѣдь умненькій былъ мальчикъ! такой острый. А теперь!

— Медидовъ. Повихнулся! — умъ зашелъ за разумъ!... А впрочемъ говоритъ такъ складно и умно.

Господинъ съ сапомъ. Охъ, эти умники! не доведутъ насъ до добра! Господа, вы слышали? — только пожалуйста, это между нами!

Медидовъ. Что такое? что такое? Скажите мнѣ, вы знаете, я ужъ не проболтаюсь!

Господинъ съ сапомъ. Говорятъ, — это только слухи и, по всей вѣроятности, пустые. Я, знаете, такъ слышалъ стороною, — или сказать вамъ правду, — племянникъ мнѣ писалъ изъ Петербурга. Сегодня я письмо вотъ получилъ.

Медидовъ. Что-жъ такое? Говорите скорѣй, не мучьте!

Господинъ съ сапомъ. По-моему это невѣроятно! Совершенный вздоръ!

Медидовъ. Война?

Господинъ съ сапомъ (оглянувши всѣхъ значительно, говоритъ тихо и съ таинственностью). Говорятъ, что крестьянъ хотятъ освободить.

Со всѣхъ сторонъ восклицанія:

— Быть не можетъ!
— Неужели?
— Вотъ-те и разъ!
— Вздоръ!
— Гиль!
— Галиматья!
— Эти слухи давно ужъ!
— Поболтаютъ и перестанутъ!
— Вѣдь это смерть!
— Это все ученье, университеты! — Они проповѣдуютъ!
— Вотъ какую дичь несутъ!
— Неправда!
— Что-жъ, намъ умирать съ голоду?
— Самимъ работать, что-ли?
— Чѣмъ жить?
— Не можетъ быть! — Это противузаконно!
— Это противъ смысла!

Переученый. Неужели? — Давно пора! Наконецъ-то двинется впередъ Россія!

Господинъ съ сапомъ. Я этому и самъ не вѣрю!

Медидовъ. Откуда вы вздоръ этотъ выкопали? Ну, можетъ-ли быть это?

Переученый. И можетъ быть, и должно быть!

Господинъ съ бородавкой. А на основаніи какихъ законовъ?

Переученый. А на основаніи какихъ законовъ вы владѣли вашимъ братомъ, какъ скотомъ, какъ вещью, — могли его дарить, терзать, продавать? Какъ вы это смѣли дѣлать?... Развѣ онъ не человѣкъ такой же? Чѣмъ онъ виноватъ, что родился отъ честнаго труженика, а не отъ полусгнившаго развратника-лѣнтяя! Какія ваши права на нихъ? За что они осуждены на васъ работать даромъ? Вы чѣмъ

ихъ лучше? — Свободу имъ, свободу! Права имъ человѣка! Ихъ они трудомъ, терпѣніемъ и потомъ заслужили!

Господинъ съ сапомъ. Экъ, — чего вы разорались? Я вамъ говорю, что это слухи, а вы кричите. Еще услышатъ, скажутъ: распространитель вредныхъ толковъ, тогда и мѣста не найдешь!

Переученый. Нѣтъ, это будетъ непремѣнно. Безъ этого теперь обойтись невозможно! Это одна изъ главныхъ бьющихся жилъ жизни нашей!

Господинъ съ бородавкой (махаетъ рукой). Пойдемте, господа! Его не вразумишь, а толковать съ нимъ тошно! Ну, можетъ-ли все это быть?

Расходятся.

Медидовъ (останавливая нѣкоторыхъ за фалды и за пуговицы). Постойте, господа, постойте! Послушайте! Вотъ говорятъ, что мужикамъ даютъ свободу. Это я вамъ скажу, — слухи; злонамѣренные люди давно ихъ распускаютъ для произведенія волненія и безпорядковъ. У насъ недавно было въ судѣ дѣло и, я вамъ скажу, тоже о свободѣ. Какъ ихъ плетьми отодрали — перестали искать свободы.

Господинъ съ бородавкой. Разумѣется!

Группа 3: Молодой человѣкъ въ очкахъ. Роговъ, два Мартышки и другіе.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Хороша и смородиновка, — кто говоритъ! Особенно, знаете, съ перепоя, когда въ головѣ того.... ошалѣла Магдалина!

Роговъ. Да, пожалуй! — вѣдь она кисленькая! А то, знаете, еще что хорошо! Имбирное пиво съ коньякомъ. То есть, я вамъ говорю, языкъ проглотишь. А какъ прохлаждаетъ! — изумительно! Это я помню, какъ теперь, на ярмаркѣ въ Погарѣ, собралась насъ компанія: играли мы и пили цѣлую ночь. Время прошло восхитительно: вино, знаете, женщины, — словомъ, чего хочешь, того просишь. Меня

жестоко отъутюжили, карманы просто выворотили и привели въ запустѣніе и забвеніе. На другой день просыпаюсь — въ головѣ, чортъ знаетъ, крысы въ чехарду играютъ; во рту мерзость, хуже чѣмъ эскадронъ переночевалъ; въ желудкѣ возмущеніе, бунтъ, тошнитъ, тянетъ, мракъ, голова кружится, въ виски стучитъ, въ глазахъ темно, двоится и точно все прыгаетъ. Хватилъ я имбирнаго съ коньячками, закусилъ соленою, невымоченною селедкой съ уксусомъ, и что же? какъ рукой сняло! Очувствовался совсѣмъ. Заложилъ и ужъ друзей приголубилъ. Все отъигралъ; обобралъ до нитки ихъ; часы, перстни, — все поснялъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А какъ же я тебя встрѣтилъ безъ всего?

Роговъ. Это дорогою меня купеческій сынокъ, собачій сынъ, обработалъ. Ну, чортъ съ нимъ, проклятый шулеръ, пьянымъ притворился! — А вотъ у кого наливки такъ наливки! Врядъ-ли во всемъ уѣздѣ у кого такія есть. Это у Ивана Макаровича; а жоночка то его, — у-у-у! славная какая, цыпочка, мамаська!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да, лакомый кусочекъ. Она, знаете, для любви такой, какъ ее тамъ называютъ, не годится. А аппетитная штучка, за нею стоитъ того.... пріударить!

Роговъ. А мы зѣваемъ, что-ли? У мужа выпьемъ наливки, и къ женѣ закусить: дескать, подсластите, — горько!

Мартышка № 1. Такъ вотъ какъ! А я думалъ, она дама скромная.

Роговъ. А что, не-хочешь-ли приволокнуться! Эй, братъ, смотри! Забылъ яму?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Какую яму?

Роговъ. Да вотъ съ Мартышкой приключилась притча во языцѣхъ! Въ прошломъ году идемъ мы ночью по городу, только слышимъ: гу-у-у-у-у! гу-у-у-у-у! Что за чортъ? А надобно вамъ сказать, это случилось зимою, холодъ

страшный, морозъ трескучiй. Мы прислушались, кричитъ кто-то. И не то, чтобы кричалъ, а то стонетъ, не стонетъ, поетъ не поетъ, просто не по-человѣчески голоситъ. Пошли мы въ ту сторону, подошли къ оврагу; слышимъ изъ оврага голосъ. Спрашиваемъ; кто тутъ? А онъ: гу-у-у-у-у! Эка лѣшiй! Вытащили — Мартышка! — пьяный, избитый, раздѣтый. Это его солдатъ какой-то поймалъ въ волокитствѣ за своей любезной, отмолотилъ, раздѣлъ и посадилъ въ яму, въ снѣгъ, — прохладить пылъ чувствъ. Простылъ дружокъ! закоченѣлъ, совсѣмъ ноги отморозилъ, руки, рожу! Не бѣгай впередъ! Вѣдь околѣлъ-бы, еслибъ не мы. Что, пожимаешься до-сихъ-поръ, — видно не согрѣлся, а?

Мартышка № 1. Это просто грабители напали!

Роговъ. Толкуй грабители! Онъ послѣ того, какъ завидитъ солдата, такъ бокомъ, бокомъ!... Нѣтъ, братъ, не тебѣ къ Марьѣ Ивановнѣ соваться!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да и ты брешешь!

Роговъ. Чего мнѣ врать?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Разумѣется, врешь. Ужъ у тебя языкъ такой собачiй — не можешь не брехать.

Роговъ. Чего брехать! Эка невидальщина Марья Ивановна! Мы не такихъ видали!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Все брешешь, собака; врешь, какъ сивый меринъ!

Роговъ. Ну, давай пари!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Давай! — Двѣ дюжины шипучки.

Роговъ. Давай! Да ты вѣдь не повѣришь, — какъ тебѣ доказать?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. То-то и есть!

Роговъ. Эка чѣмъ вздумалъ удивить. Вѣдь добродѣтельныхъ женщинъ нѣтъ, и всякая женщина будетъ моею.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ну, на это братъ, надобно имѣть особенное искусство, да и физіономію-то, физіомордію нѣсколько другую. А ты ужъ тлѣнью предаешься! Страховня, дѣлаешься страховнею, сущая гробовня. Страхъ, мерзость и запустѣнье!

Роговъ. Ну еще постоимъ за себя!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Постоишь! А за Машей дьяконской пріударилъ — да съ носомъ и отъѣхалъ....

Роговъ. Кто?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да ты!

Роговъ. Я? Эхъ ты тетеря! Съ носомъ! Я ее увезъ.... Она бѣжала со мною ночью. Я ее продержалъ съ мѣсяцъ да и прогналъ къ чорту.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Когда же это было?

Роговъ. Когда было?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да.

Роговъ. Въ іюлѣ, если хочешь знать.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Врешь! брешешь! Тьфу собака! Она была дома!

Роговъ. Ты ее видѣлъ, что-ли?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Видѣлъ.

Роговъ. Когда, котораго числа?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Числа я не помню. Да постой, постой! Я тогда къ Ильѣ Игнатьевичу на именины ѣхалъ, — значитъ девятнадцатаго числа.

Роговъ. Ну то-то и есть девятнадцатаго! А мы бѣжали съ ней двадцатаго, въ самый Ильинъ день, — и вотъ тебѣ доказательство: помнишь, въ Ильинъ день была гроза; мы какъ разъ съ ней тутъ и выѣхали послѣ обѣда. Еще дьяконъ легъ спать. Насъ еще у Поповой рощи гроза застала: она перепугалась, кричитъ, плачетъ, молнія блещетъ, громъ какъ горохъ сыплется, — просто страсть! Я согналъ

кучера долой, взялъ возжи и мы поскакали. Черезъ полчаса, мы уже были дома.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Вѣдь вишь, какъ брешешь! Тлетворный ты, злокачественный! Я на другой день именинъ ѣхалъ назадъ и опять заѣзжалъ къ дьякону испить прохладительную чару, и видѣлъ Машу. Она грибы намъ жарила на закуску!

Роговъ. На другой день она точно ѣздила за платьемъ и за бѣльемъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. За тридцать пять верстъ! Ну, братъ, несешь неоколесную. Все равно, что ты проскакалъ отъ Поповой рощи до дому двадцать пять верстъ въ полчаса.

Роговъ. И проскакалъ! Ты знаешь мою тройку забубенную! И я самъ еще правилъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Толкуй, такъ и повѣрили!

Мартышка № 2. А вотъ вы слышали? Медвѣдевъ увезъ гувернантку у Липовыхъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Экъ когда хватился! Вотъ новость-то сказалъ! А кто ему далъ эту мысль, если не я? Онъ-было и носъ на квинту опустилъ. Я, знаете, самъ того.... приволакивался.... то есть понимаете? Ну, думаю, чтобы не было послѣдствій, надобно оставить, а тутъ подвернулся Медвѣдевъ. Она больше оттого и уѣхала, что я и устраивалъ это дѣло. Она все воображала, что ко мнѣ ѣдетъ.

Роговъ. Славно живетъ эта скотина, Липовъ! Чортъ его задави! Вотъ ужъ живетъ въ свое удовольствіе! Какія у него дѣвки — букетъ! малина! Одна другой лучше, канашки! А какъ поютъ и пляшутъ, такъ чортъ задави ихъ душу! Особенно Стешка — король-дѣвка!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нѣтъ, Танька лучше!

Роговъ. Ну ужъ ей далеко до Стешки!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нѣтъ, Стешкѣ до Таньки далеко! Танька — огонь! Какъ пойдетъ, да присвистнетъ, такъ у нея всѣ суставчики и заговорятъ! Плечи! Фу ты, роскошь! А глаза, глаза — огонь! адъ! А Стешка что? — ледъ!

Роговъ. А легка, граціозна! Сильфида! просто вѣтеръ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Танька пойдетъ, такъ горишь весь! Эхъ, дѣвка!

Роговъ. Ступа!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Нѣтъ, это Стешка истуканъ!

Переученый. Тошно слушать! Вино, развратъ, мерзость! Фу ты, Боже мой!

Группа 4. Порхавкинъ, Дурноумовъ, Дудочкинъ и другіе.

Порхавкинъ. Это что за протодьяконъ — дрянь! Голосъ точно разбитый! Вотъ у покойнаго преосвященнаго былъ протодьяконъ, такъ протодьяконъ! Въ эту дверь не пролѣзетъ, высокій, толстый; головища вотъ этакая, курчавая, а голосище, я вамъ скажу, страсть! Какъ, бывало, хватитъ конецъ евангелія или многолѣтіе, такъ церковь задрожитъ, стѣны ходуномъ заходятъ, чуть не развалятся. Густой такой голосъ, точно изъ бочки или изъ пропасти.

Дудочкинъ. Да, чудный былъ протодьяконъ! Жаль, спился и голосъ потерялъ!

Порхавкинъ. Вотъ, я вамъ доложу, Вавиловскій дьяконъ, вы видѣли? Прелесть! Служитъ превосходно! Съ чувствомъ служитъ! Я вамъ скажу, чудо! Походка этакая, руку подниметъ, станетъ, скажетъ! — ну, отдай все, да мало! Голосъ славный, — ему-бы вотъ протодьякономъ быть! Да жаль, тоже испиваетъ.

Дудочкинъ. Это правда, но за то и между ними

есть такіе гордецы, что не приведи Богъ! Вотъ у меня былъ Андрей.

Дурноумовъ. Помню, славный, кажется, священникъ.

Порхавкинъ. Умный, — правда, но гордый страшно. Ужъ никому, бывало, не поклонится и не уступитъ. Его мужики не любили и, какъ вамъ сказать, не то, чтобъ уважали, а какъ-будто боялись. Онъ держалъ себя такъ важно и далеко. Бывало, лучше просидитъ голодный, нежели пойдетъ сбирать по мужикамъ; я ему помогалъ, бывало; хлѣба дашь, того, другаго, третьяго. Казалось-бы могъ и меня уважать! Нѣтъ! Иной разъ я еще сплю, а онъ къ обѣдни звонитъ. Все дѣлалъ по-своему, точно хозяинъ. Я на него прикрикнулъ разъ; иной-бы смирился, попросилъ-бы извиненья, а онъ куда тебѣ, говоритъ: «не забывайтесь, я священнослужитель и вашъ отецъ духовный!» Я-жъ его упекъ, голубчика, за это! Составилъ отъ всего прихода жалобу и подалъ архіерею. Ну, его на покаяніе и взяли. Потомъ онъ нашелъ мѣсто въ бѣднѣйшемъ приходѣ. Богъ его наказалъ за гордость: вскорѣ жена его померла, а потомъ и онъ за нею. Вѣдь былъ наказанъ, могъ-бы перемѣниться. Нѣтъ, все остался такимъ же гордымъ до самой смерти! Теперь у меня старикъ, хоть слабъ, за то покорный. Иной разъ спишь до двѣнадцати, случается до часу, — онъ ни за что обѣдни не начнетъ!

Переученый. Вотъ еще одна изъ болячекъ нашихъ! Священникъ исполняетъ долгъ свой, — его считаютъ гордецомъ, не терпятъ, гонятъ, онъ долженъ терпѣть лишенія, голодъ, или унизиться, забыть свой санъ и потерять уваженіе къ себѣ, къ своему служенію. Пора, пора ихъ обезпечить и въ матеріальномъ отношеніи освободить. Изъ всѣхъ зависимостей тяжеле нѣтъ нужды въ насущномъ хлѣбѣ! Имъ надо-бы награды завести; конечно, ихъ награда тамъ, но и здѣсь не лишнее бываетъ поощренье. Онъ человѣкъ,

онъ слабъ! Въ борьбѣ его съ нуждой, съ соблазномъ поддержите, хотя не для того, а для его служенія.

Группа 5. Назарьевъ, Покровскій, Роговъ, Молодой человѣкъ въ очкахъ.

Назарьевъ. Это что! А вотъ, я вамъ скажу, я помню вечеръ, такое дьявольское несчастіе! Напримѣръ, у меня: тузъ, король, дама, валетъ червей; тузъ, король, дама, валетъ пикъ; тузъ, король бубенъ, — сколько играть?

Роговъ. Въ рукѣ?

Назарьевъ. Во второй рукѣ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Восемь.

Роговъ. Всегда девять!

Покровскій. Девять.

Назарьевъ. Ну-съ, я былъ осторожнѣе, игралъ всего восемь, и остался безъ двухъ!

Всѣ. Быть не можетъ!

Назарьевъ. Я вамъ говорю. Первый ходъ въ пики, я кладу туза, въ третьей рукѣ, хлопъ козыремъ, — я игралъ въ червяхъ, отвѣчаютъ въ бубни. Въ первой рукѣ бьютъ козыремъ, опять въ пику, опять въ бубни, и я безъ двухъ!

Роговъ. Это чортъ знаетъ что такое!

Назарьевъ. И такъ весь вечеръ. Знаете, я не считаю несчастіемъ, когда нейдетъ просто карта. Тутъ только крѣпись, имѣй терпѣніе, такъ много не проиграешь. А вотъ несчастіе, когда идетъ игра за игрой, одна другой лучше: кажется, самая вѣрная, а смотришь, чортъ разложитъ такъ, что безъ одной и безъ двухъ.

Роговъ. Бываетъ хуже! Карты, я вамъ скажу, это цѣлый міръ! Ихъ надобно изучить, наблюдать.

Группа 6. Долотовъ, Никоновъ и другіе; потомъ подходитъ и Переученый.

Долотовъ. Постановили они рѣшеніе. Читаю я — дичь страшная! Говорю этому старому дураку, псу беззубому, — судьѣ: «что вы это, я говорю, сдѣлали?» Объясняю все какъ слѣдуетъ. Ну, а тотъ сидитъ и хлопаетъ глазами, подозвалъ секретаря, — бестія этотъ секретарь, такая выжига! «Какже, говоритъ, это секретарь-то, наше рѣшеніе вполнѣ справедливо. Наконецъ, мы ни въ какомъ случаѣ измѣнить своего постановленія не можемъ. Жалуйтесь гражданской палатѣ». Я говорю, къ чему это ссора, дрязги? «Какая, говоритъ, ссора, вѣдь вы не на насъ будете жаловаться, а на рѣшеніе суда. Мы же своего опредѣленія ни въ какомъ случаѣ перемѣнить не можемъ». Я въ гражданскую палату расписалъ. Отправилъ. Долго тамъ что-то было! Случилось мнѣ здѣсь быть самому. Захожу въ палату, только мнѣ столоначальникъ и говоритъ: «ваше дѣло идетъ туго оттого, что безъ смазки.» Далъ я ему взятку, десять цѣлковыхъ. Потомъ явился помощникъ столоначальника, потомъ писецъ. Чего вамъ? Они прямо говорятъ: у насъ даромъ никто со стула не поднимется. Да что дѣлать! жалованье, говорятъ, у насъ такое маленькое, что имъ существовать рѣшительно невозможно, поневолѣ станешь брать.» Ну-съ, пробылъ я тогда здѣсь недѣли полторы, передъ отъѣздомъ захожу справляться; говорятъ: въ столѣ кончено. Но секретарю тамъ, протоколисту, чорту, дьяволу, надо подсунуть, а они уже, какъ голодныя собаки, такъ вокругъ меня и шныряютъ; глаза свои запускаютъ въ карманы. Ну, думаю, дѣло мое правое, въ столѣ — сдѣлали что слѣдуетъ: за что я буду давать? Не дамъ! — пріѣхалъ я домой: жду, нѣтъ дѣла, наконецъ черезъ шесть недѣль является. Объявляютъ мнѣ, — самъ еще Розоновъ и привозилъ. Что же вы думаете, палата сдѣлала? Ни то, ни се, рѣшеніе суда

и не отмѣнила и не утвердила, а отвѣчаетъ, что по такимъ-то и по такимъ-то объясненіямъ господина Долотова, видно, что судъ не имѣлъ при заключеніи своего опредѣленія въ виду того-то и того-то; а потому пересмотрѣть дѣло вновь. Я являюсь къ секретарю; думаю: чтожъ — плетью обуха не перебьешь!» далъ ему пятнадцать цѣлковыхъ, а противникъ мой далъ двадцать пять. Ну и опредѣлили: «предоставить мнѣ право отыскивать гдѣ надлежитъ». Что это за опредѣленіе, ужъ я не пойму! Нѣтъ, я вамъ говорю: пока Медидовъ будетъ судьею, ничего толку не будетъ.

Никоновъ. То-ли еще дѣлается! Вы посмотрите въ опекахъ, что творится, страсть! предводитель почти всегда дуракъ, вотъ въ родѣ Козелкова или Ваксина. Дѣла не смыслитъ, дѣломъ не занимается, а тутъ что хотятъ, то и творятъ, — своя рука владыка! Будь опекунъ дѣйствительно хорошъ, веди дѣла какъ слѣдуетъ, заботься о пользѣ малолѣтнихъ, составь имъ изъ ничего состоянье — опека придерется, найдетъ виновнымъ, отрѣшитъ, предастъ суду, если съ нею онъ не подѣлится. Будь опекунъ мошенникъ, грабь малолѣтняго, расточай его имущество, да дѣлись только съ ними, — все будетъ отлично: отчеты утвердятъ и все найдутъ законнымъ. Оттого-то у насъ опекуны и опекуютъ. Имѣніе послѣ опеки все равно, что послѣ нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языковъ! А подставные-то опекуны! Есть господа, которые опеками живутъ, въ опеки платятъ положенную подать, и за то ужъ гдѣ откроется опека, сейчасъ подставнаго и назначаютъ; а онъ ужъ, разумѣется, грабитъ. Замѣтьте, у насъ всеобщіе опекуны — кто? Караловъ да Баничъ. Всюду ихъ назначаютъ, грабителей, мерзавцевъ, негодяевъ. Зло страшное у насъ опеки!

Переученый. Идея хороша, да примѣненье скверно! А во многомъ, кто какъ не мы, сами виноваты? Все терпимъ, ни на что вниманія не обращаемъ. Не думаемъ мы ни о чемъ. Пусть будетъ, что будетъ съ нами!.. Вотъ здѣсь

прислушивался я цѣлый часъ къ спорамъ, къ толкамъ, и не нашелъ я ни одной идеи здравой, живой и новой! Толкуютъ все о пустякахъ, о постороннемъ; ни малѣйшаго сочувствія ко всеобщимъ интересамъ. Всякій занятъ своими дѣлами! Своя рубашка ближе къ тѣлу!» — вотъ корень-то вреда въ этой поговоркѣ. «Своя рубашка ближе къ тѣлу», мы говоримъ, когда съ другаго снимаютъ послѣднюю рубашку. «Мнѣ что за дѣло, пусть дѣлаютъ съ другими, что хотятъ. А мнѣ чего мѣшаться! Что я за указчикъ!» — Вотъ наше разсужденье! Того не соображаемъ, что сегодня сняли съ одного рубашку, а завтра съ меня снимутъ, что надобно здѣсь защищать не личность, а идею — законъ всеобщій! У насъ нѣтъ общества, а только сборища пустыя! Никто не сознаетъ потребностей; насъ тяжелые вопросы не тревожатъ! Оно и лучше! — пищевареніе свободнѣй и безпечнѣе живется! У насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, которое-бы карало отдѣльно отъ закона. Оттого-то Розоновы и терзаютъ насъ; они передъ закономъ правы, умѣютъ отвертѣться, законъ перетолковать иначе, концы умѣютъ хоронить отлично. Но судъ общественнаго мнѣнья ихъ покаралъ-бы безпощадно! Теперь они свирѣпствуютъ спокойно, безъ боязни, на двери присутствія и канцеляріи билеты поприклеятъ: *входъ постороннимъ воспрещается!* И за этими дверями идетъ постыдный торгъ: честь, благородство, справедливость, законъ и правда, — все продается съ аукціона! Неуваженье къ правдѣ, неуваженіе къ закону, позорное попранье человѣка! Поруганіе надъ высокою идеею правосудія! Сознанія долга, чести нѣтъ у насъ! Оттого все это и творится! Болѣзнь жестокая, общественная язва! Да мало-ль этихъ язвъ? Татарщина, насильно привитая личина просвѣщенья испортили въ насъ кровь и породили общественныя язвы! Мы съ жадностью, съ какимъ-то безумнымъ увлеченіемъ стараемся къ себѣ привить болѣзни Запада. А силъ его здоровыхъ, а цѣлительныхъ, полезныхъ соковъ и знать

мы не хотѣли. Мы безъ парусовъ и безъ руля отъ берега роднаго отолкнулись. По волѣ вѣтра мы несемся — куда? за чѣмъ? — не понимаемъ и не хотимъ понять! Удушливъ воздухъ, надъ головами тучи, бури и громы свирѣпствуютъ кругомъ. Мы въ полуснѣ спокойно смотримъ, какъ разбиваются вокругъ родные челноки, какъ гибнутъ братья наши, и — молчимъ. Отъ подлой трусости языкъ у насъ отнялся! Мы не спасаемъ братьевъ нашихъ! Нѣтъ, мы спокойно смотримъ, какъ братъ нашъ погибаетъ. «Мнѣ что! мы говоримъ: еще меня вѣдь не задѣло!» Мы другъ на друга враждебно даже смотримъ, точно-будто-бы мѣшаемъ жить одинъ другому.

Козинъ и Козелковъ (господинъ средняго роста, черномазый, лицо вытянуто, каріе глаза безумно блуждаютъ. Носъ въ видѣ запятой, улыбка глупая и смѣхъ, свойственный юродивымъ и идіотамъ; говоритъ пришептывая, картавитъ и плюется).

Козинъ. Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

Козелковъ. И, ги, ги, ги, ги! Благодарю покорно!

Козинъ. Да! У васъ прекрѣпкое сложеніе, особенно голова крѣпка!

Козелковъ (съ самодовольною улыбкой). Это точно-съ. Я, знаете, лбомъ могу разбить орѣхъ!

Козинъ. Прекрасное, завидное дарованіе! Вы молодецъ, Николай Ивановичъ. Ну, а вы слышали, что китайскій престолъ послѣ смерти китайскаго императора будетъ розыгрываться въ лотерею? Вотъ возьмите-ка билетъ! Вѣдь если вы выиграете, такъ сдѣлаетесь китайскимъ императоромъ.

Козелковъ. Вы шутите! Неправда!

Козинъ. Я вамъ говорю! Французы и англичане наложили на Китай дань; ее китайцы не выплатили, — вотъ они

и разъигрываютъ въ лотерею престолъ китайскій, чтобы пополнить недоимку.

Козелковъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Козинъ. Ну, ей-Богу! Чего же я стану лгать? Только, смотрите, это тайна! Билеты у губернатора, онъ молчитъ нарочно, себѣ хочетъ оставить всѣ!

Козелковъ. А почемъ билетъ?

Козинъ. Дорого, тысяча цѣлковыхъ! Губернаторъ старается, чтобы никто не зналъ и никому не говоритъ. А вы требуйте: онъ сперва будетъ отговариваться, что никакихъ билетовъ не знаетъ; вы приставайте — дастъ! Не дать не смѣетъ!

Козелковъ. А другіе берутъ?

Козинъ. Никто еще не знаетъ.

Козелковъ. А вы почемъ узнали?

Козинъ. Какіе вы любопытные! Ну, скажу вамъ по секрету: мнѣ сказала Розонова. Она вѣдь, знаете, теперь лицо какое?

Козелковъ. Какое?

Козинъ. Не знаете! Въ нее по уши влюбленъ губернаторъ, и.... и.... Понимаете?... Недавно пробылъ съ нею два часа наединѣ.

Козелковъ. Быть не можетъ!

Козинъ. Спросите у самаго Розонова. Губернаторша изъ себя выходитъ, просто.

Козелковъ. А она знаетъ?

Козинъ. Еще-бы! Это всѣмъ извѣстно! Ну такъ губернаторъ подарилъ ей билетъ на лотерею, я у ней и увидѣлъ! Если хотите, просите билетъ.

Козелковъ. Я не думалъ, чтобъ Александра Герасимовна попала въ такую честь.

Козинъ. Еще новость!... Журавлевъ получилъ за

свои издѣлья отъ французскаго правительства знаки траво-форсе (*).

Козелковъ. Какіе?

Козинъ. Траво-форсе. Вы не забудьте его поздравить. Я уже его поздравлялъ.

Козелковъ. Траво-форсе?

Козинъ. Да.

Козелковъ. Экое счастье Журавлеву!

Козинъ. Онъ этого вполнѣ заслуживаетъ! Не забудьте же: Траво-форсе!

Козелковъ (твердитъ). Траво-форсе, траво-форсе, траво-форсе!

(Пріѣзжаютъ новыя лица, въ томъ числѣ Журавлевъ, Головкинъ и Ваксинъ).

Ваксинъ (губернскій предводитель дворянства. Лицо со связями; богатъ. Толстѣйшій изъ всѣхъ помѣщиковъ, сильно заикается). Гооспъ-ода! Т.... т.... трехлѣтіе, то.... т... то есть шшшести.... ти.... ти.... лѣтье на.... нашей слуууждбы по.... по.... по выбъ-орамъ.... ко.... къ-окончилось! Те.... те.... перь мы, то.... то.... oooесть ввы, бу.... бу.... будете и.. изб.... бирать ввввновь до.... до.... достъ-оойн.... н.... нѣйш.... ш....шихъ. Мммы изъ вв.... в....в... всѣхъ ссилъ старррраллсь о... п.... п....прррравввдать вввашe ддддъ-овѣ-ррріе, дль....ль..,.ля пр....р....р ... реуспѣ.... пѣ... пѣя...нія грраждд... д.... дъанственн....н.... носсти, ц.... ц.... цивввилпль из.... з.... заціи, п.... п.... прррь-освввѣщен.... н.... нія и....и.... и.... и ррраз.... з....ввитія ннна п.... п.... пъ-уут.... ти п.... п....прррогрррь-ессса! (Видя, что зарапортовался, дѣлаетъ движеніе рукою) Ааа.... а тт....тепъ-ерь, ж.... ж.... желл.... ла....лая прррости.... ти.... титься съ вввамми пъокорнѣйше

(*) *Траво-форсе* — клеймо каторжной работы во Франціи. На клеймѣ двѣ буквы: T. и F. (travaux forcés).

п.... поп.... п....пръ-ош....ш....шшу къ-о мнѣ по... ооослѣ зз... зъавтра къ к.... къ оооообъ-эду!

(Всѣ отвѣчаютъ разомъ. Шумъ такой, что ничего нельзя понять. Ваксинъ переходитъ въ другой уѣздъ).

Переученый. Господа, господа! Позвольте нѣсколько словъ!

Нѣсколько голосовъ. Что? Что такое?

Переученый. Господа! въ настоящее время, когда все движется впередъ, разработываются и развиваются вопросы огромной важности, не слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ и особенно у насъ въ Россіи — непростительно, невозможно! Мы отстанемъ далеко отъ вѣка, явимся уродами, выродками. Единственное средство слѣдить за развитіемъ идей, за общимъ движеніемъ впередъ — это читать, читать, читать! Но одному невозможно получать всѣ журналы и газеты, а потому я предлагаю сложиться и на собранныя деньги устроить кабинетъ для чтенія.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Неподходяще!

Роговъ. По-моему, если платить деньги, такъ ужъ лучше устроить собраніе — потанцовать, или клубъ—играть въ карты!

ГОЛОСА.

— Разумѣется!

— Очень нужны книги!

— Да я и знать не хочу, что тамъ дѣлается!

— Я не политикъ!

— Какіе тамъ вопросы!

— Плевать я хотѣлъ на ваши вопросы и движенье!

— Съ насъ довольно знать, что дѣлается въ полѣ, по хозяйству!

— Вы сперва посмотрите, что дѣлаетъ у васъ староста!

— Денегъ некуда дѣвать!

— Ишь, ему понадобились книги, такъ онъ на нашъ счетъ читать хочетъ!

— Ловокъ баринъ!

— Выписывай самъ, если приспичило читать и философствовать!

— Я предлагаю! Экая важная птица! Я предлагаю!— точно предводитель!

Головкинъ. Положимъ, васъ не интересуетъ, господа, что дѣлается въ мірѣ. Вы не политики! Вопросы умственной дѣятельности для васъ не важны! Оставимъ ихъ встоpонѣ, желающимъ ими заниматься. Я хочу вамъ сказать нѣсколько словъ о васъ самихъ, о вашемъ положеніи. Подумайте о томъ, чтобы вамъ можно было спать спокойно. Господа! помните, что вы должны себѣ избрать защитниковъ и судей... А вы находитесь подъ чьимъ вліяніемъ?— Человѣка, который, пользуясь своимъ богатствомъ и значеніемъ, готовъ васъ утѣснить, отнять послѣднее. Вы не найдете себѣ защиты противъ его вліянія и дѣйствій потому, что судьями будутъ выбраны вами его же слуги, которые, по одному его слову, готовы васъ ограбить. Неужели вы это не понимаете? Вамъ житья не будетъ! И знаете-ли, кто вашъ идеалъ, которому вы такъ слѣпо довѣряете? Вотъ этотъ господинъ! (Указываетъ на Журавлева). Нѣтъ низости, которой онъ-бы постыдился. Разсмотрите всѣ его дѣянія. Хотите, я вамъ представлю больше сотни дѣлъ низкихъ, черныхъ, гдѣ онъ безъ всякой совѣсти, забывши чинъ свой, состояніе и уваженіе всеобщее, за грошъ готовъ былъ снять послѣднюю рубашку съ бѣдняка. Вотъ примѣръ его дѣяній....

Журавлевъ. Ну ужъ это слишкомъ!—Вы оскорбляете собраніе!

ВМѢСТѢ.

— Назарьевъ. Онъ сошелъ съума!

— Господинъ съ сапомъ. Онъ забывается!

— Господинъ съ бородавкой. Это скандалъ!

— Молодой человѣкъ въ очкахъ. Это неуваженье къ намъ!

— Порхавкинъ. Это чортъ знаетъ, что такое!

— Мартышка № 1. Это ересь!

— Мартышка № 2. Это святотатство!

— Мухоморовъ. Страшно слушать!

— Покровскій. Какъ можно позволять себѣ!

— Розоновъ. Вольнодумство! изъ рукъ вонъ!

ГОЛОСА:

— Это ужь черезчуръ!

— Это дерзость!

— Откуда у него взялось духу?

— Его надобно заставить замолчать!

— Ха, ха, ха! Отпечаталъ!

— Молодецъ!

— Непростительная выходка!

— Заставить его извиниться!

— Боже мой! что это онъ говоритъ!

— Что теперь съ нимъ будетъ!

— Какъ это осмѣлиться такъ говорить съ такимъ лицомъ!

— Онъ того.... свихнулся!

Головкинъ. Позвольте, господа! Я еще разъ повторяю, что вы дѣлаете выборы подъ вліяніемъ этого господина (указываетъ на Журавлева), а онъ, я это ему говорю въ глаза при всѣхъ, не только недостоинъ такого довѣрія и уваженія, но недостоинъ званія благороднаго человѣка, недостоинъ быть здѣсь въ собраніи дворянъ. Хотите доказательствъ, стоитъ только перечислить дѣянія этого господина, разсуждающаго чуть не со слезами о высокомъ, о прогрессѣ. (Журавлеву). Хотите, я начну пересчитывать ваши низости?

Иль, можетъ быть, въ васъ остались искры самолюбія и вы сами оставите собраніе!

От него всѣ пятятся, кромѣ Переученаго.

Журавлевъ. Вы думаете, что я буду отвѣчать вамъ? Вы думаете, что я унижусь до разговора съ вами? Слишкомъ много чести!—Я васъ не знаю! Я могъ-бы растоптать васъ, но не хочу мараться!

Головкинъ. Вы, замаранный своими низостями, вы думаете, что этими фразами....

Журавлевъ. Онъ дѣлаетъ вамъ всѣмъ, господа, честь! Въ вашихъ собраніяхъ только можно встрѣтить подобныя вещи!...

Переученый. (Головкину). Вашу руку!

ВМѢСТѢ.

— Назарьевъ. Замолчите!

— Розоновъ. Вывести его!

— Господинъ съ бородавкой. Онъ драться лѣзетъ!

— Господинъ съ сапомъ. Онъ не въ своемъ умѣ!

— Молодой человѣкъ въ очкахъ. Убрать его отсюда!

ГОЛОСА.

— Убрать его!

— Вывести его! Вывести его изъ собранія!

— Это скандалъ!

— Это неуваженье!

— Это дерзость!

— Это бунтъ!

— Пожалуйте вонъ изъ собранія!

— Медидовъ! Владиміръ Ростиславичъ. Вы за предводителя у насъ — предложите оставить собраніе!

Головкинъ. Господа! послушайте!

ГОЛОСА.

— Извольте выйти вонъ!
— Вывести его!
— Вы оскорбили насъ!

Назарьевъ. Не впускать его въ собраніе!

Розоновъ. И не принимать въ общество!

Головкинъ. Извольте, господа, я выйду! Мнѣ еще пока не мѣсто здѣсь. (Журавлеву). А ты, мерзавецъ, помни, что за тобой я буду слѣдить за каждымъ твоимъ шагомъ, не пропущу ничего! Ни на минуту не закрою глазъ! Какую-бы низость ты ни сдѣлалъ: ограбишь-ли сосѣда или сироту, обманешь-ли, оберешь гувернера, обкрадешь-ли казну на подрядахъ, мужика-ль обидишь, все я буду знать и за все, и за всѣхъ, я потащу тебя къ суду. Пусть слуги твои судятъ! пусть употребятъ всю свою низость, чтобъ оправдать тебя! Настанетъ время, когда и у нихъ для тебя оправданіе будетъ невозможно! Тогда у всѣхъ откроются глаза! Они поймутъ тебя и пожалѣютъ, что теперь я ухожу изъ собранія, а не ты! Прощайте, господа! Вы скоро разочаруетесь въ вашемъ идеалѣ.

Козинъ.
Переученый
Сомовъ.
Никоновъ.
} Браво, браво! Справедливо и благородно!

ГОЛОСА.

— Вонъ! вонъ! Подите вонъ!
— Мы всѣ оскорблены!
— Это чортъ-знаетъ-что такое!
— Молодецъ!
— Забыть такъ приличіе!
— Вотъ такъ! — Проваливай!

— Съ Богомъ по морозцу! (Головкинъ уходитъ).

— Ошалѣла Магдалина!

— У него въ головѣ крысы въ чехарду играютъ!

— Пусть остынетъ!

— Горячъ больно!

— Какой скандалъ затѣялъ!

— Что ему теперь будетъ?

Назарьевъ. Иванъ Сергѣевичъ, извините! Намъ совѣстно, что между нами такой нашелся!

Розоновъ. Иванъ Сергѣевичъ! Наше уваженье служитъ....

Порхавкинъ. Ей-богу, мы невиноваты!

ГОЛОСА (Журавлеву).

— Извините!

— Простите, Иванъ Сергѣевичъ! Такой скандалъ!

— Это оскорбленье намъ всѣмъ!

— Мы съ нимъ незнакомы!

— Воззрите милостивымъ окомъ! — Мы непричастны!

— Это все университетскіе умники!

— Онъ не въ своемъ разсудкѣ!

— Тише, тише, господа! Иванъ Сергѣевичъ говорить изволитъ!

— Тсъ, тише! Слушайте!

Журавлевъ. Господа, мнѣ это очень прискорбно! Не потому, чтобы я былъ оскорбленъ. Я, благодаря Бога, стою такъ высоко, что меня какой-нибудь Головкинъ оскорбить не можетъ. Мало-ли что наговорить можетъ пьяный мужикъ или полоумный! Но въ этомъ вы всѣ оскорблены. Это неуваженье къ обществу, это нарушеніе идеи, принциповъ нашихъ собраній! Это.... это.... словомъ, поступокъ, марающій дворянство! Я самъ дворянинъ и меня оскорбляетъ, шокируетъ, что дворянинъ одного со мной уѣзда рѣшился на такую штуку. Онъ еще такъ молодъ! Я при своемъ чинѣ и положеньи въ свѣтѣ, могъ-бы быть ему полезнымъ!

Козинъ (Козелкову). Что же вы? Поздравляйте!

Козелковъ. Какой орденъ-то?

Козинъ. Не орденъ, а знаки траво-форсе!

Козелковъ. Траво-форсе! Траво-форсе! (Журавлеву) Иванъ Сергѣевичъ! Это что! Васъ вполнѣ цѣнятъ! Честь имѣю поздравить! Очень радъ!

Журавлевъ (Козелкову съ досадой). Что вы хотите сказать?

Козелковъ. Ясъ.... я-съ честь имѣю васъ поздравить!.... Вы вполнѣ заслужили это! Какъ ихъ?... Да знаки траво-форсе Вы вполнѣ достойны! отъ души поздравляемъ!

Мальчиковъ (вспыхнувъ). Ну ужь это черезчуръ! И этотъ, картавый, туда же!

Голоса. Губернаторъ! губернаторъ! Его превосходительство!

(Всѣ бѣгутъ къ дверямъ, Губернаторъ и Довѣренное лицо входятъ).

Губернаторъ. Мое почтенье, господа! (Съ важностью). На основаніи закона, вы, господа, имѣете право избирать должностныхъ лицъ! Надѣюсь, что вы оправдаете довѣріе правительства и добросовѣстно исполните, то есть, добросовѣстно и безпристрастно будете избирать. Надѣюсь, что вы, господа, дадите мнѣ прекрасныхъ чиновниковъ, которые будутъ помогать мнѣ въ неусыпныхъ трудахъ по управленію Всемилостивѣйше ввѣренною мнѣ губерніею. Нечего говорить, что я требую честности, безкорыстія и нелицепріятія. Я врагъ несправедливости, неисполненія своего долга и обязанности. Прошу избранныхъ служить честно. За зломѣренность я буду неумолимъ. Со свѣта сгоню! Въ землю закопаю! Служить хочешь, такъ служи какъ слѣдуетъ! А нѣтъ,—такъ не берись! Я не пощажу! Даю вамъ слово! Я что сказалъ, то свято! У меня ужъ такой характеръ. Я не потерплю безпорядка и слабости! Когда начальникъ сидитъ, а его за носъ водятъ, что хотятъ, то и дѣлаютъ! Я этого самъ не допускаю и не терплю въ другихъ! Прошу у меня

служить, какъ слѣдуетъ, безъ разсужденій! Зарубите же это себѣ на носу! Прошу помнить, а не то со мной не раздѣлаетесь! Я вамъ покажу, какъ служить спустя рукава! Подумайте объ этомъ! Надѣюсь, что вы меня не заставите прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ! Будете служить какъ должно, я съумѣю цѣнить заслуги! А теперь, господа, по русскому обычаю, начнемъ молитвою! Я васъ приглашаю въ соборъ къ молебну. Помолимся и начнемъ съ Божьей помощью! Вы присягнете по закону. Пойдемте!

Довѣренное лицо (тихо губернатору). Удивительно, какая сила, какой даръ слова у вашего превосходительства!

Губернаторъ. Я говорю всегда отъ сердца, по убѣжденію! (Журавлеву). Мое почтеніе, Иванъ Сергѣевичъ! Какъ здоровье ваше? Пойдемте! (Беретъ его подъ руку). Что я вамъ разскажу! (Выксину, который низко кланяется). А, Василій Михайловичъ, здравствуйте! (Киваетъ головой и уходитъ. За нимъ идутъ дворяне).

ШЕПОТОМЪ ДРУГЪ ДРУГУ:

— Ну, задалъ гонку!

— У меня душа ушла въ пятки!

— Говорятъ, что слабъ,—нѣтъ, видно, что начальникъ!

— Вотъ-бы посмотрѣлъ Головкинъ, съ кѣмъ онъ осмѣлился тягаться! Ивана Сергѣевича какъ губернаторъ уважаетъ!

— Прекрасно говоритъ!

— Что онъ на насъ кричалъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Экій бѣшеный! Я не на службѣ, за что же онъ распекаетъ?

— Вотъ это голосъ истиннаго начальника!

— Такъ и слѣдуетъ!

— Ко мнѣ сегодня, Павелъ Петровичъ, въ картишки перебросить!

Переученый. Идутъ съ улыбкою, спокойно, чтобы присягнуть, что будутъ избирать не по пристрастью, справедливо! А на дѣлѣ, что будетъ? Вѣдь знаютъ, что присяги не исполнятъ, а идутъ такъ спокойно! Скажи любому, что онъ принялъ ложную присягу,—не повѣритъ! А между-тѣмъ всѣ они клятвопреступниками будутъ. Нѣтъ, въ нихъ не безсовѣстность, не подлость говоритъ. Они не понимаютъ, что творятъ, не хотятъ въ свои поступки вникнуть. Они не видятъ въ этомъ преступленія; для нихъ присяга одинъ обрядъ, а выборы — другой, отдѣльный! Безъ сознанья, точно дѣти, присягою, словомъ и честію играютъ! Грустно видѣть такое отсутствіе сознанія своихъ поступковъ и долга! Дѣти, просто дѣти! Когда же, наконецъ, для нихъ наступитъ возмужалость?...

(Уходитъ вслѣдъ за другими. Зала пустѣетъ).

СЦЕНА III.

БАЛЪ У ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

Зала въ домѣ полиціймейстера. Въ двухъ стѣнахъ окна съ прекрасными занавѣсками. Въ другихъ двухъ стѣнахъ двери: въ одну дверь, въ задней стѣнѣ, видна анфилада комнатъ, другая дверь ведетъ въ корридоръ; въ другой стѣнѣ: одна дверь въ переднюю, другая въ комнату, гдѣ помѣщается музыка. Комнаты ярко освѣщены. — Серафима Ивановна, жена полиціймейстера, дама молодая, полная и довольно красивая. Блондинка съ голубыми глазами.—Григорій, человѣкъ полиціймейстера, во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. — Ломовъ, частный приставъ, въ мундирѣ и съ треугольной шляпой подъ мышкой. Хотя введены уже давно въ полиціи каски, но Ломовъ, для баловъ и собраній, всегда употребляетъ шляпу, считая ее приличнѣе для подобныхъ обстоятельствъ.

Серафима Ивановна (Григорью). Ты смотри, Григорій, будь порасторопнѣе! да смотри за другими! Порядочнымъ гостямъ, лицамъ важнымъ, подноси почаще, а мелюзгѣ,

сволочи разной—порѣже... Съ подносомъ не застаивайтесь, а проходите скорѣе, — а то остановитесь, такъ они рады будутъ случаю: пойдутъ хватать и выбирать! Полные карманы набьютъ, чуть не съ мѣшками ѣздятъ! Удивительно, что за жадность такая!—точно конфектъ не видали!

Ломовъ. Живутъ-съ по деревнямъ-съ,—такъ имъ, дѣйствительно, въ диковинку-съ!

Серафима Ивановна. Ну, ужъ, и здѣшніе тоже хороши! Такіе же! (Григорью). Тоже, Григорій, пожалуйста, смотри за оршадомъ и лимонадомъ.

Григорій. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна. Получше, погуще, чтобы досталось хорошимъ гостямъ, а остальнымъ можно и похуже,— и тѣмъ должны быть довольны!

Григорій. Ужъ это какъ водится! Ужъ мы знаемъ,— слава Богу, не въ первый разъ служить!

Серафима Ивановна (Ломову). А вы ужъ, пожалуйста, присмотрите за винами и закусками.

Ломовъ. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна. Да Шепчугова, пожалуйста, близко не подпускайте, а то напьется опять, какъ въ прошлый разъ.

Ломовъ. Да, это точно-съ, онъ нѣсколько на этотъ счетъ слабъ и во хмѣлю-съ, Богъ съ нимъ, нехорошъ-съ!

Серафима Ивановна. Да, очень нужно его поить! точно для его поганой глотки поставлено. Да завтра, не забудьте, купцовъ привести, чтобы они взяли, что останется.

Ломовъ. Слушаю-съ! Поищу-съ!

Серафима Ивановна. Что тутъ искать! Приведите тѣхъ, у кого брали. Вѣдь я имъ по десяти копѣекъ скидываю съ каждой бутылки, противъ той цѣны, что на ярлыкѣ означена; — кажется, довольно?

Ломовъ. Помилуйте-съ! Чего же еще!

Серафима Ивановна. Нѣтъ, — наше купечество скоты!

Ломовъ. Точно такъ-съ.

Серафима Ивановна. Все недовольны, — ворчатъ! Какъ въ прошломъ году, этотъ мерзавецъ Свинкинъ: «мы, говоритъ, отпустили даромъ, а намъ возвращаютъ за деньги!» Точно ему не все равно, у кого купить. Вѣдь для погреба же покупаетъ вина, выписываетъ!—не все же самъ дѣлаетъ! Кажется, даешь десять копѣекъ барыша съ бутылки, чего еще имъ? Рожна, что-ли, надо!

Ломовъ. Это совершенно справедливо-съ!

Серафима Ивановна. Нѣтъ, это какая-то ужъ ехидность! Чтобъ вотъ начальнику ихъ не доставалось! Этакіе жиды, алчные!

Ломовъ. Необразованность такая ужъ у нихъ! — Одно слово, загрубѣлость въ чувствіяхъ-съ!

Серафима Ивановна. Какія у нихъ чувства! Развѣ этотъ народъ чувствуетъ!—Они только надъ каждымъ грошемъ трясутся!... Ахъ, да! Смотрите, пожалуйста, чтобы бутылокъ не били, вѣдь каждая три копѣйки стоитъ!

Ломовъ. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна (Григорью). Это ты, Гришка, все таскаешь бутылки! Я тебѣ дамъ, пострѣлъ!

Григорій. Куда же мнѣ таскать?... Что ими дѣлать? — На носъ, что-ли, надѣвать?

Серафима Ивановна. Продашь, мерзавецъ!

Григорій (съ досадой, грубо). Есть что тамъ продавать! Не видалъ я вашихъ трехъ копѣекъ!... Я на эту дрянь плевать хочу! Стану трястись надъ всякой дрянью!

Серафима Ивановна. Опять грубишь!

Григорій. Грубишь! У васъ все воръ! обокралъ!...

Какъ же, бутылки пропали, три копѣйки, — да еще какой дуракъ дастъ за нихъ три копѣйки-то?... Разорили совсѣмъ васъ! Какже!

Серафима Ивановна. Замолчишь-ли ты, мерзавецъ?

Григорій. Вотъ и молчи, какъ начнешь дѣло говорить! А это ни почемъ—обидѣть человѣка, назвать воромъ! Есть что красть! бутылки! Плевать я на эту дрянь хочу,—трехъ копѣекъ-то не видалъ! Да я свои пять копѣекъ готовъ отдать!

Серафима Ивановна (Ломову). Вотъ какъ его избаловалъ Павелъ Михайловичъ,— изъ рукъ вонъ! Я ему слово, а онъ мнѣ десять! Слышите! Ну, скажите сами?

Ломовъ (растерявшись и съ опасеніемъ поглядывая на Григорія). Конечно, Павелъ Михайловичъ по добротѣ души своей-съ и мягкости характера-съ!...

Серафима Ивановна. А Пузановъ на кухнѣ?

Ломовъ. На кухнѣ-съ.

Серафима Ивановна. То-то, чтобы онъ не отходилъ ни на шагъ, а то эти бестіи, повара, сейчасъ стянутъ что-нибудь!

Ломовъ. Это такъ-съ.—Имъ учинить похищеніе вошло уже въ характеръ-съ!

Серафима Ивановна. Намедни, я вхожу въ кухню, смотрю, у поваренка Сеньки раздулись щеки и слезы на глазахъ. Я говорю: «что съ тобой?» — Молчитъ и перебираетъ во рту что-то. Я говорю: «покажи, разбойникъ, что ты жрешь? Разинь ротъ!» — Что же вы думаете, — онъ, своими погаными лапами, стащилъ со сковороды котлетку и хотѣлъ сожрать; въ это время вхожу я, онъ испугался и забилъ ее всю въ ротъ. Котлета горячая, съ огня, съ самаго пыла! Какъ засадилъ онъ ее всю въ ротъ и прожевать не можетъ. Изжегся весь — и по дѣломъ, не воруй! А то, въ прошломъ году, я нашла подъ полотенцемъ у повара

кусище телятины и бисквиты. Я вамъ говорю, отъ нихъ глазъ нельзя отвести! А что, на ледникѣ, гдѣ вертятъ мороженое, сидитъ квартальный?

Ломовъ. Сидитъ-съ.

Серафима Ивановна. Надежный-ли? — Пожалуй уйдетъ, а эти пострѣлы все сожрутъ и нальютъ воды.

Ломовъ. Офицеръ надежный! Я еще объявилъ ему, что если онъ хоть шагъ сдѣлаетъ оттуда, такъ на двѣ недѣли арестъ.

Серафима Ивановна. То-то! Пожалуйста, посмотрите за этимъ. Раза два потрудитесь заглянуть на ледникъ — тамъ-ли онъ? Ему можно послать рюмки двѣ водки и тамъ закусить чего-нибудь, чтобъ только сидѣлъ.

Ломовъ. Будетъ сидѣть-съ! Онъ всегда ревностно исполняетъ возложенныя на него порученія.

Серафима Ивановна. Все-таки ему водки пошлите только не много, чтобъ онъ не опьянѣлъ. Можно будетъ его и покормить, что тамъ останется отъ ужина. Формы носить сюда съ будочниками, чтобы дорогой не покрали; пусть Шепчуговъ при себѣ разложитъ... Да за десертомъ, ради Бога, смотрите!

Ломовъ. Слушаю-съ!

Серафима Ивановна (тихо). Когда будете давать музыкантамъ водки, такъ спросите у Григорья стаканчики, — нарочно для нихъ и для городовыхъ заведены. Знаете, на видъ большіе, а стѣнки у нихъ и дно толстыя, такъ входитъ меньше, чѣмъ въ рюмку. А то перепьются и понесутъ дичь!

Ломовъ. Слушаю-съ! Ужь не извольте безпокоиться-съ,

Серафима Ивановна. Ахъ, Боже мой! кто-то подъѣхалъ!.. Экъ обрадовались! — Пріѣхали чѣмъ свѣтъ. Гришка! посмотри, что это — сюда?

Григорій (бросается къ окну). Сюда-съ!

Серафима Ивановна. Гдѣ Павелъ Михайловичъ?...

Паша! Паша! Экій чурбанъ! Куда онъ дѣлся! Никогда его нѣтъ, когда нужно. Вѣчно пропадетъ, копается сто лѣтъ. Гришка! Гришка! бѣги, скажи барину: гости пріѣхали. Ломовъ, скажите, чтобъ курили... Что они до-сихъ-поръ дѣлали! Гдѣ Васька? Васька! Васька!... Бѣгите же, Ломовъ, распорядитесь!... Гдѣ музыка?... Паша! Паша!... Павелъ Михайловичъ!... Ахъ, Боже мой!— Кто-то ужъ дверь отворяетъ, а тутъ даже не курили!... Васька! Васька!

Васька (мальчишка, лѣтъ тринадцати, одѣтый казачкомъ, вбѣгаетъ, сильно топая). Чего изволите?

Серафима Ивановна. Гдѣ ты сидишь, мерзавецъ? Я тебя поспжу. Жралъ что-то!... Разинь-ка ротъ! Говорятъ тебѣ: разинь ротъ! Ну, слышишь-ли, что тебѣ приказываютъ! (Васька разѣваетъ ротъ). Ну, такъ и есть! (Хватаетъ его за волосы и сильно деретъ). Вотъ тебѣ, пострѣлъ! Не жри, не жри, не жри!...

Васька (сквозь слезы). Я ничего не ѣлъ!

Серафима Ивановна. А отчего во рту бѣло? Миндаль укралъ, мерзавецъ! Кури скорѣй, подлецъ!

Полицiймейстеръ (выбѣгаетъ изъ корридора, выпускаетъ изо рта и изъ носа струи табачнаго дыма и торопливо застегивается). Что? Съѣзжаются?... Гдѣ квартальные? Я велѣлъ, чтобъ одинъ встрѣчалъ у дверей на улицѣ, другой въ передней.

(Входитъ градскій голова Дементій Прохоровичъ Харчковъ, толстый купецъ, съ огромнымъ брюхомъ и съ свинообразной физіономіей. Въ рукахъ у него большой свертокъ. Одѣтъ онъ въ довольно длинный сюртукъ, въ пеструю жилетку, на которой видна цѣпочка часовъ, съ привѣшенными стальными печатками. Каждая печать посвящена отдѣльному дню недѣли).

Харчковъ. Наше вамъ всенижайшее почтеніе, батюшка, Павелъ Михайловичъ! Со днемъ рожденія вашей супружницы имѣемъ честь васъ поздравить!... Со днемъ ва-

шего рожденія, матушка, Серафима Ивановна! Много лѣтъ здравствовать! Жить вамъ поживать, да добра наживать-съ!

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, Дементій Прохоровичъ!

Полиціймейстеръ. Спасибо, братъ, Дементій Прохоровичъ!

Харчковъ. Не осудите, прощенья просимъ-съ! не осудите на милость! Позвольте ефто, чѣмъ Богъ послалъ! — Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!... Не побрезгуйте! Съ нашимъ почтеніемъ-съ! Хе, хе, хе!... Новорожденной на пеленочки!

(Развертываетъ кусокъ матеріи на платье).

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, Дементій Прохоровичъ!... Ахъ, какая миленькая матерія, — очарованье! прелесть!...

Полиціймейстеръ. Къ чему вы ее такъ балуете? Зачѣмъ это!

Харчковъ. Позвольте-съ!... Не безпокойтесь!... Не побрезгайте!... Съ нашимъ почтеніемъ-съ! — А вотъ и мои-съ!

(Жена головы, Настасья Кузьминишна, толстая купчиха, одѣтая довольно богато, но безъ вкуса и довольно странно. За нею двѣ дочери, — всѣ въ бантахъ и съ огромными букетами на груди).

Настасья Кузьминишна (молится на иконы, потомъ кланяется на три стороны, хотя тамъ никого нѣтъ. Она говоритъ тихо и нѣсколько жалобно). Тысячу лѣтъ здравствовать! Со днемъ вашего рожденія!... съ новорожденною!... Всякаго благополучія!

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, Настасья Кузьминишна. Садитесь, пожалуйста, — а насъ извините, намъ надобно на минутку еще кое-чѣмъ распорядиться!

Харчковъ. Покорнѣйше просимъ-съ, покорнѣйше просимъ-съ!

Настасья Кузьминишна. Не безпокойтесь!.. Посидимъ-съ!

Полиціймейстеръ. Пойдемъ-ка, братъ, Дементій Прохоровичъ, курнемъ-ка трубочки!

Харчковъ. Оно, признательно сказать, грѣшно, — въ писаніи нигдѣ не сказано ефтого, значится, курить табакъ. Да что дѣлать! грѣшимъ иногда, не токмо что, а единственно по слабости человѣческой.

(Уходятъ черезъ корридоръ, а Серафима Ивановна въ двери, ведущія въ другія комнаты).

Настасья Кузьминишна. Ну, садитесь же! Охъ-хо-хо! Господи помилуй насъ грѣшныхъ! (Вздыхаетъ и тяжело опускается на стулъ). Садитесь же, вотъ по бокамъ у меня!

Ѳеня (старшая дочь Харчковыхъ, недурненькая, курносая дѣвушка, но очень полная, притомъ бѣлая и рыжая, въ полномъ смыслѣ слова: кровь съ молокомъ). Какъ же намъ сѣсть? Мы сомнемся!

Настасья Кузьминишна. Ничего! Сядьте поосторожнѣе, стоять же все нельзя! Вы должны себя держать по-благородному. Вѣдь тутъ енаральство будетъ, самъ губернаторъ, — такъ вы должны чувствовать и претензію показывать.

(Дочери оправляются и садятся на край стула, вытянувшись какъ-будто проглотили аршинъ).

Настасья Кузьминишна. Ну, вотъ такъ! Руки-то повыше! Одну, вотъ ефтакъ, по платью пустите, а другую вотъ надъ поясомъ-то, на грудь положите. Вотъ такъ... платочекъ-то, платочекъ-то повыше держите. Да смотрите, будьте пожеманистѣй, не по просту! Вѣдь здѣсь не то что.... а надобно показать себя! Эхъ вы, мои кралечки, королевны размалеванныя!

(Васька куритъ).

Феклуша (меньшая дочь Харчковыхъ, въ родѣ своей сестры, но не такъ красива и еще болѣе курноса). Славно какъ запахло!

Настасья Кузьминишна. Важно, амбреей подпустили!... Вы вотъ смотрите, замѣчайте, какъ и что другіе будутъ... Да съ кавалерами говорите по-французскому.

Ѳеня. Что-жъ мы будемъ говорить?

Настася Кузьминишна. О чемъ, тамъ, матерія выйдетъ!.. Волосы-то поправьте... Да когда танчить будете, платочки-то наотмашь держите.

Квартальный (высовываетъ голову изъ дверей передней и кричитъ, какъ-будто его душатъ). Съѣзжаются! гости съѣзжаются! Павелъ Михайлычъ! Серафима Ивановна — гости съѣзжаются! гости!

Серафима Ивановна и полиціймейстеръ показываются изъ разныхъ дверей.

Серафима Ивановна. Фу, Паша! Хотя-бы ты на это время бросилъ свою соску! Вѣдь смерть, какъ отъ тебя разитъ табакомъ. Кому-нибудь еще дурно сдѣлается!

Полиціймейстеръ. Ну вотъ ужъ и дурно! Что за слабонервность такая! Этотъ запахъ и пріятенъ, и здоровъ!

Входятъ гости. Пріѣздъ продолжается во весь первый моментъ бала. Сперва пріѣзжаютъ мелкотравчатые, побѣднѣе, потомъ все знатнѣе и богаче.

МОМЕНТЪ ПЕРВЫЙ.

СЪѢЗДЪ.

Гости входятъ, раскланиваются съ хозяевами.

ГОСТИ.

— Мое почтеніе!

— Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ!

— Со днемъ вашего рожденія, Серафима Ивановна!

— Съ новорожденною, Павелъ Михайловичъ!

— Много лѣтъ здравствовать!

— Дай Богъ вамъ всего лучшаго!

Полиціймейстеръ. Мое почтеніе! Покорно васъ благодарю!

Серафима Ивановна. Весьма много благодарю! Merci beaucoup!

Новый наплывъ гостей. Хозяева принимаютъ поздравленія. Начинаются разговоры. Мужчины пожимаютъ руки, многія дамы цалуются. Составляются отдѣльные кружки. Дамы садятся преимущественно у дверей гостиной или уходятъ въ гостиную, говорятъ пискливо, смѣются звонко. Мужчины толпятся около оконъ.

ГОСТИ ГОВОРЯТЪ ДРУГЪ ДРУГУ:

— Дама съ запахомъ фіалки. Bonjour, ma chère!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Bonjour! Ахъ, какое славное у васъ платье, чудесная матерія! У кого брали?

— Дама съ запахомъ фіалки. У Полуграблева!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Почемъ аршинъ?

— Дама съ запахомъ фіалки. Угадайте!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Правс, не знаю. Рубля по полтора.

— Дама съ запахомъ фіалки. Не угадали!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. По рублю семидесяти пяти!

— Дама съ запахомъ фіалки. По рублю десяти.

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Скажите, какъ дешево! Мастерица вы покупать!

— Дрожащій старецъ. Матрена Савишна!

— Слезливая старушка (въ трехъ-ярусномъ чепцѣ, съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко). Здравствуй, голубчикъ мой!

— Дрожащій старецъ. Когда же наша сватьба?

— Слезливая старушка. А вотъ подожди! Тебѣ стукнетъ черезъ полгода семьдесятъ, а мнѣ шестьдесятъ пять, тогда и подъ вѣнецъ! Ха, ха, ха, ха!

— Дрожащій старецъ. Ха, ха, ха, ха!

Оба кашляютъ.

— Господинъ, похожій на вьюна. Мое почтеніе! Очень радъ! Очень пріятно встрѣтить! Дочери ваши?

— Госпожа пожилыхъ лѣтъ, но одѣтая, какъ молоденькая дѣвушка. Онѣ здѣсь.

— Господинъ, похожій на вьюна. Матушка ваша, Василиса Кондратьевна, тетушка Лизавета Кондратьевна? Всѣ-ли въ добромъ здоровьѣ?

Госпожа пожилыхъ лѣтъ. Всѣ здоровы. Благодарю васъ!

— Господинъ, похожій на вьюна. Очень радъ! очень пріятно слышать!

1-й и 2-й помѣщики другаго уѣзда и молодой человѣкъ въ очкахъ.

1-й помѣщикъ. Не уродился у меня хлѣбъ въ нынѣшнемъ году! А ужъ, кажется, чего ни дѣлалъ: навозу на-

валилъ страсть сколько, пахалъ, какъ слѣдуетъ — по печатному, а все ничего!

2-й помѣщикъ. Нынѣшній годъ у всѣхъ плохо!

1-й помѣщикъ. Но у меня въ особенности! Мнѣ, кажется, оттого, что мелко пахалъ! Вотъ-съ, я вамъ скажу, вѣрьте послѣ этого газетамъ! Читаю въ нашихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статью какого-то Корнева: *о томъ, какъ слѣдуетъ пахать, чтобы всегда былъ урожай, не менѣе, какъ самъ-восемь.* Написано такъ бойко, точно въ самомъ дѣлѣ опытный и благонамѣренный человѣкъ писалъ. Доказывается очень убѣдительно, что причина неурожаевъ — глубокая вспашка. Господинъ Корневъ говоритъ, что у него въ прежніе годы были частые неурожаи, онъ началъ пахать мелко, и съ-тѣхъ-поръ, въ самый дурной годъ, снимаетъ не менѣе, какъ самъ-восемь, а въ хорошіе года — самъ-двадцать, даже самъ-двадцать пять. Въ концѣ говорится, что по опытамъ его слѣдуетъ пахать на полвершка или ужъ никакъ не глубже, какъ на вершокъ. Я сдуру и послушайся. Что-жъ вы думаете?—сѣмянъ не собралъ!—Вотъ эти книги! Читай ихъ! слушай! Чтобъ этому Корневу добра не было, окаянному!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ха, ха, ха! Попались же вы! Вѣдь эта статья въ насмѣшку написана.

1-й помѣщикъ. Какъ въ насмѣшку?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. У насъ есть нѣкто Корневъ, глупъ страшно, просто ошалѣла Магдалина! Козинъ написалъ статью, которая прямо бросается въ глаза своею несообразностью и глупостью, и напечаталъ ее подъ именемъ Корнева.

1-й помѣщикъ. Къ чему же это?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Такъ, шалость! Захотѣлось подурачиться, посмѣяться! Корневу привезли статью, удивлялись ей, восхищались ею, провозгласили его геніемъ и поздравляли съ блистательнымъ вступленіемъ на

литературное поприще. Просто потѣха! Корневъ даже загордился. Козинъ накупилъ самаго сквернаго коленкора, у всѣхъ сосѣдей просилъ дѣвокъ шить манишки и прислалъ ихъ Корневу, какъ будто-бы отъ губернатора въ благодарность, за статью, помѣщенную имъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

2-й помѣщикъ Ха, ха, ха! Умора!

1-й помѣщикъ (передразнивая его). Ха, ха, ха! Умора! Очень смѣшно, нечего сказать! Чортъ знаетъ, что такое! Они смѣйся такъ, чтобы ближнему не было вреда. Хочешь смѣяться, ну и подпиши, что эта статья, дескать, не статья, а насмѣшка, да хоть тамъ лопни со смѣху! А то имъ смѣшки, а другимъ вредъ, горе! Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки!

Молодой человѣкъ въ очкахъ Кто же зналъ, что вы повѣрите,—вѣдь это чистая галиматья!

1-й помѣщикъ. Да какъ же не повѣрить? Вѣдь это было напечатано и пропущено, и одобрено цензурой. Чемуже вѣрить, если и печатное несправедливо? Послѣ этого ужъ и «Сѣверной Пчелѣ» не вѣрить, и «Московскимъ Вѣдомостямъ» не вѣрить!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Не всякому слуху вѣрьте.

2-й помѣщикъ. А шутникъ долженъ быть этотъ Козинъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Развѣ вы его не знаете?

2-й помѣщикъ. Нѣтъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Какъ же, его вся губернія знаетъ! Выдумщикъ такой, что страсть. Онъ что сдѣлалъ съ этимъ же Корневымъ? Одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, Сухосѣновъ, человѣкъ очень богатый и съ вѣсомъ, выстроилъ въ своемъ селѣ церковь, и на освященіе

ея приглашалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ Николая Ивановича Пущева. Въ то время, когда Пущевъ получилъ билетъ, у него былъ Козинъ. Выпросилъ онъ у Пущева билетъ, подскоблилъ фамилію, передѣлалъ ее вмѣсто Пущеву, Николаю Ивановичу Корневу, и сверхъ того приписалъ, что недостаточнымъ помѣщикамъ, которые пріѣдутъ за двѣсти или болѣе верстъ, будутъ выданы прогоны; сверхъ того, каждый мужчина получитъ темнозеленаго сукна на фракъ, дама каждая — штуку матеріи на платье и сверхъ того дѣти ихъ будутъ опредѣлены въ корпуса и институты. Корневы достаютъ коляску у сосѣдей, запрягаютъ мужицкихъ клячъ и пускаются въ путь на долгихъ. Когда они наконецъ доплелись, уже освященіе кончилось и всѣ разъѣхались. Тѣмъ не менѣе они являются къ Сухосѣнову и просятъ его, чтобы онъ выдалъ имъ прогоны, на фракъ и на платье, не смотря на то, что они опоздали. Тотъ увѣряетъ, что этого никогда не было, а господа Корневы, думая, что онъ скупится, пристаютъ, канючатъ, просятъ, увѣряютъ въ своей готовности поспѣть во время и наконецъ добавляютъ: «однимъ фракомъ, или платьемъ, больше выдать для васъ ничего; а мы люди бѣдные; другимъ выдаютъ выдайте же и намъ. Богъ наградитъ васъ!»

Голоса. Тсъ! Тише! Слушайте! Слушайте!

Поэтъ (становится въ трагическую позу, ерошитъ волоса и декламируетъ глухимъ мрачнымъ голосомъ, то поднимая руки къ верху, то колотя себя въ грудь. Онъ реветъ на весь домъ).

О, музы, Аполлонъ и весь Олимпъ! скорѣй
Въ меня вдохните пѣснопѣнье!
Дай складкозвучіе свое, Орфей!
Чтобъ могъ достойно я рожденье
Воспѣть сей сладостной жены,
Которой нѣтъ сравненья въ мірѣ,
Богини коей лишь равны,
Звучатъ хвалы въ стихахъ и въ лирѣ!

Желалъ-бы я, чтобъ каждый стихъ
Мой обратился-бы въ алмазы,
Тогда-бы тартаръ весь затихъ,
Въ цвѣточны обратяся вазы!
Она родилась!—и съ-тѣхъ-поръ
Надъ нами солнце возсіяло;
Она богинь рѣшила споръ,
Венеры первенство пропало!
Она родилась!—и поля
Покрылись яркими цвѣтами,
Взыграли радостью моря
И мѣсяцъ восплясалъ съ звѣздами!
Въ ней красота души и тѣла,
Она по имю Серафимъ!
Архангелъ на словахъ и въ дѣлѣ,
Она по сердцу Херувимъ!
Привѣтствуемъ твое рожденье,
Ты намъ отрадная заря!
Въ тебѣ отъ бѣдъ намъ утѣшенье
И мы кричимъ: ура! ура!

(Подаетъ въ трубку свернутую бумагу, перевязанную розовою ленточкою съ бантомъ).

Присутствующіе. Ура! Ура! Браво! Браво!

Серафима Ивановна Благодарю васъ! Какъ вы любезны, мосье Простоквашинъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ошалѣла Магдалина!

Роговъ. Нѣтъ, ничего! Хорошо! Я вамъ скажу, у него есть талантъ! Вѣдь это знаете, это въ родѣ Державина!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Пошелъ ты! Похожа свинья на коня, да только шерсть не та!

Роговъ. Нѣтъ, по мнѣ хорошо! Ну, да что зá поэзія! Пойдемъ-ка, поищемъ прохладительнаго — сердцеутѣшительнаго.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Прекрасно! Вотъ

это поэзія! Приложимся къ чижичкамъ, да не мѣшало-бы метнуть банчишку или ландцужку!

Роговъ. Да что, въ самомъ дѣлѣ, терять золотое время!

Идутъ въ корридоръ.

Розонова (входитъ съ мужемъ и съ дочерьми). Не рано-ль мы пріѣхали? Нѣтъ, народу довольно! Какое освѣщеніе! Какое освѣщеніе, Боже мой! Липочка, Катенька! посмотрите, посмотрите, сколько свѣчей зажжено! Вездѣ свѣчи! Свѣтло, точно днемъ! Прелестный балъ! Кажется, еще не танцуютъ! (Одному изъ гостей). Скажите, почтеннѣйшій, еще не начинали танцовать?

Одинъ изъ гостей. Нѣтъ еще, сударыня!

Розонова. Благодарю васъ! Липочка, Катенька! Успокойтесь, радуйтесь! Еще танцовать не начинали. Боже мой, какое общество собралось! Посмотрите, какое общество собралось! Это прелесть! Садитесь, Липочка, Катенька!

Соломкинъ, Киндѣевъ и Чечулинъ, офицеры одного изъ армейскихъ полковъ.

Киндѣевъ. Экіе бобры собрались!

Чечулинъ. Да, рожи порядочныя!

Соломкинъ. Видите, господа, вонъ сидятъ въ бантахъ-то! Это богатыя невѣсты, дочери головы. А вотъ эти два смертные грѣха, съ толстымъ чортомъ подъ бокомъ,— Розоновы. Отецъ ихъ исправникомъ. Говорятъ, за каждой по полтораста душъ чистаго имѣнья и тысячъ по пятнадцати серебромъ денегъ!

Чечулинъ. Это надобно замотать на усъ!

Киндѣевъ. Надобно пріударить, чортъ возьми!

Соломкинъ. Надобно теперь дамъ ловить, а не то останутся бобры, тогда и танцуй въ пользу бѣдныхъ.

Киндѣевъ. Правда! Пойду къ Розоновымъ полюбезни-

чать; хоть гадки, чортъ ихъ возьми, да прилагательное-то хорошо!

Чечулинъ. А я займусь по части Харчковыхъ.

Соломкинъ. Эхъ вы! Охота вамъ съ уродами возиться! Мы такъ пробѣжимся на счетъ хорошенькихъ!

Чечулинъ (подходитъ къ Харчковымъ и, обращаясь къ Феклушѣ, говоритъ, причемъ поправляетъ галстухъ и закручиваетъ усы). Позвольте васъ, сударыня, ангажировать на первую кадриль.

Феклуша взглядываетъ на мать и закрывается платкомъ.

Настасья Кузьминишна. Что же ты? Отвѣчай же господину офицеру! (Тихо). Платочекъ-то опусти! Головку на-бочекъ держи! Головку на-бочекъ! вотъ такъ!

Чечулинъ. Ву не зетъ па ангаже?

Феклуша (отвѣчаетъ едва слышно, смѣясь и закрываясь). Нонъ, еще!

Чечулинъ. Такъ вамъ угодно танцовать со мною первую кадриль?

Феклуша (шепотомъ). Будемте, пожалуй!

Чечулинъ (Ѳенѣ). А васъ позвольте просить на вторую.

(Ѳеня закрывается платкомъ и смотритъ на мать).

Настасья Кузьминишна. Что же? Будь поавантажнѣе! Отвѣчай!

Ѳеня (шепотомъ). Извольте!

Чечулинъ (злодѣйски закручивая усы). Вы любите балы?

Ѳеня.
Феклуша. } Любимъ-съ!

(Взглядываютъ на мать и закрываются платкáми).

Настасья Кузьминишна (тихо, дочерямъ). Платочки опустите! Платочки! Будьте же пожеманнистѣй! Головку-то на-бочекъ, головку-то! Вотъ такъ!

Чечулинъ. Такъ я надѣюсь имѣть удовольствіе танцовать съ вами?

Ѳеня. } Надѣйтесь!
Феклуша. }

Чечулинъ. Же сюи анщанте! Сегодня мнѣ счастіе благопріятствуетъ! Недаромъ я, знаете, ѣхалъ сюда съ предчувствіемъ какого-то особеннаго удовольствія, точно-будто зналъ, что мнѣ выпадетъ завидный жребій танцовать съ вами!

(Ѳеня и Феклуша улыбаются и краснѣютъ).

Киндѣевъ (подходитъ къ Розоновымъ и обращается къ Липочкѣ). Позвольте васъ ангажировать на первую кадриль! (Кланяется, сильно пристукнувъ каблукъ о каблукъ).

Липочка. Извольте!

Киндѣевъ (Катенькѣ). А васъ на вторую!

Катенька. Съ удовольствіемъ!

(Молчаніе. Киндѣевъ покрякиваетъ и вертитъ головою, выправляя шею изъ галстуха).

Киндѣевъ. Какой прекрасный балъ! — Не правда-ли?

Липочка. Да, освѣщеніе какое!

Катенька. И какъ много! Не то, что наши провинціальные балы!

Киндѣевъ. Это что за балъ! Вотъ если-бы вы видѣли, какіе у насъ бываютъ вечера и балы въ полку! Ну такъ балы! Я помню, какъ мы одно время веселились! Вообразите, какъ-то разъ сошлось вмѣстѣ: именины полковаго командира, сватьбы двухъ нашихъ офицеровъ, и общество офицеровъ дѣлало отъ себя балъ по подпискѣ. Вообразите, мы шесть дней сряду танцовали, до упаду просто. Даже ноги заболѣли у меня. Знаете, со мной очень любили у насъ танцовать! Ни минуты мнѣ не давали отдохнуть дамы. Пристаютъ, что вы, мосье Киндѣевъ, не танцуете? Пойдемте! — Ну, дѣлать нечего, — дамы приглашаютъ и идешь. Въ осо-

бенности на мазуркѣ мнѣ доставалось. — Вы любите мазурку?

Липочка. Очень.

Катенька. Да, люблю!

Киндѣевъ. Я такъ ее обожаю! И, знаете, не могу ее танцовать, какъ другіе танцы, хладнокровно. Знаете, танцую съ жаромъ, съ увлеченіемъ этакимъ, чортъ возьми! Вы видали, какъ поляки танцуютъ мазурку?

Липочка. Нѣтъ.

Киндѣевъ. Я, знаете, стоялъ въ Польшѣ съ полкомъ, ну такъ и видѣлъ. А ужъ польки, я вамъ говорю, такія огненныя, ухарскія, хоть кого расшевелятъ! Особенно въ одной цукернѣ была Михалинка! То есть, я вамъ говорю, чортъ ее задери совсѣмъ просто!—Ну-съ, такъ я тамъ выучился мазурку танцовать у пановъ, по-настоящему, по-польскому, и смѣю вамъ доложить — танцую-съ хорошо. Безъ меня въ полку ни одинъ балъ, ни одинъ вечеръ не могъ клеиться!

Липочка. Въ полку должно быть весело?

Киндѣевъ. Очень-съ! Конечно есть, которые и скучаютъ, ну да тѣ сами виноваты. Придешь, знаете, на квартиры, сейчасъ и поѣдешь разъѣзжать по помѣщикамъ: у одного потанцуешь, у другаго въ карты поиграешь, у третьяго такъ поболтаешь, и не видишь, какъ время идетъ пріятно. Надобно, знаете, самому-то быть понаходчивѣе, поразвязнѣе; вотъ-съ меня вездѣ любили, съ радостью встрѣчали, не знали, какъ принять, какъ угостить. Потому что я веселилъ всегда компанію, а не сидѣлъ въ углу букою. А другіе забьются въ углы, въ избы, и сидятъ, ну разумѣется и скучно имъ. Или одинъ у насъ офицеръ, бывало, все, знаете, ноетъ, что ему скучно, не чѣмъ заняться, нѣтъ книгъ, того сего! Ну, кто же виноватъ!

(Входитъ откупщикъ Куриковъ, толстая, довольно гаденькая фигура, но съ большими претензіями).

Полиціймейстеръ (бѣжитъ къ нему на встрѣчу). Прохоръ Парамоновичъ!

Куриковъ. Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ! Все-ли въ добромъ здоровьѣ? Съ новорожденною!

Полиціймейстеръ. Благодарю васъ!

Куриковъ. А новорожденная гдѣ?

Полиціймейстеръ. А вотъ она съ дамами.

Куриковъ. Пойдемте къ ней! (Тихо). Получили на зубокъ?

Полиціймейстеръ. Ну, ужъ и не знаемъ, какъ благодарить васъ! (Жметъ откупщику руку, улыбается и смотритъ ему въ глаза съ невыразимою пріятностью).

Куриковъ. Да что это у васъ-то самихъ новорожденныхъ нѣтъ, а? Пора-бы! Господа! вотъ я говорю: что-это у Павла Михайловича-то новорожденныхъ нѣтъ? Скупится, должно быть, справлять крестины! А у меня ужъ давно на зубокъ готово! Или можетъ быть, того... вы не мастеръ, а? Ха, ха, ха!

Полиціймейстеръ (съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ). Что дѣлать! не даетъ Господь! И радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!

Куриковъ. Ишь ты! Просто не хочется крестинъ справлять! Кажется, вы бы должны по-военному... того... каждый годъ двухъ! Ха, ха, ха! Это, знаете, я вамъ скажу, женился одинъ нѣмецъ на русской: черезъ мѣсяцъ послѣ сватьбы ему и далъ Богъ сына. Нѣмецъ побѣжалъ на базаръ купить корзинку, да купилъ двѣнадцать штукъ и несетъ. На дорогѣ ему встрѣчается другой нѣмецъ, пріятель, и говоритъ такъ по-своему по-нѣмецкому: «здорово!» Ну, здорово! — «Что несешь?» — Корзины. — «Зачѣмъ?» — Да вотъ женился на русской сфини, каждый мѣсяцъ рожаетъ, такъ я ужъ разомъ на цѣлый годъ корзинъ-то накупилъ!

Ха, ха, ха! Вѣдь вотъ нѣмчура! Ха, ха, ха! Въ толкъ-то не взялъ, въ чемъ суть! Ха, ха, ха!

(Всѣ смѣются).

Полиціймейстеръ. Чего не выдумаетъ, Прохоръ Парамоновичъ!

Куриковъ. Гдѣ же новорожденная? Надо ей пойти попенять, что она намъ новорожденныхъ не даетъ!

Полиціймейстеръ. Пойдемте, пойдемте, Прохоръ Парамоновичъ!

(Идутъ въ гостиную; многіе здороваются съ откупщикомъ и пожимаютъ ему руки, съ низкими поклонами).

Куриковъ. Мое почтеніе! Здравствуйте!

ГОЛОСА, ПОКА ОНИ ПРОХОДЯТЪ.

— Прохоръ Парамоновичъ! Мое почтеніе!

— Почтеннѣйшій Прохоръ Парамоновичъ!

— Какъ ваше здоровье?

— Мое почтеніе!

— Наконецъ-то я имѣю удовольствіе видѣть Прохора Парамоновича!

ГОЛОСА ПО УХОДѢ.

— Толстый боровъ!

— Откормленная свинья! Вишь, какого туза изъ себя корчитъ.

— Воду продаетъ вмѣсто водки!

— Онъ чудеса дѣлаетъ: обращаетъ воду въ вино!

— Нѣтъ, вино въ воду!

— Табакомъ насъ угощаетъ, ей-Богу! Вѣдь они набухаютъ воды, увидятъ, что водка стала слаба, ну и настоятъ табакомъ, чтобы она была позабористѣй, дурманила-бы.

Квартальный (кричитъ изъ дверей). Павелъ Михайло-

вичъ! Ихъ превосходительство, генералъ Власьевъ, изволили пріѣхать.

(Полиціймейстеръ и Серафима Ивановна бѣгутъ къ дверямъ. Входитъ отставной генералъ Власьевъ, совершенная развалина. Онъ подслѣповатъ и глуховатъ).

Полиціймейстеръ. Ваше превосходительство, Галактіонъ Парфенычъ!

Власьевъ. Покорно васъ благодарю! Поздравляю, поздравляю! Не безпокойтесь!

Серафима Ивановна. Покорно васъ благодарю! Я не знаю, какъ благодарить васъ, ваше превосходительство, за милость и вниманіе, что вы удостоили посѣтить насъ!

Власьевъ (не разслышавъ, что ему говорили). Слава Богу! Слава Богу! Теперь лучше.

Серафима Ивановна. Пожалуйте въ гостиную.

Власьевъ. Вы изволите говорить отчего? Все старыя раны, старыя раны. Въ турецкую кампанію я былъ очень израненъ, подъ Варною.

Полиціймейстеръ (Женѣ). Серафима! Говори громче, ты знаешь, его превосходительство тугъ на ухо!

Власьевъ. Ась? Что вы изволите говорить? У меня знаете, послѣ контузіи въ голову — все шумъ въ ушахъ.

Полиціймейстеръ (кричитъ). Позвольте просить ваше превосходительство въ гостиную!

(Въ это время дверь растворяется, появляется Шкичуговъ, за нимъ Григорій и другіе люди съ подносами, уставленными стаканами и чашками съ чаемъ. За ними мальчики съ сухарями и кренделями).

Полиціймейстеръ (Григорью, который, не разсмотрѣвъ, что въ комнатѣ генералъ, началъ подавать другимъ гостямъ). Григорій, Гришка! Куда же ты? Чего разинулъ ротъ, какъ тотъ!... Я тебѣ дамъ! (Подмигиваетъ на Власьева. Григорій поспѣшно отходитъ отъ господина, протянувшаго уже руку за чаемъ).

Полицiймейстеръ (кричитъ). Ваше превосходительство! Чайку! Позвольте васъ просить!

Серафима Ивановна (въ другое ухо кричитъ). Съ чѣмъ угодно вашему превосходительству? Сливочки, лимонъ, варенье, ромъ!

Власьевъ. Благодарю васъ! Позвольте ужъ лимончику и ромцу!

Полицiймейстеръ (кричитъ въ ухо). Не угодно-ли сигарочки или трубочки?

Серафима Ивановна (въ другое ухо). Крендельковъ! Булочекъ! Вотъ бріошки, ваше превосходительство. Позвольте этихъ миндальныхъ.

Власьевъ. Благодарю васъ, благодарю, довольно!

Полицiймейстеръ. Позвольте я подержу вамъ стаканчикъ!

Серафима Ивановна. Ваше превосходительство, пожалуйте въ гостиную, на диванчикъ! Тамъ вамъ будетъ спокойнѣе! Мы вамъ подъ ноги скамеечку подставимъ!

Власьевъ. Благодарю васъ! Не безпокойтесь!

(Уходятъ въ гостиную. По одну сторону Власьева идетъ Полицiймейстеръ съ чаемъ, по другую Серафима Ивановна съ кренделями. Оба поддерживаютъ генерала).

Феклуша (матери). Что-жъ? Чай подаютъ, а хозяйка не ходитъ, не проситъ, не поштуетъ?

Настасья Кузьминишна. Она вишь, съ енаралами занята!

Феклуша. А какъ-же брать, когда не поштуютъ? Вѣдь это стыдно!

Настасья Кузьминишна. Видишь, другіе берутъ, и ты бери!

Розонова (мальчику съ сухарями). Постой, постой, почтеннѣйшій! Куда ты бѣжишь? Я еще себѣ возьму сухариковъ! (Ставитъ чашку на стулъ возлѣ себя, одною рукою держится за лотокъ съ

сухарями, другою набираетъ ихъ къ себѣ на колѣни). Постой, вотъ еще себѣ возьму! Славные сухарики! Прелестные! Липочка, Катенька! берите побольше. Вы попробуйте! Отличные сухарики! Вотъ этихъ-то миндальныхъ! Постой, постой, почтеннѣйшій, я не взяла вотъ еще такого манера. Липочка, Катенька! Берите-же! Ну, теперь довольно, мой милый!

(Данило Ильичъ Буркаловъ, предсѣдатель казенной палаты съ женою и дочерью. Жена его полная, здоровая дама, но вѣчно жалуется на болѣзни; дочь ихъ — небольшое, блѣдненькое, худенькое существо, съ недурненькимъ личикомъ, на которомъ свѣтятся голубыя жилки. Обѣ нѣсколько кобенятся и смотрятъ съ полуснисходительнымъ презрѣніемъ).

Полиціймейстеръ. Данило Ильичъ! Мое почтенье! Митродора Степановна! Нимфодора Даниловна!

Буркаловъ. Здорово! Поздравляю!

Серафима Ивановна. Митродора Степановна!

Митродора Степановна. Bonjour! Поздравляю васъ!

Серафима Ивановна. Какъ ваше здоровье?

Митродора Степановна. Merci! Ничего. Только нервы удивительно меня безпокоятъ, круженіе головы.... Вотъ далеко-ли проѣхалась, а совсѣмъ закачало! А у васъ миленькій вечерокъ! Довольно много! Жаль, что общество-то.... все больше деревенскіе помѣщики, c'est dommage!

Серафима Ивановна. Пойдемте въ гостиную! Прошу покорно.

Митродора Степановна (осматривая общество въ лорнетъ). Nimphodore! Il y a ici quelqu'un, vous pouvez danser aujourd'hui!

Нимфодора Даниловна. Oui! voila par exemple monsieur Koukakirin! (Кукакирину, который кланяется Bonjour, monsieur! (Уходятъ въ гостиную).

Буркаловъ. А что враги собрались?

Полиціймейстеръ. Нѣтъ, еще.

Буркаловъ. Вы меня съ кѣмъ посадите?

Полиціймейстеръ. Съ губернаторомъ, Фуксомъ и съ откупщикомъ.

Буркаловъ. Не люблю я играть съ губернаторомъ! Онъ, между нами сказать, глупъ и для карточной даже игры! Наконецъ, играетъ съ претензіями, думаетъ, что онъ губернаторъ и въ картахъ, что ему и карты должны повиноваться!

Фуксъ (всеобщій знакомый, знающій всѣхъ и все). Мое почтеніе, Павелъ Михайловичъ! Поздравляю васъ! Что зрю?! О, боги! Вѣдь точно магнитъ тянетъ, а это Данило Ильичъ!

Буркаловъ. А-а-а! злосмрадно, бренно тѣло! Всякій чортъ Иванъ Ивановичъ! Ха, ха, ха!

Фуксъ. Онъ самый! Ну, какъ здоровье?

Буркаловъ. Ничего, скриплю помаленьку!

Фуксъ. Я слышалъ, что казенная палата деньги получила! Пожалуйте-ка теперь на зеленое поле! А то получилъ деньги да и прячется! Вѣдь мы дня четыре уже какъ не играли.

Буркаловъ. Да, четыре дня!

Фуксъ. Ну что-жъ? Можно и за дѣло!

Буркаловъ. Вотъ еще этого нѣтъ — губернатора.

Фуксъ. Значитъ, игра-то будетъ превосходительная! А четвертый, кто?

Полиціймейстеръ. Откупщикъ.

Фуксъ. Куриковъ? Мы-жъ его сегодня объегоримъ! Вотъ люблю играть съ этимъ человѣкомъ! — Я не помню, чтобъ онъ когда-нибудь выигралъ.

Буркаловъ. Съ нимъ презанимательно играть! А вы читали въ газетахъ? — Сомягинъ-то получилъ Владиміра на шею. Вотъ-то пошелъ въ гору! Давно-ли былъ совѣтникомъ у меня въ палатѣ!

Фуксъ. Да ужъ это кому повезетъ фортуна слѣпая!

Полиціймейстеръ. Пойдемте-ка курнемъ съ чайкомъ.

Буркаловъ. Дѣльно! Я у васъ люблю покурить. Вы

удивительно тонкій знатокъ и каждую сигарку вашего выбора стоитъ, знаете, покупать на вѣсъ золота.

(Уходятъ въ корридоръ).

Квартальный (изъ дверей). Его превосходительство, генералъ Папочкинъ!

(Входитъ Папочкинъ, за нимъ Карандышевъ).

Полиціймейстеръ (подбѣгаетъ къ дверямъ, расталкивая гостей). Ваше превосходительство! Александръ Ивановичъ!

Папочкинъ. Честь имѣю васъ поздравить! (Подходящей Серафимѣ Ивановнѣ). Je vous felicite, madame! Желаю вамъ всего лучшаго: здоровья, богатства, всего, всего!

Серафима Ивановна. Merci bien, mon général! Вы такъ любезны, внимательны можно сказать, осчастливили нашъ вечеръ своимъ присутствіемъ.

Карандышевъ. Честь имѣю васъ поздравить, прелестная новорожденная!

Je vous souhaite d'être si heureuse, que vous êtes belle!
D'être riche, paisible bien portante et heureuse!
Je vous souhaite, je vous supplie, d'étre moins cruelle
A ceux, qui vous adorent, qui sont de vous amoureux?

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, мосье Карандышевъ!

Козинъ (въ толпѣ мужчинъ). У него на всякій случай есть куплеты.

Папочкинъ (полиціймейстеру). Павелъ Михайловичъ! Слышите, что вашей-то женѣ напѣваютъ! Какъ вы позволяете?

Полиціймейстеръ (съ такою пріятною улыбкою, какъ-будто бы получалъ деньги). Что дѣлать, ваше превосходительство! гдѣ медъ — тамъ и мухи!

Серафима Ивановна (Карандышеву). А мосье Простоквашинъ мнѣ сегодня поднесъ оду.

Карандышевъ. О-о-о! Ну, да вѣдь онъ поэтъ, ему и книги въ руки! Я думаю, бѣдняжка не ѣлъ, не спалъ недѣлю! А вѣдь мы такъ, что взбредетъ прямо въ голову. При видѣ васъ нельзя не вдохновиться! Вы сегодня восхитительны! При видѣ васъ заговорятъ и камни! Глазки, въ особенности глазки, — животворныя свѣтила!

Серафима Ивановна. Перестаньте, несносный!

Карандышевъ. Ну, развѣ несправедливо, когда ослы вѣщаютъ цѣлыя оды!

Серафима Ивановна. Злой языкъ!

Папочкинъ. Не слушайте его, Серафима Ивановна, молодость, пылъ, непостоянство, вѣтренность. Вотъ мы, люди солидные, другое дѣло!

Серафима Ивановна. Ваше превосходительство, пожалуйте въ гостиную! Мосье Карандышевъ, вы всегда душа общества, предоставляю вамъ и прошу васъ одушевить и оживить мой вечеръ.

Карандышевъ. Помилуйте, гдѣ мнѣ! Вамъ стоитъ взглянуть, чтобъ одушевить камень!

Серафима Ивановна. Несносный человѣкъ! Все комплименты! Я вамъ поручаю моихъ гостей.

Карандышевъ. Мой долгъ повиноваться! Но зато кадриль и мазурка за вами!

Серафима Ивановна. Merci bien! Извольте! — Я для васъ оставила мазурку и двѣ кадрили, первую и четвертую! Пойдемте въ гостиную, ваше превосходительство.

(Идутъ въ гостиную. Папочкину всѣ кланяются, даже дамы встаютъ и присѣдаютъ. Карандышева наперерывъ окружаютъ папеньки и маменьки, у которыхъ есть взрослыя дочки).

Розонова. Липочка, Катенька, посмотрите какой красавецъ офицеръ! Гвардеецъ, Боже мой! Что за прекрасный народъ эти гвардейцы!

Розоновъ (подходитъ къ ней и говоритъ тихо). Дѣло плохо! Сомовъ и многіе дворяне хотятъ выбрать Никонова, Журавлевъ почти перешелъ на ихъ сторону!

Розонова. Надобно работать, стараться! Еще время есть, не зѣвай, не зѣвай, Гриша, а то вся дрянь, которую ты запугалъ, возстанетъ.

Розоновъ. Посмотримъ, кто кого перехитритъ!

Розонова (указывая на господина съ сапомъ). Скажи мнѣ, что на Иванѣ Петровичѣ есть недоимочка? Дѣла его плохи?

Розоновъ. Да.

Розонова (господину съ сапомъ). Почтеннѣйшій, Иванъ Петровичъ! Какъ ваше здоровье?

Господинъ съ сапомъ. А! мое почтеніе, Александра Герасимовна! Григорій Семеновичъ, Олимпіада Григорьевна, Катерина Григорьевна!

Розонова. Скажите, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, вы хотите оставить наши мѣста?

Господинъ съ сапомъ. Какъ это?

Розонова. Вы продаете ваше имѣнье?

Господинъ съ сапомъ. Не думаю!

Розонова. Можетъ-ли быть? Слышите, Липочка, Катенька, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ и не думаетъ продавать имѣнія! Скажите, какія выдумки!

Господинъ съ сапомъ. Кто это вамъ сказалъ?

Розонова. Какъ-же! Никоновъ вездѣ хвастается, что ваше имѣніе не минуетъ его рукъ!

Господинъ съ сапомъ. Что-же это ему вздумалось?

Розонова. А-а-а! теперь я понимаю! Теперь я понимаю! Его хотятъ выбрать въ исправники, такъ онъ думаетъ стѣснить васъ и заставить продать ему.

Господинъ съ сапомъ. Напрасныя надежды! — не удастся!

Розонова. Вотъ вамъ прославленная честность! Боже

мой, что дѣлается! Что только дѣлается на свѣтѣ! Какъ можно распускать такіе слухи!

Господинъ съ сапомъ. Мерзавецъ онъ, вашъ Никоновъ! Еще не залѣзъ въ исправники, а ужъ начинаетъ пакостить!

Квартальный (Васькѣ, который разноситъ гостямъ попроще бѣлый хлѣбъ). Бѣги, скажи Павлу Михайлычу, что пріѣхалъ губернаторскій чиновникъ, вѣрно и губернаторъ скоро будетъ.

Васька бѣжитъ. По всему собранію проходитъ говоръ: *губернаторъ, губернаторъ сейчасъ будетъ!* Нѣкоторые откашливаются, другіе оправляются. Дамы обтягиваютъ платья, поправляютъ волосы, перчатки, ленты и цвѣты. Всеобщее ожиданіе. Входитъ довѣренное лицо.

Полиціймейстеръ (подбѣгаетъ къ нему). Андрей Андреевичъ!

Довѣренное лицо. Поздравляю васъ, Павелъ Михайлычъ! Его превосходительство поручилъ мнѣ поздравить васъ и вашу супругу, передать, что они сейчасъ будутъ съ ея превосходительствомъ и просить не стѣсняться, открыть безъ нихъ балъ.

Полиціймейстеръ. Мы лучше подождемъ! Безъ ихъ превосходительствъ намъ и вечеръ не въ вечеръ, и веселье не въ веселье!

Довѣренное лицо. Нѣтъ, они просили начинать, благодарятъ, что ожидали! Но, знаете, они не любятъ пріѣзжать къ началу, а въ самый разгаръ удовольствій.

Полиціймейстеръ. Воля ихъ превосходительствъ— для насъ законъ! Пожалуйте къ намъ въ гостиную! Откушайте чайку! Вы, я думаю, прозябли, почтеннѣйшій Андрей Андреевичъ!

Довѣренное лицо. Благодарю васъ. Да, стало холодненько!

Полиціймейстеръ. Мы васъ согрѣемъ! Мосье Каран-

дышевъ! Александръ Петровичъ! Будьте такъ добры и любезны, примите на себя трудъ распоряжаться танцами!

Карандышевъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Музыканты! Вальсъ!

МОМЕНТЪ ВТОРОЙ.

БАЛЪ.

Музыка играетъ вальсъ. Папочкинъ выходитъ съ Серафимой Ивановной и открывается балъ. Всѣ начинаютъ вальсировать съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ ѣстъ голодный, дорвавшійся до вкусной пищи. Пары носятся по всѣмъ направленіямъ, сталкиваются одна съ другою. Киндѣевъ мчится какъ буря, сокрушая все на пути. Онъ сбиваетъ съ ногъ чиновника, выплясывающаго отъ всей души и въ простотѣ сердечной. Чиновникъ падаетъ вмѣстѣ съ дамой, а Киндѣевъ несется далѣе, расталкивая и разметывая всѣхъ въ стороны, спиною своей дамы.

Чиновникъ (поднимаясь). Экъ его несетъ! Точно лѣшій скачетъ! Извините, сударыня! Вы не ушиблись?

Дѣвица съ голубымъ поясомъ. Нѣтъ, ничего!

Чиновникъ. Будемте продолжать, или вамъ угодно сѣсть?

Продолжаютъ вальсировать.

Матушка дѣвицы съ голубымъ поясомъ (очень почтенная старушка ворчитъ). Вѣдь ишь ты какой! Глазъ нѣтъ! Осторожности не имѣетъ! У нынѣшней молодежи мало вѣжливости! Это просто неуваженье! Самъ упалъ и мою дочь уронилъ! Стракулистъ проклятый! вотъ я скажу столоначальнику, Михайлѣ Семенычу, чтобъ онъ его подъ арестъ посадилъ дня на два, чтобъ онъ зналъ, какъ долженъ приказный танцовать съ дочерью статскаго совѣтника!

Настасья Кузминишна (Феклушѣ, которую кавалеръ приглашаетъ танцовать). Задокъ-те побольше отпять! видишь какъ

у всѣхъ, когда танчутъ. Еще, еще! вотъ-такъ! Ахъ ты моя царевна-королевна, вишь выписываетъ, вишь выписываетъ, что твоя благородная!

Козинъ (Козелкову). Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Что-же вы не танцуете?

Козелковъ. Ги, ги, ги! Я-съ!... Нѣтъ-съ!

Козинъ. Не забудьте-же спросить у губернатора билетикъ!

Козелковъ. А вы что жъ сами?

Козинъ. Дорого, денегъ нѣтъ!

Козелковъ. И я не хочу, дорого! Пожалуй, не выиграешь, и деньги пропали!

Козинъ. Эхъ вы! А были-бы китайскимъ императоромъ! Что вы не женитесь? Вѣдь вы знаете, что съ будущаго года съ холостыхъ будутъ штрафъ брать.

Козелковъ. Постойте, я еще не видалъ Александры Герасимовны, а она теперь много можетъ сдѣлать.

Козинъ. Еще-бы! Что скажетъ губернатору, то и свято! А вотъ отгадайте-ка шараду: первое *ла*, второе *фитъ*, а цѣлое въ погребахъ стоитъ.

Козелковъ (задумывается). Ахъ, отгадалъ! Лафитъ.

Козинъ. Вѣрно вы знали?

Козелковъ. Нѣтъ, ей-богу нѣтъ!

Козинъ. Ну, молодецъ же вы! Право, вамъ-бы жениться. Вотъ напримѣръ, танцуетъ съ Карандышевымъ дочь Буркалова, чѣмъ не невѣста? — богата, отецъ на хорошей дорогѣ. Подите-ка, пріударьте!

Козелковъ. Въ самомъ дѣлѣ!

Вальсъ кончается. Всѣ усаживаются отдыхать.

Розоновъ (подходитъ къ Хорькову, одному изъ помѣщиковъ партіи Никонова). Степанъ Ивановичъ! мое почтеніе!

Хорьковъ. Здравствуйте!

Розоновъ (тихо). Позвольте нѣсколько словъ. Я знаю, вы хотите ваши два шара положить Никонову!

Хорьковъ. Да!

Розоновъ. Ну вотъ видите! А вы знаете этого человѣка?

Хорьковъ. Знаю. Человѣкъ благороднѣйшій, честнѣйшій!

Розоновъ. Совершенно справедливо! Я самъ очень уважаю Андрея Филипповича, но въ немъ, какъ въ лицѣ должностномъ, будутъ большіе недостатки!

Хорьковъ. А именно: онъ не будетъ брать взятокъ! Будетъ дѣлать все по закону, по совѣсти!

Розоновъ. Совершенно справедливо! Но онъ слишкомъ щепетиленъ! Его совѣсть щекотлива, и онъ будетъ строго и буквально исполнять законъ!

Хорьковъ. Чего-же лучше!

Розоновъ. Ну, тутъ есть маленькія, своего рода, неудобства! Законъ надобно исполнить, конечно; но надобно же смотрѣть на лицо, на его положеніе. Надобно строгую букву закона, такъ сказать, проводя черезъ сердце, смягчать, дѣлать нѣкоторыя уступки, не выходя, разумѣется, изъ строгой справедливости закона. Надобно имѣть состраданіе! Напримѣръ, взысканіе... ну вотъ хоть съ васъ въ настоящее время имѣется взысканьице въ восемьсотъ рублей серебромъ;— я долженъ его произвести немедленно, а у васъ нѣтъ денегъ. Спрашивается: потеряетъ-ли сколько-нибудь законность и справедливость, если я вмѣсто немедленнаго взысканія подожду съ мѣсяцъ? Вы заплатите безъ хлопотъ, безъ разоренія!—взысканіе будетъ произведено! И волки будутъ сыты, и овцы цѣлы! Не правда-ли?

Хорьковъ. Конечно! Въ этомъ случаѣ и Никоновъ давить не будетъ.

Розоновъ. Ну, это бабушка на двое сказала! Онъ слишкомъ щепетиленъ, и если ему предпишутъ немедленно про-

извести взысканіе, такъ сдѣлайте ваше одолженіе: онъ перетолковывать себѣ закона не позволитъ. А я, оставляя прямую букву, стараюсь понять, такъ сказать, духъ закона. Я понимаю этотъ случай такъ: надобно произвести взысканіе, а не сдѣлать бѣдствія какому-нибудь лицу, ну и дѣйствую въ этомъ духѣ. Наконецъ, между нами, ей-богу, будучи исправникомъ, плевое дѣло внести за своего помѣщика восемьсотъ рублей.

Хорьковъ. Вы бы внесли?

Розоновъ. Ей-Богу бы внесъ! Провались я сквозь землю! Не сойти съ этого мѣста! Будь я проклятъ, — внесъ бы! Вѣдь когда-нибудь отдадите! А не будете въ состояніи — такъ что за счеты между пріятелями! А ваши шарики были-бы для меня истинно пріятельской услугой! Да что за околичности! Будемъ говорить прямо. Мнѣ выгоднѣе быть исправникомъ и внести за васъ восемьсотъ рублей, нежели не вносить и лишиться мѣста! Ваши шары дадутъ перевѣсъ той или другой сторонѣ. Положите мнѣ бѣлые, Никонову— черные, и я вношу за васъ.

Хорьковъ. Надуешь, отецъ!

Розоновъ. Я?! Да что вы, Степанъ Ивановичъ! За такую услугу? Да разрази меня Богъ! Чтобъ мнѣ не видать дѣтей моихъ! Чтобъ мнѣ не дождаться завтрашняго утра! Вѣдь вы меня облагодѣтельствуете! Я вамъ буду всѣмъ обязанъ! Клянусь вамъ! даю честное слово! готовъ присягнуть! Ну, хотите, завтра пріѣду къ вамъ и натощакъ поцалую образъ! Ну, будь я подлецъ! Будь я анаѳема-проклятъ! Тогда публично мнѣ плюньте въ глаза, разбейте рожу!

Хорьковъ. Ну, смотрите!

Розоновъ. Такъ рѣшено? Я вношу за васъ восемьсотъ рублей, а вы за то мнѣ направо, а Никонову налѣво?

Хорьковъ. Да.

Розоновъ. Честное слово?

Хорьковъ. Честное слово!

Розоновъ. Благодарю васъ! Вы мой благодѣтель! (Указывая на свое семейство). За нихъ благодарю васъ! Теперь они будутъ молиться за васъ! Какъ только поднесутъ кусокъ ко рту, я сейчасъ буду говорить: «дѣти! этотъ кусокъ даетъ вамъ Степанъ Иванычъ, мы ему обязаны своимъ существованіемъ!»

Хорьковъ. Это ужъ слишкомъ! Вы исполните обѣщаніе-то!

Розоновъ. Присягнуть готовъ! Завтра же внесу!

(Хорьковъ отходитъ отъ него. Розоновъ идетъ къ своей женѣ).

Розоновъ (Александрѣ Герасимовнѣ). Дѣло на мази! Клеится! У меня явилась чудная мысль! Я непремѣнно буду исправникомъ!

Квартальный (изъ дверей). Его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи!

(Всѣ разговоры замолкаютъ. Полиціймейстеръ и Серафима Ивановна бѣгутъ къ дверямъ, за ними спѣшитъ Довѣренное лицо. При всеобщемъ молчаніи, изъ передней ясно слышны голоса).

ВЪ ПЕРЕДНЕЙ.

— Полиціймейстеръ. Ваше превосходительство! Наконецъ-то мы дождались вашего превосходительства!

— Губернаторъ. Поздравляю тебя, братъ, поздравляю! Серафима Ивановна, со днемъ вашего рожденія!

— Анна Ивановна (жена губернатора). Bonjour, ma chère! Поздравляю васъ! Ахъ, какъ сегодня холодно! je crains de me refroidir!

Полиціймейстеръ (губернатору). Покорно васъ благодарю, ваше превосходительство! (Губернаторшѣ). Позвольте вашъ салопъ, ваше превосходительство!

— Анна Ивановна. Bien merci!

— Полиціймейстеръ. Квартальный, мой милый! Помоги же его превосходительству снять теплые сапоги, ви-

дишь, они безпокоятся! (Губернаторшѣ). Позвольте имѣть счастіе прислужить вашему превосходительству! Поставьте вашу ножку ко мнѣ на колѣно.

Козинъ (въ залѣ). Какъ это трогательно! Господа, неужели мы не прослезимся! Слѣдовало-бы, чтобы музыка играла торжественный маршъ, когда бренные останки его превосходительства будутъ входить въ залъ.

ВЪ ПЕРЕДНЕЙ.

— Полиціймейстеръ. Вашъ платочекъ, ваше превосходительство!

— Анна Ивановна. Mercі!

— Полиціймейстеръ. Пожалуйте, ваше превосходительство! А мы васъ ждали съ нетерпѣніемъ.

— Губернаторъ. Нельзя, любезнѣйшій, было! Ты знаешь, дѣла! Вѣдь у меня цѣлая губернія!

— Полиціймейстеръ. Знаю, ваше превосходительство! Но наше желаніе было имѣть счастіе скорѣе видѣть ваше превосходительство! Мы бы и танцовать не начали, если-бы ваше превосходительство не изволили приказать начинать. Безъ вашихъ превосходительствъ и танцы были-бы не въ танцы. Ей-богу! (Входятъ въ залу: Всѣ встаютъ и кланяются, дамы присѣдаютъ).

Губернаторъ (киваетъ нѣкоторымъ головою къ отвѣтъ на ихъ низкіе поклоны, и вдругъ останавливается передъ судьею, не того уѣзда, въ которомъ Розоновъ). А у васъ прескверное дѣло! Я все знаю У меня такъ служить нельзя! Это грабежъ открытый, слы-! шите-ли вы? Понимаете?

Судья другаго уѣзда. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Извольте молчать, когда я говорю! Что вы хотите оправдываться, а? Оправдываться въ то время, когда на васъ поступили такія жалобы! Ну, извольте оправдываться!

Судья другаго уѣзда. Ваше превосходительство, я не знаю въ чемъ дѣло!

Губернаторъ. Не знаете въ чемъ дѣло! Это-то и скверно! Вы дѣлъ не знаете и знать не хотите! Что вы сдѣлали по дѣлу съ Брюхановой, а? Что вы сдѣлали?

Судья другаго уѣзда. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Извольте молчать! Вы со мною грызетесь зубъ за зубъ, такъ что же вы съ просителями! Что вы сдѣлали съ несчастной женщиной? Она у меня сегодня рыдала, какъ сумасшедшая! Все взятки! взятки! взятки! Я покажу вамъ взятки! Отчего вы не исполнили ея прошенія, а? Отчего?

Судья другаго уѣзда. Она неправа...

Губернаторъ. Молчать! Какъ вы смѣете разсуждать! Я знаю, я вижу, что она права, а вы смѣете противорѣчить! Вы правы, что-ли? Вы правы? Я васъ спрашиваю, вы правы?

Судья другаго уѣзда. Она....

Губернаторъ. Молчать у меня! Я знаю все! Извольте безъ объясненій! Вы грабитель, взяточникъ! Я сказалъ, что не стерплю несправедливости, неисполненія своего долга! А что я сказалъ, то свято! У меня ужъ такой характеръ! У меня расправа коротка! Дѣло говоритъ само за себя! Вы думаете, что можно забраться къ чорту въ болото и дѣлать что угодно, никто не узнаетъ? Нѣтъ-съ, я все вижу, все знаю! Я сказалъ, что не потерплю, раздавлю такихъ господъ! Извольте же у меня убираться къ чорту! Слышите? Чтобъ духу вашего не было на службѣ!

Судья другаго уѣзда. За что же....

Губернаторъ (въ неистовствѣ). Вы еще разсуждать стали, за что; почему? Я такъ хочу, слышите, — я такъ хочу! Я съ такими, какъ вы, служить не могу, не хочу! Въ отставку у меня извольте убираться, завтра же! сейчасъ! сію минуту! Я видѣть васъ не могу! Я не могу терпѣть такихъ

людей! Павелъ Михайловичъ! мнѣ, право, непріятно встрѣчаться съ такими гусями, какъ этотъ баринъ! Я долженъ буду уѣхать, чтобъ не быть съ нимъ вмѣстѣ. Я съ такими людьми не могу быть подъ одною кровлею! Я съѣсть его готовъ! У меня ужъ такой характеръ!

Полиціймейстеръ (судьѣ, вполголоса). Не раздражайте его превосходительства понапрасну. Со временемъ обойдется, а теперь, знаете, ихъ превосходительство раздражены! Я бы вамъ совѣтовалъ уѣхать!

Судья другаго уѣзда. Извольте, я уѣду! мнѣ самому непріятно! Извините, что я обезпокоилъ его превосходительство! (Уходя). Господа! Брюханова продала триста десятинъ строеваго лѣсу купцу Столбину: пока совершалась купчая, она вырубила и вывезла всѣ деревья, оставила покупщику одни пни. Я рѣшилъ дѣло въ пользу Столбина, остальное вы слышали! (Уходитъ).

Губернаторъ. Я вамъ дамъ! Экой закоснѣлый! грабитель, взяточникъ! крючкодѣй! (Идетъ далѣе).

Розонова (забѣгая впередъ). Ваше превосходительство!

Губернаторъ. А-а! мое почтенье! (Тихо ей). Merci за собачку! Очарованіе! прелесть!

Козинъ (Козелкову). Видите? Шепчутся! Ну что, я правду говорилъ?

Козелковъ. Я знаю!

Губернаторъ (Фуксу). А-а-а! Иванъ Иванычъ!

Фуксъ. Мое почтеніе, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Губернаторъ. Благодарю, братецъ! Ну-ка, готовь карманы выворачивать, расплачиваться.

Фуксъ. Сегодня другая жертва, ваше превосходительство, съ нами четвертый—Куриковъ.

Губернаторъ. А-а-а! съ нимъ пріятно играть. Только, знаете, онъ немножко мужиковатъ, все дегтемъ, знаете, и кабакомъ пахнетъ!

Фуксъ. Да ужъ это непремѣнно!

Губернаторъ. Породы не скроешь. Моя тетушка графиня Безголово-Кулькова говоритъ, что она по взгляду угадаетъ—человѣкъ порядочной-ли крови? (Буркалову) Здравствуйте, Данило Ильичъ! Читали вы что дѣлается въ Италіи?

Буркаловъ. Нѣтъ-съ, я, признаться сказать, до газетъ не охотникъ.

Губернаторъ. У меня Филатовъ, спасибо ему, читаетъ, а потомъ разсказываетъ, что есть замѣчательнаго.

Буркаловъ. Вотъ я читалъ въ газетахъ, мнѣ показывалъ совѣтникъ, Сомягинъ, Владиміра получилъ на шею.

Губернаторъ. Я-бъ ему далъ въ шею! Этакая дрянь.

Фуксъ. А въ Италіи дѣла, кажется, серьезныя.

Губернаторъ. Серьезныя! Что тамъ серьезнаго! Серьезныя отъ неумѣнія распорядиться. Послали-бы меня туда губернаторомъ! Я бы имъ показалъ волненія, да прогрессы и принципы! У меня-бы не шелохнулись!

Буркаловъ. Кончится ничѣмъ.

Губернаторъ. Разумѣется! Когда понадоѣдятъ, ну и захватятъ крикуновъ и коноводовъ: кого повѣсятъ, кого засадятъ, кого сошлютъ, остальныхъ посѣкутъ просто, и дѣло съ концемъ! И къ чему эта поблажка? все ожидаютъ, не опомнятся-ли? Гдѣ тутъ опомниться, когда разсуждать начали! То не такъ, другое не по-ихнему, то имъ тяжело, то неудобно, нашли тамъ зло, невыносимость своего положенія,—и пошла писать! Начали обсуживать распоряженія властей, разсуждать! Ужъ это значитъ все идетъ на изворотъ! Ждать нечего! По-моему, надобно сейчасъ собрать жандармовъ, войска, бунтовщиковъ схватить и наказать. Ты разсуждаешь?—значитъ бунтовщикъ, бери его! Мигомъ-бы поприсмирѣли. Перестали-бы разсуждать, а начали-бы слѣпо повиноваться. А то съ ними тамъ какъ съ барышнями. Вишь имъ безпокойно, трудно жить! Не такъ ими управляютъ, власти дѣла своего не знаютъ, точно властямъ

только и заботы, что объ нихъ, чтобъ имъ было хорошо и спокойно жить, точно мы, начальствующіе, для нихъ поставлены, а не для надзора за ними. Слѣдовало-бы, чтобъ всякій зналъ, что если хочешь разсуждать — разсуждай, но готовься на висѣлицу или на каторгу. Я вамъ скажу, тамъ губернаторы — тьфу! бабы! И ничего не будетъ у нихъ путнаго!

Фуксъ. Это дѣйствительно!

Губернаторъ. И чего церемониться? Вы посмотрите, кто шумитъ, буйствуетъ? — голь, дрянь! Безпокойные люди смотрятъ только, чтобъ произвести безпорядокъ, нарушить спокойствіе, низпровергнуть законы и благочиніе, да самимъ въ мутной водѣ половить рыбы. Вотъ этимъ вольникамъ не стоитъ давать пощады; слабость къ нимъ есть преступленіе, святотатство! Порядочный человѣкъ, занимающій мѣсто порядочное, идущій по хорошей дорогѣ, шумѣть не станетъ, а заботится о своей карьерѣ, какъ-бы дослужиться до степеней извѣстныхъ. Такой человѣкъ не станетъ разсуждать, драть горла и показывать глупой фанаберіи; что дѣлать, — смолчитъ, снесетъ, поклонится, угодитъ, покоряется, какъ слѣдуетъ порядочному благонамѣренному человѣку. А вотъ эта голь, которой дѣться некуда, которая живетъ въ праздности, — она и бурлитъ отъ-нечего-дѣлать. Посмотрите, кто шумитъ? — дрянь, чинишка у него маленькій или вовсе нѣтъ, изъ службы за неповиновеніе и буйство выгнанъ, — ну бьетъ шабберды да бурлитъ отъ-нечего-дѣлать!

Фуксъ. Это точно! Человѣкъ, занимающій хорошее мѣсто, или поставленный хорошо въ обществѣ, не станетъ искать перемѣны, онъ самъ заинтересованъ въ общественномъ устройствѣ, а голь, дрянь — другое дѣло! — авось, говоритъ, лучше будетъ.

Губернаторъ. Я бы ихъ не выгонялъ изъ службы за

праздность и бурленіе, а училъ-бы дисциплинѣ и повиновенію! Ихъ въ солдаты отдавать! въ палки ставить!

Довѣренное лицо. Совершенно справедливо, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Отправимтесь сражаться! Только господа, пожалуйста, вниманіе. Я люблю, чтобъ дѣло дѣлалось какъ слѣдуетъ, не спустя рукава!

(Уходитъ черезъ гостиную въ третью комнату, гдѣ поставленъ столъ для картъ).

Карандышевъ. Господа, приглашайте дамъ! Кадриль!

(Музыка играетъ, пары устанавливаются).

Карандышевъ (Серафимѣ Ивановнѣ). Вы сегодня восхитительны!

Серафима Ивановна. Опять, несносный, противный человѣкъ!

Карандышевъ. Чѣмъ же я виноватъ, что я отъ васъ въ восторгѣ, что я счастливъ, когда могу прикоснуться къ ручкѣ вашей! Я завидую Павлу Михайлычу; но онъ не умѣетъ цѣнить своего счастія: онъ не постигаетъ его!

Серафима Ивановна. Ахъ не говорите! Вы не знаете, какая у него жесткая натура! Онъ привыкъ возиться съ солдатами, съ купцами, съ разною сволочью! У него нѣтъ нѣжнаго чувства, нѣтъ сердца!

Карандышевъ. И такимъ людямъ выпадаетъ такое счастіе! Судьба несправедлива!

Серафима Ивановна. Мужчины всѣ такіе, бездушные! Имъ интересъ, дѣла, служба, заботы. Они не могутъ жить сердцемъ! Въ нихъ нѣтъ той потребности любви, какъ въ женщинѣ.

Карандышевъ. Напротивъ, мужчина способенъ любить сильнѣе, пламеннѣе и неистовѣе: мужчина забываетъ все для любви.

Серафима Ивановна. Да это и видно! Павелъ Михайлычъ первый примѣръ.

Карандышевъ. Павелъ Михайлычъ—исключеніе; это рыба! Но другіе....

Серафима Ивановна. Другіе тоже! На словахъ всѣ пылки и готовы любить, а на самомъ дѣлѣ! Что-жъ дѣлать бѣдной женщинѣ?

Любить?—Но кто любовь оцѣнитъ?
Кто сердцу сердцемъ дастъ отвѣтъ?
Кто не разлюбитъ, не измѣнитъ
Намъ въ продолженьи многихъ лѣтъ?

Карандышевъ. Это говоритъ мужчина о женщинахъ! Повѣрьте, найдутся такіе, которые готовы на все за одинъ взглядъ, за одно ласковое слово!

Серафима Ивановна. Вы сегодня расположены къ сердечнымъ изліяніямъ!

Карандышевъ. Я говорю отъ сердца, потому что не могу не говорить, — оно переполнено! Ваши глаза сегодня въ состояніи зажечь ледъ, не только что довести до невозможности давно пылающій пожаръ.

Серафима Ивановна (полузакрывая глаза, томно и вполголоса). Перестаньте!

Карандышевъ. Вы очаровательны, восхитительны! Васъ нельзя видѣть, чтобъ не боготворить, не приходить въ восторгъ, не терять разсудка!

Серафима Ивановна. Полноте, замолчите! Что вы со мной дѣлаете!

Карандышевъ (въ восторгѣ). Я говорю о томъ, что давно у меня на сердцѣ! Вы давно угадали, видите, знаете что я безъ ума отъ васъ; что я тогда только счастливъ, когда вижу, говорю съ вами, прикасаюсь къ вашей ручкѣ! Этотъ день для меня верхъ блаженства! Я живу этими мгновеніями и для этихъ мгновеній.

Серафима Ивановна. Замолчите, ради Бога!

Карандышевъ. Моя любовь перешла границы, перешла мѣру. Я именно люблю васъ знойно, неистово! Вы вѣдь это знаете?

Серафима Ивановна (опустивъ глаза, шопотомъ). Знаю!

Карандышевъ. И вы могли говорить, зная мою любовь, что мужчины холодныя созданія? Я все готовъ принести вамъ въ жертву! Отъ моей любви растаялъ-бы ледъ. А вы? вы чѣмъ за нее заплатили? Скажите, вы женщина, ну способны-ли вы оцѣнитъ эту любовь, предаться вполнѣ страсти, забывши все на свѣтѣ? Скажите, чего мнѣ ждать? Отъ васъ зависитъ моя жизнь или смерть! Чего-жъ мнѣ ждать?

(Серафима Ивановна молчитъ и смотритъ въ землю).

Карандышевъ. Вы молчите? Ради Бога, не мучьте!.. сжальтесь! Одно слово, чего мнѣ ждать? Могу-ль я надѣяться?

Серафима Ивановна (шопотомъ). Зачѣмъ вы меня спрашиваете?

Карандышевъ Говорите! Умоляю васъ, говорите!

Серафима Ивановна (также). Довольно, перестаньте... я не могу...

Карандышевъ. Договаривайте! Вы говорите, что женщины способны на страстную любовь, на самопожертвованіе и останавливаетесь въ такую минуту передъ пустымъ предразсудкомъ! Передъ ложнымъ стыдомъ! Передъ дѣтской, робкой застѣнчивостью! Когда отъ одного слова, отъ одного движенія губъ зависитъ цѣлая будущность счастія! Рай восторговъ! Скажите же?

Серафима Ивановна. Что же мнѣ вамъ сказать?

Карандышевъ. Неужели на всѣ мои слова, на всѣ мои чувства вы не найдете ни одного звука въ отвѣтъ! Ни одного движенія губъ! Вы не находите что сказать?

Серафима Ивановна. Что вы хотите?

Карандышевъ. Слышать свой приговоръ! Любите-ли вы меня? Можете-ли вы любить?

(Серафима Ивановна взглядываетъ на него и опять опускаетъ глаза въ землю).

Карандышевъ. Вы меня сводите съ ума! Ради Бога, ради моей безумной любви хотя одно слово.

Серафима Ивановна (съ улыбкой смотритъ ему въ глаза). Вы хотите знать, могу-ли я любить?

Любить?—Но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!

Вамъ начинать третью фигуру!

Карандышевъ. И вы можете шутить! Играть такъ высокимъ, святымъ чувствомъ! (Танцуютъ).

Карандышевъ (по окончаніи фигуры, усаживаясь возлѣ Серафимы Ивановны). Вы шутите, а говорили о страстной любви!...

Серафима Ивановна (зѣвая). Говорите что-нибудь другое! Это скучно!

Карандышевъ. Ужасная женщина! Вамъ ни по чемъ мои страданья, моя люб...

Серафима Ивановна. Александръ Петровичъ! не знаете-ли, гдѣ достать болонку?

Карандышевъ. Это изъ рукъ вонъ! Не знаю-съ!

Серафима Ивановна. Вы сердитесь? Всему же долженъ быть конецъ! Вы подекламировали, и довольно! Вы спрашиваете, могу-ли я любить? Должно быть могу, потому что очень люблю — моего мужа!

Карандышевъ. Вотъ всѣ вы такія женщины!

Серафима Ивановна. Ха, ха, ха! Если-бы кто-нибудь могъ слышать нашъ разговоръ — пресмѣшно! Скажите еще что-нибудь, только о другомъ и новенькое! вы такъ хорошо говорите!

Розонова и Вилькельманъ, докторъ изъ нѣмцевъ, Онъ довольно полонъ, красенъ лицомъ, глаза его сѣро-оловянные, носъ довольно длинный съ горбомъ, совершенно нѣмецкій, волосы бѣлые какъ ленъ. Одѣтъ онъ всегда со щепетильностью. Онъ имѣетъ большую практику, и говорятъ что успѣлъ составить себѣ порядочное состояніе. Съ чисто нѣмецкою скользкостью, онъ умѣетъ влѣзть въ душу человѣка, проскальзывать на лучшія мѣста и получать высшія назначенія.

Розонова. Мое почтеніе, почтеннѣйшій Карлъ Карловичъ! Что это васъ давно не видать?

Вилькельманъ. Мое почтеніе! Какъ ваша сторофье?

Розонова. Благодарю васъ! Вы какъ поживаете?

Вилькельманъ. Нишего. Слафа Богу!

Розонова. Вы насъ совсѣмъ забыли!

Вилькельманъ. Это фремя польныхъ ошень многа. Немножка нѣтъ фремя!

Розонова. А знаете-ли, мой мужъ опять остается исправникомъ!

Вилькельманъ. Я эйто не craлъ. Пострафляю фасъ!

Розонова. Какъ же! остается! Это, знаете, не для насъ счастіе, а для дѣтей нашихъ. Теперь мы въ состояніи дать за ними порядочное приданое. За каждой даемъ по полтораста душъ и по пятнадцати тысячъ серебромъ.

Вилькельманъ. О! это карошо!

Розонова. Какже, помилуйте! Теперь-бы нашелся человѣкъ хорошій, солидный, а смотрѣть на состояніе мы не будемъ! У нихъ свое есть, все свое! Полный домъ дадимъ, какъ чаша. У нихъ ужъ есть много жениховъ, надобно только выбрать.

Вилькельманъ. И у мамзель Катеринъ есть немножко?

Розонова. Какъ же! есть и у Катеньки, только они,

знаете, ей не очень нравятся. Приходите къ намъ, Карлъ Карловичъ!

Вилькельманъ. Сафтра пришелъ я немножко за дѣломъ.

Розонова. За какимъ?

Вилькельманъ. Будете видѣть.

Киндѣевъ и Липочка (танцуютъ).

Липочка. Вы здѣсь давно?

Киндѣевъ. Гдѣ это-съ? Въ городѣ?

Липочка. Да.

Киндѣевъ. Нѣтъ, недавно.

Липочка. Вы въ отпуску?

Киндѣевъ. Мы здѣсь по обязанностямъ службы. Знаете, велѣно было назначить надежнѣйшихъ, исправнѣйшихъ и достойнѣйшихъ офицеровъ. Насъ и назначили!

Липочка. Это дѣлаетъ вамъ честь! У васъ тутъ много знакомыхъ?

Киндѣевъ. Гдѣ? Здѣсь въ залѣ?

Липочка. Да, здѣсь, и вообще въ городѣ.

Киндѣевъ. Нѣтъ еще-съ. Знаете, некогда еще было знакомиться. А вы не постоянныя жительницы здѣшнія?

Липочка. Нѣтъ, мы живемъ въ уѣздномъ городѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ.

Киндѣевъ. Весело проводите время?

Липочка. Да. Въ особенности лѣтомъ. Поѣдемъ въ деревню, тамъ идутъ постройки, папа и мнѣ и сестрѣ по новой усадьбѣ строитъ! А тамъ, знаете, гулянья, лѣса, собираешь грибы, ягоды, купаешься, ловишь бабочекъ,—просто прелесть!

Киндѣевъ. Въ деревнѣ зимой рай! То-есть, я хотѣлъ сказать, лѣтомъ рай. Такъ у васъ своя есть усадьба?

Липочка. Да, прехорошенькая! Вокругъ садикъ, прелесть просто!

Киндѣевъ. Очень пріятно.

Липочка. А зимою живемъ въ городѣ. У насъ много бываетъ, да знаете, все какіе-то! Главное, у насъ мало военныхъ.

Киндѣевъ. А вамъ нравятся военные?

Липочка. Они, знаете, какъ-то развязнѣе, любезнѣе! Какъ-же можно сравнить—офицеръ или приказный!

Киндѣевъ. Очень пріятно слышать! Я горжусь, что принадлежу къ числу тѣхъ, которые вообще заслужили ваше расположеніе.

Липочка. Есть чѣмъ гордиться! Что вамъ до моего расположенія?

Киндѣевъ (со вздохомъ). Очень много-съ. Я за него готовъ-бы былъ отдать все на свѣтѣ.

Липочка. Подите вы! Насмѣшники!

Киндѣевъ. За что-жъ вы меня такъ считаете?

Липочка. Да извѣстно, всѣ мужчины насмѣшники!

Киндѣевъ. Напротивъ, я говорю всегда отъ чистаго сердца.

Липочка. Только не теперь.

Киндѣевъ. Отчего-же?

Липочка. Такъ.

Киндѣевъ. Я постараюсь познакомиться съ вашими родителями.

Липочка. Сдѣлайте одолженіе! Имъ будетъ очень пріятно!

Киндѣевъ. Тогда вы увидите, что я составляю исключеніе. Когда мы познакомимся покороче, я вамъ докажу на дѣлѣ, что я всегда говорю отъ чистаго сердца.

Липочка. Посмотримъ.

Киндѣевъ. Впрочемъ, что вамъ замѣчать! Я слишкомъ ничтоженъ, чтобъ обратить на себя вниманіе.

Липочка. Отчего-же?

Киндѣевъ. Человѣкъ я не богатый, наружность не замѣчательная; правда, что у меня слава Богу, есть голова, я стою на хорошей дорогѣ, меня въ полку считаютъ лучшимъ офицеромъ, ей богу!

Липочка. Ну, вотъ видите. Это важнѣе всего.

Киндѣевъ. Наружнаго-то мало-съ! Пока меня раскусятъ, что я за птица!

Липочка. Скажите, вы ротный командиръ?

Киндѣевъ. Да-съ! Впрочемъ, я скоро надѣюсь быть батальоннымъ, а потомъ и полковымъ.

Липочка. А потомъ можно быть и генераломъ?

Киндѣевъ. Непремѣнно-съ, если Богъ продлитъ вѣку!

Липочка. Генераломъ быть хорошо, только, знаете, долго служить въ военной службѣ опасно.

Киндѣевъ. Отчего-же?

Липочка. Хорошо теперь миръ, а вдругъ опять война!

Киндѣевъ. Такъ что же?

Липочка. На войнѣ страшно! Чего добраго, еще убьютъ.

Киндѣевъ. Что-жъ?—ничего! Самъ не будешь чувствовать!—а плакать некому!

Липочка. У васъ нѣтъ родныхъ?

Киндѣевъ. Нѣтъ-съ, я одинъ-одинешенекъ! Тяжко, знаете, одному жить въ мірѣ, когда некого любить и самого тебя любить некому. Мнѣ кажется, если-бы нашлось такое существо, я бы привязался къ нему всѣми силами души, я бы боготворилъ его, былъ-бы рабомъ! Я, знаете, люблю иногда мечтать: какъ-бы хорошо было, если-бы я женился, у меня, знаете, есть тысченокъ десятокъ, я бы купилъ имѣньице и окружилъ жену свою всѣми попеченіями. Жили-бы мы мирно, счастливо, какъ въ раю!

Липочка. Отчего же вы не женитесь?

Киндѣевъ. Помилуйте! Кто же пойдетъ за меня?

Липочка. Мнѣ кажется, всякая съ удовольствіемъ!

Киндѣевъ. Теперь вы смѣетесь.

Липочка. Совсѣмъ нѣтъ, я говорю отъ чистаго сердца.

Киндѣевъ. Увидимъ-съ!

Липочка. Когда познакомитесь получше, увидите, что я говорю отъ чистаго сердца.

(Кадриль кончается. Киндѣевъ подводитъ Липочку къ Розоновой, разшаркивается и сажаетъ на стулъ).

Киндѣевъ (раскланивается передъ Розоновой и вытягивается, какъ солдатъ на часахъ передъ проходящимъ офицеромъ). Честь имѣю рекомендоваться! Капитанъ Максимъ Трифоновъ Киндѣевъ. Сюда для важныхъ порученій по службѣ командированъ.

Розонова. Очень пріятно познакомиться! Очень рада, почтеннѣйшій Максимъ, какъ васъ, извините, забыла!

Киндѣевъ. Трифоновъ.

Розонова. Очень рада, почтеннѣйшій Максимъ Трифоновичъ! Мы тоже здѣсь люди заѣзжіе; пока здѣсь, заходите къ намъ безъ церемоніи, по-просту, очень будетъ пріятно. И я, и дочери мои, и мужъ, мы всѣ, знаете, любимъ военныхъ!

(Киндѣевъ садится возлѣ Липочки, и пускается въ любезности. Козинъ и Дурноумовъ останавливаются вблизи отъ Розоновыхъ и говорятъ такъ, что тѣ могутъ все слышать. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подходитъ довольно много съ шопотомъ: *Козинъ серенаду даетъ Розоновымъ!* Кружокъ составляется довольно большой).

Козинъ. Смотрите-ка! Сашута поймала новую птицу!

Дурноумовъ. Льва.

Козинъ. Бекаса! Приманку, кажется, сыплютъ хорошую, а все не ловится добыча.

Дурноумовъ. Не везетъ имъ!

Козинъ (подвигается еще ближе). Спѣть вамъ мой любимый романсъ, серенаду?

Дурноумовъ. Спойте.

Козинъ. Слушайте! (Поетъ).

Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйскій —
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ!
Онъ просилъ дѣтей, какъ дара,
Вопль услышанъ его словъ —
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли; скучая
Отъ младенческихъ годовъ.
Длинны, очень длинны стали (указываетъ на Липочку),
И глядятъ на куликовъ.

Розонова. Почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Дмитрій Павловичъ!

Козинъ (продолжаетъ, будто не слыша ее).

Кулички же къ нимъ летали
Изъ сосѣднихъ, дальнихъ мѣстъ.
Но лишь кормъ одинъ клевали,
Не глядѣли на невѣстъ!
Цапли сохли! Цапли вяли!
Наконецъ, скажу вздохнувъ,
На болотѣ попропали,
Носикъ въ перья завернувъ.

(Всѣ хохочутъ, смотря на Розоновыхъ. Музыка играетъ польку, пары носятся, всѣ танцуютъ — только идетъ громъ трескъ).

Полиціймейстеръ (нѣкоторымъ кавалерамъ). Господа! Берите дамъ, вотъ сидятъ! Указываетъ на пожилыхъ дамъ и дѣвицъ, сидѣвшихъ цѣлый вечеръ).

Квартальный (торопливо подбѣгая къ полиційместеру). Иванъ Сергѣевичъ Журавлевъ пріѣхали!

Полиційместеръ. Скажите женѣ моей!

(Бѣжитъ къ дверямъ и встрѣчается съ Журалевымъ.

Журавлевъ. Мое почтеніе, Павелъ Михайловичъ!

Полиційместеръ. Иванъ Сергѣевичъ! Наконецъ-то вы насъ вспомнили!

Журавлевъ (Серафимѣ Ивановнѣ). Мое почтеніе! Поздравляю васъ со днемъ вашего рожденія.

Серафима Ивановна. Благодарю васъ! А мы ужъ думали, что вы забыли насъ: не будете!

Журавлевъ. Я собирался къ вамъ давно, но меня задержало важное извѣстіе изъ Петербурга! (обращаясь къ окружающимъ) Господа! Это касается всѣхъ!

(Всѣ окружаютъ его).

Журавлевъ. Я сейчасъ получилъ письмо изъ Петербурга, что крѣпостнымъ людямъ будетъ непремѣнно дана свобода!

ГОЛОСА.

— Можетъ-ли быть?
— Это ужасно!
— Вотъ-те и разъ!
— Какъ же это?

Журавлевъ. Имъ будетъ дана личная свобода и сверхъ того ихъ надѣлятъ землею.

ГОЛОСА.

— Это разореніе!
— Это невѣроятно!

— За что же это!

— Чѣмъ же намъ жить?

— Кто же намъ будетъ работать?

Журавлевъ. Для опредѣленія Положеній по этому предмету, будутъ составлены особые комитеты, по выбору отъ дворянства, въ каждой губерніи. Скоро объ этомъ будетъ объявлено оффиціально. Господа! Намъ надобно подумать объ этомъ! Это дѣло касается насъ всѣхъ! Надобно, чтобы каждый составилъ свое мнѣніе, представилъ свой проектъ.

ГОЛОСА.

— Какъ ни составляй мнѣнія, а все это разореніе!

— Наше мнѣніе оставить все по-старому, какъ было!

Журавлевъ. Это невозможно! Во-первыхъ, это желаніе и воля Государя Императора, которая для каждаго изъ насъ, какъ для русскаго дворянина, всегда священна! Во-вторыхъ — пора же и намъ идти въ уровень съ вѣкомъ, съ Европой.

ГОЛОСА.

— Богъ съ ней Европа!

— Мы все обезьянничаемъ!

— У насъ должно быть все русское, свои нравы, свои обычаи!

— Зачѣмъ намъ гнаться за Европой? Тамъ условія жизни другія!

— У насъ нѣтъ патріотизма!

— Мы обнѣмечились!

— Мы все перенимаемъ съ Запада, точно сами жить не можемъ!

— Вѣдь жили же прежде безъ Европы!

Журавлевъ. Господа! Тутъ ужъ ничего сдѣлать нельзя!

Голоса. Написать просьбу на Высочайшее имя отъ всего дворянства!

Журавлевъ. Нельзя же намъ явиться варварами! Надобно идти съ вѣкомъ. Мы это должны дѣлать во имя справедливости, гуманности и прогресса! Но обязаны, по чувству самосохраненія, придумать средства, чтобы не потерять при этомъ, при этой реформѣ, много,—а даже, если можно, извлечь пользу. Это будетъ тоже заслуга съ нашей стороны. Истинно образованный человѣкъ изъ всего долженъ извлекать пользу, или по-крайней-мѣрѣ, стараться уменьшить вредъ необходимыхъ вредныхъ вліяній. Слѣдственно, вотъ надъ чѣмъ мы должны работать. Во имя гуманности, мы должны освободить крѣпостныхъ...

ГОЛОСА.

— Да! Чего намъ будетъ стоить эта гуманность!

— Сколько мы потеряемъ!

— Вѣдь это разоренье!

— Хорошо жертвовать гуманности, когда есть изъ чего!

Журавлевъ. Я теряю отъ этого болѣе всѣхъ. У меня все фабрики! На нихъ работаетъ двадцать тысячъ человѣкъ безплатно. Когда же крѣпостные отойдутъ на волю, я долженъ буду нанимать! — Разница огромная! Но я готовъ все принести въ жертву августѣйшей волѣ Монарха и идеѣ гуманности, прогресса, справедливости и цивилизаціи. Съ другой стороны, я долженъ въ то же время думать и о себѣ, о своихъ дѣтяхъ! О всемъ нисходящемъ поколѣніи! За себя я готовъ отказаться отъ всего, но на мнѣ лежитъ обязанность пещись о своемъ потомствѣ; я опекунъ его, повѣренный, и обязанъ заботиться о его пользѣ, если я только

честный человѣкъ и истинный отецъ семейства! Я не смѣю жертвовать интересами моего потомства. Эти интересы мнѣ не принадлежатъ, они чужiе! Вотъ два вопроса, двѣ противоположныя стихiи, два различныхъ требованiя, два долга, двѣ обязанности, которые мы должны опредѣлить, разсмотрѣть и согласить. Значитъ, вопросъ по моему приводится къ тому, чѣмъ я могу пожертвовать какъ гражданинъ, не нарушая своихъ обязанностей къ своему потомству и его интересамъ, какъ отецъ семейства, какъ корень будущихъ поколѣнiй, которыхъ жизнь я долженъ обезпечить.

ГОЛОСА.

— Ну, это трудно согласить!

— Особенно, когда и самъ плохо обезпеченъ!

— Просто хоть волкомъ вой!

— Объ этомъ надобно подумать!

— Вы, Иванъ Сергѣевичъ, лучше знаете! Какъ вы, такъ и мы!

— Какъ вы посовѣтуете, такъ мы и сдѣлаемъ.

(Составляются отдѣльныя группы. Говоръ сливается въ общiй гулъ).

Господинъ съ сапомъ. Ну что, я правду говорилъ?

Медидовъ. Я давно это предвидѣлъ и во всѣхъ рѣшенiяхъ суда по этимъ вопросамъ соображался съ этими предположенiями.

Господинъ съ сапомъ. Вы же сегодня оспаривали!

Медидовъ. Когда? когда? Что вы! Я всегда говорилъ, что это будетъ. Всѣ спорили со мной!

Господинъ съ сапомъ. Да ужъ полноте, ничего вы не предвидѣли.

Медидовъ. Нѣтъ, предвидѣлъ. Разсмотрите всѣ мои рѣшенія!

Господинъ съ сапомъ. Подите вы съ вашими рѣшеніями! Теперь надобно подумать, что съ нами будетъ!

Розоновъ (Журавлеву, тихо). Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ (небрежно). А! здравствуйте!

Розоновъ (еще тише). Иванъ Сергѣичъ, знаете, что я придумалъ: вамъ надобны рабочіе; если я буду исправникомъ, я берусь доставить вамъ много рукъ.

Журавлевъ. Какимъ образомъ?

Розоновъ. Ужъ это мое дѣло! Не безпокойтесь, ужъ будутъ рабочіе.

Журавлевъ. Вы скажите, откуда?

Розоновъ. Очень просто! Развѣ мало бѣглыхъ? Собирать ихъ.

Журавлевъ. Гмъ!... Это отчасти хорошо, да дѣло-то скверное!

Розоновъ. Ужъ я все беру на себя. Вы ничего знать не будете. Вы знаете, какъ я готовъ служить вамъ.

Журавлевъ. Мы объ этомъ поговоримъ съ вами!

Розоновъ. Только вы ужъ не оставьте своею милостью, поддержите меня.

Журавлевъ. Хорошо!

Розоновъ. И хоть я бы отказался на отрѣзъ, не измѣняйте вашего рѣшенія пусть все-таки мнѣ кладутъ направо, а моимъ противникамъ налѣво.

Журавлевъ. Хорошо, хорошо!

Козинъ (Козелкову). Почтеннѣйшій Николай Иванычъ, вотъ случай вамъ отличиться! Смотрите-же не ударьте въ грязь лицомъ.

Козелковъ. Какъ.

Козинъ. Вѣдь вы знаете, что васъ хотятъ избрать въ предводители?

Козелковъ. Знаю.

Козинъ. Ну такъ вы должны же показать себя!

Козелковъ. Какъ же я покажу себя? Ги, ги, ги! Развѣ меня не видали?

Козинъ. Васъ видятъ и знаютъ, но вы должны показать себя достойнымъ этого званія! Напишите-ка проектъ и мнѣніе ваше объ освобожденіи крестьянъ, да и прочтите дворянству.

Козелковъ. Въ самомъ дѣлѣ! Что же мнѣ написать?

Козинъ. Ну, какого вы мнѣнія объ этомъ предметѣ?

Козелковъ. Я думаю, что освобождать не нужно.

Козинъ. Сохрани васъ Богъ писать это! Вы напишите, что необходимо освободить крестьянъ и изложите ваше мнѣніе, какъ и на какихъ основаніяхъ, вы думаете, можно освободить ихъ.

Козелковъ. А я почемъ знаю!

Козинъ. Эхъ вы! Прислушайтесь, что будетъ говорить большинство, сдѣлайте экстрактъ и выведите свое заключеніе.

Козелковъ. Гдѣ же мнѣ прислушаться?

Козинъ. Какъ гдѣ? Ну хоть завтра на выборахъ.

Козелковъ. А когда же прочесть?

Козинъ. Ну ужъ это ваше дѣло выбрать время.

Козелковъ. Я послѣ выборовъ, послѣ собранія дѣлаю обѣдъ; на обѣдѣ можно?

Козинъ. Чего же лучше? — Да у васъ просто ума палата!

Козелковъ. А это вы въ самомъ дѣлѣ хорошо придумали.

Козинъ. Еще бы! Вѣдь вы первые голосъ подадите. Поведете дворянъ за собою въ этомъ вопросѣ, именно уже будете предводитель!

Полиціймейстеръ. Ну, господа, завтра потолкуете

объ дѣлахъ, а сегодня всѣ заботы прочь, танцовать веселиться! Иванъ Сергѣевичъ! Пожалуйте въ гостиную!

(Музыка играетъ, танцы продолжаются).

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА I.

ВЫБОРЫ.

Зала дворянскаго собранія, та же что въ первой сценѣ втораго дня. Утро. Помѣщики съѣзжаются въ мундирахъ и со шпагами. Переученый и Никоновъ сидятъ всторонѣ.

Никоновъ. Я согласенъ съ вами: въ насъ много ложнаго, въ нашей жизни много заблужденій, зла, недостатковъ, много дурнаго, все это надобно искоренить, уничтожить. Но мнѣ кажется и вы неправы! Вы разрушаете самыя основанія нашей жизни, нашихъ убѣжденій, вы отрицаете все! Согласитесь, это невозможно, это тяжело! невыносимо! Гдѣ же примиреніе, цѣль, куда намъ стремиться? Этого у васъ нѣтъ!

Переученый. Примиреніе!...

Никоновъ (перебивая его). Виноватъ, я перебью васъ! Позвольте докончить, уяснить мою мысль сравненіемъ, сдѣлать ее болѣе осязательной. Вы, примѣрно, пріѣхали въ деревню и нашли домъ, подъ кровомъ котораго родились и умерли ваши отецъ и дѣдъ, старымъ, развалившимся, сырымъ, вреднымъ для здоровья, — словомъ, со всѣми недостатками. Вы удивляетесь даже, какъ можно было жить въ этой развалинѣ. Но вы сознали, увидѣли всѣ недостатки

потому, что пріѣхали со стороны, свѣжій человѣкъ! Вы не дряхлѣли вмѣстѣ съ домомъ день за днемъ постепенно, незамѣтно, какъ прежніе владѣльцы. Каждая новая щель въ домѣ рождалась съ новою сѣдиною въ головѣ, съ новою морщиною на лицѣ хозяина. Ну-съ, замѣтивши недостатки, вдругъ начинаете ломать домъ, разрушать все. Вотъ тутъ-то ваша и ошибка, господа! Надобно, кажется, сперва составить планъ будущаго крѣпкаго и красиваго зданія и уже съ опредѣленною цѣлью начать осторожную, постепенную разборку, зная что создается изъ этого матеріала, а не ломать всего безъ опредѣленной цѣли, безъ плана, чтобъ не остаться безъ всего подъ открытымъ небомъ. Гдѣ же вашъ планъ? ваша новая жизнь? — Вы видите, что примиреніе необходимо.

Переученый. Вы кончили? Въ вашихъ словахъ, въ вашемъ сравненіи, въ основѣ вашихъ убѣжденій лежитъ ошибка!

Никоновъ. Какая?

Переученый. Во-первыхъ: живой процессъ общественной жизни, убѣжденій, мысли, трудно, да и нельзя въ точности сравнивать съ мертвой массой строенія, какъ живой, дѣйствующей силы съ бездушнымъ тѣломъ. Гдѣ человѣку— этому пигмею, взяться за великое строеніе жизни будущихъ поколѣній! Развѣ въ моментъ короткій, почти неуловимый, который мы называемъ жизнью поколѣнія, можно начать и кончить это зданіе,—когда какое-нибудь замѣчательное каменное зданіе, хоть, напр., соборъ Петра въ Римѣ, создается *вѣками*. А вы такъ самонадѣянны, что думаете въ моментъ сдѣлать то, что можетъ сдѣлать вѣчность, дѣлаете карточные домики и говорите: вотъ наша вѣчная постройка. Каждому поколѣнію на долю выпадаетъ своя работа въ великомъ дѣлѣ жизни человѣчества. Нашей жизни, я вамъ говорю, не хватитъ на то, чтобы разрушить и создать! Не хватитъ даже и на то, чтобы разрушить вполнѣ. Я облеку

свою мысль тоже въ образы. — Жизнь человѣчества — это поле и жатва. Наше поколѣніе теперь пахари, мы должны приготовить, вспахать поле, поднять землю и уничтожить сорныя, вредныя и безполезныя травы, уничтожить ихъ совершенно. Пусть даже слѣдующее поколѣніе продолжаетъ нашу работу, это дѣло трудное, великое! Дальнѣйшимъ поколѣніямъ предстоитъ сѣять, взростить и собрать жатву. Вы говорите, что мы все разрушаемъ и, наконецъ, останемся безо всего, подъ открытымъ небомъ; но развѣ земледѣлецъ, въ извѣстный періодъ времени, не долженъ оставаться съ пустыми, вспаханными полями, на которыхъ нѣтъ и слѣда растительности? Вѣдь мы не человѣчество, мы только одно поколѣніе, одна страница огромной книги, одна песчинка во вселенной, одно мгновеніе въ вѣкахъ. Человѣчество не останется вѣчно съ этимъ! Человѣчество—это земледѣлецъ; оно посѣетъ, оно взроститъ и соберетъ жатву, только не нашими руками! Вы боитесь отстать отъ старыхъ вѣрованій и предразсудковъ, потому что не нажили новыхъ. Вамъ скучно, вамъ страшно безъ нихъ, васъ пугаетъ рѣшительный шагъ, вы привыкли къ этимъ кандаламъ. Вы чувствуете себя затерянными на чистомъ воздухѣ, потому что привыкли къ испорченному воздуху; предразсудки и невѣжество не пропускали къ вамъ свѣта, и свѣтъ рѣжетъ вамъ глаза. Вы готовы кое-что оставить старое, что сами же признаете въ душѣ ложнымъ, готовы обмануть себя и принять это за истинное! Къ чему эта робость? Лучше все несчастіе знанія, ослѣпляющій яркій свѣтъ, нежели самообольщеніе, ложь, обманъ и мракъ!... Я не хочу блуждать въ потьмахъ! Я хочу свѣта, свѣта! Пусть онъ озаритъ тьму вокругъ меня,—лохмотья, грязь, я все гордо сброшу! Я смѣло отрѣшусь отъ всего. Мы привыкли къ застою, въ немъ спокойнѣе! Залѣзли въ тину по уши и сидимъ въ ней. Если проходящій замѣтитъ намъ это, будетъ насъ уговаривать выбраться изъ заплѣсневѣлаго болота, мы скажемъ: безпокой-

ный человѣкъ! Соглашать отжившія, старыя убѣжденія съ новыми, искать примиренія, сліянія — ошибка! Это значитъ вводить въ новое строеніе половину старыхъ, сгнившихъ бревенъ, обратившихся въ совершенный прахъ; сшивать одежду изъ лохмотьевъ и новаго. Надобно сдѣлать рѣшительный шагъ, сбросить совсѣмъ старыя лохмотья и надѣть новое платье. Зачѣмъ же намъ примиреніе? Вѣрьте, въ этомъ и состоитъ жизнь человѣчества, въ этомъ условіе усовершенствованія, движенія впередъ: поколѣнія создаютъ, трудятся; является слѣдующее поколѣніе съ болѣзненной, горькой улыбкой смотритъ на это обветшавшее уже зданіе и изъ измученной груди его вырывается вопль отрицанія. Нашъ періодъ—періодъ отрицанія. Изъ этой борьбы только и можетъ родиться истина! Какъ устроится наша будущая жизнь? къ чему мы придемъ? — не знаю, это зависитъ отъ многаго! Но знаю, что отрицая теперь старое, я принимаю живое и дѣльное участіе въ жизни человѣчества, что мы совершенствуемся, идемъ впередъ. Въ этомъ все возможное примиреніе въ границахъ благоразумія.

Козинъ (подходитъ къ нимъ). Мое почтеніе, господа! (Подаетъ имъ руку).

Переученый. Здравствуйте, Дмитрій Павловичъ!

Никоновъ. Ну что новенькаго?

Козинъ. Вчера былъ балъ у полицiймейстера.

Никоновъ. Ну что-жъ?

Козинъ. Сначала все шло чинно, ну, а подъ конецъ подгадилось. Долотовъ поссорился очень крупно съ Иваномъ Петровичемъ.

Никоновъ. За что?

Козинъ. Право не знаю! Потомъ Марья Петровна Долотова съ Розонихой расплевались и наконецъ схватились въ рукопашную!

Никсновъ. Кто же одолѣлъ?

Козинъ. Жаль, что скоро розняли, такъ что побѣди-

тель неизвѣстенъ! Но судя по трофеямъ, Розонова побѣдила. Долотова сбила съ нея чепчикъ и нѣсколько подрумянила подъ лѣвымъ глазомъ, а Розонова сорвала съ Марьи Петровны чепчикъ и при этомъ вырвала клокъ волосъ, оцарапала носъ и порядочно нагрѣла щеки! Я теперь Александру Герасимовну называю индѣйской Бобелиной. Она оскальпировала свою противницу, я ей вчера совѣтывалъ, по индѣйскому обычаю, заткнуть эти волосы за поясъ и носить, какъ трофеи. Разсердилась страшно!

Никоновъ. Прекрасно! Ай да барыни!

Козинъ. Потомъ Роговъ подвыпилъ и началъ приставать къ дамамъ, шумѣть, врать, приплясывать, такъ что его увели въ другую комнату и тамъ уже его споили до положенія ризъ, такъ что онъ ужъ не могъ двигаться. Губернаторъ страшно разсердился на своихъ партнеровъ за то, что проигралъ имъ. Въ особенности досталось откупщику. Только одинъ Фуксъ какъ-то уцѣлѣлъ, а выигралъ больше всѣхъ.

Никоновъ. Лисица—этотъ Фуксъ,—вотъ ужъ по шерсти-то и кличка!

Козинъ. Ему быть министромъ финансовъ! Вѣдь онъ живетъ хорошо, а доходовъ никакихъ. Да; я вамъ не сказалъ самаго главнаго! Вчера Журавлевъ объявилъ на балу, что онъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ знакомыхъ: крестьянъ освободятъ отъ крѣпостной зависимости съ землею!

Переученый. Въ самомъ дѣлѣ?

Козинъ. Да! Журавлевъ сказалъ при этомъ преуморительную рѣчь, потолковалъ, знаете, о прогрессѣ, о цивилизаціи, объ необходимости освобожденія, а между-тѣмъ по всему видно, что оно у него поперегъ горла стало. Онъ проповѣдывалъ о своей готовности жертвовать всѣмъ, если-бы могъ и смѣлъ; а то онъ, изволите-ли видѣть, опекунъ будущихъ поколѣній и обязанъ трудиться для нихъ и заботиться объ ихъ интересахъ.

Мухоморовъ, Галкинъ, Мартышка № 1 и Мартышка № 2.

Мартышка № 1. Каковъ Головкинъ-то? Какая дерзость!

Мартышка № 2. Какъ онъ осмѣлился тамъ противъ Ивана Сергѣича! Непостижимо!

Мухоморовъ. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ!

Мартышка № 1. Что теперь съ нимъ сдѣлаетъ Иванъ Сергѣичъ?

Галкинъ. Извѣстно что! Захочетъ такъ погубитъ, на вѣкъ несчастнымъ сдѣлаетъ! А смилуется, ну такъ какъ съ Надеждинымъ распорядится.

Мартышка № 1. Съ которымъ Надеждинымъ?

Мухоморовъ. Съ Павломъ Алексѣевичемъ.

Мартышка № 2. А что съ нимъ сдѣлали?

Мухоморовъ. Эта исторія всѣмъ извѣстна! Надеждинъ пріѣхалъ на заводъ къ Журавлеву въ Теткино, да и повздорилъ съ управляющимъ Трофимомъ. Тотъ пошелъ къ Ивану Сергѣевичу, а Иванъ Сергѣевичъ говоритъ: «что-жъ ты зѣваешь! — распорядись!» Вотъ его раба божія растянули и вспрыснули розгами такъ, что небу жарко стало, небо съ овчинку показалось.

Мартышка № 1. Ну что-жъ Надеждинъ?

Мухоморовъ. Что-жъ будешь дѣлать? — Утеръ кулакомъ слезы да и уѣхалъ!

Мартышка № 2. За что-же у нихъ дѣло началось?

Мухоморовъ. Надеждинъ послалъ человѣка за чѣмъ-то на заводъ Ивана Сергѣича.

Мартышка № 1. Въ Теткино?

Мухоморовъ. Да. Ну тотъ пріѣхалъ и купилъ у рабочаго какую-то вещь, бездѣлицу. Трофимъ узналъ и, безъ церемоніи распорядился высѣчь этого человѣка и заставить *шуровать* *). Надеждинъ пріѣхалъ его выручать, да самъ и

*) *Шуровать* — колоть дрова, топить печи, носить воду — вообще исправлять всѣ черныя работы при заводѣ.

попался. Сдѣлалъ-бы безъ шуму, — нѣтъ, полѣзъ шумѣть, какъ смѣли его человѣка тронуть. Въ самомъ дѣлѣ, точно съ своимъ равнымъ, затѣялъ тягаться съ Иваномъ Сергѣичемъ. Вѣдь все, что ни дѣлается, все дѣлается съ вѣдома и по приказанію Ивана Сергѣича.

Галкинъ. Ну, я бы не позволилъ себя высѣчь!

Мартышка № 1. Ну что-жъ бы вы сдѣлали?

Галкинъ. Не позволилъ-бы! Попробовали-бы меня тронуть! Да я бы разразилъ всѣхъ!

Мухоморовъ. Толкуйте!

Мартышка № 2. Напали-бы люди, повалили и высѣкли!

Галкинъ. Какъ-бы они смѣли?

Мартышка № 1. Иванъ Сергѣевичъ приказали-бы!

Мухоморовъ. А ужъ люди его не посмѣютъ ослушаться! Да и самъ Надеждинъ понимаетъ, что получилъ достойное вознагражденіе: потомъ онъ смирился, продалъ свое имѣніе Ивану Сергѣичу и они опять сошлись, —ничего!

Мартышка № 1. А съ чѣмъ это вчера поздравлялъ Иванъ Сергѣича Козелковъ?

Мухоморовъ. Съ какимъ-то траверсе, что-ли.

Мартышка № 2. А что это значитъ?

Мухоморовъ. А чортъ его знаетъ! Должно быть орденъ. Да вотъ намъ Дмитрій Павловичъ скажетъ. Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Павловичъ!

Козинъ. Я-съ! Къ вашимъ услугамъ.

Мухоморовъ. Что значитъ траверсе, что-ли, съ чѣмъ вчера Козелковъ поздравлялъ Журавлева? Вы слышали?

Козинъ. Знаки траво-форсе.

Мухоморовъ. Да, да!

Козинъ. Траво-форсе—по-русски каторжная работа, а знаки—каторжное клеймо! Это презабавно! Козелковъ увѣрялъ, что Иванъ Сергѣичъ вполнѣ заслужилъ эти знаки.

Мухоморовъ. Что-жъ это такое! Вѣдь это дерзость?

Мартышка № 1. Какъ-же это онъ?

Мартышка № 2. Да что онъ съ ума сошелъ, что-ли?

Галкинъ. Каковъ Николай Иванычъ!

Мѣшковскій и Жученко.

Жученко. Такъ-то, братъ!

Мѣшковскій. Такъ-то!

Жученко. Что, будешь со мной теперь спорить? а? Ужъ я уставъ знаю, какъ свои пять пальцевъ! Иногда пойду на охоту, да дорогой отъ-него-дѣлать все пріемы ружьемъ дѣлаю.

Мѣшковскій. Я не знаю какъ я позабылъ!

Жученко. Ужъ я знаю, что на шурупѣ!

(Ласточкинъ, Дурноумовъ и Покровскій подходятъ къ нимъ. Козелковъ и Переученый, нѣсколько въ сторонѣ прислушиваются).

Дурноумовъ. Вы слышали, господа?

Ласточкинъ. Что?

Дурноумовъ. Журавлевъ получилъ изъ Петербурга достовѣрное извѣстіе, что крѣпостныхъ освобождаютъ съ надѣломъ землею!

Ласточкинъ. Можетъ-ли быть?

Дурноумовъ, Навѣрное!

Покровскій. Вѣдь это гибель! — матъ!

Ласточкинъ. Кто-жъ будетъ работать?

Покровскій. Какъ-же у насъ землю отберутъ? За какую это благодать?

Дурноумовъ. Вѣрно за все заплатятъ!

Жученко. Какъ вы сказали? — Этихъ каналій на волю выпускаютъ?

Дурноумовъ. Да.

Жученко. Какъ же это можно? Вѣдь они разбойничать пойдутъ!

Мѣшковскій. Всѣ какъ есть пойдутъ!

Жученко. Всѣ разойдутся!

Мѣшковскій. Да они и теперь почти разошлись!

Жученко. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ сидятъ! А тогда ужъ ни одного не останется!

Мѣшковскій. Да ни одного же, какъ есть!

Покровскій. Это правда! Никто работать не станетъ!

Жученко. Всѣ въ разбойники пойдутъ!

Мѣшковскій. Непремѣнно пойдутъ. Во-какъ!

Жученко. Да. Стало-быть помѣщикъ ихъ ужъ и знать не будетъ!

Дурноумовъ. Должно быть! Сказано, будутъ свободны!

Покровскій. Работать не станутъ! Вѣдь русскій мужикъ, какъ понимаетъ волю?—Если онъ вольный, такъ, значитъ, можетъ не работать или лежать на печи, или сидѣть въ кабакѣ, пьянствовать, дебоширничать, бунтовать!

Жученко. Ну, такъ же и есть!

Покровскій. Вы посмотрите теперь, кто первый пьяница?—вольноотпущенный! Кто первый воръ?—вольноотпущенный! Дерзки, грубы, пьяны, воры, бунтовщики, сущіе разбойники—все вольноотпущенные!

Жученко. Я же говорю, разбойниками сдѣлаются!

Мѣшковскій. Да они и теперь разбойники!

Жученко. Такъ-то, братъ! Чтожъ ты тутъ будешь дѣлать?

Мѣшковскій. А ты что будешь дѣлать?

Жученко. Да я ужъ и не придумаю!

Покровскій. Все это хорошо, только зачѣмъ и за что имъ даютъ землю?

Ласточкинъ. Шутка-ли это? Всѣмъ надобно дать землю!

Жученко. А что, на бѣглыхъ будутъ давать землю?

Покровскій. За что же имъ? Не думаю!

Жученко. То-то и есть.

Покровскій. Тогда вамъ будетъ хорошо! У васъ почти всѣ въ бѣгахъ и земли отдавать придется не много.

Дурноумовъ. Да! Но только я думаю, что и бѣглыхъ надѣлятъ землею!

Покровскій. За что же? Послѣ этого и мертвымъ будутъ давать землю!

Дурноумовъ. И мертвымъ, которые числятся по ревизіи.

Ласточкинъ. Значитъ, такъ же какъ подушные?

Дурноумовъ. Да.

Жученко. Вѣдь они же не работали, а разбойничали,—за что же имъ земля?

Мѣшковскій. Вмѣсто того, чтобы работать, они по лѣсу съ кистенями ходятъ!

Жученко. Да такъ же и есть!

Мѣшковскій. А землю станутъ давать,—небось, всѣ придутъ!

Жученко. Да придутъ же непремѣнно!

Мѣшковскій. Это чортъ-знаетъ что! Я до-сихъ-поръ опомниться не могу!

Жученко. Да вѣдь и я тоже!

Мѣшковскій. Меня злость беретъ, какъ подумаешь, что этихъ бестій, каналій вольными дѣлаютъ! Да ихъ въ кандалы заковать! на каторгу сослать нужно, а не на волю выпустить!

Жученко. А вотъ я, какъ пріѣду домой, такъ доберусь до нихъ! Я имъ покажу, какъ на волю выходить!

Мѣшковскій. Вѣдь это все равно, что роту безъ ротнаго командира оставить!

Жученко. Все равно же и есть!

Покровскій. Теперь надобно ухо востро держать, не запускать недоимокъ! Нечего думать, чтобъ поддерживать дворы. Чортъ съ ними! Вѣдь теперь не наши!

Дурноумовъ. Разумѣется! Чтобъ намъ своего-то не упустить, а объ нихъ ужъ нечего заботиться!

Покровскій. Я заведу теперь такъ: обложу всѣхъ оброкомъ, бабъ пряжею, полотномъ, ягодами, грибами и всякою всячиною. И ужъ тамъ, хоть лопни, а чтобъ было все представлено. Мирволить не стану! Не представилъ во-время, недѣля сроку, а потомъ, если не выправилъ всего, что слѣдуетъ,—лошадь, рогатый скотъ на барскій дворъ. Тамъ какъ хочешь.

Дурноумовъ. Разумѣется! Церемониться нечего! Надобно теперь стараться извлекать всѣ доходы, какіе только возможно! Вѣдь уйдутъ, спасибо не скажутъ, все равно, и все унесутъ съ собою!

Ласточкинъ. Да, теперь что захватилъ, то и ладно!

Жученко. Да вѣдь они по большимъ дорогамъ грабить пойдутъ!

Мѣшковскій. Разбойничать!

Господинъ съ бородавкой, Шиповаловъ, Пестриковъ, Медидовъ, потомъ Переученый.

Господинъ съ бородавкой. Какое времячко?!

Пестриковъ. Ужъ и не говорите!

Господинъ съ бородавкой. Просто хоть ложись, да умирай!

Пестриковъ. Живи, какъ и чѣмъ хочешь!

Господинъ съ бородавкой. А это все ученые, умники!

Медидовъ. А мнѣ такъ кажется, что теперь лучше будетъ!

Господинъ съ бородавкой. Чтожъ тутъ лучшаго? Что они работать не станутъ?

Медидовъ. Отчего-же не станутъ?

Господинъ съ бородавкой. Кто-же ихъ заставитъ?

Пестриковъ. Чортъ имъ далъ тогда работать!

Господинъ съ бородавкой. Вѣдь это отпѣтый народъ!

Медидовъ. Право, лучше будетъ!

Господинъ съ бородавкой (съ досадой). Да полно вамъ, право! Вѣдь вы говорите только такъ, чтобъ поспорить! А теперь, право, не до того.

Пестриковъ. А вѣдь, знаете, и мужикамъ хуже будетъ!

Господинъ съ бородавкой. Разумѣется, хуже!

Шиповаловъ. Отчего вы такъ думаете?

Господинъ съ бородавкой. Во-первыхъ, они обнищаютъ, потому что накинутся пьянствовать, перестанутъ трудиться, не станутъ работать!

Шиповаловъ. Ну, этого я не думаю! Будутъ изъ нихъ такіе, конечно, что запьютъ, загуляютъ,—ну, да эти и теперь не работники! А остальные для себя, охъ, какъ готовы трудиться!

Ласточкинъ. Для себя они работаютъ хорошо!

Господинъ съ бородавкой. Положимъ, не всѣ! Но согласитесь, что число пьяницъ и лѣнивцевъ удвоится!

Шиповаловъ. Пожалуй!

Господинъ съ бородавкой. А ихъ теперь на половину, значитъ и выйдутъ всѣ! Во-вторыхъ, теперь онъ зналъ только помѣщика, дѣлалъ свое дѣло и только; а тогда его будутъ обирать всѣ: и сотскіе, и десятскіе, и добросовѣстные, и безсовѣстные, и всѣ!

Пестриковъ. Совершенно справедливо!

Переученый подходитъ, Козелковъ нѣсколько въ сторонѣ.

Господинъ съ бородавкой. Въ-третьихъ, самое главное, теперь онъ во всемъ къ помѣщику обращается, что ему нужно: Неурожай, хлѣба нѣтъ, кто ему поможетъ?—помѣщикъ! Лошадь пала, кто поможетъ?—помѣщикъ! Не собрался подушныхъ заплатить, не справился —помѣщикъ вне-

сетъ! Въ чемъ только ни нуждается — во всемъ помѣщикъ поможетъ!

Шиповаловъ. Это такъ!

Господинъ съ бородавкой. А теперь, когда они будутъ вольные, кто имъ поможетъ въ нуждѣ, когда хлѣба нѣтъ?

Переученый. Теперь они зато и не будутъ такъ нуждаться.

Медидовъ. Отчего?

Переученый. Оттого,что будутъ больше имѣть средствъ къ жизни. Будутъ зарабатывать! Дѣйствительно—добродѣтель, благодѣяніе съ вашей стороны купить лошадь мужику, чтобъ онъ на ней вамъ же пахалъ, или дать взаймы,-до новой жатвы, хлѣба, когда онъ всю жизнь на васъ работаетъ! Великій подвигъ! Есть чѣмъ хвалиться! Какъ вы ни превозносите своего великодушія, вѣдь вы тоже кормите лошадей, на которыхъ ѣздите и коровъ, которыхъ доите.

Господинъ съ бородавкой. Такъ можно все растолковать! Да, по мнѣ, что въ нихъ! Пусть ихъ возьмутъ, лишь-бы ихъ обязали работать, — мнѣ же будетъ лучше! Мнѣ тогда дѣла не будетъ, что у него ѣсть нечего, или лошади нѣтъ! Я ужъ помогать не стану! Слава Богу,—хлопотъ меньше! Но за что я имъ земли дамъ, вотъ что!

Переученый. А какъ-же ихъ безъ земли выпустить нищими! Чѣмъ-же они будутъ жить?

Господинъ съ бородавкой. Могутъ наниматься у помѣщиковъ, нанимать землю!

Переученый. Да тогда имъ придется умирать съ голоду, или работать за грошъ въ годъ!

Господинъ съ бородавкой. А съ землей онъ работать не пойдетъ вовсе! Скажетъ: у меня есть чѣмъ жить! зачѣмъ еще буду работать? — Опахалъ свою землю, и довольно!

Переученый. Не безпокойтесь! Если онъ теперь работалъ даромъ, такъ за плату работать не откажется!

Господинъ съ бородавкой. Какъ-же! Вѣдь это лѣнтяи, имъ какъ-бы на печи лежать, да ничего не дѣлать!

Переученый. Работать тогда возможно, когда трудъ вознаграждается! А то за какую-же благодать работать, работать всю жизнь и безъ ничего! Поневолѣ будешь лѣнивъ!

Господинъ съ бородавкой. Развѣ они теперь даромъ работаютъ? Мы же ихъ кормимъ! даемъ имъ землю!

Шиповаловъ. Что вы говорите! Я, напримѣръ, купилъ имѣніе. Вѣдь я платилъ деньги за всю землю? Вѣдь я платилъ и за нихъ деньги, чтобъ они работали мнѣ! Значитъ, они обязаны мнѣ работать, и вся земля моя, потому что за все это я заплатилъ чистыя деньги.

Переученый. Кто-же вамъ далъ право продавать и покупать себѣ подобныхъ людей и чужой трудъ?

Шиповаловъ. Всѣ-же покупали, значитъ имѣли право!

Господинъ съ бородавкой. Это ужъ, батюшка, не нами завелось!

Переученый. Мало-ли что не мы выдумали! Воровать не мы изобрѣли; чтожъ изъ этого? — развѣ слѣдуетъ, что воровать хорошо и позволительно? Вѣдь другіе-же воруютъ!

Господинъ съ бородавкой. То совсѣмъ другое дѣло.

Шиповаловъ. Пожалуй, пусть возьмутъ крестьянъ и землю, только пусть-же заплатятъ за нихъ, что слѣдуетъ, за сколько я могу ихъ продать.

Переученый. Значитъ, каждаго спрашивать сколько онъ хочетъ?

Шиповаловъ. А разумѣется! Кто-же можетъ распоряжаться чужою собственностью?

Переученый. Но послушайте!

Господинъ съ бородавкой. Вы ужъ, пожалуйста, не говорите! Вся ваша философія и физика въ этомъ случаѣ ни къ чорту не годится!

Шиповаловъ. Нечего слушать!

Медидовъ. Мы и слушать не хотимъ! Вѣдь дичь понесете!

Господинъ съ сапомъ (подходитъ). Каково? Освобождаютъ крестьянъ! Отнимаютъ работниковъ, да еще дай имъ земли! Вѣдь это нарушеніе правъ собственности! Нарушеніе нашихъ правъ, правъ дворянства! Къ чему-же служатъ права, данныя дворянству грамотой императрицы Екатерины II, двадцать перваго апрѣля тысяча семьсотъ восемьдесятъ пятаго года, и подтвержденіе ихъ двадцать шестаго апрѣля восемьсотъ шестнадцатаго года? Все пошло на вѣтеръ!

Господинъ съ бородавкой. За что у насъ землю-то берутъ? Люди ужъ куда ни шли!

Господинъ съ сапомъ. А крестьянъ за что берутъ? Ими владѣли мы, отцы наши, дѣды и прадѣды!

Переученый. Да, цѣлыя поколѣнія работали вамъ и все-таки не заработали свободы и правъ человѣка! И теперь, когда имъ возвращаютъ человѣческое достоинство, вы недовольны, вамъ кажется это нарушеніемъ вашихъ правъ. Вамъ надобно было-бы стыдиться этихъ правъ, давно отъ нихъ самимъ-бы отказаться! Вѣдь это вамъ позорное клеймо! Вы говорите: земля ваша; что дать ее крестьянину нельзя, несправедливо! Неужели-же они ничего не заслужили? —даже клочка земли! Неужели, работая всю жизнь и сотни лѣтъ, они ничего не выработали и ничего не заслужили? Вы имъ не можете въ свободѣ отказать! Ихъ рабство вѣдь противно и божескимъ, и человѣческимъ законамъ! противно разуму! И вы хотѣли-бъ, за всю ихъ службу, отпустить безъ ничего! Обобрать у нихъ все и выпустить; или, точнѣе сказать, выгнать на всѣ четыре стороны безъ всякихъ средствъ къ существованью! Заставить умирать отъ

голода, безъ крова, безъ пристанища! Ну, есть-ли у васъ сердце? Ну, есть-ли хотя капля человѣческаго чувства? Вспомните, отцы ваши, дѣды, прадѣды, вы сами жили на ихъ счетъ, трудами ихъ! И за все это еще послѣдняя награда: выгнать ихъ безъ всякихъ средствъ, пустить по-міру! Вы сами чувствуете несправедливость вашу, но у васъ другой разсчетъ: тогда его за грошъ нанять! — купить его опять, да только подешевле! Свобода безъ земли не будетъ свободою для нихъ, а рабствомъ, тяжеле, хуже, нежели теперь, безъ всякаго сравненья! Тогда онъ ужъ нигдѣ защиты не найдетъ! За право чуть-чуть не умирать съ голову, за чорствую корку хлѣба вы въ руки ихъ себѣ забрали-бъ! И страхомъ голодной смерти заставили-бы сносить все, всему покориться, что вздумалось-бы вамъ только сдѣлать!

Шиповаловъ. Это почему? Въ ихъ волѣ всегда согласиться на мои условія или нѣтъ?

Ласточкинъ. Разумѣется!

Переученый. Что дѣлать несчастному мужику безъ всякихъ средствъ къ существованію? А тутъ еще на шеѣ семейство, дѣти, — ну поневолѣ пойдетъ въ рабство и всѣмъ вашимъ условіямъ долженъ будетъ подчиниться. А вы уже поставите условія! Нѣтъ, безъ земли свобода невозможна! Безъ земли онъ все не человѣкъ. Безъ земли придать ему нельзя человѣческаго достоинства, значенія и права. Съ землей другое дѣло, онъ можетъ разсматривать условія, принять ихъ или отвергнуть, онъ можетъ дѣйствовать, мыслить, желать — онъ можетъ жить. Съ землей онъ человѣкъ!

Господинъ съ сапомъ. Ну, положимъ такъ. Дайте имъ земли, только надобно же за нее заплатить помѣщику, надобно, чтобы они заплатили за то, что они пользовались ею!

Господинъ съ сапомъ. Мы все-таки должны отстаивать свои права, свои интересы!... Чтожъ, въ самомъ

дѣлѣ, имъ отдать все, а самому идти по-міру! Слишкомъ ужъ будетъ великодушно!

Пестриковъ. Пусть жертвуетъ и теряетъ, кому охота! А я отказываюсь!

Господинъ съ сапомъ. Разумѣется, мы должны требовать своего, — заботиться о своихъ интересахъ!

Господинъ съ бородавкой. У насъ тоже дѣти, семейства! Какъ говоритъ, Иванъ Сергѣичъ, мы тоже должны подумать и о будущихъ поколѣніяхъ!

Господинъ съ сапомъ. Что я буду имъ благодѣтельствовать? Что я за благодѣтель такой выискался! — Давай имъ землю, да права человѣчества! — Очень нужно!... Большая мнѣ надобность!... Мнѣ что до другихъ, — я сперва долженъ подумать о себѣ!

Пестриковъ. Что тутъ за жалость, за состраданіе, когда самимъ приходится идти по-міру!

Молодой человѣкъ въ очкахъ (подходитъ въ нимъ). Мое почтеніе!... Вы никакъ все объ освобожденіи толкуете?

Господинъ съ бородавкой. Извѣстно, что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да это-то вздоръ! такой вздоръ, что имъ не стоитъ и тревожиться.

Господинъ съ бородавкой. Помилуйте, какъ не стоитъ тревожиться?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да такъ!... Знаете-ли, что это такое за освобожденіе?

Господинъ съ бородавкой. Что?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Мыльный пузырь!...

Господинъ съ сапомъ. Хорошъ мыльный пузырь, — въ немъ лопнетъ все наше.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да полноте! Если-бы дѣйствительно хотѣли ихъ сдѣлать вольными и дать

земли, ну и объявили-бы указомъ, что, дескать, крестьяне всѣ свободны и имъ дается столько и столько-то земли, — вотъ и конецъ! А то пока объявятъ, пока соберутся комитеты для разсужденій, — въ комитетахъ же будутъ дворяне, ну, разумѣется, выкажутъ свое неудовольствіе, такъ дѣло и кончится, или, если будетъ свобода, такъ развѣ при внукахъ нашихъ.

Шиповаловъ. А до-тѣхъ-поръ сто разъ забудется!

(Журавлевъ входитъ, его окружаютъ помѣщики съ низкими поклонами).

Журавлевъ. Господа! Вамъ, вѣроятно, уже всѣмъ извѣстно извѣстіе, которое я вчера получилъ изъ Петербурга. Еще разъ повторяю, нельзя не сочувствовать этой реформѣ, вполнѣ человѣческой, гуманной! — реформѣ въ духѣ нынѣшняго времени, въ духѣ цивилизаціи и прогресса! Наконецъ, это воля Августѣйшаго Монарха, всегда священная для каждаго русскаго, въ особенности же для русскаго дворянства! И такъ, вполнѣ признавая благотворность, необходимость и гуманность предстоящей реформы, сочувствуя ей, мы, чрезъ то самое, должны стараться дать ей полезное и выгодное развитіе, то есть извлечь возможную пользу и отвратить всякій вредъ. Мы должны стараться всячески избѣжать потерь! — Дать волю крестьянамъ и не потерять самимъ средствъ къ существованію! Я, съ своей стороны, готовъ всѣми средствами содѣйствовать вамъ въ этомъ. Надѣюсь, что мы уладимъ это дѣло!... Еще, господа, теперь банки уменьшили проценты; вы знаете, какъ я готовъ всегда всѣми силами служить вамъ, вносите ваши капиталы ко мнѣ въ контору, на пять процентовъ. Вы знаете, что капиталы у меня всегда найдутъ оборотъ! Что касается до вѣрности, то вамъ извѣстно, что мои квитанціи ходятъ какъ деньги и капиталы по нимъ выдаются немедленно по предъявленіи.

Переученый (Козину). Ловкій оборотъ! Славный заемъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ:

— Покорно васъ благодаримъ!

— Непремѣнно будемъ адресоваться къ вамъ!

Розоновъ и уполномоченные отъ дворянъ, имѣющихъ менѣе 100 душъ (*). — Всѣ эти господа выбраны подъ вліяніемъ Розонова и Журавлева, изъ мелкотравчатыхъ дворянъ, притомъ изъ самыхъ ничтожныхъ, слабыхъ, необразованныхъ, невоздержныхъ въ наслажденіяхъ, преимущественно по части питія и пищи, съ шаткими нравственными правилами и съ твердыми убѣжденіями въ превосходствѣ и правотѣ того, кто ихъ кормитъ и поитъ. Лица большею частію опухлыя, носы сине-багровые, одежда грязная и въ безпорядкѣ, подбородки не бритые. Всѣ эти господа пріѣхали въ губернскій городъ и живутъ въ немъ на счетъ Журавлева, а частію и на счетъ Розонова, которыхъ считаютъ благодѣтелями и милостивцами. Понятно, что шары, которые они имѣютъ, находятся въ совершенномъ распоряженіи Журавлева и Розонова. Такимъ образомъ и случается часто, что на дворянскихъ выборахъ выбираютъ не дворяне, а Журавлевы, потому что всегда имѣютъ перевѣсъ въ шарахъ. Незначительное число уполномоченныхъ находится на иждивеніи и другихъ дворянъ.

Розоновъ (тихо). Ну, что, господа, кушали?

(*) Дворяне, которые не имѣютъ ста душъ крестьянъ, или трехъ тысячъ десятинъ земли, но за коими состоитъ въ одной губерніи не менѣе пяти душъ, поселенныхъ крестьянъ, или же ста пятидесяти десятинъ удобной, хотя незаселенной, земли, избираютъ въ должности посредствомъ уполномоченныхъ, назначенныхъ ими изъ среды себя.

Число таковыхъ уполномоченныхъ опредѣляется числомъ, состоящихъ за всѣми означенными дворянами, крестьянъ или десятинъ земли удобной, хотя незаселенной; то есть на каждыя сто душъ и на каждыя три тысячи десятинъ земли полагается по одному уполномоченному.

Если, за назначеніемъ по одному уполномоченному на каждыя сто душъ или на каждыя три тысячи десятинъ земли, окажется изъ всей сложности остатокъ, не менѣе пятидесяти душъ или тысячи пяти сотъ десятинъ земли, то на сей остатокъ полагается еще одинъ уполномоченный.

Уполномоченные имѣютъ на выборахъ голосъ, во всемъ равный съ дворянами, избирающими въ должности непосредственно.

(Сводъ Законовъ гражданскихъ. томъ III, раздѣлъ I, глава II).

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Завтракали! покорно васъ благодаримъ!

— Какже-съ, попировали, дай Богъ вамъ здоровья.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ!

— Всякаго благополучія и много лѣтъ здравствовать вамъ и Ивану Сергѣевичу. Очень довольны, очень довольны.

(При ихъ отвѣтахъ распространяется сильный запахъ спирта. Многіе изъ нихъ слегка пошатываются).

Розоновъ. Довольно-ли вамъ давали водочки и вина?

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Пили!

— Пили, покорнѣйше васъ благодаримъ!

— Премного довольны!

— Дай Богъ вамъ здоровья!

Розоновъ. Ну, смотрите же, дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ, и вамъ будетъ тогда хорошо... Да скажите и другимъ вашимъ братіямъ, чтобы ухо держали востро! Я буду непремѣнно исправникомъ, и кто мнѣ положитъ налѣво, пусть ужъ не безпокоится! --только ему и жить на свѣтѣ. Слышите?

Уполномоченные. Слушаемъ-съ!

Розоновъ. Кто будетъ за меня, за того и я готовъ, всегда помощь готовъ оказать, подождать недоимку, — словомъ все. Хоть что я ни буду говорить дворянамъ, отказываться отъ должности, отъ службы, — вы ничего не должны слышать, а дѣлайте свое дѣло: всѣмъ налѣво, а мнѣ направо. Понимаете?

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Понимаемъ, Григорій Семеновичъ!

— Все будетъ сдѣлано, какъ прикажете.

Розоновъ. Ну, смотрите!... За то послѣ выборовъ собирайтесь всѣ, — ну, хоть въ Берлинъ!

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Позвольте лучше въ Лиссабонъ.

— Въ Лиссабонѣ лучше.

— И водка лучше, и машина, и билльярдовъ два, а не одинъ!

Розоновъ. Ну, все равно, въ Лиссабонъ! Гдѣ этотъ Лиссабонъ?

Одинъ изъ уполномоченныхъ. А въ переулочкѣ-то, какъ идти отъ вашей квартиры на Большую улицу.

Розоновъ. А знаю! Ну, такъ я угощаю васъ послѣ выборовъ въ Лиссабонѣ; можете кушать и ѣсть, сколько вамъ угодно.

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Покорнѣйше благодаримъ!

— Премного довольны!

— Постараемся заслужить!

— Мы за васъ въ огонь и въ воду!

— Вы только моргните, а ужъ мы смекнемъ и потрафимъ.

Козинъ (Переученому). Вотъ избиратели Розонова! (указываетъ на уполномоченныхъ). Вотъ армія-то, достойная своего предводителя! Это баши-бузуки!

Переученый. Закупленное, запуганное этими мерзавцами и задавленное нуждой дворянство! И грустно, и гадко смотрѣть на нихъ! Готовы исполнить всякое приказаніе, готовы избрать кого велятъ, и послѣ сами-жъ будутъ горько плакать! Я имъ прощаю! Они не понимаютъ сами, что творятъ. Но остальные! Вотъ имъ-то непростительно! Зачѣмъ дозволяютъ избирать такихъ уполномоченныхъ? Вѣдь они

настолько развиты, настолько образованы, что могутъ понимать! И тутъ душой кривятъ, пристрастны, готовы подличать передъ богатымъ, знатнымъ, ему во всемъ угождать и покоряться. Нѣтъ, русское дворянство еще не сознаетъ себя, потребностей и нуждъ своихъ, въ немъ направленья нѣтъ, стремленья къ лучшему! Посмотримъ, что-то скажетъ намъ молодое поколѣніе!

Выксинъ входитъ и раскланивается, за нимъ губернскій прокуроръ и секретарь дворянства.

Выксинъ. Га.... га.... га...сспада.... начнем.... мы....мы....мте!

(Переходитъ въ другой уѣздъ).

Журавлевъ (Медидову). Влацимірь Ростиславичъ, вамъ теперь надобно предложить дворянамъ, пока вы у насъ за предводителя!

Медидовъ. Господа! начнемте!

Розоновъ. Господа, позвольте нѣсколько словъ!

Журавлевъ. Сдѣлайте одолженіе, мы слушаемъ!

(Дворяне садятся за уѣздный столъ. Стулъ, назначенный для предводителя, за неимѣніемъ его, остается незанятымъ).

Розоновъ. Господа! Нѣкоторые изъ васъ удостоили меня чести предложить баллотироваться мнѣ въ исправники: благодарю отъ души за такое довѣріе, за такую честь васъ, Иванъ Сергѣичъ, и всѣхъ удостоившихъ меня. Но, господа, я служилъ уже довольно, не щадя трудовъ, не щадя здоровья и усилій! Время мнѣ и отдохнуть, я усталъ, здоровье мое разстроилось; въ неусыпныхъ попеченіяхъ о дѣлахъ общественныхъ, я забывалъ свои дѣла, и они пришли въ запущеніе! Время мнѣ подумать о себѣ. Къ тому же нѣкоторые не желаютъ меня видѣть на этомъ мѣстѣ, а потому, не желая быть причиною разномыслія, особенно теперь, когда

намъ необходимо полное единодушіе, я, принося искреннюю благодарность за довѣріе удостоившихъ меня вниманія, прошу вмѣстѣ съ тѣмъ уволить меня отъ этой должности!

ГОЛОСА:

— Это что значитъ?

— Что это за самопожертвованіе!

— Это благородно!

— Ай, да Григорій Семенычъ! Не ожидалъ я!

— Прекрасно!

— Набилъ карманъ, да на покой!

— Это разсчетъ! Онъ понялъ, что его не выберутъ, и удаляется самъ.

– Черняковъ струсилъ.

Розоновъ. Господа! За то одна просьба! Вы знаете, какъ ко мнѣ былъ несправедливъ господинъ начальникъ губерніи, а потому онъ можетъ подумать, что онъ былъ правъ, что меня никто не желалъ видѣть на этомъ мѣстѣ, что я потерялъ совершенно ваше довѣріе и расположеніе. Чтобы доказать ему противное, я прошу у васъ одного снисхожденія, одной, можно сказать, милости: выберите въ исправники достойнѣйшаго и способнѣйшаго меня, хотя, напримѣръ, господина Никонова. Андрей Филипповичъ! примите увѣреніе въ моемъ уваженіи, я первый желаю васъ на этомъ мѣстѣ, я не хочу соперничать съ вами и препятствовать вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ всѣхъ, господа, позволить мнѣ баллотироваться въ кандидаты въ исправники, и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ и поможете доказать губернатору, что онъ неправъ, что я самъ удаляюсь. Я служить не буду, не хочу! Но хочу доказать, что я не вооружилъ противъ себя всѣхъ до такой степени, чтобы вы меня забросали черными шарами! Надѣюсь, что человѣка, который служить не хочетъ и не можетъ, марать нечего!

Если кто на меня сердитъ, если я кого обидѣлъ, прошу великодушнаго прощенія! Могу-ли я надѣяться, что изберете меня въ кандидаты?

ГОЛОСА:

— Съ удовольствіемъ!
— Отчего же?
— Извольте!
— Отчего ему не положить направо!
— Пусть будетъ кандидатомъ, Богъ съ нимъ!
— Я не понимаю, что онъ дѣлаетъ!
— Что это значитъ?
— Что это за штука?
— Неужели мы отъ него избавимся!
— Не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ исправникомъ!
— Гдѣ намъ отъ него спастись!
— Наконецъ-то мы отдохнемъ!
— Хорошо, что самъ отказывается, а то-бы кто смѣлъ идти противъ него и противъ Ивана Сергѣича!
— Я готовъ ему положить направо два раза, лишь-бы избавиться отъ него!

Никоновъ (подавая руку Розонову). Повѣрьте, Григорій Семеновичъ, что я вполнѣ цѣню ваше великодушіе и не знаю, какъ благодарить васъ! Разумѣется, и говорить нечего, что я и всѣ мои добрые пріятели положатъ вамъ направо.

Розоновъ. Благодарю васъ. А вамъ благодарить меня не за что, я вамъ не соперникъ! Пора мнѣ ужъ и на отдыхъ, усталъ! А служить теперь, въ такія хлопотливыя времена, еще пожалуй выйдетъ опять какая-нибудь гадость! Мнѣ ужъ, признаться сказать, надоѣло возиться!

Медидовъ. Начнемте, господа; въ другихъ уѣздахъ вездѣ начались уже выборы.

Журавлевъ. Начнемте. Вы вѣдь за предводителя у насъ, Владиміръ Ростиславичъ.

Медидовъ. Господа, начнемте повѣрку ящика и шаровъ. Ящикъ, какъ вы изволите видѣть, настоящій, число дворянъ, имѣющихъ голоса или, лучше сказать, число голосовъ нашего уѣзда, сорокъ два, какъ видно изъ списковъ; теперь повѣримте шары.

(Беретъ вазу съ шарами и считаетъ ихъ).

Медидовъ. Шаровъ тоже сорокъ два, совершенно вѣрно! Теперь, господа, мы должны приступить къ выбору предводителя.

ГОЛОСА:

Назарьевъ. Господа!..

— Берите шары!

— Поднесемте на рукахъ!

— Это запрещено закономъ!

— Ничего! Берите! Пойдемте!

— Владиміръ Ростиславичъ, говорите!

Дворяне разбираютъ шары и подносятъ ихъ на рукахъ Журавлеву.

Журавлевъ. Что это, господа?

Медидовъ. Иванъ Сергѣевичъ, дворянство, уважая васъ, цѣня ваши заслуги, вашъ умъ, ваши достоинства ... и.... и....

Роговъ (позади его). Что? Зарапортовался, старый хрычъ! старая собака!

Медидовъ. И признавая васъ человѣкомъ вполнѣ....

Роговъ. Все врешь, старый песъ! Изъ ума выжилъ!

Медидовъ. Перестаньте, Роговъ!

Роговъ. Что-жъ вы чепуху несете?

Медидовъ. Вамъ что за дѣло! (Журавлеву) Иванъ Сергѣевичъ, всѣ дворяне единодушно подносятъ вамъ шары

безъ баллотировки и умоляютъ васъ удостоить ихъ честью быть ихъ предводителемъ!

Роговъ. Ахъ ты старая кляча! Вѣдь ишь чего нагородилъ!

ГОЛОСА:

— Иванъ Сергѣевичъ! Сдѣлайте одолженіе!
— Мы всѣ васъ просимъ!
— Удостойте!
— Осчастливьте!
— Не отвергните!

Сомовъ, Козинъ, Переучкный и Никоновъ остаются на своихъ мѣстахъ.

Журавлевъ. Благодарю васъ, господа, за честь! Весьма благодаренъ, но, извините, предводителемъ быть не могу!

ГОЛОСА:

— Отчего же?
— Иванъ Сергѣевичъ! Сдѣлайте одолженье!
— За что же вы лишаете вашихъ милостей!
— Удостойте насъ чести!
— Отчего же вы не хотите?
— Чѣмъ же мы прогнѣвили васъ?

Журавлевъ. Во-первыхъ, я служить по выборамъ не желаю; во-вторыхъ, мнѣ некогда, вы знаете, сколько у меня заботъ, а въ-третьихъ, господа, не скрою, что я... что меня просили и другіе уѣзды и я буду баллотироваться въ губернскіе предводители!

ГОЛОСА:

— Ура!
— Превосходно!
— Очень рады!

— А все жаль, что вы не будете нашимъ предводителемъ!

— Не смѣемъ утруждать васъ!

Переученый. Какая трогательная сцена!

Козинъ. Журавлевъ совершенно счастливъ!

Назарьевъ (перемигнувшись съ нѣкоторыми). Господа, обратимся къ другимъ. (Сомову) Семенъ Ивановичъ! Позвольте васъ просить быть нашимъ предводителемъ!

ГОЛОСА:

— Да, Семенъ Ивановичъ! Сдѣлайте одолженіе!

— Мы будемъ очень рады!

— Позвольте васъ просить!

— Что-жъ это? Вѣдь не его хотѣли!

— А Николай Ивановичъ Козелковъ?

— Молчите! До него дойдетъ очередь!

Сомовъ. Благодарю васъ, господа; хоть я не заслужилъ этой чести, но если вы удостоите меня вашимъ выборомъ, я всѣми силами постараюсь оправдать ваше довѣріе. Благодарю васъ!

Господинъ съ бородавкой. Странно, какъ такіе господа, какъ Назарьевъ, ничего незначущіе, — ни чина у него, ни состоянія, ни ума, — туда же осмѣливаются говорить и дѣлать предложенія помимо старшихъ и достойныхъ уваженія лицъ!

Медидовъ. Господа! въ предводители дворянства баллотируется Семенъ Ивановичъ Сомовъ. Потрудитесь брать шары.

Дворяне подходятъ къ Медидову и получаютъ отъ нею шары; первымъ кладетъ Журавлевъ, за нимъ остальные.

Назарьевъ и нѣкоторые другіе изъ партіи Журавлева (ходятъ и говорятъ тихонько дворянамъ). Господа! Иванъ Сергѣевичъ не желаетъ видѣть Сомова предводителемъ! Прокатите его на вороныхъ! — Это избраніе противъ

Ивана Сергѣевича. — Ивану Сергѣевичу это непріятно!

Медидовъ. Иванъ Сергѣевичъ! Потрудитесь вы сосчитать шары.

Журавлевъ. Считайте сами.

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ—десять, черныхъ ... черныхъ тридцать.

ГОЛОСА:

— Ха, ха, ха!

— Вотъ прокатили-то на вороныхъ!

— Жарко стало!

— У-у-у! Унеси ты мое горе!

— Отдѣлали!

— Предали запустѣнью!

— А онъ уже было и носъ задралъ!

— Каковъ! Въ предводители мѣтилъ!

Журавлевъ (Козелкову). Теперь позвольте васъ просить!

ГОЛОСА:

— Николай Ивановичъ!

— Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!

— Это наше всеобщее желаніе!

— Сдѣлайте одолженіе!

Козелковъ. Ги, ги, ги, ги! Какъ вамъ угодно!

(Дворяне кладутъ шары).

Переученый. Этого вотъ выберутъ!

Козинъ. Непремѣнно! Ужъ это рѣшено!

Никоновъ (Сомову). Вамъ-бы отказаться! Я вамъ говорилъ, что Козелкова выберутъ!

Сомовъ. Я не ожидалъ такой низости! И кажется не заслужилъ!

Никоновъ. Это изъ угожденія Журавлеву!

Медидовъ (считаетъ шары). Бѣлыхъ—двадцать девять, черныхъ — двѣнадцать! Поздравляю васъ, Николай Ивановичъ!

Журавлевъ. Позвольте, еще надобно выбрать двухъ! Господа! я предлагаю его превосходительство Галактіона Парфеновича!

ГОЛОСА:

— Браво!
— Чего же лучше!
— Прекрасно!
— Вотъ это такъ!

Власьевъ. Благодарю васъ, господа! Я старъ, не могу!

ГОЛОСА:

— Сдѣлайте одолженіе!
— Ваше превосходительство, удостойте!
— Позвольте васъ просить!
— Сдѣлайте намъ честь!

Власьевъ. Не могу, не могу! Благодарю васъ! Гдѣ ужъ мнѣ! Мнѣ надобенъ покой! Ужъ не тревожьте моей старости. Того.... подъ Варной, я былъ крѣпко израненъ, вотъ съ-тѣхъ-поръ и началъ чувствовать! Особенно къ погодѣ!

Журавлевъ (кричитъ ему на ухо). Такъ позвольте, ваше превосходительство, просить васъ записать первымъ кандидатомъ.

Власьевъ. Благодарю васъ! Это, пожалуй! Знаете, если-бы не раны!

Журавлевъ. Какъ вы думаете? Согласны вы, чтобы генералъ Власьевъ былъ первымъ кандидатомъ?

ГОЛОСА:

— Еще-бы!
— Согласны!
— Разумѣется!
— Мы во всемъ съ вами согласны!
— Ужъ вы не предложите дурнаго!
— Сдѣлайте одолженіе!
— Распоряжайтесь!

Журавлевъ. Я думаю, и баллотировать нечего, а поставить ему число балловъ избирательныхъ однимъ менѣе противъ Николая Ивановича. Это, знаете, будетъ скорѣе и проще. А то къ чему понапрасну тянуть время!

ГОЛОСА:

— Разумѣется!
— Самое лучшее!
— Кто ни кандидатъ — все равно!
— Да вѣдь онъ служить не будетъ, такъ что-жъ тутъ церемониться!

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ! Вы ставьте генералу Власьеву двадцать восемь бѣлыхъ, и тринадцать черныхъ.

Медидовъ. Очень хорошо! А еще кого, господа? Надобно другаго кандидата.

ГОЛОСА:

— Кого же еще?
— Мы не знаемъ!
— Развѣ Лапина!
— Мулова!
— Лапина!
— Лапина лучше!
— Помилуйте, господа! Куда онъ годится!

Журавлевъ. Баллотировать ихъ обоихъ!

Медидовъ. Господа, Мулова!

(Дворяне кладутъ шары).

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ—двадцать три, черныхъ—девять! Теперь Лапина.

(Дворяне кладутъ шары).

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ—девять, черныхъ — двадцать три!

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Николай Ивановичъ!

ГОЛОСА:

— Поздравляемъ васъ, Николай Ивановичъ!

— Почтеннѣйшій, Николай Ивановичъ!

— Желаніе наше исполнилось!

Переученый. По Сенькѣ и шапка! Предводитель вполнѣ ихъ стоитъ!

Козелковъ. Благодарю васъ!... Покорнѣйше прошу ко мнѣ сегодня откушать!

ГОЛОСА:

— Непремѣнно!

— Покорно васъ благодаримъ!

— Съ удовольствіемъ!

— Очень пріятно!

Пестриковъ. Ужъ я говорилъ, что мы у Николая Иваныча поѣдимъ на славу!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Поѣдимъ и выпьемъ!

Роговъ. Еще-бы! на славу выпьемъ!

Переученый. Желудки безъ головъ!

Журавлевъ. Николай Иванычъ, садитесь-ка сюда! (Указываетъ на стулъ предводителя).

Козелковъ. Ги, ги, ги!

Козинъ. А что, Николай Иванычъ, вы сосчитаете до сорока-то, а?

Козелковъ. Васъ не попрошу!

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ! позвольте васъ просить быть вновь нашимъ судьею.

Медидовъ. Помилуйте!.. Благодарю!.. Съ удовольствіемъ!.. Вполнѣ цѣню!

Роговъ. Экая старая водовозная кляча!

Журавлевъ (Козелкову). Прочтите-ка кандидатовъ!

Козелковъ (читаетъ, запинаясь). Въ судьи, Медидовъ, Жученко, Пестриковъ, Афанасьевъ и Тарасьевъ.

Журавлевъ (Козелкову). Ну, предложите шары дворянамъ и кладите первые.

ГОЛОСА:

— Кто баллотируется?

— Кому класть?

Журавлевъ. Владиміръ Ростиславичъ!

(Дворяне кладутъ шары).

Розоновъ (Хорькову, тихо). Смотрите же, помните уговоръ! Никонову налѣво, а мнѣ направо.

Хорьковъ. Вѣдь вы же не хотите служить!

Розоновъ. Тсъ! Вамъ что за дѣло! Вы только должны исполнить уговоръ!

Хорьковъ. Ничего не понимаю!

Розоновъ (Журавлеву). Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ. Что тебѣ?

Розоновъ. Будьте милостивы! поддержите меня!

Журавлевъ. Вѣдь ты служить не хочешь!

Розоновъ. Какъ не хотѣть! Служить-то я буду! Вы ужъ увидите! Только сдѣлайте вашу милость, подтвердите, чтобы Никонову-то и всѣмъ налѣво, а мнѣ направо!

Журавлевъ. Къ чему же ты отказывался?

Розоновъ. Увидите! А ужъ я постараюсь! заслужу! На счетъ бѣглыхъ, фабрикъ, насчетъ всего! Ужъ будете довольны! Сдѣлайте милость! А Никоновъ для васъ не годится.

Журавлевъ. Ну хорошо, хорошо! Позови ко мнѣ ко-ко-нибудь!

Розоновъ. Кого прикажете?

Журавлевъ. Все равно! Ну хоть Назарьева, что-ли!

Розоновъ. Сейчасъ!

Долотовъ (нѣкоторымъ). Ну я, господа, Медидову вороненькихъ! Что это за судья! — съ нихъ хоть плачь!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да, плохъ, тлѣнью предается! Онъ, знаете, съ дуринкой.

Роговъ. У него въ головѣ крысы въ чехарду играютъ, такъ ему, что ни толкуй, онъ ничего не понимаетъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да, ему хоть колъ на головѣ теши! Ошалѣла Магдалина! Глупъ, глупъ, глупъ! Непроходимо глупъ! и старъ, вѣдь! Совершенная гробовня! Тлѣнью предается! — прахомъ покрывается! — Червяками его!...

Журавлевъ (Козелкову). Считайте шары.

Козелковъ (считаетъ, нѣсколько разъ сбиваясь). Бѣлыхъ тридцать одинъ, черныхъ девять.

Журавлевъ. Теперь кто тамъ далѣе?

Козелковъ. Г. Жученко.

(Выборы продолжаются. Всѣ заняты ими, разговоровъ мало. Большинство шаровъ въ судьи на сторонѣ Медидова. Жученко выбранъ первымъ кандидатомъ. Молодой человѣкъ въ очкахъ и Порхавкинъ — въ засѣдатели уѣзднаго суда).

Козелковъ (читаетъ). Въ исправники: Розоновъ, Никоновъ и Ѳоминъ.

Розоновъ. Господа, я желаю баллотироваться послѣ всѣхъ!

Журавлевъ. Это все равно. Значитъ, теперь господина Никонова.

Голоса. Кто баллотируется?

Козелковъ. Андрей Филипычъ Никоновъ.

(Дворяне кладутъ шары).

Власьевъ (Назарьеву). Во что баллотируютъ?

Назарьевъ (кричитъ на ухо). Въ исправники!

Власьевъ. А-а! въ исправники! А кого?

Назарьевъ. Розонова!

Власьевъ. Спасибо, батюшка! (Кладетъ шаръ налѣво).

Козелковъ (считаетъ). Бѣлыхъ — двадцать шесть, черныхъ — пятнадцать.

Журавлевъ. Теперь господина Ѳомина.

(Дворяне кладутъ шары).

Козелковъ (считаетъ). Бѣлыхъ—двадцать два, черныхъ—девятнадцать!

Розоновъ (Никонову). Поздравляю васъ, Андрей Филипычъ! Весь уѣздъ можно поздравить съ такимъ исправникомъ. Поздравляю! Поздравляю отъ души! Позвольте по-пріятельски. (Цалуетъ его три раза).

Козинъ. Цѣлованіемъ-ли предаеши мя, Іуда?

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Андрей Филиповичъ! Очень радъ.

ГОЛОСА:

— Поздравляю васъ!

— Ахъ, какъ я радъ!

— Ну, по-крайней-мѣрѣ можно быть спокойнымъ.

— Слава Богу, исправникомъ порядочный и честный человѣкъ!

— Славный будетъ исправникъ!

— Избавились наконецъ мы отъ Розонова!

— Гора съ плечъ свалилась!

— Теперь можно жить!

— Слава Богу!

— Не вѣрится, что такое счастье!

Сомовъ. Двадцать лѣтъ нога моя не бывала въ земскомъ судѣ, какъ въ чемъ-то нечистомъ; теперь я могу взойти туда — Никоновъ исправникомъ!

Розоновъ. Господа! Не оставьте теперь меня милостивымъ вниманіемъ вашимъ. Позвольте мнѣ оставить должность добровольно и доказать господину начальнику губерніи, что онъ очень ошибся въ вашемъ расположеніи ко мнѣ! Я не буду служить, но меня не забросали же, какъ говорилъ онъ, черняками, и хотя не выбранъ я въ исправники, все-таки я кандидатъ! Меня не вывели изъ собранія, какъ онъ обѣщалъ! Служить не могу, не смотря на просьбы многихъ! Не могу! — Усталъ! Да и для чего? У васъ вмѣсто меня прекрасный и дѣльный человѣкъ!

Журавлевъ. Наша обязанность благодарить васъ, за вашу прошлую службу, за ваши труды! Я надѣюсь, что всѣ господа дворяне будутъ вамъ признательны!

Козинъ. Какъ же! Мы чувствуемъ вполнѣ и цѣнимъ! Мы обязаны весьма многимъ Григорію Семеновичу. Онъ эти года былъ совершенно отцомъ нашимъ! (Никонову) Вотъ и вы, Андрей Филиповичъ, берите примѣръ съ Григорія Семеновича! Служите честно, благородно и, главное, безкорыстно! — словомъ, какъ онъ, и Богъ благословитъ и васъ, какъ его! Вы взгляните, какая благодать за честную и благородную службу, за его безкорыстіе: — изъ сорока душъ сдѣлалось четыреста! — Изъ пятидесяти рублей, пятьдесятъ тысячъ.

(Всѣ смѣются).

Розоновъ. Что вы хотите этимъ сказать? Дмитрій Павловичъ, напрасно вы черните меня! Я вѣдь удаляюсь!

Козинъ. Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ....

Журавлевъ. Начнемте, господа!

(Дворяне кладутъ шары).

Власьевъ (Назарьеву). Кого теперь баллотируютъ?

Назарьевъ (кричитъ ему въ ухо). Никонова!

Власьевъ. А-а! (Кладетъ направо)

Розоновъ. Ухъ, въ глазахъ мутится!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Розоновъ струсилъ! Чего не баллотировался!

Долотовъ. Да вѣдь онъ же баллотируется!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да служить-то не будетъ!

Долотовъ. Зналъ, что его черняками прокатятъ! Тогда-бы вѣдь стыдно было!

Козелковъ (считаетъ шары). Господину Розонову бѣлыхъ— тридцать девять, черныхъ—два.

Розоновъ. Какъ-съ!

Козелковъ! Бѣлыхъ, того.... тридцать девять, черныхъ два!

Розоновъ (съ выраженіемъ восторга и со слезами радости). Неужели! Возможно-ли такое единодушіе! Благодарю васъ отъ души, господа! — Я тронутъ до слезъ... не могу выразить моей признательности! Я боялся поселить разномысліе, но видя такое единодушное избраніе, желаніе всеобщее, я не могу, я не долженъ, я не смѣю отказаться! За все это я могу отблагодарить своими трудами, я обязанъ на дѣлѣ оправдать вашъ выборъ. Всеобщимъ голосомъ я не смѣю пренебрегать. Я готовъ жертвовать всѣмъ: здоровьемъ, трудами, состояніемъ! Я, господа, остаюсь! я буду служить! Я принимаю, господа, ваше избраніе!

ГОЛОСА:

— Чтожъ это такое!

— Браво, браво!

— Вѣдь мы васъ баллотировали только въ кандидаты
— Вы же говорили, что служить не будете!
— Чтожъ это за комедія!
— Я такъ и зналъ, что онъ останется!
— Гдѣ ужъ намъ отъ него избавиться!
— Чтожъ это, надуванье?
— Вотъ штука-то!

— Ну теперь онъ насъ приберетъ къ рукамъ!

— Кто ему что сдѣлаетъ! За него Иванъ Сергѣевичъ!

— Да онъ по міру пуститъ, кто противъ него!

— Онъ никого не боится; говоритъ: захочу, такъ у меня и губернаторъ слетитъ!

— Вѣдь вотъ въ чемъ человѣкъ ни попадался — и подъ судомъ былъ, а все ничего не сдѣлали!

— Съ нимъ губернаторъ не могъ совладать, а ужъ какъ хотѣлъ утопить! А намъ ужъ гдѣ!

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Григорій Семенычъ!

ГОЛОСА:

— Поздравляемъ васъ!
— Очень рады!
— Вы опять съ нами!
— Честь имѣемъ васъ поздравить!
Не оставьте вашимъ расположеніемъ!

Переученый (Розонову). Вѣдь вы же баллотировались въ кандидаты, а не въ исправники!

Розоновъ. Вы вотъ много учились, а того не знаете, что баллотируютъ не въ кандидаты, а въ исправники. У кого болѣе шаровъ, тотъ и исправникъ, а двое слѣдующихъ за нимъ, по большинству шаровъ, первый и второй кандидаты!

Сомовъ. Вы вѣдь не хотѣли служить?

Розоновъ. Да! Но такой единодушный выборъ не по-

зволяетъ мнѣ отказаться. Это съ моей стороны будетъ дерзость, неуваженіе, неблагодарность!

Сомовъ. Васъ надо перебаллотировать.

Журавлевъ. Зачѣмъ?

Сомовъ. За тѣмъ, что здѣсь вышло недоразумѣніе.

Журавлевъ. Надобно было думать прежде!

Сомовъ. Этотъ выборъ недѣйствителенъ!

Журавлевъ. Отчего такъ?

Сомовъ. Оттого, что онъ незаконный!

Журавлевъ. Нѣтъ, вполнѣ законный!

Сомовъ. Нѣтъ, незаконный, онъ основанъ на обманѣ!

Никоновъ. Это обманъ!

Переученый. Это подлость!

Долотовъ. Разумѣется!

Козинъ. Подленькая уловка!

Сомовъ. Дворяне были обмануты клятвами этого господина, что онъ не будетъ служить, а потому выборъ недѣйствителенъ!

Журавлевъ (горячась). Нѣтъ, дѣйствителенъ!

Сомовъ. Сначала его надобно перебаллотировать!

Журавлевъ. Какъ это?

Сомовъ. Пусть его выбираютъ въ исправники, а не въ кандидаты! Тогда посмотримъ.

Журавлевъ. Въ кандидаты не выбираютъ. На это нѣтъ закона! Выбираютъ въ исправники!

Сомовъ. Это обманъ! Это незаконно!

Козинъ.
Никоновъ. } Выборъ недѣйствителенъ!
Переученый.

Журавлевъ (Козину и Переученому). Господа, вы не въ числѣ избирателей, и не только не можете подавать голоса, но даже не имѣете, по настоящему, права быть здѣсь! Вы напрасно шумите.

Переученый. Мой долгъ замѣтить, что это незакон-

но! Этого права у меня никто не отниметъ. Господа, васъ публично всѣхъ обманули, а потому выборъ недѣйствителенъ.

Журавлевъ (съ бѣшенствомъ). Вамъ говорятъ дѣйствителенъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Это обманъ!

— Перебаллотировать вновь!

— Онъ надулъ насъ всѣхъ!

— Онъ осмѣлился публично лгать!

— Выборъ недѣйствителенъ!

— Перебаллотировать его!

Журавлевъ. Два раза не баллотируютъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Мы протестуемъ!

— Пишите журналъ!

— Пусть губернаторъ разсмотритъ и утвердитъ, кого знаетъ!

— Мы протестуемъ!

ГОЛОСА ПАРТІИ ЖУРАВЛЕВА:

— А мы протестуемъ противъ васъ!

— Мы протестуемъ противъ вашихъ дѣйствій!

— Выборы законны!

— Выборъ дѣйствителенъ!

Журавлевъ. Даю вамъ слово, что Розоновъ будетъ утвержденъ.

Сомовъ. Его перебаллотируютъ!

Журавлевъ. Не перебаллотируютъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Пригласить сюда губернскаго прокурора!

— Это безсовѣстный обманъ!

— Дерзость!

— Насиліе!

— Мы протестуемъ!

— Это противузаконно!

Журавлевъ. Чтожъ вы, господа, думаете, что я поддерживаю незаконное, несправедливое? Вы осмѣливаетесь публично обвинять меня въ этомъ! Увидимъ! пусть насъ разсудятъ! Здѣсь, въ Петербургѣ, вездѣ, гдѣ хотите, вамъ докажутъ, что я правъ! Вы слишкомъ много себѣ позволяете! Надобно говорить обдуманно, быть осмотрительнѣе въ словахъ! Какъ вы смѣете говорить про меня подобныя вещи?

ДВОРЯНЕ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ (оробѣвъ):

— Помилуйте, Иванъ Сергѣичъ!

— Какъ вы можете думать!

— Мы никогда!

— Мы такъ сказали!

— Мы согласны съ вами!

— Помилуйте, если вы изволите говорить, что законно, значитъ — законно.

— Мы не можемъ спорить съ вами

Сомовъ. Нѣтъ, незаконно! Я протестую!

Переученый. Я протестую!

Никоновъ. Я протестую!

Сомовъ. Пригласить сюда губернскаго прокурора!

Журавлевъ. Прекрасно! Господа, васъ трое противъ всѣхъ дворянъ.

Сомовъ (дворянамъ). Что же вы, господа?

ГОЛОСА:

— Мы ничего!

— Чтожъ намъ дѣлать!

— Видно, ничего не сдѣлаешь!

— Ужъ до слѣдующихъ выборовъ!

— Кричи не кричи — все одно!

Сомовъ (дворянамъ). Вѣдь вы согласны, что это противузаконно, что это обманъ?

ГОЛОСА:

— Чтожъ дѣлать!

— Насъ обманули!

— Теперь, видно, ничего не сдѣлаешь!

— Сила солому ломитъ!

— Плетью обуха не перешибешь!

— Выше лба не будешь!

Переученый. Не смѣйте-же плакать, когда васъ будутъ давить, грабить! Не смѣйте жаловаться за несправедливость! Вы сами для себя связали пучокъ розогъ! Ну и терпите! Какіе тутъ разговоры! Вы не смѣете слова сказать о незаконности, вы сами первые нарушили законъ! Вы пренебрегаете вашимъ долгомъ, благородствомъ, честью! Гдѣ надобно стоять за убѣжденія, за свои права, за свою честь, за свое слово, вы изъ робости отступаете! Вы трусите, боитесь быть твердыми и благородными!

Сомовъ. Нашъ протестъ записать въ журналъ!

Журавлевъ. Очень хорошо! Его разсмотрятъ!

Никоновъ. Какая подлая штука!

Козинъ. Страшнѣйшая низость!

Сомовъ. Ну, каково у насъ дворянство? Съ нимъ можно дѣлать все, что угодно, — смолчитъ!

Переученый. Еще поклонится!

Никоновъ. Я зналъ, что Розоновъ подлецъ, но такой штуки не ожидалъ!

Журавлевъ (тихо, Розонову). Ну, выкинулъ ты штуку!

Розоновъ. Такъ-то ихъ, дураковъ, и надуваютъ!

Журавлевъ. Будемте продолжать, господа!

Сомовъ. Нѣтъ, позвольте! Вопросъ не конченъ!

Журавлевъ. Его разберутъ! А теперь, господа, я думаю продолжать?

Всѣ. Разумѣется, продолжать!

Выборы продолжаются при всеобщемъ волненіи. Вездѣ говорятъ, спорятъ, шумятъ.

Назарьевъ. Поздравляю васъ, Григорій Семенычъ!

Порхавкинъ. Поздравляю васъ! Ахъ, какъ я радъ, что вы побѣдили!

Мухоморовъ. Богъ услышалъ мою молитву: я все время молился, чтобы вы, Григорій Семеновичъ, у насъ остались исправникомъ.

Розоновъ. Благодарю васъ, господа!

Хорьковъ. Поздравляю васъ, Григорій Семеновичъ! Ну, я сдержалъ свое слово! Теперь за вами очередь!

Розоновъ. Въ чемъ это?

Хорьковъ. А обѣщаніе ваше?

Розоновъ. Какое?

Хорьковъ. На счетъ того.... Помните?

Розоновъ. Ей-богу, не помню.

Хорьковъ. Какъ? вы ужъ забыли?

Розоновъ. Извините, ей-богу не помню.

Хорьковъ. Еще честное слово дали!

Розоновъ. Не помню, въ чемъ дѣло-то?

Хорьковъ. Вы обѣщали мнѣ — внести за меня восемьсотъ рублей.

Розоновъ. Восемьсотъ рублей? За васъ?

Хорьковъ. Да.

Розоновъ. Когда же я обѣщалъ?

Хорьковъ. Чтожъ, это неправда?

Розоновъ. За какую же это благодать я внесу за васъ?

Хорьковъ. Я же вамъ положилъ направо!

Розоновъ. Мало-ли кто положилъ мнѣ направо!

Хорьковъ. Вѣдь вы же дали честное слово, клялись, божились!

Розоновъ. Въ чемъ?

Хорьковъ. Въ томъ, что если я положу вамъ направо, а Никонову налѣво, то вы внесете за меня восемьсотъ рублей.

Розоновъ. Что это вы на меня, какъ на мертваго клеплете!

Хорьковъ. Такъ этого не было?

Розоновъ. Вамъ вѣрно во снѣ пригрезилось!

Хорьковъ. Нѣтъ, не во снѣ!

Розоновъ. Дорого же вы цѣните ваши шары! Только они для меня ничего не стоятъ, я и безъ нихъ былъ-бы выбранъ!

Хорьковъ. Обманомъ же! Такъ вы не внесете?

Розоновъ. Разумѣется, нѣтъ!

Хорьковъ. Какой-же вы подлецъ, Григорій Семенычъ! Вы сами дали мнѣ право назвать васъ при всѣхъ подлецомъ, вы помните! Другимъ же правомъ — разбить вамъ, какъ вы выразились, рожу, — я воспользуюсь послѣ!

Розоновъ. Отъѣзжайте! Проваливайте!

Хорьковъ (возвышаетъ голосъ, чтобы всѣ могли его слышать). Господа, господа! Вотъ этотъ негодяй (указываетъ на Розонова) далъ мнѣ честное слово, если я положу ему направо, а Андрею Филиппычу налѣво, внести за меня восемьсотъ рублей недоимки. Вы знаете, что меня обстоятельства, можно сказать, скрутили, а потому, грѣшный человѣкъ, я согласился на эту низость, а теперь, когда я исполнилъ свое обѣщаніе, онъ отказывается исполнить свое!

Розоновъ. Врете вы! Вамъ хочется взять съ меня взятку за шары, вы думаете, что меня будутъ еще разъ баллотировать! Но согласитесь, вы хотите за ваши два шара слишкомъ дорого, когда весь уѣздъ положилъ мнѣ даромъ.

Хорьковъ. Вы у всѣхъ украли шары, а у меня шары и восемьсотъ рублей!

Розоновъ. Это вамъ будетъ впередъ урокомъ: не рѣшайтесь на низости!

Хорьковъ. Постойте! Мы съ вами разсчитаемся!

Косолапъ-Михайловъ (гусаръ въ отпуску, съ закрученными усами, съ самоувѣреннымъ выраженіемъ лица и съ стеклышкомъ въ глазу. Онъ переходитъ изъ другаго уѣзда и подходитъ къ Журавлеву). Здравствуйте, Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ. Ростиславъ Кузмичъ, мое почтеніе!

Косолапъ-Михайловъ. Что это у васъ за шумъ? Точно парламентскія пренія! Бурный у васъ уѣздъ!

Журавлевъ (со вздохомъ и съ сокрушеніемъ сердца). Что дѣлать! Страшно необразованные люди. Я, знаете, измучился съ ними! Все хочу вдохнуть въ нихъ что-нибудь благородное, внушить имъ, что они должны дѣйствовать по внушенію чести! Нѣтъ, все напрасно! Ничего съ ними не сдѣлаешь! Скотъ на скотѣ, дуракъ на дуракѣ, подлецъ на подлецѣ!

Косолапъ-Михайловъ. Я слышалъ, что у васъ опять выбрали Розонова!

Журавлевъ. Да!

Косолапъ-Михайловъ. И вы поддержали его?

Журавлевъ. Да. Я, знаете, собственно и вытащилъ его.

Косолапъ-Михайловъ. Что же это вы! Развѣ вы не знаете, что онъ страшнѣйшій негодяй, мерзавецъ и подлецъ?

Журавлевъ. Знаю.

Косолапъ-Михайловъ. Такъ, какъ-же вы на него промѣняли такого благороднаго человѣка, какъ Никоновъ?

Журавлевъ. Сказать-ли вамъ всю правду?

Косолапъ-Михайловъ. Скажите.

Журавлевъ. Я знаю, что Никоновъ благородный человѣкъ, а Розоновъ подлецъ! Никоновъ ко мнѣ пріѣдетъ, я долженъ его принять, какъ равнаго, подать ему руку, по-

садить у себя въ гостиной, говорить съ нимъ, какъ съ равнымъ. Это, знаете, неудобно. А Розоновъ у меня посидитъ въ передней, при мнѣ не осмѣлится сѣсть, я ему могу приказать, закричать на него! Мнѣ такого исправника и надо! Никоновъ съ меня не возьметъ и будетъ дѣлать дѣла посвоему, а Розонову положено жалованье и сверхъ того за всякое дѣло таска; онъ дѣлаетъ все по-моему, какъ я хочу. Вотъ почему я долженъ былъ поддержать Розонова.

Примѣчанія къ 1-й сценѣ Третьяго дня.

1. Штука Розонова, когда онъ обманываетъ все дворянство, что не будетъ служить, а хочетъ быть только кандидатомъ въ исправники, нами не выдумана, а случилась на самомъ дѣлѣ. Вліяніе богатаго помѣщика, въ родѣ Журавлева, поддержало его. Онъ былъ утвержденъ въ похищенной имъ должности.

2. Исторія Розонова и Хорькова тоже не выдумана и случилась тамъ же. Хорьковъ располагалъ двумя шарами, и поддался на удочку Розонова, какъ и всѣ дворяне.

3. Отзывъ Журавлева Косолапу-Михайлову о причинахъ, заставившихъ его предпочесть Розонова Никонову, извѣстенъ былъ всей губерніи.

4. Что касается до вліянія Розонова на мелкихъ дворянъ, то это тоже фактъ. Изъ адреса, поднесеннаго однимъ изъ уѣздовъ губернскому предводителю о недопущеніи ихъ исправника до баллотировки, видно: что этотъ господинъ исправникъ держалъ весь уѣздъ въ страхѣ, дѣйствовалъ деспотически, приводилъ въ разоренье дворянъ, противившихся ему и успѣлъ поселить мнѣніе, что ему не только они, но и губернское начальство ничего не можетъ сдѣлать.

СЦЕНА II.

Квартира Козелкова. Нѣсколько небольшихъ комнатъ заставлено столами. Слуги, нанятые изъ трактировъ, суетятся вокругъ столовъ. Дворяне съѣзжаются

Пестриковъ. Славный будетъ предводитель!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Только глупъ непроходимо, какъ сто свиней!

Медидовъ. Онъ вовсе не такъ глупъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Кто? Козелковъ-то не глупъ?

Медидовъ. Да чѣмъ же онъ глупѣе другихъ?

Роговъ. Ну ужъ вамъ-то объ умѣ не толковать!

Медидовъ. Отстаньте отъ меня!

Роговъ. Старая, водовозная кляча! А что господа, пора-бы и обѣдать!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да, мнѣ хотѣлось-бы пропустить чижичка.

Пестриковъ. Чего-же ждутъ?

Роговъ. А кто ихъ знаетъ! Пожалуй, придется прождать, какъ у Корневыхъ въ прошломъ году.

Дурноумовъ. У Корневыхъ?

Роговъ. Да.—Это штука Дмитрія Павловича.

Дурноумовъ. Козина?

Роговъ. Да.—Развѣ вы не знаете?

Дурноумовъ. Нѣтъ.

Роговъ. Это презабавная исторія! Корневы, вы знаете, не могутъ обойтись безъ того, чтобы на званомъ обѣдѣ у нихъ не былъ кто-нибудь изъ богатыхъ и знатныхъ, — словомъ, изъ того кружка, въ которомъ они не бываютъ. Звали они на обѣдъ, кажется, по случаю полученія манишекъ за статью о земледѣліи. Знаете?

ГОЛОСА.

— Знаемъ!

— Еще-бы не знать

— У меня ихъ шили!

— Я поздравлялъ Николая Иваныча.

— Я уже увѣрялъ, что онъ негодяй!

Роговъ. Ну-съ! Собираются гости. Корниха посылаетъ просить Сомова, у того, на бѣду, сидѣлъ въ это время Козинъ. Они отвѣчаютъ посланному, что пріѣдутъ тогда только,

если самъ хозяинъ явится просить ихъ. Корневъ отправляется. Его знаете, занимаютъ разговоромъ, а потомъ сажаютъ завтракать. Николай Иванычъ радъ случаю, подпиваетъ себѣ да подливаетъ, и къ концу завтрака у него въ головѣ крысы заиграли въ чехарду—налимонился до чертиковъ. Корниха посылаетъ человѣка за мужемъ, за Сомовымъ и за Козинымъ. Человѣка задерживаютъ, между-тѣмъ время садиться обѣдать. Корниха въ отчаяніи посылаетъ одного гонца за другимъ, а у Сомова ихъ всѣхъ задерживаютъ. Мы всѣ собрались, ѣсть смерть хочется, а кушать не даютъ. Сидимъ, ждемъ, въ желудкѣ революція, чортъ знаетъ что такое, просто! Наконецъ начинаемъ поговаривать, что у насъ въ животѣ пусто. Корниха извиняется, проситъ подождать еще немножко, одну секундочку, и шлетъ гонца за гонцомъ. Наконецъ насъ посадили за столъ въ девять часовъ вечера и за неимѣніемъ прислуги сама Корниха подавала. А Корневъ и гонцы пріѣхали уже на другой день

(Всѣ смѣются).

Дурноумовъ (Козину). Дмитрій Павлычъ! Дмитрій Павлычъ!

Козинъ. Я, собственной своей персоной.

Дурноумовъ. Скажите, дадутъ намъ обѣдать?

Козинъ. Я думаю.

Дурноумовъ. Вы скажите правду. Не выкинули-ли вы какого-нибудь колѣнца и здѣсь, какъ у Корневыхъ?

Козинъ. Нѣтъ, нѣтъ, господа! Я самъ ѣсть хочу! Тогда другое дѣло, я отлично пообѣдалъ у Сомова и могъ проказничать.

Дурноумовъ. Ну, это было по-крайней-мѣрѣ утѣшительно.

Козинъ. А вотъ, господа, Жученко скоро будетъ давать обѣдъ.

ГОЛОСА.

— По какому случаю!

— Не можетъ быть!

— Онъ и самъ-то врядъ-ли обѣдаетъ!

— Ну ужъ этого не дождаться до втораго пришествія!

Козинъ. Безъ шутокъ!

Роговъ. Что это съ нимъ случилось?

Козинъ. А видите, когда онъ ѣхалъ на выборы, такъ, чтобы не прожиться, онъ взялъ съ собой разной провизіи изъ деревни и кормился ею. Теперь у него еще осталось много, а потому онъ хочетъ кутнуть, угостить всѣхъ. Ему отпустили солонины, двухъ жареныхъ гусей, жареныхъ куръ и пироговъ. Все это протухло, воняетъ страшно, а онъ ѣстъ да похваливаетъ! Теперь видитъ, что домой не довезти, сгніютъ, ну и хочетъ просить васъ всѣхъ доѣдать!

Дурноумовъ. Пусть кушаетъ самъ.

ГОЛОСА.

— А я думалъ въ самомъ дѣлѣ!

— Я удивился!

— Ну развѣ можетъ это быть!

Роговъ. А сегодня были жаркіе выборы!

Дурноумовъ. Да!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А каковъ Розоновъ? Вотъ сочинилъ-то штуку! Хоть-бы не ему!

Роговъ. Да, выкинулъ колѣнце!

Дурноумовъ. Вѣдь экая бестія!

Покровскій. Подлецъ ужасный!

Порхавкинъ. Вотъ онъ всегда такъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А какъ за него стоялъ Журавлевъ.

Назарьевъ. Да, онъ успѣлъ снискать расположеніе Ивана Сергѣича!

Господинъ съ бородавкой. Это, господа, что! Все это суета суетъ! Теперь главное — освобожденіе крестьянъ. И что имъ это вздумалось! Вѣдь это чистое непониманіе дѣла! Какая это зависимость? Какое рабство? Вѣдь это союзъ! Вѣдь помѣщики были все равно, что отцы, а крестьяне все равно, что дѣти!

Козинъ. Разумѣется! Я съ вами вполнѣ согласенъ! Только наши мужики не понимаютъ идиллій, знаете, необразованы, грубый народъ! Они никакъ не могли понять, что вы ихъ драли какъ дѣтей отцы, что они сидѣли на діетѣ для здоровья, работали постоянно для васъ, для развитія силъ и тѣлодвиженья, и не получали за это ничего, а жили нищими, потому только, что вы не хотѣли, чтобы роскошь развратила ихъ нравы!

Господинъ съ бородавкой. Вы все шутите!

Козинъ. Нѣтъ, не шутя! Особенно Жученко и Мѣшковскій пресердобольные родители.

(Козелковъ подходитъ къ нимъ).

Господинъ съ бородавкой. Ну что, Николай Иванычъ?

Козелковъ. Ничего-съ! ги, ги, ги! все по-старому!

Господинъ съ бородавкой. Господинъ предводитель!

Козелковъ (Козину). Я написалъ проектъ!

Козинъ. Ну, такъ читайте!

Козелковъ. Теперь?

Козинъ. Ну да!

Козелковъ. Какъ-же это?

Козинъ. Я вамъ это сейчасъ устрою! Господа, господа, послушайте! Почтеннѣйшій Николай Иванычъ написалъ проектъ!

ГОЛОСА.

— Какой проектъ?
— О чемъ?
— Что такое?

Козелковъ. Господа, я написалъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ!

ГОЛОСА.

— Читайте!
— Прочтите, почтеннѣйшій Николай Иванычъ!
— Мы слушаемъ!
— Это любопытно!
— Вотъ должно быть письмо!

ПРОЕКТЪ *).

Между тѣмъ я въ душѣ убѣжденъ что крѣстьянинъ конечно нѣвежиственъ иногда праздный, почти всегда нищій все человѣкъ, имеетъ право на жизнь и сочуствіе, и заслуживаетъ лутшей участи той которой теперь находится но; такъ же всѣму свету извѣстно, что Русское Дворянство всегда Вѣрою и Правдою служило Царю и Отечеству. Я не смѣю утруждать Господъ Члѣновъ Комитета Исторіи Правъ Дворянства грамотой Императрицы Екатерины II 21 Апреля 1785 года торжественное повтореніе О не нарушимости правъ Дворянства 26 Апрѣля 1816 года и томъ Свода законовъ Россійской Исторіи достаточно, что бы удержать Господъ Дворянъ отъ пожертвованія чужой собственности Подавая этотъ проектъ **) которымъ, протестую про-

---

*) Этотъ проектъ былъ представленъ въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу. Сохраняемъ знаки препинанія и правописаніе подлинника.

**) Въ подлинникѣ здѣсь слѣдуетъ: *«въ—скій губернскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ которымъ* и т. д.

тивъ нарушимости правъ собственности, между тѣмъ сочувствуя этой реформѣ, я считаю возможнымъ уволить моихъ крестьянъ на волю, надѣливъ земли по шести дѣсятинѣ на тегло и вознагражденіи 250 руб. сер за кажную душу, положенной за мной десятой ревизіи, считая въ это число дворовыхъ людей. Деньги должны быть уплачены правительствомъ которые взыщетъ съ крестьянъ слѣдуемыя за ихъ свободу деньги. Сему помѣщику и землевладѣльцу. Крестьяне, слишкомъ долго были, подъ властію Дворянства чтобы питать къ нѣму благопріятные чуства и при первомъ удобномъ случаи гатовы на все. По крайнѣй мерѣ хотя поэтому будетъ обеспечина жизнь будущему моему поколѣнію которое не упрѣкнетъ, меня въ томъ что Его оставили безъ средствъ къ жизни и воспитанію. На подлинномъ Губернскій Секретарь Николай Ивановъ Козелковъ руку приложилъ.

Козинъ. Браво! О, да вы великій человѣкъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ума палата!

Роговъ. Молодецъ, Николай Ивановичъ!

ГОЛОСА.

— Браво, браво! Ха, ха, ха!

— Отлично! Чушь страшная!

— Эка напоролъ!

— Ну проектъ!

— Вотъ башка-то!

Козинъ. Вотъ не даромъ губернаторъ поклонился вчера съ особеннымъ почтеніемъ!

Человѣкъ. Кушать готово!

Козелковъ. Прошу покорно, господа!

Роговъ. Дѣльно!

ГОЛОСА.

— Вотъ это проектъ!

— Это лучше всѣхъ проектовъ!

— Это лучше всего!

— Это хорошо!

Молодой человѣкъ въ очкахъ (Рогову). Посмотри-ка: чижички-то, — сердце-усладительные, точно невѣсты стоятъ цѣломудренныя!

Роговъ. А вотъ мы ихъ попробуемъ. Ты подливай мнѣ, а я тебѣ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Я за такими красоточками готовъ пріударить.

Роговъ. А мнѣ надобно опохмѣлиться; послѣ вчерашняго въ головѣ того...

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ошалѣла Магдалина, что за Юду пошла!

(Подаютъ водку. Присутствующіе пьютъ, закусываютъ и садятся за столъ).

СЦЕНА III.

Внутренность провинціальнаго театра, зала освѣщена маленькою люстрою, которая даетъ столько же копоти, сколько и свѣта. Ложи оклеены бумажками, на занавѣсѣ нарисованы какія-то колонны, за которыми протянутъ занавѣсъ съ золотомъ, обшитый горностаевымъ мѣхомъ, одного цвѣта съ колоннами. Нѣсколько человѣкъ растрепанныхъ, не бритыхъ музыкантовъ копошится въ грязной загородкѣ, изъ-за которой несется нестройный звукъ настроиваемыхъ инструментовъ и запахъ водки и луку. Въ ложахъ сидятъ преимущественно помѣщики, въ томъ числѣ въ бенуарѣ Розоновы. Въ креслахъ кавалеры лорнируютъ дамъ и разговариваютъ. Раекъ пыхтитъ отъ тѣсноты и жара. Кукакиринъ и князь Зацѣпинъ стоятъ, прислонившись задомъ къ загородкѣ музыкантовъ.

Князь (зѣваетъ). Какая тоска!—Смерть!

Кукакиринъ. Да, скучно!

Князь. Тебѣ, mon cher, что!... Ты здѣсь родился, выросъ и жилъ постоянно, Tu n'as pas vu другой жизни, другаго свѣта, другихъ людей!

Кукакиринъ. Я непремѣнно собираюсь въ Москву съѣздить.

Князь. Въ Москву?

Кукакиринъ. Да.

Князь. Это за чѣмъ?

Кукакиринъ. Какъ же!... Посмотрѣть людей! Свѣтъ!

Князь. Ну, не стоитъ труда!

Кукакиринъ. Отчего же?

Князь. Фи! Помилуй! Развѣ въ Москвѣ свѣтъ! Кто это въ бель-этажѣ?

Кукакиринъ. Гдѣ?

Князь. Вотъ третья ложа отъ губернаторской.

Кукакиринъ. А-а-а! Это мадамъ Селянова!

Князь. Elle est très gentille!

Кукакиринъ. Oui!

Князь. Я не думалъ, чтобъ здѣсь были такія лица!

Кукакиринъ. У насъ много хорошенькихъ!

Князь. Да! Пожалуй! Но все это лица обыкновенныя, деревенскія, русскія.

Кукакиринъ. Да, это правда!

Князь. А вѣдь это европейское лицо! О чемъ мы говорили-то?

Кукакиринъ. Когда?

Князь. Да! вы собираетесь въ Москву! Развѣ, mon cher, Москва городъ европейскій? Это Азія, татарщина! Еще Петербугъ— такъ сякъ, полуевропейскій городъ! Но если-бы вы были за границей!—Вотъ гдѣ образованность, вотъ гдѣ свѣтъ, вотъ гдѣ люди.

Кукакиринъ. Ну ужъ, я думаю!

Князь. Вы бы тогда сказали, что здѣсь варварство! Здѣсь живутъ каннибалы! Я какъ сюда пріѣхалъ, то все боялся, чтобы меня не съѣли! Ma parole! Посмотрите, вотъ собралась лучшая публика! Вѣдь это людоѣды, готтентоты!

Кукакиринъ. Это правда.

Князь. Ахъ! за границей, что за общество! Что за жизнь! Что за нравы!

Кукакиринъ. Еще-бы за границей! Особенно, я думаю, въ Парижѣ!

Князь. Въ Парижѣ? — Да; но главное Лондонъ — вотъ городъ! Англія—вотъ страна! Я теперь убѣжденъ, что разговаривать можно только въ Парижѣ; а жить, — понимаете-ли: жить!—можно только въ Лондонѣ. Повѣрьте, что мы тогда только будемъ счастливы, когда всю жизнь нашу устроимъ по-англійски,—примемъ англійскіе обычаи, нравы, костюмы — словомъ, сдѣлаемся совершенными англичанами. Безъ Англіи намъ нѣтъ спасенья! И, знаете, какъ странно: находятся люди, кажется, довольно образованные, которые толкуютъ о самобытности! Вѣдь это совершенная дичь. Къ чему развивать наши силы, самобытность? Вѣдь это лишнеее. И какая тамъ самобытность: квасъ, лукъ, капуста, щи! И что еще выйдетъ изъ этого развитія?—Богъ знаетъ! Развѣ мы выдумаемъ что-нибудь порядочное! Наконецъ къ чему выдумывать, когда уже есть прекрасное устройство и намъ остается только ввести его: образовать жизнь на манеръ Англіи и дѣло съ концемъ; Ne c'est pas?

Кукакиринъ. Да разумѣется.

Князь. Я всячески проповѣдую это! Меня зовутъ англоманомъ — и я горжусь этимъ. Теперь я завожу у себя совершенно англійскую жизнь, крестьянъ устраиваю по-англійски и посмотрите, какъ они будутъ счастливы, когда англійскіе нравы и англійская жизнь привьется къ нимъ. Теперь они не понимаютъ, противятся, но у меня славный управляющій и я надѣюсь, что онъ скоро ихъ сдѣлаетъ совершенными англичанами. Я, знаете, далъ ему полную свободу и требую одного, чтобъ онъ ихъ поставилъ на такую ногу, чтобы я каждому изъ нихъ безъ отвращенія могъ подать руку, какъ англійскому фермеру. Они пришли-было ко мнѣ жаловаться, что онъ ихъ разоряетъ, я ихъ про-

гналъ—и съ-тѣхъ-поръ пошло лучше. Ахъ, теперь у меня лѣса обращены въ парки! я завелъ грумовъ, жокеевъ!

Кукакиринъ. Это прекрасно!

Князь. Пора-же начать новый порядокъ.

Кукакиринъ. А сегодня славная пьеска идетъ.

Князь. Ну, ужъ! Помилуйте! развѣ можно на нашемъ тривіальномъ нарѣчіи выразить что-нибудь, создать такое... знаете? Наконецъ, что это за актеры! Что за труппа!

Кукакиринъ. Нѣтъ, знаете, труппа—ничего!

Князь. Ихъ всѣхъ-бы заставить дрова таскать, а не играть. Это пародія, уродство! И что за театръ — курятникъ!

(Роговъ и Дурноумовъ).

Роговъ. А, знаете, Михайлова очень недурна!

Дурноумовъ. Да, славная, канашка!

Роговъ. Особенно глазки... и играетъ съ такимъ жаромъ!—Должно быть, горячая женщина!

Дурноумовъ. Представляетъ прекрасно!... И голосокъ славный—поетъ хорошо!... Съ кѣмъ это вы кланялись?

Роговъ. Когда? сейчасъ?

Дурноумовъ. Да.

Роговъ. Это князь Зацѣпинъ, недавно пріѣхалъ изъ-за границы и все устраиваетъ у себя по-англійски.

Дурноумовъ. А! это тотъ, про котораго говорилъ Козинъ, что онъ русскими розгами прививаетъ къ мужикамъ англійскую жизнь!

Розонова (въ своей ложѣ). Липочка! Катенька! посмотрите, посмотрите! Это, кажется, онъ!

Липочка. Кто?

Розонова. Тотъ молодой человѣкъ, у котораго мы торговали шали!

Липочка. Гдѣ онъ.

Розонова (указывая на прикащика изъ магазина Полуграблева. Прикащикъ этотъ, раздушенный, распомаженный до того, что съ головы чуть не капаетъ сало, сидитъ отъ ихъ ложи черезъ одно кресло, въ партерѣ. Въ это время онъ съ важностію лорнируетъ дамъ). Вотъ, вотъ стоитъ... въ трубку-то смотритъ.

Липочка. Кажется, онъ.

Розонова (перевѣшивается черезъ барьеръ ложи и громко кричитъ) *). Почтеннѣйшій! почтеннѣйшій! послушайте!

(Всѣ оборачиваются къ ихъ ложѣ).

Липочка. Что вы, маменька, помилуйте!

Катенька. Ахъ маменька, перестаньте, ради Бога!

Розонова. Чтожъ тутъ такого? Вѣдь еще представлять не начинали! (Кричитъ прикащику) Послушайте, послушайте, почтеннѣйшій! Я вамъ, вамъ говорю! Хотите за тѣ шали, что помните, мы торговали — восемьдесятъ рублей? Восемьдесятъ рублей! — ни гроша больше!... Отдавайте почтеннѣйшій!

(Прикащикъ смотритъ на нее злобно).

Розонова. Восемьдесятъ рублей! Отдавайте, пожалуйста! Посмотрите какъ имъ, Липочкѣ и Катенькѣ, хочется имѣть шали! Вонъ у всѣхъ есть шали, у нихъ только нѣтъ!... Отдавайте, почтеннѣйшій! Восемьдесятъ рублей! Восемьдесятъ рублей! ни гроша больше!... Знаю, что передала! Много передала! Ну, ужъ нечего дѣлать! Восемьдесятъ рублей!

(Прикащикъ быстро исчезаетъ изъ театра)

Розонова. Вѣдь ишъ ушелъ, ушелъ! и говорить не хочетъ. Развѣ это мало, господа, — за двѣ шали восемьдесятъ рублей!

---

*) Да не обвинятъ насъ читатели въ невозможности слѣдующей сцены. Спѣшимъ увѣрить, что это колѣнце выкинула одна изъ дамъ нашей губерніи въ московскомъ театрѣ. Буквально передаю сцену, какъ она .была.

ГОЛОСА ВЪ ПАРТЕРѢ:

— Браво, браво!
— Фора, фора!
— Бисъ, бисъ!
— Славно!
— Отлично!
— Фора, фора!
— Не надо и комедію!
— Браво, браво, браво!
— Брависсимо!

ГОЛОСА ИЗЪ РАЯ:

— Брава, брава!
— Хвора, хвора!
— Ату его, ату его!
— Наяривай, ребята, наяривай!
— Важно, важно! Эхъ, малина!
— Кому тамъ ребра ломаютъ?
— Подъ микитки его! Хорошенько!
— По сусаламъ-то, по сусаламъ! Не зѣвай!
— Эхъ, носки вмѣстѣ, пятки врозь, — знай наяривай, небось!
— Кузька! глядись, что тамъ?
— Знать комедь начали!
— Не напирайте такъ!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Ахъ, батюшки мои! раздавили совсѣмъ!... Тише, невѣжи! необразованные! мужичье!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

— Ха, ха, ха!
— Ишь ты, дворянка!
— Королевна!

— Барыня!

— Притисни ее!

Пронзительный женскій голосъ изъ рая. Тише ты, обломина, мужикъ, дуракъ этакій, — ты знай, съ кѣмъ имѣешь дѣло!

Сиплый голосъ. Не извольте гнѣваться! Мы такіе-же деньги заплатили!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

— Орѣшковъ не прикажете-ли?

— Не гнѣвайтесь, барышня!

— Не кричите такъ,—осипните!

— Хорошенько!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Отстаньте! Говорятъ — не налегайся!... Еще не заслужилъ, чтобъ я орѣхи твои ѣла! Больно востеръ!... Ай, подлецъ! что ты меня?... Ей-богу барынѣ скажу! Вонъ она сидитъ!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

— Ау! у лю, лю, лю!

— Эй, голова! щи упустилъ, щи упустилъ!

— Заткни перстомъ! Перстомъ-то заткни!

— Ермохъ, а Ермохъ?

— Что же? коего чорта, лѣшій, глотку дерешь?

— А вѣдь важно!

— Поднимай гардину!

— Разлюли малина

Полиціймейстеръ (входитъ въ кресла). Это что за шумъ? Ломовъ, усмирить у меня праведниковъ!

Ломовъ. Слушаю-съ!

Полиціймейстеръ. Какъ тебѣ не стыдно допускать этакій безпорядокъ!

Ломовъ (квартальному). Подхалимовъ! вели городовымъ унять этихъ каналій, — лупить ихъ по головамъ безъ разбора!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(ЧЕРЕЗЪ НЕДѢЛЮ).

СЦЕНА I.

(Комната въ квартирѣ Розоновыхъ та же самая, которая въ первой сценѣ перваго дня).

Александра Герасимовна передъ зеркаломъ чешетъ голову, Липочка что-то шьетъ, Катенька раскладываетъ карты. Дѣвицы причесаны, но не совсѣмъ еще одѣты.

Розонова. Катенька! Ты-бы мнѣ въ головѣ поискала.

Катенька. Что тамъ завелось?

Розонова. Ничего! А я смерть люблю, когда въ головѣ ищутъ.

Катенька. Ну присядьте на диванѣ, да положите голову ко мнѣ на колѣни!

(Розонова ложится на диванъ, Катенька перебираетъ у нея въ головѣ).

Розонова. Ну что, я правду говорила, что молитесь только Богу, чтобы отецъ остался на мѣстѣ, а то ужъ все устроится!

Катенька. Правду!

Розонова. Вотъ, слава Богу, Царю Небесному, Заступницѣ милосердой! Всѣ дѣла обдѣлались! Богъ услышалъ мои

молитвы! Вотъ ужъ правда-то, что сиротскія слезы не пропадутъ даромъ!

Липочка. Я обѣщалась, если все кончится хорошо, поститься цѣлый годъ по пятницамъ!

Катенька. А я дала обѣщаніе пѣшкомъ сходить въ Краснобережскую пустынь, и отслужить тамъ молебенъ Взысканію погибшихъ!

Розонова. Ну вотъ видите, наши молитвы и услышаны, отецъ вашъ исправникомъ, а вы обѣ невѣсты!

Липочка. Гдѣ это папа?

Розонова. Мало у него дѣла! Послѣ праздниковъ свадьбы, а мы завтра уѣзжаемъ; я думаю, надобно все передѣлать!

Липочка. Только пожалуйста, маменька, въ Москвѣ покупать, а не здѣсь!

Розонова. Мы такъ и говорили съ отцомъ!

Катенька. Только вы, маменька, не скупитесь, сдѣлайте хорошее приданое, а то вы дадите срамное какое-нибудь!

Розонова. Вѣдь читали реэстръ! Сами составляли!

Катенька. Да чтобъ вещи-то были хорошія! Особенно мнѣ. А то Липочкѣ хорошо: ей ужъ женихъ надарилъ цѣлковыхъ на полтораста!

Розонова. Ты бы своему намекнула!

Катенька. Я ему не только намекала, да и вещи показывала! Не понимаетъ мой нѣмчура! хвалитъ только, точно не понимаетъ въ чемъ дѣло!

Липочка. Вотъ что значитъ выходить за сапожника!

Катенька. Ну ужъ ты, офицерша!

Липочка. Еще бы! То-ли дѣло офицеръ! Видно, что ужъ человѣкъ благородный, дѣльный, ну и въ поступкахъ и въ словахъ такой!

Матрена (вбѣгаетъ въ попыхахъ). Женихъ, женихъ пріѣхалъ!

Липочка. Чей? Мой?

Катенька. Мой?

Матрена. Барышни Лимпіады Григорьевны!

Липочка. Ай, Боже мой! а мы не одѣты, ай, ай! (Убѣгаютъ).

(Киндѣевъ входитъ, охорашивается передъ зеркаломъ, поправляетъ волосы, закручиваетъ усы, смачивая пальцы слюнями; вытягиваетъ галстухъ. Потомъ проходитъ два раза взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ, насвистывая что-то. Останавливается передъ картиною, изображающею Павла съ выпученными глазами и Виргинію съ кривымъ носомъ. Посмотрѣвши съ минуту на картину и въ особенности на рамку, краснаго дерева съ бронзовымъ ободкомъ, продолжаетъ ходить и говоритъ самъ съ собою).

Киндѣевъ. Чортъ возьми! славное дѣло!... а вдругъ неудастся!... Впрочемъ, отчего же не удастся! должно удасться!... Теперь я задолжалъ на подарки невѣстѣ, подъ залогъ невѣсты же и сватьбы, двѣсти рублей!... Ну, чтожъ! Самый худшій исходъ дѣла, что я долженъ буду жениться! Не хотѣлось-бы на такомъ уродѣ! Вѣдь этакій грѣхъ смертный! Всѣ внутренности воротитъ, какъ на нее взглянешь! А туда же думаетъ, что она можетъ нравиться. Если я на ней женюсь, я ей каждый день буду задавать трепку, авось она окачурится! Разумѣется, сперва надобно поминдальничать и перевести все на свое имя! Чортъ возьми, однакоже,—жениться на такой сатанѣ!—Слуга покорный!—Па си бетъ! Надобно, чтобы удалось!— Мысль славная, вдохновеніе просто! Получить шестигодовое жалованье за разъ! Правда, что не совсѣмъ-то благородно, да что дѣлать—обстоятельства! Говорятъ, самъ Розоновъ страшнѣйшій подлецъ, а съ подлецами чиниться нечего!... Отличная карта! Безпроигрышная! Чортъ возьми, что лучше въ самомъ дѣлѣ: жениться-ли на чортѣ и взять пятнадцать тысячъ и полтораста душъ, или ни-за̀-что, ни-про̀-что положить двѣ тысячи

въ карманъ. Послѣднее мнѣ больше по вкусу, аппетитнѣе!... Подорожная въ карманѣ, сегодня же укачу! а тамъ поминай, какъ звали!... Дескать, знать не знаю и вѣдать не вѣдаю, не думалъ, не воображалъ.... Кто это идетъ? Моя нареченная! Фу какая мерзость!

(Липочка входитъ, разряженная и раздушенная).

Киндѣевъ (подбѣгаетъ къ ней). Олимпіада Григорьевна! Позвольте вашу ручку!

Липочка (кокетничая). Хоть обѣ!

(Киндѣевъ цалуетъ обѣ руки ея; она цалуетъ его въ лобъ).

Киндѣевъ. Какъ ваше здоровье?

Липочка. Благодарю васъ! Садитесь, пожалуйста!

Киндѣевъ. Покорно васъ благодарю!

Липочка. Какова сегодня погода?

Киндѣевъ. Кажется, холодно!

Липочка. Только кажется?

Киндѣевъ. Я говорю кажется, потому что не знаю навѣрное.

Липочка. Какъ не знаете?

Киндѣевъ. Я возлѣ васъ.

Липочка. Ну такъ что же?

Киндѣевъ. А то, что мнѣ тепло, жарко!

Липочка. Вотъ что!

Киндѣевъ. Вѣдь вы мое солнышко! — Да?

Липочка. Нѣтъ!

Киндѣевъ. Нѣтъ, солнышко! — Да? — скажите да!

Липочка. Нѣтъ!

Киндѣевъ. Постойте-ка, дайте вашу ручку!

Липочка. Извольте обѣ.

Киндѣевъ (нѣсколько разъ цалуетъ ея руки). Ну что? солнышко вы мое? — Да?

Липочка. Нѣтъ, нѣтъ!

Киндѣевъ. А-а! (опять цалуетъ ея руки). Солнышко вы мое?

Липочка. Нѣтъ! (Подавая мизинецъ). Вотъ вы его не поцаловали!

Киндѣевъ. Малюточку! Вотъ его за это пять разъ! (Цалуетъ). Ну теперь солнышко вы мое?

Липочка. Солнышко!

Киндѣевъ. Наконецъ-то! Ахъ, если-бы вы могли любить меня въ десятую долю противъ того, какъ я люблю васъ! Я былъ-бы совершенно счастливъ!

Липочка. Я люблю васъ больше, чѣмъ вы меня!

Киндѣевъ. Нѣтъ, Олимпіада Григорьевна! У меня вотъ все сердце переболѣло!

Липочка. А я развѣ не люблю васъ!

Киндѣевъ. И намъ надобно разстаться!

Липочка. Вѣдь вы говорите не надолго?

Киндѣевъ. Какъ только устрою дѣла, получу позволеніе, сейчасъ же прилечу къ вамъ! Сердце мое будетъ служить мнѣ парусомъ, а любовь попутнымъ вѣтромъ!

Липочка. Можетъ быть это долго будетъ?

Киндѣевъ. Нѣтъ, недѣли двѣ! Но и это ужасно!

Липочка. Вы меня забудете!

Киндѣевъ. Такая любовь не забывается!

Липочка. Будто вы меня любите?

Киндѣевъ. За сомнѣніе, въ наказаніе, ручку!

Липочка. Извольте!

(Киндѣевъ цалуетъ ея руки, входитъ Розоновъ).

Розоновъ. Два голубка! Вы ее избалуете, Максимъ Трифонычъ!

Киндѣевъ. Мое почтеніе, папаша! (Цалуетъ у Розонова руку, потомъ цалуетъ его въ губы).

Розоновъ. Здравствуйте! Здравствуй, Липа!

Липочка. Здравствуйте, папа!

Розоновъ. Садитесь, Максимъ Трифонычъ!

Липочка. Да! Максимъ Трифонычъ уѣзжаетъ!

Розоновъ. Нельзя же, когда надобно!

Киндѣевъ. Человѣкъ служащій!

Розоновъ. Вы когда же къ намъ навѣрное?

Киндѣевъ. Къ Крещенью непремѣнно!

Розоновъ. Васъ ничто не задержитъ?

Киндѣевъ. Ничто! Рапортъ ужъ я послалъ.

Липочка. Смотрите же, къ Крещенью.

Киндѣевъ. Вотъ вы будете гадать наканунѣ Крещенья, бросите башмачокъ и попадете прямо ко мнѣ въ сани!

Липочка. Я буду осторожнѣе бросать, чтобы не ушибить васъ!

Розоновъ. Вы прямо въ Москву?

Киндѣевъ. Да-съ!

Розоновъ. У нас есть къ вамъ просьба!

Киндѣевъ. Какая? Приказывайте! распоряжайтесь мною!

Розоновъ. Это дѣло касается и васъ!

Киндѣевъ. Всякое дѣло ваше близко моему сердцу!

Розоновъ. Благодарю васъ! Я вижу ваше родственное расположеніе!

Киндѣевъ. Помилуйте, папа! (Цалуетъ его руку).

Розоновъ. Полноте, Максимъ Трифонычъ!

Киндѣевъ. Я такъ люблю Олимпіаду Григорьевну, что и васъ люблю и уважаю, ей-богу, больше своихъ собственныхъ родителей!

Розоновъ (цалуетъ его). Благодаримъ васъ! Мы это видимъ, понимаемъ и цѣнимъ!

Киндѣевъ. Что же вамъ угодно приказать?

Розоновъ. Вы были такъ добры, что вызвались исполнить наши коммиссіи въ Москвѣ и совѣтовали купить тамъ все приданое. Вы совершенно правы! Здѣсь все дорого, а порядочнаго ничего не найдешь!

Киндѣевъ. Помилуйте, что здѣсь! Въ Москвѣ все лучше и дешевле!

Розоновъ. А потому мы будемъ просить васъ принять на себя трудъ купить по реэстру, какъ Липочкѣ, такъ ужъ и Катенькѣ. Сдѣлайте такое одолженіе. Извините, что утруждаемъ васъ!

Киндѣевъ (цалуя у него руку). Помилуйте, папа! Что это вы! Что за церемонія между родными! Мнѣ очень пріятно!

Розоновъ. Мы составили реэстры.

Киндѣевъ. И прекрасно!

Розоновъ. Каждой тысячи на полторы!

Киндѣевъ. Тамъ на эти деньги много можно сдѣлать!

Розоновъ. Если останутся деньги, прибавьте еще чего-нибудь.

Киндѣевъ. А именно?

Розоновъ. Это отъ васъ зависитъ! Мы полагаемся на васъ, на вашъ вкусъ!

Киндѣевъ. Очень хорошо! Теперь я съ вами хотѣлъ поговорить!

Розоновъ. Что прикажете?

Киндѣевъ. Вы знаете, я человѣкъ небогатый.

Розоновъ (смотря въ уголъ). Да-съ!

Киндѣевъ. У меня, конечно, есть пустяки.... тамъ тысячъ десять!

Розоновъ. Этого, слава Богу, довольно! Съ Липинымъ приданымъ это составитъ славное состояньице!

Киндѣевъ. Знаете, я не хотѣлъ-бы трогать состоянія Олимпіады Григорьевны! Оно для меня неприкосновенно! Я бы, по своей любви къ нимъ, хотѣлъ, чтобы онѣ жили на мое состояніе! Я хотѣлъ-бы окружить ихъ всѣми удобствами на свой собственный счетъ, собственно отъ себя! Но десять тысячъ не вѣчны!

Розоновъ (смотритъ ему въ глаза). Разумѣется!

Киндѣевъ. Я хотѣлъ-бы посовѣтоваться съ вами, какъ-бы пристроить эти деньги.

Розоновъ. Объ этомъ, знаете, надобно подумать!

Киндѣевъ. Вотъ видите, какой представляется случай: у моего двоюроднаго брата есть прекрасное подмосковное имѣніе.

Розоновъ. Да!

Киндѣевъ. На самой Москвѣ-рѣкѣ, сто двадцат душъ, прекрасная усадьба, довольно много земли, роща для гулянья, три прекрасныхъ дачи, которыя онъ отдаетъ каждое лѣто въ наемъ и еще небольшая ситцевая фабрика.

Розоновъ. Такъ-съ!

Киндѣевъ. Теперь это имѣніе братъ продаетъ за двѣнадцать тысячъ рублей. Знаете, онъ кутила страшнѣшій, проигрался, пропился, промотался, ну такъ деньги ему и нужны. Кредиторы его за горло схватили. А онъ такой хорошій родной, дай Богъ ему здоровья, пишетъ ко мнѣ, лучше, говоритъ, продать своему родному, нежели чужимъ! Мнѣ, говоритъ, пріятно будетъ, если ты купишь, по-крайней-мѣрѣ имѣніе изъ нашего рода не вышло! Такъ какъ вы думаете, папа, не купить-ли этого имѣнія?

Розоновъ. Если оно дѣйствительно такъ хорошо, какъ вы говорите!

Киндѣевъ. Помилуйте, папа, къ чему же мнѣ говорить неправду! Вѣдь это все равно, что себя обманывать самаго! Я прошу вашего совѣта.

Розоновъ. Заложено?

Киндѣевъ. Да, въ опекунскомъ совѣтѣ, теперь осталось на немъ, кажется, тысячи три или четыре.

Розоновъ. Можетъ быть много частныхъ долговъ?

Киндѣевъ. На этомъ имѣніи нѣтъ! У него вѣдь еще есть имѣнія! Я, знаете, думаю внести ему сперва десять тысячъ, потомъ достать гдѣ-нибудь двѣ съ половиною тысячи, и дѣло кончено.

Розоновъ. Да вотъ получите за Липой!

Киндѣевъ. И прекрасно! Только я ужъ и имѣніе куплю на имя Олимпіады Григорьевны.

Розоновъ. Покорно васъ благодарю! Липа, благодари же!

Липочка. Премного благодарна вамъ!

Киндѣевъ. Помилуйте, за что же! Не только все мое — ваше, я самъ — вашъ!

Липочка. Вѣдь и я же ваша!

Киндѣевъ. Ручку! Merci!

Липочка. Это въ награду?

Киндѣевъ. Да.

Липочка. И въ награду, и въ наказанье — одно и то же!

Киндѣевъ. Все равно! (Цалуетъ ея руки). Такъ вы совѣтуете, папа?

Розоновъ. Разумѣется! Только мнѣ кажется, что-то слишкомъ дешево!

Киндѣевъ. Ему деньги нужны. Хуже, если станутъ описывать, да продавать съ аукціона.

Розоновъ. Нѣтъ-ли тутъ чего?

Киндѣевъ. Помилуйте! Я знаю его хорошо. Онъ шелопай, вѣтрогонъ, мотъ, — но человѣкъ честный.

Розоновъ. Ну, такъ чего лучше!

Киндѣевъ. Внесу ему десять тысячъ, а остальныя подождетъ!

Розоновъ. Разумѣется. Можно и меньше дать!

Киндѣевъ. Нѣтъ, ему непремѣнно надобно десять тысячъ!

Розоновъ. Вы, смотрите же, совершите крѣпость.

Киндѣевъ. Я знаю.... Только надобно торопиться, а то, пожалуй, продастъ!

Розоновъ. То-то и есть! Прямо поѣзжайте къ нему!

Киндѣевъ. Я такъ и хочу!

Розоновъ. Давно онъ къ вамъ писалъ?

Киндѣевъ. Я получилъ письмо вчера. Пишетъ, что деньги нужны до зарѣзу!

Розоновъ. А скотъ есть?

Киндѣевъ. Какже! пропасть, не знаютъ куда его и дѣвать!

Розоновъ. И прекрасно, не упускайте случая! Въ жизни всегда надобно пользоваться случаемъ; въ этомъ, повѣрьте, заключается вся человѣческая мудрость, умѣнье жить, искусство, чтобы было хорошо на свѣтѣ. Хватайтесь за все, и вылѣзете въ гору; а будете церемониться, да раздумывать — пропало все! просто хоть не живите на свѣтѣ! Бѣда быть слишкомъ щекотливому и разборчивому — чистое бѣдствіе! По-моему, надобно держаться правила прежде всего позаботиться о себѣ, а потомъ ужъ о другихъ. Повѣрьте, что на свѣтѣ хорошо жить тому, у кого карманъ полонъ, да если притомъ онъ выбрался на видное мѣстечко... Состояніе—вотъ главное въ жизни, остальное все второстепенное и легко пріобрѣтается при состояніи. За деньги все покупается, все получается. Уваженіе и почетъ въ свѣтѣ все деньгамъ!

Киндѣевъ. Это справедливо!

Розоновъ. Жить безъ денегъ — совершенное наказаніе. Нѣтъ въ мірѣ хуже казни какъ бѣдность! Съ состояніемъ все ни почемъ,—не жизнь, а наслажденіе! Все есть, всякое желаніе исполняется! Отъ всѣхъ почетъ и уваженіе!... Такъ чего тутъ щепетильничать! надобно не пренебрегать никакими средствами къ пріобрѣтенію состоянія. Будьте вы идеально честны, вамъ никто спасибо не скажетъ, никто не поблагодаритъ, никто не поможетъ, не скажетъ, если у тебя нечего ѣсть, потому что ты былъ до глупости честенъ, — вотъ тебѣ за то, возьми, ѣжь, пей и живи порядочно!

Киндѣевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Такая штука хороша на словахъ, а на дѣлѣ

глупость! А какъ будете пользоваться всякимъ случаемъ, право, лучше! И жить лучше, и уважать будутъ больше! Экая штука, что какой-нибудь фанфаронъ скажетъ: «такой-то нечестный человѣкъ!» Да я плевать хочу на его аттестацію! Мнѣ съ нимъ не дѣтей крестить!... У меня въ карманѣ полно, я и живу себѣ припѣваючи!... Знать ничего не хочу, да еще другому помогу.

Киндѣевъ. Я съ вами совершенно согласенъ!

Розоновъ. Нынче только тотъ и можетъ жить на свѣтѣ, у кого есть средства, а безъ состоянія, хоть кто будь, пропадетъ ни за что! Не упускайте этого случая, мой вамъ совѣтъ; послѣ спасибо скажете!

Киндѣевъ. Какъ можно! помилуйте!

Розоновъ. Мало-ли живетъ съ сознаньемъ, что онъ идеально честенъ, да чортъ-ли въ этомъ сознаніи! Лишняя мука, да голодъ, да лишенія. Лучше ѣздить, чѣмъ ходить пѣшкомъ, лучше помочь другому, нежели самому просить помощи! Мало-ли честныхъ-то нечестнымъ изъ-за куска хлѣба кланяются.

Киндѣевъ. Что дѣлать-съ!

Розоновъ. Разумѣется, быть подлецомъ скверно. Это крайность! А пользоваться случаемъ—это благоразуміе. Экая штука, что я поклонюсь какому-нибудь Журавлеву, прислужусь ему. Чортъ его возьми, если онъ, подлецъ, любитъ это! Вѣдь голова не отвалится, а смотришь — польза! Во всемъ выигрышъ!

Киндѣевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Только вотъ въ чемъ дѣло... Какъ намъ это сладить?

Киндѣевъ. Что это?

Розоновъ. Я васъ хотѣлъ просить, чтобы вы сдѣлали покупки на свои деньги, мы бы разсчитались, когда вы бы пріѣхали. Ну, а теперь вы этого сдѣлать не можете!

Киндѣевъ. Да, пожалуй, упустишь имѣніе!

Розоновъ. Въ томъ-то и дѣло! Придется здѣсь покупать!

Киндѣевъ. Что это вы, папа, какъ это можно?

Липочка. Ну, вотъ еще? Очень нужно дряни!

Розоновъ. Чтожъ дѣлать?

Киндѣевъ. Я лучше имѣнія не куплю!

Липочка. Ахъ, нѣтъ! Покупайте!... Какъ это можно!

Киндѣевъ. Жаль упустить, имѣнье-то славное!

Липочка. Вѣдь мы тамъ жить станемъ?

Киндѣевъ. Тамъ.

Липочка. И часто будемъ ѣздить въ Москву?

Киндѣевъ. Хоть каждый день,—тамъ близко!

Липочка. А что, тамъ птички есть?

Киндѣевъ. Какія птички?

Липочка. Разныя, что лѣтомъ въ садахъ и въ лѣсахъ поютъ?

Киндѣевъ. Есть!—такъ и поютъ!

Липочка. А бабочки есть?

Киндѣевъ. И бабочекъ много.

Липочка. Ахъ какъ хорошо!... Мы будемъ ловить бабочекъ?

Киндѣевъ. Непремѣнно! Я этакую сѣтку куплю!

Липочка. Купите, купите непремѣнно!

Киндѣевъ. Слушаю-съ.

Липочка. А это вздоръ! у папа есть свои деньги!

Розоновъ. Да съ собой-то нѣтъ столько!

Липочка. Полторы тысячи найдется!

Розоновъ. А надобно три.

Липочка. Ну, Катенькѣ, если хотите, дѣлайте здѣсь, а мнѣ непремѣнно купите все въ Москвѣ!

Розоновъ. Не все-ли равно!

Липочка. Нѣтъ, не все равно! — Тамъ все дешевле и лучше!

Розоновъ. Право, не знаю, какъ тутъ сдѣлать!

Липочка. Чего тутъ не знать! Вынули изъ кармана, да отдали Максиму Трифоновичу, вотъ и все знанье!

Розоновъ. Да понимаешь, столько денегъ съ собой нѣтъ!

Липочка. У васъ все денегъ нѣтъ!

Розоновъ. Пойду поговорю съ женой.

Уходитъ.

Липочка. Вотъ они всегда такіе!

Киндѣевъ. Можетъ быть у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ съ собою!

Липочка. Слушайте вы ихъ! Они надъ каждымъ грошемъ трясутся, давятся!

Киндѣевъ. Такъ-то! Мы переѣдемъ въ подмосковную!

Липочка. Прелесть просто! А что, садъ есть?

Киндѣевъ. Какъ-же! Что-же за деревня безъ саду! Садъ фруктовый, цвѣточный и паркъ.

Липочка. И паркъ есть?

Киндѣевъ. Я вамъ говорю все: и паркъ, и теплицы, и оранжереи,—все!

Липочка. Отлично!

Киндѣевъ. Какъ же! Имѣнье смѣло стоитъ шестьдесятъ тысячъ!

Липочка. Какъ-же это онъ продаетъ за двѣнадцать?

Киндѣевъ. Кутила-мученикъ! мотъ! Ему все трынь-трава! Все ни почемъ!

Липочка. Онъ богатъ?

Киндѣевъ. Да, съ состояніемъ! У него во Владимірской губерніи душъ пятьсотъ, да въ Саратовской, кажется, тысячи полторы душъ!

Розоновъ (входитъ). Ну-съ, мы вамъ дадимъ деньги.

Киндѣевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Пожалуйста покупайте для обѣихъ, для Катеньки и для Липочки одинаковыя вещи.

Киндѣевъ. Непремѣнно!

Розоновъ (подаетъ деньги). Вотъ-съ тысяча рублей и билетъ съ бланковою надписью, московскаго опекунскаго совѣта! Потрудитесь сосчитать.

Киндѣевъ (считаетъ). Вѣрно! (Кладетъ деньги въ боковой карманъ).

Розоновъ. Потрудитесь только дать росписочку.

Липочка. Фи! папа!

Киндѣевъ. Росписочку?

Розоновъ. Чтожъ? Дружба дружбой, а служба службой!—Денежки счетъ любятъ!

Киндѣевъ. Да!... Разумѣется!

Розоновъ. На простой бумажкѣ!

Киндѣевъ. Извольте.

Розоновъ (подаетъ бумагу, чернильницу и огрызокъ пера). Вотъ, пожалуйте!

Киндѣевъ (пишетъ). Не знаю, такъ-ли! Не умѣю писать ихъ! Въ жизни въ первый разъ случается!

Розоновъ (читаетъ). «На покупку вещей получилъ три тысячи, Максимъ Киндѣевъ!» Ну, не совсѣмъ-то такъ!

Киндѣевъ. Все равно! Теперь надобно ужъ и съ Олимпіады Григорьевны росписочку!

Липочка. Какую?

Киндѣевъ. А что вы получили мое сердце.

Липочка. Нѣтъ, это съ васъ надобно крѣпость, что вы мнѣ его отдали въ вѣчное владѣніе.

Киндѣевъ. И то правда!

Розоновъ. Росписочку слѣдовало-бы переписать.

Липочка. Еще что? Вамъ ужъ не вексель-ли дать!

Розоновъ. Оно, разумѣется, все равно.... но знаете.... какъ-то, того....

Липочка. Все равно! Перестаньте, папа! Что вы не вѣрите, что-ли?

Розоновъ. Сохрани Богъ! Я вполнѣ довѣряю Максиму Трифоновичу.

Киндѣевъ. Помилуйте, папа! (Цалуеть его руку). Жизнь моя принадлежитъ вамъ.

Липочка. А не мнѣ?

Киндѣевъ. Вамъ, разумѣется, прежде всѣхъ.

Липочка. Я хочу быть одна владѣтельницею!

Киндѣевъ. Извольте.

Розоновъ. Вы когда-же ѣдете?

Киндѣевъ. Я думаю завтра, проводивши васъ!

Липочка. Смотрите-же, наканунѣ Крещенья я васъ жду.

Киндѣевъ. Непремѣнно! Живой или мертвый, черезъ огонь и воду, а буду у васъ.

Розоновъ. Выпьемте-ка наливочки, у меня, кажется, осталась бутылочка трехъ-годовалой! А ты, Липочка, распорядись, чтобы намъ съ Максимомъ Трифоновичемъ дали закусить.

Липочка. Сейчасъ.

Оба уходятъ.

Киндѣевъ. Вотъ они!... Въ карманѣ! Три, три, три! Ловко! Я думалъ выканючить двѣ тысченки, а тутъ сами дали три! Прекрасно! Вотъ что значитъ задолжать во-время двѣсти цѣлковыхъ. Не надари я столько, вѣдь не получилъ-бы сегодня трехъ тысячъ. Сказали-бы—голь. Правду этотъ подлецъ говорилъ, состояніе великое дѣло! Самъ-же совѣтовалъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ. Вотъ случай пріобрѣсти три тысячи, и мы его не упустимъ, чортъ возьми совсѣмъ! Пока двѣ тысячи спрячу, разумѣется, изъ банка выну, а третьей тысячи протру въ Москвѣ глаза! А тамъ ищи, свищи! Поѣду я къ твоимъ смертнымъ грѣхамъ, къ уродамъ. Какъ-же, держи карманъ! Надобно мнѣ очень съ ними бабочекъ ловить! держи! Да меня съ собаками теперь не найдешь! Сегодня-же уѣду, благо подорожная въ карманѣ. Прощай, отвратительная, мерзѣйшая Липа! Только ты меня и видѣла... А мастерская штука! Ей-богу! Надуть этого бестію! Теперь закусить, да и тягу.

Липочка входитъ, припрыгивая

Киндѣевъ. Царица души моей!

Липочка. Послушайте. Вы смотрите, намъ вещи получше выбирайте и платите подороже, а Катенькѣ такія-же, да подешевле. Ей все равно за сапожника идти.

Киндѣевъ. Непремѣнно!

СЦЕНА II.

Зала въ трактирѣ. Машина играетъ, слуги суетятся.

Козинъ и Никоновъ.

Козинъ. Вы вчера были въ собраніи?

Никоновъ. Нѣтъ! А вы?

Козинъ. Я былъ.

Никоновъ. Много было?

Козинъ. Изъ дамъ никого.

Никоновъ. Какъ это?

Козинъ. Такъ-же. Не было ни одной дамы.

Никоновъ. Значитъ, не танцовали!

Козинъ. Роговъ устроилъ трепака. Поплясали, попьянствовали и разошлись.

Никоновъ. Чтожъ это дамы-то?

Козинъ. Онѣ зато покатались вокругъ. Ни одна не рѣшалась идти первою. Подъѣдетъ экипажъ, остановится, ну и посылаютъ узнать, есть-ли кто? говорятъ: нѣтъ еще. Экипажъ отправляется ѣздить вокругъ собранія; такъ же другой, третій и вообразите — ни у кого недостало духа взойдти первой.

Никоновъ. Такъ собраніе и не состоялось?

Козинъ. Такъ и не состоялось.

Роговъ (подходитъ къ нимъ). А-а-а! Димитрій Павлычъ! Андрей Филипычъ!

Козинъ. Здравствуйте!

Роговъ. Чортъ знаетъ что! Въ головѣ просто крысы въ чехарду играютъ! Эти дни что-то пьется. Вѣрите-ли, не могу никакъ очувствоваться, просто бѣда! Надобно опохмѣлиться.

Молодой человѣкъ въ очкахъ (подходитъ). Опохмѣлиться, не дурно! Эй, малый, водки!

Роговъ. Куда же вы, Димитрій Павловичъ? Андрей Филипычъ?

Никоновъ. Мы ѣдемъ вмѣстѣ домой!

Роговъ. Уже? Я думалъ, что мы разопьемъ шипучки бутылочку. Мнѣ, знаете, повезло вчера: сотенъ восемь зашибъ.

Козинъ. Поздравляю! Прощайте!

(Уходитъ съ Никоновымъ).

Роговъ (молодому человѣку въ очкахъ). А что, не заложить-ли намъ опять половинный?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Пожалуй.

Роговъ. Только, смотри! Заговаривай хорошенько, когда я буду тасовать, а то я вчера чуть-чуть не попался.

(Подходитъ къ группѣ помѣщиковъ, между которыми Назарьевъ, Дурноумовъ, Покровскій и другіе).

Роговъ. А что на прощанье не метнуть-ли намъ?

Назарьевъ. Можно.

Дурноумовъ. Кто будетъ метать?

Роговъ. Да пожалуй хоть я!

Дурноумовъ. Да вѣдь вы кудесникъ!

Роговъ. Какъ кудесникъ?

Дурноумовъ. У васъ карты бѣгаютъ въ колодѣ сверху внизъ, снизу вверхъ.

Роговъ. Подите вы! У меня просто вчерашній выигрышъ оттянулъ карманы.

Назарьевъ. А мы ихъ поочистимъ.

Покровскій. Постараемся облегчить.

Роговъ. Такъ идетъ?

ГОЛОСА:

— Идетъ!

— Чтожъ дѣлать-то?

— Метнемъ отъ-нечего-дѣлать!

— Что терять-то даромъ время!

Роговъ. Эй, малый!

Половой. Что требуется?

Роговъ. Столъ, картъ, мѣлу и шампанскаго.

Половой. Слушаю-съ! Только, господинъ, здѣсь играть не позволено.

Роговъ. Пошелъ вонъ, дуракъ! Кто не позволяетъ?

Половой. Полиція.

Роговъ. Плевать мы хотѣли на твою полицію!

Половой. Какъ угодно-съ!

Роговъ. Ты давай картъ.

Половой. Сейчасъ.

Роговъ. Садитесь, господа! (Вынимаетъ деньги). Господи благослови! Пятьсотъ въ банкѣ.

(Усаживаются вовругъ стола, и распечатываютъ карты).

Роговъ. Эй, малый, возьми къ чорту бокалы! Что намъ дѣлать этими наперстками. Давай стакановъ!

(Наливаетъ шампанское).

Назарьевъ. Не везетъ, чортъ возьми, это время!

Роговъ. Ставьте, ставьте, господа!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А какую намъ гонку задалъ губернаторъ на присягѣ!

Роговъ. Да, небу стало жарко!

Дурноумовъ. Двадцать пять цѣлковыхъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ (Дурноумову). Позвольте взглянуть вашу карточку, мы кажется на одной.

Дурноумовъ (на ухо ему). Король.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. А-а-а! Нѣтъ. У меня идетъ *тринадцать* рублей!

Роговъ. Чортова дюжина? Эхъ, выбралъ кушъ!

(Мечетъ и по второй бьетъ короля).

Молодой человѣкъ въ очкахъ. По моимъ примѣтамъ чертова дюжина самое счастливое число.

Дурноумовъ. Чортъ знаетъ, что такое!

Роговъ. Самый главный врагъ побитъ!

(Киндѣевъ входитъ и торопливо спрашиваетъ обѣдъ).

Роговъ (Киндѣеву). Не угодно-ли шампанскаго стаканчикъ?

Киндѣевъ. Благодарю васъ. (Пьетъ).

Роговъ. Не угодно-ли карточку? Теперь болѣе пятисотъ въ банкѣ!

Киндѣевъ. Я тороплюсь! Мнѣ надобно ѣхать!

Роговъ. Карточку, пока вамъ подадутъ кушать.

Киндѣевъ. Развѣ рискнуть? Десять рублей! Садится къ столу въ шубѣ).

Роговъ. У васъ, господа, что?

ГОЛОСА:

— Десять!

— Пять!

— Пятнадцать!

— Уголъ отъ пяти!

— Пять!

— Восемь!

— На пе!

— Пять и по рублю око.

Роговъ. Темныхъ не бью! Эхъ, напусти Богъ смѣлости! (Мечетъ). Погубитъ меня этотъ валетъ, халдей проклятый! (Киндѣеву) Ваша! Я такъ и зналъ! Да пейте, пожалуйста.

(Игра продолжается. Киндѣевъ пьетъ и горячится. Онъ сперва выигрывалъ, потомъ началъ проигрывать, а потому удвоиваетъ куши).

Киндѣевъ. Экая скверность! Бита и бита! (Пьетъ).

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Не робѣйте только! Не уменьшайте кушей. Разомъ все вернете!

Киндѣевъ. Я самъ тоже думаю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Дайте, я вамъ выберу на счастье. Ну вотъ, восьмерка.

Киндѣевъ. Ладно. Я проигралъ ужъ пятьсотъ: развѣ на пе?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Разумѣется! Чѣмъ больше трусить, тѣмъ хуже!

Киндѣевъ. Пятьсотъ!

Роговъ. Ухъ! вотъ кушъ-то! Морозъ пробираетъ.

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Что братъ, сплоховалъ? Носъ на квинту опустилъ! А посмотрите, господа, шампанское-то поддѣльное!

Дурноумовъ. Отчего?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Да посмотрите, какое клеймо на пробкѣ!

(Всѣ бросаются смотрѣть на пробку. Въ это время Роговъ подтасовываетъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти).

ГОЛОСА:

— Клеймо обыкновенное!

— Всегда такое бываетъ!

— Да шампанское, говорятъ, всегда поддѣльное!

— Я слышалъ, что настоящаго едва хватаетъ по дворамъ.

— Пробка обыкновенная!

Роговъ. Ставьте, ставьте, господа!

ГОЛОСА.

— Двадцать пять!

— Пятьдесятъ!

— Десять.

— Уголъ отъ десяти.

— Транспортъ съ кушемъ.

— Пятнадцать.

Роговъ. Ухъ талія! Пронеси Господи! (Мечетъ) Восьмерка, восьмерка, такъ въ глазахъ и скачетъ. Уголъ битъ!... двадцать пять дано!... Транспортъ битъ!... Восьмерка бита! А-а-а! Это я вамъ скажу!

Киндѣевъ. У-у-у! проклятая! (Разрываетъ карту въ клочки). Придется на чортѣ жениться.

Назарьевъ. Славную карточку убили.

Дурноумовъ. Да не глупую!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Его черти на рукахъ покачали, когда онъ родился!

Киндѣевъ (пьетъ). Чортъ-знаетъ, что за несчастіе! Вѣдь съ шулерами игралъ и не проигрывалъ, а тутъ не везетъ! И чортъ меня дернулъ сѣсть. Ѣхалъ бы теперь да ѣхалъ, вонъ моя и тройка стоитъ!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Не робѣйте! Ставьте на пе.

Киндѣевъ. Вы думаете?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Разумѣется! Когда же нибудь дадутъ!

Киндѣевъ. Разумѣется! Тысяча!

Роговъ Ой, несчастная, горемычная моя головушка! Послушайте! Вы слишкомъ ужъ большіе куши ставите!

Дурноумовъ. Что, нагнали холоду!

Роговъ. Посѣкутъ!

Назарьевъ. Вотъ молодцомъ играетъ! Не то, что мы! по-военному!

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Ну! идите послѣднія, неразмѣнныя! Вѣдь всего обобралъ, и англичанина поставлю. Господа, вы видѣли англійскія деньги?

ГОЛОСА:

— Нѣтъ!

— Покажите!

— Откуда вы достали?

Смотрятъ монету. Роговъ быстро подтасовываетъ.

Роговъ. Ну же, господа!

Киндѣевъ. Стойте! Вы передернули карту.

Роговъ. Гдѣ?

Дурноумовъ. Я говорю, что кудесникъ!

Киндѣевъ. Сейчасъ сдѣлали вольтъ!

Роговъ. Врете!

Киндѣевъ. Нѣтъ, не вру! Я видалъ на своемъ вѣку! Знаю!

Роговъ. Врете!

Киндѣевъ. Я играть съ вами не хочу!

Роговъ. Какъ хотите! Только той карты я не позволю снять!

Киндѣевъ. А я играть не хочу!

Роговъ. Мало-ли чего!

Киндѣевъ. Вы и тѣ деньги также выиграли! Отдайте ихъ!

Роговъ. Деньги-то?

Киндѣевъ. Да.

Роговъ. Ну, ужъ это дудки. Анекдоты на заячьемъ мѣху!

Киндѣевъ. Отдайте, я вамъ говорю!

Роговъ. Идиллія съ масломъ! Аркадія!

Киндѣевъ. Такъ вотъ же тебѣ!

Пускаетъ ему карты въ лицо, хватаетъ со стола деньги и проворно убѣгаетъ.

Роговъ. Что это? Караулъ! грабежъ! держи!

Всѣ бѣгутъ за Киндѣевымъ. На улицѣ раздается звонъ колокольчика.

Дурноумовъ (возвращаясь). Вотъ удралъ-то штуку!

Покровскій (возвращаясь). Ну, исторія!

Дурноумовъ. Ну что?

Покровскій. Погнались за нимъ!

Назарьевъ (входя). Какъ же, догонишь его! Полетѣлъ сломя голову. А тутъ на бѣду ни одного извощика.

Дурноумовъ. Ну что-жъ, господа. А намъ-то за что терять! Вѣдь мы могли-бы выиграть!

Назарьевъ. Разумѣется!

Дурноумовъ Такъ чтобъ не быть въ накладѣ, разберемъ что осталось да и по домамъ.

Назарьевъ. И то дѣльно.

Разбираютъ остальныя деньги и уходятъ.

Половой. Господа, господа! А за карты? Эхъ! а еще дворяне!

Нѣсколько купцовъ входятъ.

Сѣдая борода. Эй, малый! Порцію чаю-съ.

Половой. Сейчасъ.

Сѣдая борода. Да ты стой, голова. Бѣсъ тебя вер-

титъ, что-ли? Ты выслушай толкомъ. Къ чаю графинчикъ ромцу, да алимонъ.

Половой. Сейчасъ!

Сѣдая борода. Ну, садитесь.

Всѣ садятся.

Сѣдая борода. Такъ вотъ отъ ефтихъ самыхъ дѣлъ и торговлю радъ бросить.

Черная борода. Ефто такъ-съ. Извѣстно, примѣромъ сказать, наше дѣло такое, въ долгъ не дать, такъ не продать. А дашь въ долгъ, такъ послѣ и не получишь. Ходишь, ходишь изъ-за своихъ денегъ, кланяешься, а все ни шиша.

Сивая борода. И отъ денегъ готовъ отступиться. Намедни набрала у меня, ефто, полковница-то. Заплачу, говоритъ, къ Святой. Ну ладно. А счетъ-то вона какой! Сотъ на девять. Пришла Святая, ничего. Хожу — то дома нѣтъ, то спитъ, то обѣдаетъ, то бѣсъ ее знаетъ, прости Господи, грѣхъ тяжкій, что дѣлаетъ. Надоѣло мнѣ больно, а тутъ по осени платежи подошли. Иду я...

Половой приноситъ чай.

Сѣдая борода. Откушайте, сдѣлайте честь.

Сивая борода. Не извольте безпокоиться. Чувствительнѣйше благодаримъ-съ, съ нашимъ почтеніемъ-съ.

Сѣдая борода. Ромцу! Алимончику!

Сивая борода. Напрасно, ей-Богу, напрасно!

Сѣдая борода. Иванъ Давыдычъ, откушайте!

Сивая борода. Съ нашимъ удовольствіемъ-съ! Благодаримъ всепокорнѣйше! Такъ-съ, иду я къ ней. Говорятъ, кушать сѣли.

Сѣдая борода. Ефто, значитъ, причина, что денегъ нельзя получить.

Сивая борода. Стало-быть такъ-съ. А нашего брата не спрашиваютъ-съ, говорятъ: подай!

Сѣдая борода. Вотъ то-то и оно!

Сивая борода. Ну я говорю, коли кушаютъ, подождемъ. Сижу ефто я, думаю, не уйду, пока не будетъ одинъ конецъ. Откушали, легли опочивать. Вотъ тутъ и дѣлай, что хошь! Ахъ ты! Ажно злость меня взяла! Сижу я все. Что не спрошу, все спятъ. Что ты будешь дѣлать? Наступилъ ефто вечеръ. Слышу въ залѣ гомонятъ, я посмотрѣлъ въ двери, они. Я, значитъ ефто и вхожу въ залъ, помолился какъ должно на иконы, кланяюсь. Она ефто шасть съ дивана. Что, говоритъ, тебѣ надобно? Чего ты лѣзешь въ залу?

Черная борода. Хорошо! Какъ деньги отдавать, такъ что тебѣ надобно?

Сивая борода. Да вѣдь ефто завсегда! Я говорю: вы мнѣ дайте одинъ, значится, конецъ, порѣшите меня!— «Подожди!» говоритъ.—Какъ, я говорю, еще то ждать, довольно ждать, годъ ждали, къ Святой обѣщали!—Какъ вскинется она, а тутъ сынъ ея подбѣжалъ. Ахъ ты, говоритъ, борода! Смѣешь въ залу ломиться, шумъ поднимать! — Я говорю, какой такой шумъ, за своимъ пришелъ, десять верстъ-бы обошелъ, чтобъ мимо-то не пройти, не токма къ вамъ. Да нужда гонитъ! — Что жъ ты думаешь! Вѣдь ефто и договорить не далъ, въ шею, въ шею, такъ и съ лѣстницы спустилъ! Такъ и по сіе мѣсто сидятъ мои денежки. Пропадай они совсѣмъ! Ефто за какія же блага, за свои же деньги да и въ шею наклали!

Черная борода. Вотъ-те и барыши!

Рыжая борода. Какіе тутъ барыши! Тутъ смотришь, дѣловъ нѣтъ, покупатель только что слава, что покупатель, а ефто совсѣмъ наплевать, дрянь! Навернется, купитъ на мѣдный пятакъ, а перебуравитъ на рубль. Одинъ какъ есть грѣхъ, а не покупатель, и наровитъ какъ-бы за свою цѣну

купить. А тутъ нашъ-то самъ имянинникъ, то жена, то рожденье, то балъ. Душеньку всю повытянулъ.

Сѣдая борода. Да, озорноватъ! Ефтакой оторвы еще и не бывало. Выжига—грѣхъ тяжкій, и гдѣ онъ только такой царь Иродъ народился. А ужъ она еще милѣе!

Черная борода. Ишь голова! Хуже еще его!

Сѣдая борода. Куда ему до ней! Вотъ тутъ и торгуй. Анамнясь забрали евто вотъ къ балу, къ рожденью-то, вина. Ну, отпустили, пропадай молъ! чтобъ-те глотку залить, а тутъ еще бѣда: осталось вино, надобно назадъ получать. Пришелъ квартальный, гонитъ; дѣлать нечего, иду. А она чтожъ вы думаете, забирала даромъ, а назадъ, чего значитъ не выпили, такъ давай значитъ деньги!

Сивая борода. Вотъ и порядокъ!

Сѣдая борода. Я говорю: какъ же ефто? Брали безъ денегъ, а назадъ за деньги. А она закричитъ: ахъ ты сякой, такой, разъедакій! Вѣдь ты покупаешь вина? — Покупаемъ-съ! говорю: неужто же сами дѣлаемъ! — Ну такъ, говоритъ, развѣ тебѣ не все равно купить у кого! Я тебѣ гривенникъ съ бутылки сбрасываю!

Сивая борода. Эка добрая!

Сѣдая борода. И не говори! Ну чтожъ едва черезъ силу выторговалъ по гривнѣ съ рубля.

Сивая борода. Какъ же ефто она цѣну-то назначала!

Сѣдая борода. А на билетѣ и на пробкѣ на смолѣ цѣна проставлена. Да еще бутылку квасу въ то число втерла! И какъ не усмотрѣлъ — не знаю! Да гдѣ тутъ! Сердце все кровью облилося, не токма что; ей, ей, внутренности перевернулись!

Рыжая борода. Что и говорить!

Сѣдая борода. Ефто не то, что у васъ съ хлѣбомъ.

Черная борода. У насъ-то?

Сѣдая борода. Да! Вотъ былъ хлѣбъ-то въ цѣнѣ, славный барышъ былъ.

Черная борода. Да неча Бога гнѣвить! Въ неурожай-то дѣла шли ни што! Тоже поборы велики!

Сѣдая борода. Вишь ты.

Черная борода. Ефто съ кажнаго куля заплати! Не думай и говорить, что куль два раза въ день изъ рукъ въ руки перейдетъ.

Сѣдая борода. Вотъ тутъ и барыши!

Рыжая борода. Согрѣшили мы грѣшные!

Сивая борода. Именно, что за грѣхи попущенье!

Сѣдая борода. Будьте благообразны, выкушай-те еще по чашечкѣ!

Сивая борода. Благодаримъ покорно! много будетъ.

Рыжая борода. Ну какъ за болтировку-то поторговали?

Сѣдая борода. Ничего! А все хуже чѣмъ бывало.

Сивая борода. Нечего Бога гнѣвить, торговали! Только вотъ что я вамъ скажу, въ прежніе-то годы, бывало, все у насъ брали, а теперь ефто наровятъ все изъ Питера да изъ Москвы выписать! Вотъ и пошла одно слово дрянь, а не торговля.

Черная борода. Вишь ты!

Сѣдая борода. Малый, кипяточку! Да ты бы ефто самое мятелицу пустилъ что-ли-ча.

СЦЕНА III.

Квартира Головкина. Небольшая комната, плохо меблированная.

Головкинъ. Такъ вы уѣзжаете?

Переученый. Да.

Головкинъ. Надолго?

Переученый. Не знаю. Можетъ быть навсегда. Здѣсь съ этими гусями жить невыносимо!

Головкинъ. Стоитъ вамъ съ ними спорить и толковать.

Переученый. Нельзя! Сердце вытерпѣть не можетъ, заговоришь поневолѣ, хоть видишь, что словъ терять не стоитъ! Все думаешь, авось посѣешь доброе сѣмя и оно въ комъ-нибудь не пропадетъ, а разростется. Хоть одно—не обратитъ на путь истины—открыть глаза и это уже много!

Головкинъ. Напрасный трудъ, ихъ учить все равно, что мертваго лечить.

Переученый. Пока мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Буду искать мѣста, чтобы моя дѣятельность приносила пользу. Какъ и гдѣ-бы ни трудиться—все равно, лишь-бы изъ труда выходило что-нибудь полезное для общества. Теперь самое время для труда настало. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса обновитъ наши силы, очиститъ нашу жизнь. Теперь Россія можетъ двинуться впередъ. Дай Богъ, чтобъ все русское дворянство поняло, какъ должно, эпоху эту возрожденья и посмотрѣло-бы на себя построже, безпристрастно, замѣтило-бы свои недостатки, болѣзнь свою и отъ нея лѣчиться-бы старалось.

Головкинъ. Это кажется долго ждать!

Переученый. Кто знаетъ! Теперь настаютъ ужъ времена другія, на опытѣ всѣ могутъ убѣдиться, что жить на счетъ другихъ безъ собственнаго труда невозможно. Поймутъ же наконецъ, что умъ, познанія и честность будутъ служить отличіями для людей, что въ этомъ все дворянство и благородство. Что безъ образованія и жить нельзя на свѣтѣ. Потомъ ужъ все придетъ само собою.

Головкинъ. Вотъ задача для литературы, разработать вопросы новой жизни!

Переученый. Да! Пусть каждый-бы писалъ и печаталъ всѣ свои предположенія и взгляды.

Головкинъ. Явилась-бы куча вздора, въ родѣ проекта Козелкова.

Переученый. Ну такихъ немного. Наконецъ подобной дичи трудно попасть въ журналъ или въ газету, не возьмутъ. Наконецъ если-бы и явилась такая вещь, всѣ-бы нашли ее глупою и больше ничего.

Головкинъ. Могли-бы явиться ложныя мнѣнія.

Переученый. Ну чтожъ? Отлично! давайте ихъ на божій бѣлый свѣтъ.

Головкинъ. Что́-же-бы вышло хорошаго? Неопытные увлекались-бы.

Переученый. Я съ вами въ этомъ не согласенъ. Всѣ эти вредныя идеи, преувеличенія, крайности давайте на божій свѣтъ. Кто знаетъ, что ему даютъ отраву, тотъ ее не станетъ пить. Идеямъ вреднымъ нуженъ мракъ, неизвѣстность, а среди бѣлаго дня ихъ замыслы неисполнимы и они прячутся какъ совы. Пусть явится вредная статья въ печати, я, вы, десятки другихъ поднимутся на ложную идею, на вредную мысль и изобличатъ ее, разгромятъ, разрушатъ. Если идея сама по себѣ и хороша, но несовременна, для нея еще общество недоросло, не готово къ принятію ея и ее опровергнутъ. А теперь развѣ эти мнѣнія и вредныя идеи развѣ не ходятъ по міру божьему? Ходятъ въ неизвѣстности, потихоньку, тайно. И тутъ уже опровергнуть ихъ и изобличить зло невозможно, некому. Всякая правдоподобная идея возводится на степень истины святой и всюду примѣнимой. Красно сказанная ложь, чушь кажется правдой и увлекаетъ людей не дальновидныхъ. Теперь слухи, слухи—имъ вѣрятъ, а они часто до чудовищности безобразны.

Головкинъ. Да, пожалуй ваша правда!

Переученый. Теперь намъ нуженъ свѣтъ, чтобы все было открыто гласно. Явилось множество общественныхъ вопросовъ. Ихъ надобно разрѣшить. Намъ надобно обдумать все съ-общa и посовѣтоваться всѣмъ русскимъ мі-

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Мавра Ивановна, старуха-мѣщанка, квартирная хозяйка.

Григорій Ивановичъ Пѣтушковъ, жилецъ, нанимающій у нея комнату, съ прислугою и съ мебелью.

Господинъ пріятной наружности.

Камлотовая шинель (Карлъ Фалькъ), ростовщикъ, выдающій себя за коммисіонера и дающій свои деньги съ увѣреніями, что онѣ чужія.

Госпожа въ шляпкѣ — прекрасная дѣвица.

Григорій Ивановичъ Пѣтуховъ.

Мальчикъ изъ булочной.

Мальчикъ изъ погреба.

Письмоводитель маклера.

СЦЕНА I.

Григорій Ивановичъ Пѣтушковъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, въ довольно грязномъ халатѣ. Обстановка незавидная. Бѣдная небольшая комнатка, меблированная весьма незатѣйливо: диванъ, на немъ подушка и довольно подержанная шинель, которою, какъ видно, Пѣтушковъ покрывался. Комодъ довольно большой, на немъ алебастровая статуетка, представляющая обнаженную женщину со шляпкою на головѣ и съ муфтою въ рукахъ, возлѣ статуетки тарелка съ тремя или четырьмя кусочками кожи отъ калбасы. У окна столъ съ письменными принадлежностями и кипами бумагъ и книгъ. Въ комнатѣ еще находится нѣсколько стульевъ различной величины и совершенно разнокалиберныхъ; на одномъ изъ нихъ лежитъ платье. Комната Пѣтушкова, окномъ, находящимся на правой сторонѣ, выходитъ на сосѣдній дворъ; на заднемъ планѣ дверь въ корридоръ, черезъ которую всѣ входятъ; налѣво дверь въ комнату хозяйки забита наглухо.

Григорій Ивановичъ (ходитъ по комнатѣ потирая руки). Десять часовъ! Какъ я рано сегодня всталъ, чортъ знаетъ! (поетъ):

Вѣкъ юный, прелестный
Друзья пролетитъ,
И все-о-о въ поднебесной
Измѣной грозитъ!
Лети стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой!
Какъ сладкій сонъ
Минуетъ онъ!

Да! Вотъ безтолковая жизнь-то! Изъ рукъ вонъ! А всего въ ней хуже, что рѣшительно нѣтъ денегъ! Я-бы заплатилъ Богъ знаетъ сколько, если-бы мнѣ открыли секретъ какъ это достаютъ деньги и наживаютъ состоянія! Проживаю я отмѣнно хорошо! Да, впрочемъ, теперь мнѣ и проживать нечего!... (смотритъ въ окно). Сегодня непремѣнно будетъ дождь! Славные виды у меня изъ окна! Очаровательные! Шесть или семь крышъ, неопредѣленное количество трубъ и грязный дворъ. Я живу въ высшихъ слояхъ атмосферы, парю надъ ничтожными смертными! Выше меня только летаютъ воробьи да ходятъ облака!... Однако-же это скверно, чортъ возьми! (ходитъ по комнатѣ). Надобно-же наконецъ что-нибудь дѣлать! Не сидѣть-же такъ безъ гроша!... А что сдѣлаешь-то? Фу ты, Боже мой! какая мерзость быть бѣднякомъ! Попадутся деньжонки, такъ вздумаешь вознаградить себя за прошедшія лишенія, отвѣдаешь, хлѣбнешь, такъ сказать, жизни, смотришь — въ карманѣ свищетъ! Деньги ужасно скоро выходятъ, а когда ихъ нѣтъ, я чувствую себя очень дурно! (поетъ):

Напрасно я забыть его стараюсь,
Напрасно страсть хочу разсудкомъ побѣдить,
Напрасно я другими восхищаюсь,
Я не могу, я не могу его забыть!

У насъ удивительно дурно устроено общество! За все нужно платить деньги! Это изъ рукъ вонъ какъ глупо! Чѣмъ я виноватъ, что мнѣ ѣсть хочется, что меня создала природа такъ, что я безъ пищи не могу существовать? За чтожъ-бы тутъ, кажется, платить деньги? За пищу платишь, за воду платишь, за воздухъ не знаю какъ еще до-сихъ-поръ не берутъ ничего! Воздухъ, вода и пища должны были-бы отпускаться человѣку безденежно, такъ-какъ онъ дышетъ, пьетъ и ѣстъ не по прихоти, а по распоряженію природы. Ну за все за другое бери деньги, а ужъ за это пла-

тить глупо, а брать деньги — низко. Точно я виноватъ, что мнѣ ѣсть хочется! Нѣтъ денегъ, такъ вотъ сиди и свищи въ кулакъ! Невыносимо пошло жить такъ на свѣтѣ! (поетъ):

Вдоль по улицѣ мятелица мятетъ,
За-а-а-а мятелицей мой миленькій иде-отъ!
Ты постой, посто-о-ой, красавица моя-а,
Дай мнѣ наглядѣться....

Гдѣ-бы это достать денегъ?... Вотъ задача-то!... Не сидѣть-же голодному, чортъ возьми совсѣмъ!.. Экое время пришло, жидовское, окаянное, проклятое! Порядочный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ не можетъ достать денегъ! Вѣдь это рѣшительно изъ рукъ.... какой изъ рукъ! — изъ ногъ, и ужъ не знаю изъ чего вонъ! А тутъ какая-нибудь пестрая свинья Павлиновъ разъѣзжаетъ на парѣ, куда тебѣ! а самъ кто? — лыкомъ шитая рожа! бородачъ! каналья! въ мелочной лавочкѣ сидитъ, жидовское отродье! поколѣніе Ирода и Іуды-предателя! На грошахъ обсчитываетъ и обмѣриваетъ! А ближнему помочь! — Какъ-же! Вчера не могъ, окаянный, фунта сахару повѣрить мнѣ въ долгъ! (трагически): Мнѣ!... Онъ! — Скотина!... распротоканалья! Да еще какъ дерзко отвѣчаетъ при всѣхъ: «ефто ужъ мы вамъ довольно вѣрили, да видно получить-то не придется!» Вотъ вамъ и все! Я этого не оставлю такъ! ни за что! ни за какія благи въ мірѣ! Что онъ имѣетъ овошенную и фруктовую лавку и чайный магазинъ, въ которомъ продаетъ, каналья, и свѣчи, торгуетъ гнилью, холерою просто, грабитъ, бестія, такъ думаетъ, что можетъ позволить себѣ.... Я ему покажу! я.... я.... я это дѣло предамъ благодѣтельной гласности! Да! Отпечатаю его во всѣхъ газетахъ! Я чувствую въ себѣ обличительный геній, эта литература для меня создана! Пусть меня болѣе преслѣдуютъ обстоятельства и люди! пусть ихъ! Я не упаду духомъ! Не предамся отчаянію! имъ не сломить

величія души моей. Я буду стоять какъ скала средь волнъ, буду смѣяться, пѣть, готовъ плясать! Всѣ усилія ихъ потрясти меня, ввергнуть въ уныніе будутъ безсильны! Это только раздражаетъ меня, накопляетъ желчь! Я все это наконецъ изолью на головы моихъ гонителей и себя покрою славою, а ихъ — вѣчнымъ позоромъ! Да! Это дѣло рѣшеное! Моя месть будетъ ужасна! Всѣ затрепещутъ и содрогнутся! — Самъ Павлиновъ прибѣжитъ съ фунтомъ чаю и цѣлою головою сахару, будетъ кланяться, чтобы я взялъ только!... (поетъ):

Аль опять,
Не видать
Прежней красной доли!
Я душой
Самъ не свой
Сохну какъ въ неволѣ!
Возжи врозь,
Все хоть брось,
Экая досада!

Однако не сидѣть-же голодомъ! нужно-бы хоть чайку напиться! Сахару, кажется, есть гдѣ-то два кусочка. Въ послѣдній разъ напьюсь!... а тамъ!... Ну, а тамъ разживусь какъ-нибудь деньгами! Не все же такъ пошло жить! (полуотворяетъ дверь на заднемъ планѣ и кричитъ): «Мавра Ивановна! а Мавра Ивановна! дайте-ка самоварчикъ!... Да, да, самоварчикъ!» (затворяетъ дверь). Булокъ нѣтъ, денегъ ни гроша. И такъ я сегодня безъ завтрака, безъ обѣда и безъ ужина!... Экій болванъ, этотъ чортъ! право болванъ! Чтобы ему явиться съ мѣшками денегъ; развѣ онъ не видитъ, что я уже совершенно стою на пути спасенія! Чего-же онъ смотритъ, олухъ этакій! даютъ спасаться людямъ, пребывать въ постѣ и въ воздержаніи! Явись онъ теперь съ деньгами, я-бы упился жизнію, предался-бы обжорству,

объяденію, пьянству, невоздержности! А теперь спасаюсь! (поетъ):

Ты не пой соловей-ееееи
Подъ моимъ окно-оооооомъ
Улети ты въ лѣса-аааа
Моей родины-ы,
Улети ты въ лѣса-аааа
Моей ро-дины!

(Мавра Ивановна небольшая подслѣповатая старушка, приноситъ самоваръ и ставитъ на столъ, предварительно обдунувши его).

Григорій Ивановичъ. Маврена! другъ мой! здравствуй!

Мавра Ивановна. Здравствуйте, батюшка!

Григорій Ивановичъ. Каково вы изволили почивать? Видѣли-ли меня во снѣ?

Мавра Ивановна. Да! только мнѣ и заботы, что объ васъ думать! (уходитъ и черезъ нѣсколько времени возвращается со стаканомъ и съ блюдцемъ). За булками надобно сходить? что-ли?

Григорій Ивановичъ. Нѣтъ!... у меня есть... вонъ полный комодъ, я вчера того... калачей накупилъ... ничего не надобно! (Мавра Ивановна уходитъ). Проваливай сѣдовласая нимфа, не тревожь покой утробы моей воспоминаніями о булкахъ и прочихъ сладостяхъ! Предадимся чаепитію! Чортъ возьми, надобно пить больше! Налиться чаемъ до того, чтобы распухнуть какъ этотъ откормленный боровъ, Павлиновъ; тогда, авось, цѣлый день не захочется ѣсть! Только вотъ бѣда, и чаю-то пить много нельзя, сахару то осталось всего два кусочка!... Впрочемъ это будетъ ученое изслѣдованіе сколько съ двумя кусочками сахару можно выпить чаю? Измѣрять буду симъ стаканомъ. (Отодвигаетъ комодъ и вынимаетъ жестяную круглую чайницу):

О милый другъ, изъ-за могилы
Услышь мой голосъ, мой привѣтъ!

Это что? Вотъ те и разъ! (трясетъ пустую чайницу). Куда-же это весь чай улизнулъ, ни соринки! Хоть-бы на смѣхъ одинъ листочекъ остался!

Уймитесь волненія страсти,
Засни безнадежное се-ердце!
Я пла-ачу, я стра-жду
Безъ чаю и хлѣба!

Это ужъ чортъ знаетъ что! Изыди окаянная! (Бросаетъ чайницу). Вотъ тебѣ и чай! Послѣдняя надежда исчезла! Я рѣшительно отправляюсь прямо въ рай!... Кончено!... А у меня есть талантъ пародіи! напримѣръ (поетъ):

Уймитесь и голодъ и жажда!
Засни безнадежный желудокъ!
Я пла-ачу! Я стра-жду
Безъ чаю и хлѣба!
Я пла-ачу, я стра-жду:
Павлиновъ не вѣритъ мнѣ въ долгъ!

Все это хорошо! Но просидѣть цѣлый день отшельникомъ вовсе не привлекательно! Въ особенности когда эта Мавра Ивановна, усядется кушать! Чавкаетъ, хруститъ, чортъ ее знаетъ что она тамъ такое грызетъ, только у меня такъ всѣ внутренности и выворачиваетъ! (Протягиваетъ руку и достаетъ со стола порт-сигаръ). Хоть покурить натощакъ! Куреніе удивительно полезно натощакъ, на голодный желудокъ! Превосходно заглушаетъ голодъ и укрощаетъ аппетитъ! (Раскрываетъ порт-сигаръ). Вотъ-те и разъ—ни одной папиросы! Табаку ни капли! (Бросаетъ папиросницу). Вотъ вѣдь пошлость какая! Какъ нѣтъ денегъ и запасы всѣ истощатся! Вышелъ сахаръ, смотришь ни порошинки чаю, и табаку нѣтъ! Фу ты гадость какая! Изъ рукъ вонъ! Единственное утѣшеніе романсы пѣть! (поетъ):

Когда-бъ вѣдать, да знать-бы,
Не ходить-бы на сватьбы!

А сидѣлъ-бы одинъ,
Самъ себѣ господинъ!
Все читалъ-бы книжонки,
Да писалъ-бы стишонки!
А что лучше всѣхъ дѣлъ
Все романсы-бы пѣлъ!
А теперь все иначе,
Все такъ гадко тѣмъ паче,

что нѣтъ ни денегъ, ни сахару, ни чаю, ни табаку! Изъ рукъ вонъ! Я таки порядочно проголодался, а тутъ какъ нарочно Мавра Ивановна пошла опять чавкать! Вѣдь вишь какъ ее разбираетъ! Вона! вона! Только трескъ идетъ, да скрежетъ зубовный!... Я удивляюсь право, какъ это ей не надоѣстъ цѣлый день жрать, да еще что-то такое твердое! и какъ она управляется своими старыми зубами!—Вѣдь это любой собакѣ въ пору! Ну хоть-бы ѣла цѣлый день, если больше дѣлать нечего, да благородно, не чавкала-бы! не возмущала-бы чужихъ желудковъ! А то просто ни на что не похоже! Надобно спѣть что-нибудь для заглушенія этихъ ужасныхъ звуковъ (поетъ):

Нѣтъ въ свѣтѣ пріятнѣй
Охотничьей жизни!

Нѣтъ! Это слишкомъ граціозно для такого акомпанимана, надо что-нибудь этакое громовое, а желудокъ-то такъ и подводитъ! ай, ай, ай, тьфу ты! до боли, до тошноты! Просто революція въ желудкѣ, бунтъ! возмущеніе!—Что-бы это она такое?.. гмъ! должно-быть превкусное! Пахнетъ-то какъ (нюхаетъ) препрекрасно! превкусно! преаппетитно! преароматно!... Хотя-бы покурить и заглушить эти кухонныя испаренія, соблазняющія мою грѣшную, пустую утробу (тщательно собираетъ на полу окурки). Вотъ правило политической экономіи: не до конца докуривать папиросы и окурковъ не выкидывать, потому-что они пригодятся на черный день! (Изъ

собранныхъ окурковъ вытряхаетъ табакъ на бумагу, отъ которой отрываетъ клочекъ, свертываетъ его въ трубку и насыпаетъ табакомъ. Въ продолженіе этой работы онъ поетъ во все горло):

О поле, поле! кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ?
Въ послѣдній часъ кровавой битвы
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ-же поле смолкло ты
И заросло травой забвенья?
Быть-можетъ на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслана,
И струны громкія Бояна
Не будутъ говорить о немъ!

Ну вотъ изъ костей прежде почившихъ отцовъ и братій у меня составилась папироса. Слава Богу, спички есть и я могу закурить сію нѣкую трубу (куритъ). Вотъ буду-же сражаться съ рокомъ и смѣяться надъ обстоятельствами! Не побѣдить имъ меня! Плевать я хочу на все! Съ завтрашняго дня начну писать громовую статью. Я поражу тебя коварное, неблагодарное общество! Ты не видишь, что одинъ изъ лучшихъ, талантливѣйшихъ твоихъ членовъ, съ судорогами въ желудкѣ отъ голода, долженъ курить изъ противной бумаги собранные на полу окурки! А за стѣной, за тонкой дверью, какая-нибудь Мавра Ивановна объѣдается просто! Какже не упрекать тебя общество, когда лучшіе твои сыны, какъ я напримѣръ, лишены всего? Порядочному человѣку рѣшительно нельзя жить на свѣтѣ. Только и житья, что торгашамъ, да всякому сброду. Постойте-же я разгромлю васъ (съ величайшею энергіею, ожесточеніемъ и во все горло):

Di quella pira, l'orrendo foco
Tutte le fibre prima d'amarti!
E la spegnetella salvarlo fra poco
Col sangue vostro, трамъ тамъ, тамъ тамъ!

Тамъ, тамъ, тамъ та ри ри ри ри
Тамъ, тамъ, тамъ та ри ри ри ри
Тимъ, тамъ, тимъ та ри ра ра ра
Тимъ, тамъ, та ри ри та ти та татаррита
Madre l'infelice римъ тамъ ра ри ри ри та та
Té-eco almeno corria morir.

Мавра Ивановна (въ дверяхъ). Вѣдь вишь оретъ, безсовѣстный право! Что вы опять на всю улицу раскричались? что дерешь глотку?

Григорій Ивановичъ. Что тебѣ, ископаемая старушенція, древній папирусъ, надобно?

Мавра Ивановна. Чего вы опять орете на весь домъ!

Григорій Ивановичъ. А тебѣ что? Вѣдь я тебѣ не мѣшаю чавкать на всю улицу, такъ ты мнѣ не мѣшай пѣть!

Мавра Ивановна. Пѣть, пожалуй пой, только не ори же во всю глотку!

Григорій Ивановичъ (трагически):

Стремись отселѣ прочь,
Презрѣнная.... старуха!

Ты отупѣла, ослабѣла и потому ничего не понимаешь. Ты слушай, я тебѣ буду читать эстетику.

Мавра Ивановна. Полно зубы-то скалить, вѣдь дѣло говорятъ! У меня жить никто не хочетъ, всѣ хотятъ выѣхать, говорятъ—невозможно жить: уши всѣ прокричалъ, голову разломило!

Григорій Ивановичъ. И они отупѣли! Ну пусть выѣзжаютъ съ Богомъ!

Мавра Ивановна. А чѣмъ я буду жить-то? за пустыя то квартиры ты заплатишь что-ли?

Григорій Ивановичъ. Богъ тебѣ заплатитъ за все, старушенція, египетская мумія! Ты лучше скажи какъ это

ты умѣешь чавкать такъ громко? и еще сознайся, по чистой совѣсти, неужели тебѣ не надоѣстъ по цѣлымъ днямъ ѣсть?

Мавра Ивановна. Твое что-ли ѣмъ? Самъ не бось сидишь такъ! Да ты слушай, что я-то говорю.

Григорій Ивановичъ. Постой! ты говоришь о пустякахъ, а я забочусь о спасеніи души твоей! Вѣдь ты служишь мамону, чреву твоему ненасытному, жрешь цѣлый день! это и грѣшно и вредно твоимъ старымъ зубамъ, окаянная старуха!

Мавра Ивановна. Не твоя забота! Ты вотъ не ори лучше, нежели заботиться объ душѣ моей да лаяться окаянною! Самъ ты окаянный! Въ тебя видно лукавый вселился, всѣ бѣгутъ отъ тебя какъ отъ нечистаго! Вонъ съ сосѣдней квартиры жаловались домовому хозяину!

Григорій Ивановичъ. Теперь пусть пожалуются пускай лѣшему!

Мавра Ивановна (сердясь). О! да какой-же онъ! Вѣдь дѣло говорятъ, а ему все-бы зубы скалить! Дворникъ вонъ приходилъ, говоритъ: Павелъ Игнатьевичъ приказали сказать, что или чтобы у тебя было смирно, или выѣзжай!

Григорій Ивановичъ. А ты ему скажи, чтобы онъ самъ выѣзжалъ, или пришелъ-бы сюда послушать: вѣдь я пою какъ Тамберликъ! понимаешь-ли? адская ты мумія, ископаемая какъ Тамберликъ! Ты ничего не понимаешь, ты слушай только что за нота (кричитъ ей на ухо):

Te-eco almeno corria morir!

Мавра Ивановна (затыкаетъ уши и говоритъ съ бѣшенствомъ). Чтожъ ты въ самомъ дѣлѣ, ошеломѣлъ что-ли! Что тебѣ молоденькая дѣвчонка досталась! Безсовѣстный! Я не намѣрена терять изъ-за тебя жильцовъ, не хочу, чтобъ изъ-за твоей глотки меня выгнали изъ дому. Я здѣсь пятнадцать лѣтъ живу! Выѣзжай-ка самъ! Вотъ что!.... Я не намѣрена тебя больше держать!

Григорій Ивановичъ. Не выѣду!

Мавра Ивановна (съ бѣшенствомъ). Такъ я за квартальнымъ схожу! Вишь баринъ какой! не выѣду! какъ-же! Посмотримъ! Не такихъ еще спроваживаютъ! Не выѣду! Чтожъ мнѣ изъ-за тебя квартеру, да жильцовъ терять! Вонъ съ тебя за комнату никакъ не получишь! Другіе впередъ принесутъ, а за тобой за полтора мѣсяца! Право безсовѣстные твои глаза. Вишь ты, не выѣду! Вотъ окаянный-то навязался за грѣхи мои тяжкіе....

Григорій Ивановичъ. За то, что ты жрешь цѣлый день и чавкаешь на весь кварталъ!

Мавра Ивановна. А самъ не бось не жрешь? Жру да не твое! А ты мнѣ очисть квартиру! Мнѣ изъ-за тебя не выѣзжать, я здѣсь пятнадцать лѣтъ живу! Вотъ что!

Григорій Ивановичъ. Довольно! пора ужъ и въ могилу!

Мавра Ивановна (въ неистовствѣ). Самъ околѣвай! Что другимъ-то желаешь! Прежде меня окапутишься! Вотъ наказаніе божеское! Да ты что въ самомъ-дѣлѣ! Я тебѣ ругаться надъ собой не позволю! Что я тебѣ досталась! Мнѣ не зачѣмъ еще умирать. Я, слава Богу, никому жить не мѣшаю! Это вотъ ты окаянный, вдовъ и сиротъ обижаешь, денегъ не платишь, жильцовъ разгоняешь, да еще бунтъ заводишь!

Григорій Ивановичъ. Маврена! другъ мой! прелестная, восхитительная, затхлая Маврена! Не сердись! Не гнѣвайся! Не раздирай моей души, не терзай моего сердца. Я люблю тебя, Маврена, успокойся, я тебя обожаю, слышишь-ли.

Io t'amo, t'amo, t'amo! *)

Мавра Ивановна. Хоть говори, хоть нѣтъ! Все какъ къ стѣнѣ горохъ! Точно полоумный!

---

*) Я люблю, люблю, люблю тебя!

Григорій Ивановичъ (хватаетъ ее и таскаетъ по комнатѣ). Потанцуемъ, старушенція! (напѣваетъ вальсъ).

Мавра Ивановна. Постой! ой батюшки!... замучилъ... окаянный?... согрѣшила я съ тобою, грѣшная!... ну довольно!... Батюшки, душу всю вытрясъ! .. ай умру! умру!

Григорій Ивановичъ. Маврена! милая Маврена, жизнь моя!

Мавра Ивановна. Батюшка! пусти Христа ради! Умираю!... Ой! голова закружилась! .. Смерть моя.... Да пусти-же, говорятъ!... Точно медвѣдь! (Вырывается изъ рукъ, отходитъ, шатаясь, къ дверямъ и хватается за притолку). Силъ нѣтъ! Закружилась голова! Охъ! охъ! замучилъ, окаянный! Точно дѣвчонку вертитъ! Охъ, охъ, охъ! Тьфу ты безсовѣстный, разбойникъ! (уходитъ ворча).

Григорій Ивановичъ. Стремись отселѣ прочь! Изыди окаянная грѣшница во тьму кромѣшную! Вотъ еще новое удовольствіе! Изъ квартиры выѣзжай! Этого еще недоставало. Не смѣй пѣть! А я живу пѣніемъ! Чортъ знаетъ! Это оттого, что денегъ нѣтъ! Дано-же вѣдь другимъ богатство, а они и прожить-то его не умѣютъ! Рѣшительно не умѣютъ! Для этого надобно имѣть особенное умѣніе, особенныя способности. Дали-бы мнѣ состояніе, я его превосходно прожилъ-бы! Мнѣ кажется я могъ-бы читать публичныя лекціи о проживаніи денегъ самымъ легкимъ, пріятнымъ и незамѣтнымъ образомъ.... Чортъ возьми, я готовъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно, лишь-бы достать денегъ, разумѣется не работая, какъ каторжный, и не собирая по грошамъ. Вѣдь другимъ-же дано съ излишкомъ, наконецъ если не дано въ настоящемъ, такъ предвидится въ будущемъ, какой-нибудь холостякъ-дядюшка, старый какъ хрѣнъ и богатый какъ жидъ, или если не дядюшка, то по-крайней-мѣрѣ тетушка, бабушка или какой-нибудь родственникъ, лѣшій, домовой, дьяволъ! А у меня никого и ничего рѣшительно нѣтъ. Всѣ мнѣ чужды и я имъ чуждъ.

Я ненавижу родъ людской
Вездѣ развратъ и преступленье!
Пусть дождикъ льется проливной,
Пусть всѣхъ потопитъ наводненье.

Однако-же надобно подумать что дѣлать! Ѣсть-то вѣдь все-таки надобно! Эхъ какъ скверно созданъ человѣкъ!— непремѣнно долженъ ѣсть не только ежедневно, но и въ день-то еще нѣсколько разъ! Просто хоть плачь! Подлецъ-желудокъ совсѣмъ разоряетъ! Не лучше-ли было-бы еслибъ въ немъ хоть спереди отворялась дверца? Теперь жуй пищу, глотай!—все это долго, хлопотливо, трудно, неопрятно и непріятно, а тогда, то-ли дѣло, отворилъ дверцу, положилъ запасъ на день, закрылъ опять и дѣло съ концомъ. Было-бы скоро, удобно, опрятно и главное—дешево. Вотъ у меня теперь нѣтъ денегъ и я хоть умирай съ голоду, а тогда взялъ-бы какую-нибудь свою статью, свернулъ, положилъ-бы въ желудокъ, изволь—молъ—наслаждайся! Вѣдь, чтобы утолить желудокъ, тратятся огромныя деньги, дѣлаются подлости! Вообще, если-бы на свѣтѣ не было желудковъ и женщинъ, такъ не было-бы и подлостей! ей Богу право! Это два бича человѣческаго рода.

О женщины!—отродье крокодила!
О женщины!—ничтожество вамъ имя!

Ни одна меня не подарила своею любовью! А какіе-бы я тогда стихи написалъ. Зачитались-бы просто!... Каменносердые редакторы, почти постоянно отвергающіе мои произведенія, пришли-бы въ восторгъ и умилились сердцемъ, схватили-бы ихъ съ превеликою жадностью и алчностью. Тогда-бы я спросилъ уже по червонному за строчку! Правды рѣшительно нѣтъ на землѣ! Итальянецъ поетъ только вечеромъ, и ему за то платятъ Богъ вѣсть какія деньги, а я пою и вечеромъ, и утромъ, и днемъ, и ночью и что-же? не-

благодарные не только не платятъ мнѣ денегъ, но еще хотятъ выгнать съ квартиры.... Но что-же мнѣ дѣлать? Сегодня поститься, сидѣть голодному, положимъ полезно для здоровья и для спасенія души... Но завтра.... завтра голодъ совершенно излишняя вещь.... А еще мнѣ на голодный-то желудокъ отправляться надобно гранить мостовую нельзя-же показать хозяйкѣ, что я сижу по цѣлымъ днямъ не ѣвши! Я всегда въ часъ обѣда выхожу прогуливаться по Петербургу, и это просто разбой! На каждомъ шагу или тычутъ тебя въ носъ съѣстнымъ, точно будто знаютъ, что сидѣлъ не ѣвши, или ужъ дразнятъ до невѣроятности, жрутъ, жрутъ на пропалую! Я теперь въ Гостиный дворъ ужъ и не заглядываю! Тамъ это сайки, калачи, пирожки, купцы вѣчно жрущіе! Тьфу, чортъ знаетъ, какъ вспомнишь, такъ всего и поводитъ!... Вотъ жизнь-то каторжная, окаянная! хочешь не хочешь, а иди гулять! А тамъ другое удовольствіе: послѣ двухчасовой прогулки возвратиться съ довольнымъ видомъ, ковыряя въ зубахъ, будто-бы не вѣсть какъ сытъ, объѣлся просто, таскаясь, не зная куда несутъ ноги. Принимай тутъ довольный видъ, когда въ желудкѣ просто революція, животъ подводитъ, тошнитъ отъ голода, ноги подкашиваются, а лице само собою вытягивается въ статую унынія! Что дѣлать, надобно показать хозяйкѣ, что сытъ!... Уууу! какъ подводитъ желудокъ! Ѣсть смертельно хочется!

Мавра Ивановна (пріотворяя дверь) Вамъ письмо!

Григорій Ивановичъ. Ко мнѣ? Маврена! другъ мой, жизнь моя! Маврена изъ Мавренъ, пожалуйте!

Мавра Ивановна. Самоваръ убирать?

Григорій Ивановичъ. Не горячитесь, Маврена! кровь испортится! Я еще не пилъ чаю. Моя Маврена,

Io t'amo! t'amo, t'amo!

Мавра Ивановна. Пошелъ опять! Чѣмъ зубы-то ска-

лить, да глотку драть, лучше-бы чай пилъ, а то другіе жильцы просятъ самовара.

Григорій Ивановичъ. Я того... кололъ сахаръ.... то есть ломалъ! (Мавра Ивановна скрывается). Изыди окаянная! Во чтобы мнѣ перепачкать посуду и отлить воды, чтобы она подумала, что я пилъ чай?.... Чернила? Нѣтъ не годятся! Ахъ да, письмо-то Откого-бы это? и пахнетъ такъ хорошо! (нюхаетъ). Отлично пахнетъ! О чемъ это мнѣ пишутъ? Ужъ не проситъ-ли у меня кто-нибудь взаймы денегъ? Посмотримъ (распечатываетъ письмо и читаетъ):

«Mon cher et adorable
Gregoire!»

Это что еще такое?! «*Какъ не грѣхъ, жестокій*,—вотъ какъ! *жестокій, забыть такъ надолго любящую тебя Мари!* Какая это Мари? Хоть убей, не знаю! *Эти дни казались для меня вѣчностью!* и для меня тоже! *Я не видала тебя!* А я эти дни не ѣлъ!.... *А я безъ тебя, ты знаешь, жить не могу.* Точь-въ-точь какъ я безъ пищи. Впрочемъ посланіе довольно трогательное! Гдѣ-же и когда она меня видѣла прежде, хоть убей не знаю! *Негодный*, вотъ-те и разъ! ругается! *За что и зачѣмъ я такъ тебя люблю!* Ааа! милые бранятся только тѣшатся! *Мало люблю, обожаю!* Вотъ какъ! знай нашихъ! Ооо! какой я счастливецъ! и я, и я тебя люблю, прелестнѣйшая маска. *Сегодня я жду тебя отъ 11 до 12 въ Магазинѣ русскихъ издѣлій. Твоя до гроба Marie*». Опять Мари и больше ничего! Дѣлать нечего, надобно отправиться; наконецъ-таки хоть одна христіанская душа откликнулась на вопль моего сердца, пламеннаго какъ огонь и пылающаго какъ пламя. Побѣда, чортъ возьми! Ура, ура, ура! (Мавра Ивановна въ испугѣ показывается въ дверяхъ).

Мавра Ивановна. Что нужно? что случилось?

Григорій Ивановичъ. Ничего, прекраснѣйшая изъ

старушенцій и старѣйшая изъ старѣйшихъ, добрѣйшая изъ добрѣйшихъ Маврена. Я предаюсь своей радости. Понимаете-ли вы: побѣда! Такъ я предаюсь своей радости, драгоцѣнная мумія.

Мавра Ивановна. Ну славу Богу! Вѣрно деньги получилъ! (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Только со мною могутъ случаться подобныя вещи! Вѣдь это изъ рукъ вонъ! Свиданіе на голодный желудокъ, любезности и любовь натощакъ. Это, чортъ возьми, не совсѣмъ пріятный кусокъ, хотя и очень оригинальный. Развѣ вотъ какъ устроить: зайти къ Титову, въ это время онъ всегда завтракаетъ и вѣрно предложитъ какъ вчера. О, Талейранъ, великій, геніальный человѣкъ! Онъ сказалъ правду, что языкъ человѣку данъ для того, чтобы скрывать свои мысли. Напримѣръ вчера: въ желудкѣ колотье, голодъ терзаетъ просто, ходилъ я, ходилъ по Гостиному двору, дай, думаю, зайду къ Титову, а онъ въ это время садится за столъ и предлагаетъ мнѣ. Чего-бы, кажется, лучше! Нѣтъ, мой поганый языкъ ни съ того ни съ сего брякнулъ: благодарю, дескать, я сейчасъ пообѣдалъ только! Не вѣсть какъ сытъ! И что онъ смололъ, окаянный, и какъ я за нимъ не усмотрѣлъ, чортъ знаетъ! Я его хотѣлъ тутъ-же откусить и съѣсть каналью! Ну да это все суета суетъ, а вотъ любовь меня призываетъ такъ сказать, (поетъ):

Кровь сердце бьется
Мы огнемъ горимъ!
Любовь—блаженство,
Мы любви хотимъ!
Въ очахъ-же....

А какія у ней очи? Гмъ.... Мари, ну такъ вѣрно голубыя! Всѣ Мари всегда ходятъ съ голубыми глазами, бархатными, томными, нѣжными, покорными!

Какъ небо глубокими.
Какъ солнце огнистыми,
Какъ кристаллъ чистыми....

Только вотъ что, кажется, нехорошо: мѣсто свиданія. Отчего непремѣнно въ Русскомъ магазинѣ, а не въ другомъ мѣстѣ? Ээээ! Мари-то должна быть выжига! больше ничего! Она знаетъ, что любовь надо подогрѣвать и что маленькіе подарки поддерживаютъ огромную дружбу, вотъ и приглашаетъ въ Русскій магазинъ. Придешь, только-что начнешь воспламеняться, пылать, таять и объяснять сердечныя чувства, а ей и пошло нравитьсято то, то другое. Ей выписываешь свою страсть, а она въ отвѣтъ: «Ахъ посмотри какъ мило! восхитительно! обворожительно!» и твердитъ это до-тѣхъ-поръ, пока не купишь и не положишь къ ея ногамъ вмѣстѣ съ сердцемъ. Впрочемъ нѣтъ, подарокъ въ ручки, а только сердце къ ногамъ. Ну сердце-то я готовъ приносить въ жертву сколько угодно, а насчетъ другаго совершенный пасъ, въ карманѣ вѣтеръ прогуливать себя изволитъ! Впрочемъ, чего задумываться! куда ни шла! Пойду. Начнетъ слишкомъ ужъ приставать насчетъ подарка, я тотчасъ схвачусь за карманы, потомъ щелкну однимъ кулакомъ въ лобъ, другимъ хвачу въ грудь, и пошелъ писать, голосомъ выражающимъ отчаяніе, что дескать любовь одолѣла и я забылъ деньги, да и время-ли думать о презрѣнномъ металлѣ, когда любовь призываетъ къ восторгамъ. Можно прибавить: «Но! теперь страдаю, ибо не въ состояніи удовлетворить желанія царицы моего сердца». Прекрасно: и трогательно, и правдоподобно, и дешево, и удобно! Чортъ возьми, съ завтрашняго-же дня сажусь писать наставленіе о томъ, какъ подобаетъ бѣднякамъ необѣдавшимъ цѣлую недѣлю, ходить натощакъ на любовныя свиданія. Книга будетъ поучительная и весьма полезная ... (поетъ):

La mia letizia infondere
Vorrei nel suo belle co o-o-o-ore.

Тари ри ри ри, талай румъ
Delmio beato amore.

Не пойти-ли мнѣ въ оперу пѣть?—Отчего мнѣ все поется, сытъ-ли я или голоденъ? Только когда я сытъ, я пою веселое, бравурное, ну а натощакъ затянешь поневолѣ меланхолію. Значитъ, ко мнѣ нейдетъ стихъ Крылова: *И кому на умъ пойдетъ, на желудокъ пѣть голодный!* Да я и во многомъ суть такъ-сказать исключеніе изъ общаго правила. Пора-бы однако-же и снарядиться въ путь. Только тутъ опять заковычка! Чтó-бы мнѣ надѣть изъ моего незатѣйливаго гардероба? Это задача, чортъ возьми, да еще какая! Еще верхнее платье туда-сюда, но нижнее, то есть мои «невыразимые» просто никуда негодятся, невыразимо плохи! Дураки портные, право, ослы, не съумѣютъ выдумать платья, которое-бы равно годилось надѣвать и на руки и на ноги!

Мавра Ивановна (въ дверяхъ). Вамъ еще письмо! (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Экъ какъ они сегодня расписались! Хорошо еще, что на городской почтѣ нѣтъ положенія платить получающему, ну такъ, благодаря благодѣтельному начальству, письмо получать и пріятно, и неразорительно! Посмотримъ что такое:

«Милостивый государь
Григорій Ивановичъ!

Зная, какъ въ настоящее время вы нуждаетесь въ деньгахъ. Еще какъ нуждаюсь! *я спѣшу васъ увѣдомить, что досталъ для васъ....* что это! *тысячу рублей!* О! благодѣтельная душа! Да что-же это? Откуда сегодня такое счастіе! Чортъ возьми! не сонъ-ли это? не призракъ-ли! Глаза мои! не обманываете-ли вы меня? Нѣтъ! тысячу рублей! *Вамъ вѣроятно будетъ довольно на первое время.* Разумѣется! Еще какъ довольно! Вотъ поживу-то! Сошью себѣ «невыразимые», да

еще не одни, а паръ пять, или лучше семь, на каждый день недѣли свой нарядъ! Упьюсь жизнью, чортъ возьми! попирую, попраздную въ волю! Что тутъ еще? *Остальныя двѣ тысячи черезъ нѣсколько дней.* Еще двѣ тысячи! Господи, Боже мой! Да что-же это такое? Что за благополучіе! Еще двѣ тысячи! Ооооо! поживемъ! *Впрочемъ посылаю къ вамъ капиталиста, чтобы вы сами могли переговорить объ условіяхъ, онъ у васъ будетъ въ 12 часовъ.*

Готовый къ услугамъ
вашъ
Андрей Ивановъ».

О достойнѣйшій, превосходнѣйшій изъ человѣковъ! дай облобызать священное имя твое. Уууу! бррръ! какъ хорошо! Я удивительно хорошо чувствую себя сегодня, даже забылъ о невольной діэтѣ...! Чудный человѣкъ! только почему онъ узналъ, что я въ критическихъ обстоятельствахъ? Чортъ возьми, не знаю! Я, кажется, никому не говорилъ; да и говорить-то было не кому. Угадать тоже нельзя было, я кажется, всегда ходилъ сытымъ господиномъ и натощакъ ковырялъ въ зубахъ очень прилежно, чуть не до крови, такъ что встрѣчавшіеся невольно думали: экій обжора, должно быть цѣлаго вола проглотилъ! Никакъ нельзя было узнать, а онъ все-таки узналъ, должно быть проклятые «невыразимые» выдали, или, быть-можетъ, онъ слѣдилъ за мною. Слѣдовательно я какъ ни-на-есть выдвигаюсь изъ толпы, во мнѣ есть что-нибудь такое геніальное. Чортъ возьми, точно въ сказкѣ! Завтра-же начну романъ въ шести частяхъ и въ двѣнадцати томахъ!

Трамъ,-тамъ,–тамъ,-та,-та,–та,-та,-ти
Три-та-ту–ты–дри–дри-дри
Турру-турру–турръ.ту-ту.

Да ужъ не во снѣ-ли я вижу все это? Ну а какъ это сонъ? страшно и проснуться. А надобно удостовѣриться! (щиплетъ себя). Нѣтъ, кажется не сплю! (кричитъ). Ай ай, ай, ай, ай! Караулъ! Караулъ!

Мавра Ивановна (прибѣгаетъ въ испугѣ). Что такое? батюшки мои! отцы родные! Господи, Боже мой! что такое? что случилось? согрѣшила я грѣшная!

Григорій Ивановичъ. Ничего, допотопная, сѣдовласая Маврена! Все благополучно!

Мавра Ивановна (въ бѣшенствѣ). Такъ чтожъ ты въ самомъ дѣлѣ разбой поднимаешь, перепугалъ смерть!...

Григорій Ивановичъ. Молчи, несчастная, злокачественная старушенція! полусгнившая мумія, очаровательная, чудная, обожаемая Маврена! молчи, другъ мой! Любовь моя! Нѣтъ! стой! говорю: сплю я или нѣтъ?

Мавра Ивановна. Какой спишь! чего глотку-то разинулъ! Другъ твой! какже! что въ самомъ дѣлѣ бунтъ-то затѣваешь!

Григорій Ивановичъ. Такъ ты увѣрена, что я не сплю! А ты-то, ты, не во снѣ мнѣ явилась? Ты не призракъ? не привидѣніе! Ну ладно. Теперь можешь исчезнуть, яко исчезаетъ дымъ!

Мавра Ивановна. Да что я нечистый, что-ли? что ты молитвой-то отчитываешь-то? въ самого вселился врагъ лукавый! Безсовѣстный! Разбойникъ, право разбойникъ! Постой-же, я тебѣ покажу дружбу и любовь! ты думаешь на тебя и управы нѣтъ. Скрутятъ разбойника (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Изыди, изыди, окаянная, оглашенная! (поетъ):

Трала-ла-ла–ла–ла
Трала–ла-ла-ла-ла
Тара,-рара-ра!
Тари-ра-ра
Тати–тати.

Наша взяла, чортъ возьми! и любовь, и деньги! прелесть просто! только какъ-бы это устроить? вотъ задача-то! и тамъ и здѣсь въ 12 часовъ. Ахъ ты дьявольщина! Вѣдь это со мною только можетъ быть такая исторія! Хоть разорвись просто! И любовь нельзя упустить, да и деньги тоже! хоть плачь. Кому отдаться? кѣмъ пожертвовать? вотъ вопросы! нарядилъ-бы я въ свою кожу теперь лучшаго дипломата и посмотрѣлъ, что-бы онъ сдѣлалъ. Амуръ или.... фу! какіе глупые были греки! изъ рукъ вонъ! у нихъ не было самаго главнаго бога — бога денегъ! Вотъ-бы его обожали, поклонялись ему и приносили жертвы!... Ну что-же мнѣ дѣлать? любовь или деньги? Нельзя-ли захватить и то и другое! ну жизнь! нечего сказать! вотъ всегда изволитъ давать такіе щелчки! я рѣшительно теряюсь! пусть избираетъ сама судьба (поетъ):

O fortune a ton caprice
Je та-та, та mon destin
Три–та та, та-та propice
Et viens diriger ma main!

Нѣтъ, рѣшительно голодъ не тетка! о! приди скорѣе, дорогой, безцѣнный! въ какомъ-бы ты видѣ ни явился, но только съ деньгами, — я буду обожать тебя! Будь ты хоть гнуснѣйшая гадина, идеалъ ростовщика, страшнѣе чорта, я готовъ буду согласиться на все, даже расцѣловать тебя! Пообѣдаю, а потомъ ужъ насчетъ амура! съ деньгами и любовь какъ-то страстнѣе жарче. А вотъ тутъ какъ животъ подводитъ отъ голода, такъ чувствуешь невольное охлажденіе. Чортъ возьми! владѣлецъ тысячи рублей! знай нашихъ! кажется въ первый разъ отъ сотворенія міра деньги попадаются въ хорошія руки, именно куда слѣдуетъ. Какъ я ихъ отлично проживу! Боже мой, какъ проживу! Пусть всѣ смотрятъ, и дивятся, и учатся какъ слѣдуетъ проживать деньги. Я имъ покажу, неучамъ. На эти деньги я пріобрѣту столько удовольствій, что другому и за сто тысячъ не снилось. Всѣ деньги обращу въ радости и наслажденія! (поетъ):

L'or est une chimère
Sachons nous en servir,
Le vrai bien sur la terre
N'est il pas le plaisir.

Великая истина! вотъ-бы я этихъ, которые трясутся надъ деньгами и копятъ! во-первыхъ это жизнь скотская; во-вторыхъ наклонность низкая, въ-третьихъ привычка подлая; въ-четвертыхъ, значитъ, душа и сердце гадкія; въ-пятыхъ вкусъ испорченный, извращенный; въ-шестыхъ они вредные люди; въ-седьмыхъ.... ну довольно впрочемъ и этого. Это положительно вредные люди для каждаго вообще и для всего государства въ особенности. Они не знаютъ или знать не хотятъ мудраго правила политической экономіи, статистики и государственной экономіи, что цѣнности должны обращаться и мертвые капиталы есть величайшее зло, воровство у своихъ согражданъ. Слѣдовательно кто копитъ деньги, тотъ мѣшаетъ государственному благоденствію, ибо задерживаетъ обмѣнъ и движеніе цѣнностей. Я-бы ихъ судилъ въ двадцать четыре часа за измѣну отечеству и посягательство на его благосостояніе и цѣлость! Вотъ пусть посмотрятъ, какъ надобно обращаться съ деньгами. Чортъ возьми! тысяча въ настоящемъ и двѣ въ будущемъ. (Задумывается). Вѣдь мнѣ-же ихъ не даромъ дадутъ! не подарятъ! Надобно ихъ будетъ отдать! по-моему кто беретъ взаймы, зная, что не отдастъ, или не зная изъ чего отдать — просто крадетъ! это своего рода воровство-мошенничество! Я всегда противъ этихъ господъ и готовъ назвать каждаго въ глаза подлецомъ и воромъ! Нѣтъ! не возьму! откажусь! я не хочу стать въ ихъ число, не хочу измѣнить своимъ убѣжденіямъ. До-сихъ-поръ я могу, смѣло и не краснѣя, посмотрѣть въ глаза каждому, ну а тогда.... Да впрочемъ отчего-же? Если устроиваютъ для меня заемъ, значитъ знаютъ, что мнѣ трудно выплатить скоро и разомъ, во-вторыхъ вѣрно видятъ источники доходовъ для меня, которыхъ я самъ не вижу. Напримѣръ развѣ я не могу

работать для журналовъ, для книгопродавцевъ, въ остальное время заниматься еще чѣмъ-нибудь? Чортъ возьми! Нечего и задумываться взять эти деньги и начать трудиться. Съ капиталомъ-то можно вѣдь! рѣшено и подписано! деньги беру и, кутнувши съ недѣльку, сажусь за работу.

Я въ пономарскомъ чинѣ
Весь вѣкъ хожу въ овчинѣ,
По этой-то причинѣ
Мнѣ простительно!

Мавра Иванова (въ дверяхъ, обращаясь въ корридоръ). Вотъ онъ. Вишь глотку деретъ! И вотъ это цѣлый день, точно изъ него жилы тянутъ.

(Входитъ мальчикъ изъ булочной съ огромнымъ кренделемъ въ бумагѣ).

Григорій Ивановичъ. Это что за явленіе? Милая Маврена! Что за новое чудо совершается воочію моихъ?

Мальчикъ. Вотъ-съ, вы, Григорій Иванычъ, Пѣтухъ какъ-то....

Григорій Ивановичъ. Пѣтушковъ! — Я.

Мальчикъ. Да, да, такъ точно Пѣтушковъ.

Григорій Ивановичъ. Ты что это притащилъ за мастодонта? и кому?

Мальчикъ. Вамъ, вотъ значитъ крендель присланъ.

Григорій Ивановичъ. Крендель? это все крендель? такой огромный!

Мальчикъ. Все крендель. Самаго большаго сорту.

Григорій Ивановичъ. А кто прислалъ? (про себя). Никого не знаю. Сегодня рѣшительно день чудесный.

Мальчикъ. Я не знаю-съ. Хозяинъ позвалъ; говоритъ: на, говоритъ, снеси этотъ крендель вотъ сюда въ домъ, спроси, говоритъ, Григорья Ивановича Пѣтушкова, скажи, говоритъ, это имъ на новоселье.

Григорій Ивановичъ. Имъ?... На новоселье?.. Такъ и сказалъ —Григорію Ивановичу Пѣтушкову?

Мальчикъ. Такъ и сказалъ.

Григорій Ивановичъ. Вотъ-то поѣмъ! А отъ кого это?

Мальчикъ. Изъ какой булочной-то? Отъ Вебера.

Григорій Ивановичъ. А кто заказывалъ? Кто деньги заплатилъ? (зажмуривши глаза про себя): а что если за него надобно заплатить!

Мальчикъ. Не могу знать.

Григорій Ивановичъ. Вѣдь за него заплачено?

Мальчикъ. Должно быть заплачено.

Григорій Ивановичъ. Ну хорошо! Кланяйся, любезнѣйшій, господину Веберу и скажи, что я его очень уважаю и благодарю! Онъ препочтенный человѣкъ! (про себя). Чортъ возьми какъ пахнетъ хорошо! Ай да Веберъ! Молодецъ, даромъ, что нѣмецъ. Теперь позавтракаемъ, всего этого мастодонта переселимъ въ желудокъ!

Мальчикъ. Ваше сіятельство, на чаекъ-бы слѣдовало, если будетъ милость ваша. Все бѣгомъ несъ.

Григорій Ивановичъ. На чаекъ?

Мальчикъ. Да-съ!... Ужъ мы, значитъ, такъ старались для вашего сіятельства!

Григорій Ивановичъ (про себя): Проси, братъ, проси! Мозоль себѣ даромъ языкъ! Чорта лысаго найдешь ты у меня. Будь у меня хоть грошъ, я-бы давно самъ на чай просилъ.... (Ему) развѣ ты пьешь чай?

Мальчикъ Какже! Нельзя-же! Кто-же не пьетъ чаю?

Григорій Ивановичъ. Сохрани тебя Богъ пить чай! Это вредно! понимаешь? Я докторъ и говорю тебѣ не пей чаю—вредно!

Мальчикъ. Ничавосъ! Намъ, это значитъ не вредитъ, а даже пользительно. Я за здоровье вашего сіятельства и выпью!

Григорій Ивановичъ. Гмъ! Тебѣ говорятъ: это вредно!... Я вотъ самъ не пью!... и ты чаю не пей! Ну да все равно, зайди ужо, завтра, когда-нибудь, я тебѣ тамъ дамъ гривенникъ, а теперь мелкихъ нѣтъ.

Мальчикъ. Покорнѣйше благодаримъ! Только, значитъ, намъ тоже недосужно отлучаться—хозяинъ не пущаетъ!

Григорій Ивановичъ. Ну чтожъ мнѣ дѣлать! Теперь мелкихъ нѣтъ, понимаешь! Приди когда-нибудь.

Мальчикъ. Покорнѣйше благодаримъ! (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Прощай, прощай, любезный! Изыди окаянный! А-а-а-а! наконецъ-то я услажу свою грѣшную утробу! (Бросается развязывать крендель). На чай! А того не понимаетъ, что я самъ-бы у него взять на чаекъ не постыдился-бы. Экій крендель! прелесть! роскошь! чудо! Такъ самъ въ ротъ и просится! Ну-ка теперь почавкаемъ и мы. (Ѣстъ съ жадностію. Изрѣдка говоритъ, съ туго набитымъ ртомъ). Оживаю!... Превкусно!... Изюмцу подпущено!... Прелесть что такое!... Желудокъ мой успокоивается!... Возмущеніе усмиряется!... Ахъ если-бы къ этому еще стаканчикъ чего-нибудь горяченькаго!

Господинъ пріятной наружности (входя): Здѣсь Григорій Ивановичъ Пѣтуховъ?

Григорій Ивановичъ (едва можетъ говорить съ набитымъ ртомъ). Здѣсь!... я... (про себя). Это вѣрно капиталистъ! Онъ не страшенъ, не гадокъ! Какже это говорятъ, что всѣ денежные люди страшнѣйшія гадины. (Ему) Покорнѣйше прошу садиться.

Господинъ пріятной наружности. Покорнѣйше благодарю (садится). Усталъ я порядочно! Ахъ, вы изволите чай кушать. Извините за мою безцеремонность, я бы у васъ попросилъ стаканчикъ! Въ горлѣ смерть пересохло!

Григорій Ивановичъ (про себя). Вотъ-те и разъ, судьба опять щелчекъ въ носъ! что тутъ дѣлать! (Ему) Сейчасъ, сдѣлайте одолженіе! съ моимъ удовольствіемъ! (про себя)

что тутъ дѣлать? экое проклятое горло! нужно ему было высохнуть! Ужъ лучше-бы онъ страдалъ мокротами.... (ему) Я знаете.... того.... чаю не пью.... траву по совѣту доктора.... а вамъ я сейчасъ распоряжусь.... (про себя) займу чайку у хозяйки, сахаръ пусть проглотитъ послѣдній въ свою алчную утробу! а можетъ быть онъ и откажется! (Ему) Сейчасъ, извините меня на минутку....

Господинъ пріятной наружности. Благодарю васъ! зачѣмъ-же безпокоиться!

Григорій Ивановичъ. Помилуйте, какое безпокойство! (про себя) отказывается! о, да онъ премилый человѣкъ!

Господинъ пріятной наружности. Позвольте мнѣ кусочекъ сахару и стаканъ воды.

Григорій Ивановичъ Сейчасъ! (про себя) Уфъ! гора съ плечь свалилась! гдѣ-же сахаръ? .. кажется въ комодѣ... чортъ возьми! какъ я выдвину ящикъ, когда тамъ пусто какъ по всему комоду искать двухъ сахарныхъ соринокъ! о судьба, судьба! ну куда ни шло! (отодвигаетъ ящикъ) вотъ они, мои послѣдніе! Чтобъ ему обварить себѣ языкъ и губы. (подаетъ ему). Кушайте, сдѣлайте одолженіе.

Господинъ пріятной наружности (кладетъ сахаръ въ стаканъ и наливаетъ изъ самовара воды). Благодарю васъ.

Григорій Ивановичъ (про себя). Разбойникъ! ну что если ему покажется не сладко!

Господинъ пріятной наружности. Я къ вамъ по одному дѣлу.

Григорій Ивановичъ. Да, я знаю.... мнѣ писали.

Господинъ пріятной наружности. Писали? Кто-же могъ къ вамъ писать?

Григорій Ивановичъ. Мнѣ писалъ господинъ Ивановъ.

Господинъ пріятной наружности. Я никакого Иванова не знаю! что-же онъ вамъ писалъ?

Григорій Ивановичъ (про себя). Вотъ-те и разъ,

(Ему) онъ писалъ, что вы будете у меня сегодня въ двѣнадцать часовъ и чтобы я самъ съ вами покончилъ дѣло.

Господинъ пріятной наружности. Странно!... Почему кто могъ знать, что я буду у васъ въ двѣнадцать часовъ!... не понимаю!... кто это Ивановъ?... не тотъ-ли съ кѣмъ я ѣхалъ на машинѣ... да нѣтъ... не можетъ быть!... ну на что-же вы рѣшились?

Григорій Ивановичъ. Я?... я рѣшился на все! (про себя): Экъ его! какую несетъ неоколесную.

Господинъ пріятной наружности (вскочивъ, отрывисто). Какъ на все? Объясните.

Григорій Ивановичъ.. То-есть. Все зависитъ отъ васъ... я согласенъ на всѣ условія...

Господинъ пріятной наружности (садяся). Ну да! я такъ и думалъ, что вы честный и благородный человѣкъ! я всегда былъ въ томъ увѣренъ, что вы кончите какъ слѣдуетъ это дѣло.

Григорій Ивановичъ. Да!... разумѣется! про себя) Экъ ихъ какъ темно выражаются эти денежные люди.

Господинъ пріятной наружности. Ну-съ! значитъ мы можемъ оставаться друзьями!

Григорій Ивановичъ. Помилуйте, для чего-же намъ ссориться! (входитъ мальчикъ съ корзиною).

Мальчикъ. Сюда это, что-ли?

Григорій Ивановичъ (про себя). Новое чудо! (Мальчику) Это что такое, почтеннѣйшій мужъ?

Мальчикъ. Григорій Ивановичъ-то Пѣтуховъ, вы что-ли-ча?

Григорій Ивановичъ. Я, я, я, я! любезнѣйшій другъ! собственною своею персоною.

Мальчикъ. Вотъ вино, что вы изволили купить!

Господинъ пріятной наружности. Кутите вы, Григорій Ивановичъ!

Григорій Ивановичъ (про себя). О-о-о! еще какъ!

Съ мѣсяцъ кажется не обѣдалъ! (ему) Нельзя-же, знаете, изрѣдка! (про себя) Что это, не сходя съ мѣста я началъ дѣлать покупки.

Мальчикъ. Глядите-же тутъ все: три бутылки шампанскаго, двѣ бутылки хересу, двѣ лафиту, двѣ сотерну и бутылка рому.

Григорій Ивановичъ. Хорошо, хорошо! поставь, любезный, вотъ туда въ уголъ, вотъ такъ.

Мальчикъ (поставивъ корзинку). Прощенья просимъ!

Григорій Ивановичъ (про себя). Врешь, не прощенія просишь, а на чаекъ! (ему) Прощай, любезный другъ! я сегодня еще зайду къ вамъ, мнѣ надобно еще кое-чего купить. Тогда я тебѣ дамъ за труды, а теперь мелкихъ нѣтъ.

Мальчикъ. Покорнѣйше благодаримъ! прощайте (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Выпьемте-ка шампанскаго, откупориваетъ бутылку и наливаетъ) Знаете, дѣло какъ-то пріятнѣе и крѣпче, когда его запьешь шампанскимъ...

Господинъ пріятной наружности. За ваше здоровье!

Григорій Ивановичъ! За ваше здоровье, чортъ возьми, славная вещь это шампанское! (про себя) въ особенности когда его долго не пьешъ. (громко) Знаете благородное вино (поетъ):

Прекрасно созданъ Божій свѣтъ,
Мы въ немъ набиты какъ селедки,
Да жаль, что одного въ немъ нѣтъ,
Да жаль что море не изъ водки!
Да жаль, что одного въ немъ нѣтъ,
Да жаль, что море не изъ водки!
Прекрасенъ Петергофскій садъ
Въ немъ нѣтъ конца затѣямъ барскимъ,
Но было-бъ лучше во сто кратъ,
Когда-бъ Сампсонъ забилъ шампанскимъ!
Но было-бъ лучше во сто кратъ,
Когда-бъ Сампсонъ забилъ шапанскимъ!

Господинъ пріятной наружности. Прекрасно! вотъ тогда-бы гуляющихъ-то, гуляющихъ сколько-бы было. Перепились-бы всѣ.

Григорій Ивановичъ. А чтожъ и это не дурно! Я, знаете, люблю пьяныхъ, это—превеселый, и, главное, откровенный народъ (поетъ):

Великъ нашъ бурый океанъ,
Его валовъ сѣдая пѣна,
Вѣкъ не утонетъ тотъ кто пьянъ,
Вѣдь пьянымъ море по-колѣно!
Вѣкъ не утонетъ тотъ, кто пьянъ,
Вѣдь пьянымъ море по-колѣно!
Въ трубу пусть смотритъ астрономъ
И пусть вино онъ ненавидитъ,
Друзья! совѣтую пить ромъ—
Вѣдь пьяный вдвое больше видитъ!
Друзья! совѣтую пить ромъ—
Вѣдь пьяный вдвое больше видитъ!

За ваше здоровье! извините, не имѣю удовольствія знать ни вашего имени ни фамиліи.

Господинъ пріятной наружности. Василій Ѳадѣичъ Пастушковъ! За ваше здоровье! (чокаются и пьютъ).

Григорій Ивановичъ (наливаетъ). Наполните кубки опять.

Господинъ пріятной наружности. Итакъ, значитъ, мы покончили миролюбиво! Вы женитесь? — только знаете, я-бы желалъ, чтобы сватьба состоялась какъ можно скорѣе!

Григорій Ивановичъ (про себя). Это еще что за фантазія! да онъ еще и сватъ! (ему) Отчего же я готовъ съ удовольствіемъ, если за невѣстой хорошее приданое.

Господинъ пріятной наружности. Но вѣдь вы знаете, что она дѣвушка бѣдная!

Григорій Ивановичъ. Кто?

Господинъ пріятной наружности. Какъ кто?— моя кузина!—Наташа!

Григорій Ивановичъ. Очень сожалѣю, что ваша кузина бѣдна! (про себя) Фу, надоѣлъ! и что это онъ несетъ за ахинею! ну капиталисты!

Господинъ пріятной наружности. Къ чему вы это говорите? значитъ вы не думаете жениться?

Григорій Ивановичъ. На комъ? (про себя) нѣтъ ужъ это не отъ денегъ, а такъ просто, рехнулся!

Господинъ пріятной наружности. Какъ на комъ? На моей кузинѣ, на Наташѣ!

Григорій Ивановичъ. Не имѣю ни малѣйшаго желанія!

Господинъ пріятной наружности. И вы это рѣшаетесь говорить? Вспомните, что она на дняхъ будетъ матерью!—Вы должны жениться!

Григорій Ивановичъ. Будетъ матерью?! — Нѣтъ благодарю покорно! Женитесь сами, а я не имѣю ни малѣйшаго аппетита!

Господинъ пріятной наружности. Что?... что?...

Григорій Ивановичъ. Женитесь сами!

Господинъ пріятной наружности (съ сердцемъ). Да чтожъ вы шутите, что-ли?

Григорій Ивановичъ. Нисколько Это вы, кажется, шутите!

Господинъ пріятной наружности. Я себя дурачить не позволю! Вы сейчасъ же соглашались на всѣ условія!

Григорій Ивановичъ. Кто-жъ васъ знаетъ, что вы хотите навязать на шею вашу кузину, да еще безъ приданаго, да еще готовую сдѣлаться матерью! Это все за три тысячи вмѣсто процентовъ! Благодарю покорно! Я и денегъ не хочу.

Господинъ пріятной наружности. Что вы тутъ

несете за галиматью! Вы говорите толкомъ: женитесь-ли вы или нѣтъ!

Григорій Ивановичъ. Нѣтъ!

Господинъ пріятной наружности. Такъ вы не хотите кончить какъ честный человѣкъ?

Григорій Ивановичъ. Вексель я готовъ дать и проценты—ну, а болѣе ничего.

Господинъ пріятной наружности. То есть вы хотите удовлетворить ее деньгами. Но, послушайте, вѣдь это не возстановитъ ея чести!

Григорій Ивановичъ. Да отвяжитесь вы съ нею! Вы говорите дѣло, толкомъ: даете мнѣ три тысячи безъ вашей кузины или нѣтъ?

Господинъ пріятной наружности. Какія три тысячи?

Григорій Ивановичъ. Которыя вы хотѣли мнѣ дать!

Господинъ пріятной наружности. Что вы городите? Но, знаете, вы отъ меня такъ не отдѣлаетесь! Вы обольстили неопытную, невинную дѣвушку и отказываетесь загладить ваше преступленіе!

Григорій Ивановичъ. Я обольститель!... Вотъ-те и разъ! Да сегодня не одни крендели валятся на мою голову! Я, должно быть, лунатикъ: не трогаясь съ мѣста дѣлаю покупки и обольщаю кузинъ!

Господинъ пріятной наружности. И если вы не дадите ей удовлетворенія, я.... я разражу, убью васъ какъ собаку, раздавлю какъ пресмыкающуюся гадину!

Григорій Ивановичъ. Легче дядя! Кузины вашей я и въ глаза во всю жизнь не видалъ! А бить.... ну еще посмотримъ кто кого побьетъ!

Господинъ пріятной наружности (съ бѣшенствомъ). Вы не видали ее? не видали? И вы это смѣете говорить, низкій человѣкъ! Правду мнѣ говорили, что вы спо-

собны на всякую подлость! Ваше запирательство не поможетъ! Я убью васъ, слышите-ли!

Григорій Ивановичъ (сердясь). Ну ужъ это изъ рукъ вонъ! Да что же вы въ самомъ дѣлѣ! Убирайтесь вонъ къ чорту и съ деньгами, и съ кузиною, и со всѣми глупостями!... Я ни васъ, ни вашей кузины въ глаза не видалъ! Понимаете—не зналъ никого, не знаю и знать не хочу!

Господинъ пріятной наружности. Меня вы дѣйствительно не знаете лично и никогда не видали, потому что я жилъ въ Твери, но вѣрно слыхали обо мнѣ отъ Наташи.

Григорій Ивановичъ. Я вамъ еще разъ повторяю, что я не знаю никакой Наташи! Вы за кого меня принимаете?

Господинъ пріятной наружности. Да вѣдь вы Григорій Ивановичъ?

Григорій Ивановичъ. Я-съ!

Господинъ пріятной наружности. Господинъ Пѣтуховъ?

Григорій Ивановичъ. Да-съ, Пѣтушковъ.

Господинъ пріятной наружности. Какъ-съ?

Григорій Ивановичъ. Пѣ-ту-шковъ!

Господинъ пріятной наружности. Пѣтушковъ, а не Пѣтуховъ? Вы не жили на Пескахъ?

Григорій Ивановичъ. Никогда!

Господинъ пріятной наружности. А здѣсь, въ этомъ домѣ, вы давно живете?

Григорій Ивановичъ. Давно уже — скоро годъ будетъ.

Господинъ пріятной наружности. Гмъ! А тотъ вчера, кажется, только переѣхалъ.

Григорій Ивановичъ. Какъ, вы говорите, его зовутъ?

Господинъ пріятной наружности. Григорій Ивановичъ Пѣтуховъ.

Григорій Ивановичъ. И онъ вчера сюда переѣхалъ?

Господинъ пріятной наружности. Да.

Григорій Ивановичъ. Аааа! Такъ вотъ въ чемъ штука-то! Понимаю! Его дворники не знаютъ и посылаютъ ко мнѣ.

Господинъ пріятной наружности. Такъ это ошибка, извините пожалуйста.

Григорій Ивановичъ. А вы-то, вы? Вы не капиталистъ? Вы пришли не съ тѣмъ, чтобы дать мнѣ три тысячи?

Господинъ пріятной наружности. Ха, ха, ха! Помилуйте, какой я капиталистъ! Значитъ мы оба ошибались! Забавно, ей-Богу забавно! До свиданія, извините, что напрасно утруждалъ васъ.

Григорій Ивановичъ. Ничего! Сдѣлайте одолженіе.

Господинъ пріятной наружности. Вотъ случай-то! До свиданія (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. До свиданія!.... Изыди окаянный, оглашенный. Только даромъ сожралъ мой сахаръ, разбойникъ! Чтобъ тебѣ солоно пришлось! Послѣдніе кусочки слопалъ!... Такъ вотъ въ чемъ дѣло: созвучіе именъ, ошибка! Гмъ! Понимаю! А я ужъ думалъ, что это мнѣ съ неба сыплется! Чортъ возьми!... значитъ я сегодня выпилъ и закусилъ на чужой счетъ! (наливаетъ себѣ шампанскаго, пьетъ и говоритъ):

Выпьемъ, братецъ, Ваня,
Съ холоду, да съ горя!
Говорятъ вѣдь пьянымъ
По колѣно море!

Да! слѣдовательно и три тысячи суть призракъ, лишь бредъ!... Это пренепріятная статья!... Скверно!... Конечно

можетъ быть случай, что капиталистъ ни его, ни меня въ глаза не видалъ и не знаетъ, но воспользоваться этимъ и взять деньги будетъ нечестно! Это будетъ воровство-мошенничество, воровство-кража! Да!... А я-то, съ дуру, радовался; вотъ, думалъ себѣ, разговѣюсь-то! Какъ-же! жди!... Тутъ-то и предстоитъ великій постъ. Я остался опять оборванцемъ, чортъ возьми со всѣмъ, нищимъ, голью! Я сегодня окончательно разорился, жестокая судьба ухитрилась украсть у бѣдняка, неимѣющаго переломленнаго гроша, три тысячи рублей! Изъ рукъ вонъ (наливаетъ, пьетъ и поетъ):

О, Витковскій, мой другъ,
Всѣ напасти мнѣ вдругъ!
Когда-бъ вѣдать, да знать-бы
Не ходить-бы на сватьбы,
А сидѣлъ-бы одинъ
Самъ себѣ господинъ.
Все читалъ-бы книжонки,
Да писалъ-бы стишонки,
А что лучше всѣхъ дѣлъ
Все романсы-бы пѣлъ!
А теперь все иначе,
Все такъ гадко тѣмъ паче,
Что влюбленъ я, увы!

Мавра Ивановна (входя). Убирать что-ли самоваръ?

Григорій Ивановичъ. Милая, затхлая Маврена, разрушающаяся богиня души моей! (поетъ, съ нѣжностію обращаясь къ Маврѣ Ивановнѣ и дѣлая выразительныя движенія руками и головой):

Ты душа-ль моя,
Другъ Мавреночка!
Ты звѣзда-ль моя
Ненаглядная!
Ты услышь меня,
По-о-люби меня!
По-о-люби меня
Ра-а-дость дней моихъ.

Сѣдовласая моя богиня! Кумиръ съ изъяномъ!

Мавра Ивановна (съ досадою). Ахъ да отстань, право! Что я тебѣ дѣвчонка досталась, что-ли?—зубы-то скалить. Вонъ вино таскаютъ ящиками, на это деньги есть, а платить за квартиру небось не думаешь, безсовѣстные твои глаза, ей ей!

Григорій Ивановичъ. Заплачу, милѣйшая изъ милѣйшихъ, древнѣйшая изъ древнѣйшихъ, ископаемая Маврена! Теперь я богатъ—твоею любовью (поетъ):

Ужъ какъ взглянешь ты,
Старушенція!
Мнѣ тогда твои
Очи желтые

Куда-же ты Мавренція! (удерживаетъ ее, та вырывается).

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Мнѣ такъ отрадно съ тобой,
Не отходи отъ меня!
Ближе другъ къ другу чѣмъ мы
Ближе нельзя намъ и быть!

Мавра Ивановна (сердясь). О! да какой-же онъ право! Оставь, говорятъ! платье разорвешь! Съ ума сошелъ, ей-ей, точно бѣлены объѣлся! (вырывается).

Григорій Ивановичъ. Изыди, изыди! Vade retro satanas! Гмъ, за квартиру! А чѣмъ заплатить?... Тутъ не только за квартиры платить, ѣсть нечего! Ну сегодня крендель; а завтра что? Чаю нѣтъ! Сахару нѣтъ! Денегъ нѣтъ! Ничего нѣтъ! хоть волкомъ вой! хоть себѣ матушку рѣпку пой!... А можетъ все быть, стоитъ только взять эти три тысячи! Но вѣдь это не честно! Да!... (трагически). Брать? или не брать? — вотъ въ чемъ вопросъ. Что доблестнѣй: сносить-ли голодъ, жажду, трескъ и скрежетъ зубовный Маврены? (живо и своимъ голосомъ): Нѣтъ, благодарю покорно!

Ой, ой, ой! у меня животъ подводитъ при одномъ воспоминіи, старое-же повторить въ лицахъ весьма непривлекательно! А вотъ ее опять разбираетъ, вона! вона! зачавкала! захрустѣла, заскрежетала! Это и на сытый желудокъ нестерпимо слушать, а на голодный, благодарю покорно! (ѣстъ съ жадностью крендель). Вотъ-же сегодня и я ѣлъ, не одна ты, богомерзская старуха! Славный крендель! отличный! Ну такъ что-же? (трагически). Брать? или не брать? — вотъ въ чемъ вопросъ! Что лучше: разъ покривить душой и сытымъ быть, иль изнывать въ постѣ невольномъ, зубами щелкать, когда ѣдятъ другіе, гранить мостовую?... (своимъ голосомъ). Нѣтъ чортъ возьми! Посадилъ-бы я философа-стоика сюда, да не давалъ-бы ему недѣлю ѣсть, а тутъ Маврена пускай хруститъ своими старыми зубами! Посмотрѣлъ-бы я, что-бы онъ запѣлъ тогда!... Впрочемъ, что-же я несу! Это съ сытаго желудка на меня затемнѣніе нашло! Я объѣлся просто! Вотъ значитъ привычка имѣть пустой желудокъ!—только-что положишь въ него, разбойника, что-нибудь такое,—сейчасъ и пошелъ городить дичь! Поэтому свѣтлые умы должны всегда ходить натощакъ! — Какое я нашелъ тутъ воровство? Что-же тутъ дурнаго, что я возьму деньги въ займы? Вѣдь я ихъ не украду, а возьму взаймы, буду платить проценты, выдамъ вексель и потомъ заплачу весь капиталъ въ срокъ! Буду работать, наконецъ съ капиталомъ пущусь въ коммерцію, открою лавку или что-нибудь тамъ устрою. Вѣдь не дуракъ-же я, чтобы не найтися, что дѣлать съ 3-мя тысячами. Кто откажется отъ этого? Чтобы занять деньги—для этого можно употребить хитрость, лишь-бы честно раздѣлаться!... Рѣшено! беру! Надоѣло голодать и шляться оборванцемъ! Да я-бы былъ оселъ, болванъ, глупецъ, когда-бы не взялъ этихъ денегъ! (наливаетъ шампанское, пьетъ и поетъ):

Законъ, законъ,
Законъ себѣ поставимъ

Для ра, для ра
Для радости пожить!
Другимъ, другимъ,
Другимъ мы предоставимъ,
Заботы, боты
Боты, боты и труды!

Ха, ха, ха! Какая дичь! Ну, господа переводчики! Нечего сказать волхвы! Отчего-бы не перевести буквально (поетъ):

Нальемъ, нальемъ,
Нальемъ, друзья, полнѣе,
Нальемъ, нальемъ,
Нальемъ кипящаго вина!

Камлотовая шинель (появляясь въ дверяхъ). Григорій Ивановичъ?

Григорій Ивановичъ. Я-съ, къ вашимъ услугамъ! (про себя) Опять! Явленіе первое, дѣйствіе второе! Фу какая мерзость! Ну харя! преотвратительная! Ну, это капиталистъ!

Камлотовая шинель. Мнѣ нужно къ вамъ, господинъ, по одному дѣлу!

Григорій Ивановичъ. Вы отъ Иванова?

Камлотовая шинель. Да отъ Андрея Дмитрича.

Григорій Ивановичъ. Очень радъ! Прошу покорно садиться! Не угодно-ли шампанскаго! (про себя) Слава Богу, некупленное!

(Вынимаетъ вторую бутылку, раскупориваетъ и наливаетъ).

Камлотовая шинель. Благодарю, господинъ, зачѣмъ безпокоиться!

Григорій Ивановичъ. За шампанскимъ, знаете, какъ-то лучше толковать о дѣлѣ!

Камлотовая шинель. Покорно васъ благодарю! За ваше здоровье, господинъ!

Григорій Ивановичъ. И за ваше здоровье! Позвольте узнать ваше имя.

Камлотовая шинель. Карлъ Фалькъ.

Григорій Ивановичъ. Такъ за ваше здоровье, герръ Фалькъ! Ну, что скажете хорошенькаго?

Камлотовая шинель. Денегъ достать трудно, ужасно трудно, господинъ! Безъ залога никто не даетъ нынче!

Григорій Ивановичъ. А вы отдайте имъ въ залогъ мою душу!

Камлотовая шинель. Нѣтъ, они все хотятъ золота, да серебра! Повѣрьте, господинъ, цѣлую недѣлю бѣгалъ, едва нашелъ у одного, теперь даетъ тысячу, потомъ еще двѣ черезъ день или черезъ два.

Ггигоıiй Ивановичъ. А вы сами не капиталистъ?

Камлотовая шинель. Какой я капиталистъ! Я хлопочу только, достаю, знаю капиталистовъ. Подъ залогъ могу вамъ достать хоть полтораста тысячъ. А безъ залога никто не даетъ рѣшительно! Едва, едва досталъ! Пять процентовъ въ мѣсяцъ господинъ!

Григорій Ивановичъ. Ухъ! это много! Вѣдь это шестьдесятъ въ годъ! Да это просто грабежъ!

Камлотовая шинель. Ну какъ знаете, господинъ, Я и то насилу выторговалъ? Ей Богу! Говорятъ мы подъ залогъ вещей достанемъ эти проценты и еще побольше! А тутъ безъ залога на заемное письмо! А тамъ возись! Сами вы, господинъ, подумайте! Мнѣ было-бы пріятнѣе достать на меньшіе проценты, да нельзя!

Григорій Ивановичъ. Ну хорошо, положимъ!

Камлотовая шинель. Вамъ вѣдь на годъ?

Григорій Ивановичъ. Да. Если можно, то на два.

Камлотовая шинель. Ну это можно послѣ отсрочить. Такъ значитъ заемное письмо на тысячу рублей, да шестьсотъ процентовъ, тысяча шестьсотъ! да на шестьсотъ проценты....

Григорій Ивановичъ. Какъ и на проценты проценты?

Камлотовая шинель. А какъ же господинъ? Вы подумайте сами, вѣдь вы знаете, что проценты берутся впередъ, значитъ вамъ-бы пришлось получить четыреста, а тутъ вы получаете тысячу, значитъ берете еще шестьсотъ, то есть всего тысячу шестьсотъ и на всю сумму проценты. Ужъ это дѣло извѣстное, господинъ; за всегда такъ дѣлается!

Григорій Ивановичъ. Ловко! Да вы молодцы! Проценты впередъ кажется тоже самое, а выходитъ вмѣсто шестидесяти процентовъ въ годъ — полтораста, хорошо!

Камлотовая шинель. Значитъ заемное письмо въ тысячу девятьсотъ шестьдесятъ рублей. Да еще приписывается неустоечки тысяча, итого двѣ тысячи девятьсотъ шестьдесятъ; неустоечка тогда, если вы, господинъ, не заплатите въ срокъ. А заплатите въ срокъ, такъ неустойки ненужно, не возьмутъ, всего только тысячу девятьсотъ шестьдесятъ рублей!

Григорій Ивановичъ. Прекрасно! Это по вашему пять процентовъ въ мѣсяцъ. Впрочемъ все выгоднѣе, нежели проценты впередъ: четыреста получить, и заплатить тысячу.

Камлотовая шинель. Ну какъ вы, господинъ, скажете? Согласны или нѣтъ?

Григорій Ивановичъ. Хорошо! Согласенъ.

Камлотовая шинель. Повѣрьте совѣсти, нигдѣ меньше не найдете! Ну, а мнѣ, господинъ, за труды сколько положите?

Григорій Ивановичъ. Вамъ? сколько-же вамъ?

Камлотовая шинель. Андрей Дмитричъ знаютъ, я цѣлую недѣлю бѣгалъ! Вотъ и теперь вамъ не нужно хлопотать, я сейчасъ побѣгу къ маклеру, напишемъ заемное письмо и привеземъ сюда, съ книгою. Вы подпишете и получите деньги здѣсь безъ хлопотъ. Я самъ поѣду къ Андрею

Дмитричу, чтобы они подписали поручительство. Вы будете безъ всякихъ хлопотъ. За все за это сто рублей; ей Богу, не много, господинъ! Я для васъ еще постараюсь, достану двѣ тысячи. Вы знаете какія теперь времена! Я бѣдный человѣкъ, у меня семейство, кушать надобно! Что дѣлать-то!

Григорій Ивановичъ. Ну хорошо, хорошо! Только поскорѣе, поторопитесь!

Камлотовая шинель. Сейчасъ бѣгу! До свиданья, господинъ, я сію минуточку!

Григорій Ивановичъ. Браво, браво, Донъ-Пасквале! браво, браво! Дѣло обдѣлано! Фу какіе они жиды и подлецы. Рвать проценты такіе, пользуясь нуждою ближняго, Это грабежъ! Вотъ подлость-то! Вотъ низость! И ихъ не преслѣдуютъ, не вѣшаютъ! Разбойники! Піявки общества! Каины! Вотъ болячка-то нашего вѣка! Подлецы! Мерзавцы! Они заслуживаютъ строжайшаго и примѣрнаго наказанія! Дуракъ я буду, если ему отдамъ хоть грошъ! Не стоитъ онъ! Кто хочетъ много, тотъ ничего не получитъ! Вотъ ихъ всѣхъ надобно такъ наказывать! Не отдамъ, ни за что не отдамъ. Стоитъ-ли биться, пріобрѣтать, чтобы заплатить такіе жидовскіе проценты этому мерзавцу, обогатить такого негодяя! Пусть взыскиваетъ! — съ меня взятки гладки! Плевать: — ну пусть садитъ въ тюрьму! — Къ тому времени я буду уже безъ гроша, такъ казенная квартира, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, со столомъ и съ прислугой будутъ совершенно кстати! Рѣшено! Начхать ему на голову! ни шиша не получитъ! Ну развернись теперь, Григорій Ивановичъ! (поетъ):

Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетитъ,
И все въ поднебесной
Измѣной грозитъ!
Лети стрѣлой

Нашъ вѣкъ младой,
Какъ сладкій сонъ
Минуетъ онъ!
Лови, лови
Часы любви,
Пока огонь
Горитъ въ крови!
Лови, лови
Часы любви,
Пока огонь
Горитъ въ крови!

Дай только денежки, тогда лови и меня! Вишь борзый какой! Двѣ тысячи девятьсотъ шестьдесятъ! Держи карманъ! получишь шишъ горѣлый. А ужь покучу, попразднуюе — въ волю. Что-же въ самомъ дѣлѣ всѣ живутъ, всѣ устроились и наслаждаются жизнью кромѣ меня! Даже какая-нибудь Мавра Ивановна и та обжирается на старости лѣтъ! за что же мнѣ вѣчно голодать? Благодарю покорно! Я жить хочу!

Мнѣ душно здѣсь! Я въ лѣсъ хочу!

То есть ни въ лѣсъ, а во всѣ мѣста, гдѣ ожидаютъ наслажденія: вино, столъ и женщины. Въ особенности женщины! (поетъ):

La donna e mobile...
Трамъ-тимъ тамъ та-ри-ри
Тримъ-тимъ тимъ та-ри-ри
Трамъ-тамъ-тамъ та-ра-ра!

Да, женщины—это вѣнецъ наслажденія; я началъ писать на этотъ счетъ нѣчто въ родѣ оды, между прочимъ говорю:

Природа ихъ для упоенья,
Для сладострастья родила,
И намъ ихъ въ жертву наслажденья
Отъ колыбели принесла!

(Камлотовая шинель и письмоводитель маклера съ книгою).

Камлотовая шинель. Вотъ и мы, господинъ!

Григорій Ивановичъ. Ну что? готово?

Камлотовая шинель. Готово! Извольте подписать.

Григорій Ивановичъ И прекрасно! давайте!

Камлотовая шинель. Вексель написанъ на мое имя, а ужъ я отвѣчаю передъ капиталистомъ.

Григорій Ивановичъ (подписываетъ) Готово!

Письмоводитель (подавая книгу). Извольте расписаться въ книгѣ. Заемное письмо обратно получилъ и пошлины въ доходъ города два рубля пятьдесятъ копеекъ заплатилъ. Чинъ, имя, отчество и фамилію.

Григорій Ивановичъ. Извольте, наслаждайтесь! Я украсилъ своимъ именемъ вашу книгу.

Камлотовая шинель (беретъ вексель и прячетъ въ бумажникъ, изъ котораго вынимаетъ деньги). Вотъ деньги, извольте считать!

Письмоводитель. За труды не пожалуете-ли чего-нибудь?

Камлотовая шинель. Вѣдь я вамъ далъ.

Григорій Ивановичъ (даетъ ему денегъ). Все равно, вотъ вамъ еще!

Письмоводитель. Покорнѣйше благодарю.

Григорій Ивановичъ Желаю вамъ видѣть меня во снѣ.

Письмоводитель. Покорно васъ благодарю! прощайте!

Григорій Ивановичъ. Пожалуйста увидьте меня во снѣ.

Письмоводитель. Постараюсь! Покорно васъ благодарю! Прощайте! (уходитъ).

Камлотовая шинель. Зачѣмъ вы ему дали еще, господинъ, это народъ такой, имъ все мало, сколько ни давай; такіе жиды, алчные! Деньги вы считали?

Григорій Ивановичъ. Считалъ.

Камлотовая шинель. Вѣрно?

Григорій Ивановичъ. Вѣрно!

Камлотовая шинель. Ну, прощайте: надобно спѣшить, чтобы застать Андрея Дмитрича. Только, пожалуйста, господинъ, вѣрнѣе платите!

Григорій Ивановичъ. О, будьте увѣрены!...

Камлотовая шинель. Я знаю! Мнѣ Андрей Дмитричъ ручаются, такъ я ужъ увѣренъ! Прощайте, господинъ! Двѣ тысячи на этой недѣлѣ! (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Аааа! вотъ вы, голубчики! Ууу! тю, тю, тю, тю! Какіе хорошенькіе! давно я не видалъ васъ, цыпочки! (прячетъ деньги) сюда на сердце! А ты, каналья, жди! Вотъ тебѣ! шишъ горѣлый! Чорта лысаго въ стулѣ получишь! Однако-же того.... надобно убираться отсюда по добру по здорову! А то поймаютъ, еще непріятность выйдетъ! Теперь смеркается, такъ мы вечеркомъ и зададимъ тягу, навостримъ лыжи! Ищи тогда, голубчикъ!

Adio Leonora, adio!

Вотъ закоченѣетъ-то отъ злости, когда узнаетъ въ чемъ дѣло! Маврена! Маврена! другъ мой!

Мавра Ивановна. Что еще?

Григорій Ивановичъ. Во-первыхъ: я васъ обожаю, милая древность, ветхозавѣтный папирусъ:

Io t'amo, t'amo, t'amo!

Во-вторыхъ: вотъ вамъ двадцать пять рублей за квартиру, за ваши хлопоты, за ваше чавканье, за ваше хрустѣніе, за вашу любовь и за все, за все, чѣмъ сердце было полно!

Мавра Ивановна. Благодарю покорно!

Григорій Ивановичъ. Въ-третьихъ:

Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!
Прощаюсь, счастье моихъ дней!

Вотъ вамъ мой видъ, отмѣтьте меня сейчасъ-же за городъ.

Мавра Ивановна (съ сожалѣніемъ). Вы уѣзжаете?

Григорій Ивановичъ. Да, другъ мой! Прощай Маврена! Прощай, злобная старуха!

Мавра Ивановна. Куда-же вы? Жили-бы, да жили! Простите, батюшка, если иногда поворчу, по глупости, не то что съ сердцевъ! Старость! болѣзнь!

Григорій Ивановичъ. Не унижайся, старушенція! не лги! Какъ ни больно моему сердцу оставить тебя, обожаемая мумія, и твои сѣдины, но.... но злой рокъ повелѣваетъ мнѣ удалиться! И такъ отмѣть меня сейчасъ-же за городъ!

Мавра Ивановна. Право-бы пожили!

Григорій Ивановичъ. Я знаю, что ты меня обожаешь, что тебѣ трудно со мною разстаться! Но что дѣлать! Не могу, Маврена. Надо ѣхать далеко, далеко! Пріѣду опять, поселюсь съ тобою! (поетъ):

О, Маврена, Маврена, idol mio
Spegner debbo ne-e-e-e-el mio cor!

Иди-же, стремись, презрѣнная старуха! сейчасъ отмѣть меня за городъ! Аминь, глаголю тебѣ, не зайдетъ еще солнце за городъ Кронштадтъ, какъ азъ оставлю градъ сей! Стремись!

Мавра Ивановна. Бѣгу, бѣгу, батюшка! (уходитъ).

Григорій Ивановичъ (впродолженіе его монолога совершенно темнѣетъ. Настаетъ ночь). Ну, теперь надобно собирать всю свою худобу, да поскорѣе навострять лыжи! (Вынимаетъ изъ комода портъ-сакъ). Принадлежностей у меня немного: пара бѣлья, сей халатъ, какая-то ветошь «невыразимые», сіи книги и сіи бумаги (укладываетъ). Теперь надобно одѣваться! (Надѣваетъ жилетъ, галстукъ и сюртукъ, а халатъ прячетъ въ портъ-сакъ). Ну теперь отправляйтесь книги и бумаги! Вотъ такъ! Вотъ

я и готовъ, «Мальбругъ въ походъ собрался». Отлично жить на-легкѣ, какъ захотѣлъ такъ и полетѣлъ! Въ одну руку портъ-сакъ, въ другую — корзинку съ винами и пошелъ себѣ, хоть за тридевять морей! Хорошо сдѣлали, что принесли крендель и тѣмъ заставили замолчать вопіявшую мою утробу, но бутылочками, бутылочками окончательно разодолжили. Онѣ на мѣстѣ и въ пути, сытому и голодному, веселому и печальному равно милы и полезны! Фу, какая настаетъ темень, хоть-бы поскорѣе принесли мой видъ, пора уже мнѣ ударить, а тамъ меня ищи-свисти! Завтра уѣду въ Москву и ужъ тамъ развернемся, кутнемъ, денегъ куча, мы имъ протремъ глазки. (Поетъ и слегка приплясываетъ):

Вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ
Вдоль по ширенькой, удаленькій.
Ай жги, жги, жги, говори, говори
Вдоль по ширенькой, удаленькій!
А на молодцѣ смуръ-кафтанъ
Рукавички поярковыя
Ай жги, жги, жги, говори, говори
Рукавички поярковыя,
На немъ шапочка бархатная
А околышъ черна соболя
Ай жги, жги, жги, говори, говори
А околышъ черна соболя.

Совершенно стемнѣло, хоть глазъ коли!... Чортъ возьми, золотое время бѣжитъ, а я хожу какъ дуракъ точно-будто жду, чтобы меня поймали и отвели въ полицію. Эхъ какъ долго не несутъ вида!

Мавра Ивановна (въ дверяхъ). Вотъ онъ здѣсь, сударыня! (уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Идетъ кто-то! никакъ квартальный—пропалъ я!

Госпожа въ шляпкѣ. Здравствуйте, Григорій Ивановичъ.

Григорій Ивановичъ. Это еще что? Женщина! Questa donna! Кто тутъ?

Госпожа въ шляпкѣ. Вы меня уже не узнаете! Впрочемъ, чего я дура?... У васъ память очень коротка. Въ этомъ я сегодня вполнѣ убѣдилась. Мнѣ-бы слѣдовало, послѣ того какъ вы не явились въ магазинъ «русскихъ издѣлій», забыть васъ и подарить презрѣніемъ! Но что дѣлать! Я еще вѣрила въ васъ, въ вашу любовь! Я хотѣла все объяснить въ хорошую сторону. Я думала: не болѣнъ-ли онъ? Получилъ-ли мою записку? Вы получили мою записку?

Григорій Ивановичъ (про себя). А-а-а-а-а! Это Мари! Экій я осля, не догадался! (Ей). Записку? Какую записку, ангелъ мой, моя обожаемая Мари! Чудная Мери моя! (про себя) А что если она рожа!

Госпожа въ шляпкѣ. Вы не получали записки?

Григорій Ивановичъ. Нѣтъ! (про себя). Вдругъ я убью бобра, можетъ она рябая, косая! тьфу!

Госпожа въ шляпкѣ. Неправда!

Григорій Ивановичъ. Вы говорите неправда! (про себя). Ого! да она колдунья все слышитъ!

Госпожа въ шляпкѣ. Я говорю неправда, вы получили записку.

Григорій Ивановичъ. Ей Богу! Клянусь честью, клянусь всѣмъ, клянусь вашими глазками! (про себя). Нѣтъ, должна быть прехорошенькая, судя по голоску! Точно органчикъ или флейта божественная играетъ!

Госпожа въ шляпкѣ Странно!

Григорій Ивановичъ. Помилуйте, городская почта такъ неисправна! (про себя). А какъ отъ нее пахнетъ! Прелесть! Чѣмъ-то невыразимо пріятнымъ? Только у меня отъ этого кровь такъ и бурлитъ, сердце такъ и колотится!

Госпожа въ шляпкѣ. А я думала отчего вы не явились?

Григорій Ивановичъ. Какъ вы могли думать! Если-

бы я получилъ записку, я-бы прилетѣлъ на крыльяхъ любви! (про себя). Она красавица! Только отъ красавицъ такъ хорошо и раздражительно пахнетъ!

Госпожа въ шляпкѣ. Значитъ я хорошо сдѣлала, что зашла сюда!

Григорій Ивановичъ. Отлично! (про себя). Однакожъ это глупо, она стоитъ тамъ, а я здѣсь! Это что-то не такъ!

Госпожа въ шляпкѣ. Хотя-бы вы этого и не заслуживали, милостивый государь! Сознайтесь сами! Вдругъ пропасть на столько времени! Я думала Богъ знаетъ, что съ вами случилось! И какъ вамъ не грѣхъ! Вѣдь ты знаешь, какъ я люблю тебя!

Григорій Ивановичъ (про себя). Счастливецъ мой двойникъ! Только онъ-бы теперь дѣйствовалъ иначе, чѣмъ я. А то я точно раскланиваться собираюсь или боюсь!

Госпожа въ шляпкѣ. Мнѣ безъ тебя и день кажется годомъ! Ты меня не любишь, Gregoire!... Что-же ты молчишь?

Григорій Ивановичъ (про себя). Что тутъ дѣлать! Точно варомъ обдаетъ! Воспользоваться мнѣ правами моего двойника или нѣтъ? Чортъ возьми!

Госпожа въ шляпкѣ. Ты недоволенъ, что я пришла?—Я забыла все, чтобы тебя видѣть, чтобы разсѣять свои опасенія! Я отпросилась у маманъ съ Герасимовной въ Гостиный дворъ и забѣжала къ тебѣ.

Григорій Ивановичъ (про себя). Крендель съѣлъ, вино выпилъ, деньги взялъ! Теперь остается, чортъ возьми, самый лакомый кусокъ! Что съ нимъ дѣлать?

Госпожа въ шляпкѣ. Поди-же ко мнѣ! Гдѣ ты!

Григорій Ивановичъ (про себя). Сахаръ самъ въ ротъ лѣзетъ! Ужъ кутить, такъ кутить! (подходя къ ней). Милая Мари, я не вѣрю себѣ, не вѣрю этому счастію, что ты у меня! (про себя). Книжно, чортъ возьми! Съ Герасимовной отпросилась!—такъ вѣрно у него въ первый разъ! Какъ-бы

не попасться въ просакъ! — а то какъ разъ выведутъ на чистую воду! Въ первый разъ у него! Гмъ! это даетъ чортъ знаетъ какія надежды. Гори и пылай моя кровь! Въ первый разъ!

Госпожа въ шляпкѣ. Ты холоденъ, Gregoire!

Григорій Ивановичъ (про себя). Этакая сласть по губамъ мажетъ! (ей): Ангелъ, обожаемая Мари, блаженство, жизнь, душа моя! (про себя) что тутъ говорятъ влюбленные, чортъ ихъ знаетъ!

Госпожа въ шляпкѣ. Зачѣмъ ты перемѣняешь голосъ?

Григорій Ивановичъ (про себя). Выдаетъ, проклятая гортань! выдаетъ! (Ей): Ангелъ мой, божество! У меня измѣнился голосъ отъ радости, отъ восторга! Сядь здѣсь! (сажаетъ ее на диванъ). А я буду у ногъ твоихъ! (становится на колѣни и осыпаетъ поцѣлуями ея руки), Милая Мери! О какое блаженство! Боже, за что я такъ счастливъ! (про себя). А что если она рожа!

Госпожа въ шляпкѣ. Правда, ты этого не стоишь, но что дѣлать! — я люблю тебя!

Григорій Ивановичъ. А я тебя обожаю! Чудная, милая Мари моя! Поцѣлуй, одинъ только поцѣлуй! (Цѣлуетъ ее нѣсколько разъ).

Госпожа въ шляпкѣ. Довольно, довольно! замучилъ! Gregoire! Устроивай свои дѣла поскорѣе!

Григорій Ивановичъ. Гмъ! Устроивать дѣла поскорѣе? Ты этого хочешь?

Госпожа въ шляпкѣ. Еще-бы! Разумѣется! Вѣдь отъ этого зависитъ наша сватьба!

Григорій Ивановичъ (про себя). Такъ она его невѣста! Гмъ! Кусокъ-то очень жиренъ, неравно влопаешься!

Госпожа въ шляпкѣ. Чтобъ намъ быть постоянно вмѣстѣ и не разлучаться! Пожалуйста Gregoire (обнимаетъ его).

Григорій Ивановичъ (про себя). Нѣтъ силъ! Крен-

дель съѣлъ, вино выпилъ, деньги взялъ (громко): О, Мари! Ангелъ!

(Обнимаетъ ее и осыпаетъ поцалуями. Слышны шаги. Въ дверяхъ появляется Мавра Ивановна со свѣчою, Григорій Ивановичъ Пѣтуховъ, молодой человѣкъ красивой наружности и атлетическаго сложенія и Мальчикъ, приносившій вино. Мавра Ивановна, во время слѣдующей сцены ставитъ свѣчу на столъ и уходитъ).

Госпожа въ шляпкѣ. Боже мой кто-то идетъ!

Григорій Ивановичъ. Гдѣ? Кто тутъ? что вамъ угодно?

Мальчикъ (со слезами). Вотъ, вотъ они. Я имъ отдалъ! Они сказали, что это имъ!

Пѣтуховъ. Хорошо, ступай!

Мальчикъ. Я не виноватъ, они сказали, что это они, что это имъ!

Пѣтуховъ. Ступай, хорошо! (мальчикъ уходитъ). Милостивый государь, вы получили мое вино....

Григорій Ивановичъ. Ааа! Это ваше вино?

Госпожа въ шляпкѣ. Gregoire!

Пѣтуховъ. Мари!

Госпожа въ шляпкѣ. Боже мой! Что-же это значитъ? гдѣ я? кто этотъ господинъ? Это ужасно!

Пѣтуховъ. Ты какъ сюда попала?

Госпожа въ шляпкѣ. Я писала тебѣ, чтобъ ты былъ сегодня въ магазинѣ Русскихъ издѣлій, ты не былъ. Я начала безпокоиться: здоровъ-ли ты? — отпросилась у маманъ съ Герасимовною въ Гостиный дворъ и забѣжала къ тебѣ. Спрашиваю, гдѣ Григорій Ивановичъ Пѣтуховъ? — меня проводили сюда и вотъ этотъ господинъ изволилъ дарить меня своими любезностями!

Пѣтуховъ. Странно! Какъ вы сейчасъ не узна[illegible], что это не я. Мы, кажется, мало похожи другъ на друга!

Госпожа въ шляпкѣ. Ахъ Боже мой! здѣсь было совершенно темно.

Григорій Ивановичъ. Какая она хорошенькая! Ужъ я по запаху слышалъ! Эхъ, принесъ его дьяволъ не во время. Есть о чемъ хлопотать, объ корзинкѣ вина!

Пѣтуховъ. Милостивый государь! Вы могли пользоваться моимъ виномъ, это все было смѣшно и гадко! Но рѣшиться посягнуть на чужую невѣсту!—это ужъ изъ рукъ вонъ! Это подло! низко! Вы знаете, что за это бываетъ?

Григорій Ивановичъ. Вотъ я же виноватъ? посмотрѣлъ-бы я, чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, если-бы къ вамъ въ ротъ лѣзли сами собой, цѣлый день, то крендели, то—въ сумерки красавицы. Небось заговорили-бы другое.

Пѣтуховъ. Нѣтъ, вы такъ отъ меня смѣшками не отдѣлаетесь!

Григорій Ивановичъ. Да что вы въ самомъ дѣлѣ! Мнѣ изъ-за васъ чуть реберъ не переломали, думали, что я—вы. Ну, и принуждали жениться на какой-то Наташѣ, которую вы обольстили. Постойте еще, васъ заставятъ на ней жениться!

Госпожа въ шляпкѣ. Ахъ, Боже мой! Gregoire! Что это значитъ?

Пѣтуховъ. Не вѣрь ему, другъ мой! онъ все вретъ! Пойдемъ я тебя провожу (Григорію Ивановичу). А къ вамъ я сейчасъ возвращусь! Я вамъ покажу! Я васъ проучу!

(Беретъ подъ руку Госпожу въ шляпкѣ и уходитъ).

Григорій Ивановичъ. Ну вотъ, чортъ возьми, что тутъ дѣлать? Вотъ и дожилъ до трепки! Экъ принесло его! Что тутъ дѣлать? Съ нимъ не сладишь! Экій верзила какой! И гдѣ этакіе балбесы родятся. Выросъ-же на мое горе! Искалѣчитъ, ей Богу! искалѣчитъ! Что съ нимъ сдѣлаешь! Ухъ ужъ бока начинаютъ болѣть! Ой тошно! Воображаю какъ хватитъ кулачищемъ, какъ молотомъ! Ай больно! страшно! Искры изъ глазъ сыплются. Сердце замираетъ— побьетъ, подлецъ, непремѣнно побьетъ! Это ты все мерза-

вецъ, негодяй-желудокъ во всемъ виноватъ! все черезъ тебя, подлеца! Ты первый соблазнилъ на крендель! Боже мой, что тутъ дѣлать?

Мавра Ивановна. Вашъ видъ, батюшка!

Григорій Ивановичъ. Видъ! (хватаетъ его) Ура! Браво! Ура! Европа спасена! Бока мои цѣлы! Вотъ тебѣ и поколотилъ! Шишъ тебѣ! (Надѣваетъ шинель и шапку). Прощай, мой другъ, Маврена! Прощай! Кланяйся этому барину и скажи ему, что (поетъ):

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ,
Подъ нимъ былъ конь игрень!

Прощай, прощай!

(Беретъ портъ-сакъ и корзинку съ винами и убѣгаетъ напѣвая).

Прости мой другъ!
Лети мой челнъ!
Прости, прости!

Мавра Ивановна. Эка бѣшеный! Право бѣшеный! Оторва настоящій! А добрая душа! предобрый и веселый былъ, забавникъ, шутникъ, чудной такой! Все-бы ему пѣть да плясать. На мѣстѣ ему смирно не посидится, точно ртуть! Ахъ Боже мой! грѣхи наши тяжкіе! Вотъ теперь ищи жильцовъ!

Пѣтуховъ. Фу, чортъ возьми, какой-то съумасшедшій сбилъ меня съ ногъ на лѣстницѣ. (осматривается) А гдѣ же онъ?

Мавра Ивановна. Кто, батюшка?

Пѣтуховъ. Да этотъ баринъ, жилецъ твой.

Мавра Ивановна. Уѣхалъ батюшка, за городъ уѣхалъ. Да вонъ его голосъ.

Голосъ Григорія Ивановича (на улицѣ постепенно замираетъ).

Прости мой другъ!
Лети мой челнъ!
Прости, прости,
Прости мой другъ!
Ле-е-е-е ти мой челнъ!

Пѣтуховъ. Убѣжалъ, подлецъ! Ну, я-бы ему наломалъ бока! Куда онъ уѣхалъ?

Мавра Ивановна. За городъ, батюшка, такъ и отмѣтили его.

Камлотовая шинель (вбѣгаетъ въ отчаяніи).. Помилуйте, господинъ!... гдѣ же они? гдѣ-же они?

Пѣтуховъ. Кого вамъ?

Камлотовая шинель. Вотъ этотъ господинъ, что здѣсь живетъ.

Пѣтуховъ. Онъ уѣхалъ!

Камлотовая шинель. Уѣхалъ?

Пѣтуховъ. Да!

Камлотовая шинель. Куда?

Пѣтуховъ. А чортъ его знаетъ. А что, онъ и вамъ насолилъ?

Камлотовая шинель. Какъ-же, подумайте, господинъ! Андрей Дмитричъ говоритъ: найдите денегъ Григорію Ивановичу Пѣтухову, моему знакомому и роднѣ.

Пѣтуховъ. Ну!

Камлотовая шинель. Я для Андрея Дмитрича и ихъ знакомыхъ всегда готовъ служить. Ну, нашелъ тысячу. Сдѣлали вексель, а деньги попались другому! И что я теперь буду дѣлать! Подумайте, господинъ!

Пѣтуховъ. Вотъ-те и разъ! Онъ и деньги мои увезъ! Объѣлъ меня, каналья! Опилъ—мерзавецъ! Ограбилъ, негодяй! Да еще обцѣловалъ мою невѣсту—подлецъ!

Камлотовая шинель. Какъ вы изволите говорить, господинъ?

Пѣтуховъ. Пойдемте ко мнѣ, я вамъ все разскажу!

Мавра Ивановна. А все-таки добрѣйшая душа!

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

У ПАРОМА.

(Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ).

Вотъ опять дорога вьется сѣрою лентою. Солнышко взошло довольно высоко на голубомъ, безоблачномъ небѣ, и сильно печетъ. Жаркій іюнь стоитъ въ нынѣшнемъ году! Лошади идутъ почти шагомъ, обмахивая мухъ хвостами. Извощикъ, въ одной рубахѣ, дремлетъ на передкѣ. Однообразно покачивается и скрипитъ моя рогожная повозка. Жарко! душно! Пыль густыми облаками поднимается изъ-подъ колесъ, и густымъ облакомъ склоняется на правую сторону дороги. Вверху звенитъ жаворонокъ, сыплетъ свои раскаты въ густомъ воздухѣ. Пàритъ! надобно ждать грозы или дождя.

Густой, теплый вѣтерокъ изрѣдка пахнётъ въ лицо, накормитъ пылью и разгуляется волнами по зеленому хлѣбу, по обѣимъ сторонамъ дороги. Кругомъ ни души, но зато сколько жизни! подъ каждымъ листкомъ что-нибудь свериститъ и стрекочетъ, на каждомъ цвѣткѣ что-нибудь хлопочетъ и жужжитъ. Смѣшанный гулъ несется по полю; изъ него выдѣляется только трескотня кузнечиковъ, да изрѣдка октава шмеля; этотъ басъ между насѣкомыми тычется головою отъ одного листка въ другой, дѣлаетъ быстрый кругъ въ воздухѣ, и опять пошелъ по травѣ и цвѣтамъ, и затянулъ свою однообразную ноту. Шальная муха, какъ съумасшедшая, ворвется въ повозку, нашумитъ, надоѣстъ и уле-

титъ опять на прозрачныхъ, легкихъ крыльяхъ, Богъ вѣсть куда и зачѣмъ. Воробьи перекликаются, чирикаютъ, суетятся, точно торговки на базарѣ. Вездѣ жизнь, вездѣ движеніе! Даже каждый цвѣточекъ, каждая травка смотрятъ такъ весело, такъ привѣтно, какъ-будто хотятъ сказать: *и я живу!*

Дорога побѣжала внизъ, вся мѣстность круто склоняется; въ воздухѣ дѣлается свѣжѣе; повѣяло благоуханіемъ свѣжаго, только-что скошеннаго сѣна. Поля съ хлѣбомъ прекратились; низкій, зеленый лугъ раскинулся вправо и влѣво, зелеными изгибами, пробираясь между сѣрою пашнею.

Покосъ съ лѣвой стороны отъ дороги выкошенъ. Съ правой сперва послышался крикъ ребенка, потомъ и журчащій шопотъ косъ. Человѣкъ двадцать мужиковъ, косили траву извилистой лентой, бѣлѣясь на изумрудной зелени луга. Въ другомъ мѣстѣ бабы переворачивали сѣно. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги стоялъ маленькій лагерь, составленный изъ люлекъ, въ которыхъ спали и кричали будущіе работники, назначенные судьбою всю жизнь свою орошать своимъ трудовымъ пóтомъ этотъ лугъ и окрестныя поля. Для нихъ также какъ и для отцовъ ихъ, жить — будетъ значитъ: работать, и отдыхать—гульнуть. Теперь они лежатъ въ продолговатыхъ лубочныхъ лукошкахъ, привѣшенныхъ на трехъ соединенныхъ вверху палкахъ. На эту треногу накинутъ холстинный пологъ такъ, что каждая тренога представляетъ высокую треугольную палатку. Между люльками ползало штукъ шесть маленькихъ дѣвченокъ, обязанныхъ качать меньшихъ братьевъ и сестеръ

При проѣздѣ моемъ, бабы оставили свою работу, обернувшись въ мою сторону, и, приложивъ руки надъ глазами, чтобы закрыться отъ солнца, провожали меня долгимъ, безстрастнымъ взглядомъ, потомъ опять принялись за работу.

Опять пыль, опять поля и смѣшанные аккорды живыхъ звуковъ. Дорога то идетъ на пригорокъ, то спускается съ

него, пробѣжитъ по косогору, и опять прихотливою кривою лентою извивается между свѣжею зеленью. Вдали засинѣлся лѣсъ, по бокамъ побѣжали сѣрыя изгороди, подъ горкою открылась небольшая деревенька, похожая на небольшія копны соломы, почернѣвшей отъ дождей и солнца. Дорога уперлась въ глубокій оврагъ съ крутыми берегами, на днѣ котораго протекала маленькая рѣчка. Черезъ эту пропасть былъ перекинутъ мостикъ, висѣвшій на высотѣ сажени полторы надъ дномъ оврага. И что это былъ за мостикъ! На четырехъ полусгнившихъ, покривившихся столбахъ перекинуты двѣ, почти совершенно сгнившія, балки. Настилка состоитъ изъ неприлаженныхъ бревенъ, кривыхъ, суковатыхъ, наваленныхъ, какъ Богъ послалъ, безъ закрѣповъ, безъ упоровъ.

Извощикъ мой попридержалъ лошадей, и пустилъ ихъ самымъ тихимъ шагомъ.

— А что, кажется, мостъ-то плохъ?—сказалъ я, выглядывая изъ кибитки.

— Ничо́го! — отвѣчалъ извощикъ, выглянувъ на мостъ изъ-за лошадей.—Извѣстно дѣло не почтовой, — прибавилъ онъ мнѣ, какъ-бы въ поясненіе.

— Проѣдемъ-ли мы? Дай-ка я лучше выйду.

— Ничо́го, проѣдемъ! Ну, ты, бойся что-ли! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ пристяжной, которая жалась и не хотѣла идти.

Кибитка сильно стукнулась о первое бревно, подпрыгнула, качнулась съ боку на бокъ, и затанцовала на мосту.

— Вишь ты какой!—продолжалъ извощикъ.—Но, но, но! не бойся ты. Лѣтось здѣсь провалились ребята изъ Сапуновки,—замѣтилъ онъ мнѣ въ видѣ успокоенія.

Лошади наши жались и недовѣрчиво переступали по невѣрной настилкѣ моста? Наконецъ мы переѣхали.

— Какъ же они провалились?—спросилъ я.

— Да ѣхали изъ Палилова, значитъ, выпимши были

немного и—кто ихъ вѣдаетъ?—не посрединѣ что-ли ѣхали, али гораздо шибко.... Всѣ ребята-то сидѣли на передней телѣгѣ и пѣсни играли, а сзади была привязана еще подвода. Какъ провалились они, такъ не успѣли, значитъ, отвязать лошади задней подводы-то, и тоё тоже втянули за собой.

— Чтожъ, убились, я думаю?

— И подись ты! какъ есть ничо́го, ни царапинки, точно-будто вотъ тебѣ по мосту проѣхали, и не сломалось ничо́го. Вотъ тутъ и гляди, во диво какое! А то тожъ въ позапрошлый годъ подъ самаго Миколу весенняго, у насъ на селѣ парень Ванюха былъ тоже выпимши очень, и пошолъ онъ это на мельницу, и легъ спать на вышкѣ, да не оглядѣлся, что тутъ рядомъ дыра большущая надъ пребольшущимъ котломъ, а тамъ, въ котлѣ-то, значитъ, вода бѣлымъ ключемъ кипитъ и бьетъ, знашь, это при мельницѣ была сукновальня, что сукно на наши, на мужицкіе зипуны валяютъ, ну такъ его, сукно-то это и поливаютъ самымъ этакимъ ключевымъ кипяткомъ. Взлѣзъ это Ванюха на вышку, и легъ спать, да должно быть поворохнулся неладно, либо́ што, а можетъ не безъ того, что и нечистый толкнулъ — видитъ, окаянный врагъ, лежитъ одинъ человѣкъ хмѣльной, ни молитвы, ни крестнаго знаменья не сотворитъ ему.... Какъ, то-есть Ванюха-то, шмякнулся сверху, да прямо въ котелъ бултыхъ, да какъ зареветъ, заголоситъ благимъ матомъ... Котлище-то высокій, надыть было бѣжать наверхъ, чтобы тащить... Счастливъ его Богъ, что въ тѣ-поры мужики были наѣхамши на мельницу: бросились это они наверхъ, пока сбѣжали, а Ванюха и кричать полно. Вытащили, еле-живъ, кожа и мясо такъ лохмотьями и валятся, зарыли его въ муку, да такъ въ мѣшкѣ и снесли до двора. Спе́рва голосилъ больно, а потомъ ничо́го, оправился. Только, значитъ, ногами не такъ ладно владѣетъ, да красный сталъ такой, что твой ракъ вареный. Такъ его у насъ и зовутъ на селѣ, Ванюха вареный.

— Ну, други! эхъ вы соколики! — прикрикнулъ онъ на лошадей. Минутъ съ пять мы ѣхали мелкою рысью, по бокамъ мелькали поля, но урожай былъ значительно хуже, чѣмъ по ту сторону рѣки. Хлѣбъ былъ низокъ и рѣдокъ, а въ нѣсколькихъ полосахъ, вмѣсто овса, сидѣли какіе-то желтые цвѣты. Вскорѣ потомъ повѣяло прохладой; лѣсъ подвигался все ближе и ближе, и яснѣе обрисовывался. Сперва онъ синѣлъ на горизонтѣ, какъ туча, потомъ началъ выдѣляться, зеленѣть; почва сдѣлалась песчаною, и черезъ нѣсколько минутъ мы въѣхали въ лѣсъ. Деревья протягивали свои вѣтви надъ дорогой, хлестали ими по лицу извощика, царапали верхъ кибитки, заглядывали во внутрь. Кибитка прыгала по корнямъ деревьевъ и качалась со скрипомъ изъ стороны въ сторону. Я долженъ былъ устремить все свое вниманіе на то, чтобы не разбить себѣ головы объ верхъ кибитки. По сторонамъ тянулись сосны да ели, ели да сосны; мѣстами обожженные стволы и голая почернѣвшая почва свидѣтельствовали, что здѣсь недавно былъ опустошительный пожаръ.

— Вотъ и перевозъ! — сказалъ извощикъ, послѣ получасовой ѣзды лѣсомъ,

Дѣйствительно, дорога, глубоко изрытая колесами и лошадиными ногами, спускалась по сыпучему песку къ рѣкѣ, извивавшейся серебряною лентою между песчаныхъ береговъ. Извощикъ остановилъ лошадей, и видя, что паромъ на другой сторонѣ, закричалъ:

— Эй! вы! поромъ! Подавай сюда поромъ!

— Пошли обѣдать! — отвѣчалъ чей-то голосъ возлѣ насъ.

Я осмотрѣлся: у перевоза стояли еще два воза и рогожная повозка, подъ тѣнью дерева сидѣлъ какой-то господинъ въ картузѣ, въ бѣломъ парусинномъ пальто и синихъ нанковыхъ шароварахъ; шагахъ въ двухъ отъ него лежали: синяя нанковая чуйка, съ длинною бородою кли-

номъ, и два мужика въ довольно-грязныхъ рубахахъ. У парома и возовъ расхаживали еще два мужика: одинъ похлопывалъ кнутомъ и напѣвалъ что-то въ полголоса; другой осматривалъ колеса, и поправлялъ упряжь у лошадей, какъ видно было, совершенно отъ нечего дѣлать. Я вышелъ изъ кибитки и подошелъ къ дереву.

— Богъ въ пóмочь! — сказалъ я, усаживаясь возлѣ нихъ.

Господинъ въ парусинномъ балахонѣ посмотрѣлъ на меня и отвернулся, а мужики и чуйки отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Спасибо!

Я сталъ прислушиваться къ разговору чуйки и мужиковъ.

— Вотъ братцы вы мои,—разсказывалъ одинъ изъ мужиковъ,—Кирюха и говоритъ: «Идемъ, что-ли, говоритъ, на тетеревовъ? Я, говоритъ, знаю мѣсто гдѣ такуютъ». Пошли мы. А у насъ, братцы вы мои, рядомъ живетъ баринъ, къ нему что хошь дичи неси—всю возьметъ, ни единой штуки какъ есть не оставитъ. И такой чудной, совсѣмъ дичь какъ есть загнила, душина отъ нея такая пойдетъ, что ажно съ души воротитъ, а онъ себѣ ничóго, ѣстъ, да еще говоритъ: это самый смакъ! Чтобъ ему, только душу свою поганитъ. И деньги важныя платитъ: теперь, ежели принесъ ему что понраву, что хошь проси—и слова не скажетъ, заплатитъ.

— Служитъ, знать, мамону!—прервала чуйка.

— А ужъ кто его вѣдаетъ? Вотъ значитъ, мы это и пошли на тетеревовъ. Идемъ по лѣсу, а слышь ты Микита, знашь, оврагъ-то Косой, во ёный, гдѣ лѣтось поводырь-то уходилъ слѣпого?

— Знаю!—отозвался другой мужикъ.

— Какъ уходилъ слѣпого?—спросила чуйка.

— Да вишь, ходилъ слѣпой, значитъ, старецъ; водилъ его, этого самаго слѣпаго старца поводырь, парь лѣтъ

восьмнадцати. Ну, такимъ, значитъ, манеромъ они ходили и побирались Христа-ради. Извѣстно дѣло, нищая братія. Разъ какъ-то подали имъ холста аршинъ десять, да насбирали по грошамъ рубля на два деньгами. Идутъ это они лѣсомъ, дошли до Косого оврага. Дѣло-то это производилось зимою, морозъ трещалъ такой, что ажно духъ замираетъ и паръ изъ глазъ валитъ; поводырь подвелъ слѣпаго къ оврагу, да и говоритъ: Надыть спускаться къ рѣчкѣ, тише не споткнись! дай мнѣ палку! самъ-то держись за меня крѣпче! Слѣпенькій-то старецъ и дай ему палку, извѣстно въ простотѣ душевной, безъ всякаго сумлѣнія. А тотъ, поводырь-то, взялъ эту палку, да этой палкой, по головѣ слѣпаго старца и ошарашилъ. Ошарашилъ его, братцы вы мои, обобралъ, столкнулъ въ ровъ, и ушелъ. Весной нашли слѣпаго, почернѣлъ весь, высохъ и середину тѣла, вотъ отъ груди до колѣна не то собаки, не то волки съѣли какъ есть все сожрали, чтобъ имъ пусто было. Ну, поднялось дѣло, наѣхали: судъ, становой, пошли розыски, допросы, слѣдствіе.

— Ну и что же? спросила чуйка.

— Ну, поймали малаго. Какъ пріѣхалъ это становой и дохтуръ съ нимъ и начали они эти сухіе кости разбирать. Сняли съ лѣвой ноги лапоть, а въ него въ онучкахъ завернуты два золотыхъ. Поводырь значитъ объ золотыхъ-то и не зналъ. Начали опрашивать: кто? кто это? Никто не признаетъ. Да будь хоть батька родной, такъ кажись-бы не узналъ: лежитъ онъ весь черный и сухой, такъ что и на человѣка-то не похожъ, словно не вѣсть кто. Никто не призналъ! Только какъ его хоронить надыть было, пришла старуха Василиса, посмотрѣла это на покойника, а возлѣ лежитъ разорванный платочекъ. Василиса и говоритъ такъ и такъ, платочекъ это мой, а подала я его слѣпенькому старцу. Ну тутъ, братцы вы мои, принялись разыскивать слѣпаго и поводыря. Поводыря взяли верстахъ въ семиде-

сяти; онъ шелъ тоже побираться на погорѣлыхъ. Поймали его, привели, значитъ въ оврагъ къ тѣлу старичка, малый и покаялся во всемъ.

— Ну что-же ему?

— Што? знамо што душегубцамъ бываетъ: отшлепали кнутомъ, да и въ Сибирь сослали.

— Мудрено какъ это такъ его поймали! проговорилъ другой мужикъ.

— Значитъ кровь его вопіяла къ Богу! замѣтила дидактически чуйка. Кровь человѣческая никогда не погибнетъ даромъ, всегда обрящется!

— Вѣстимо! Человѣкъ вѣдь не муха, чтобъ вотъ сгинуть.

— Богъ въ помощь! проговорилъ чей-то голосъ.

Мы оглянулись. Передъ нами стоялъ мужикъ лѣтъ сорока пяти или сорока восьми, черный, загорѣлый, съ черною бородою. Одѣтъ онъ былъ въ синій нанковый армякъ до пятъ, на головѣ у него красовалась престранная шапка. На двухъ широкихъ черныхъ ремняхъ на немъ, какъ ранецъ на солдатѣ, была пристегнута коробка. Этихъ торговцовъ, у насъ, въ Орловской губерніи, называютъ коробочниками. За спиною въ большомъ лубочномъ сундукѣ, особенной формы и состоящемъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, они таскаютъ разныя мелочи: щетки, гребенки, ленты; тесемки, крестьянскія серги, кольца, ммонисты, пуговицы, крючки шелкъ, бумагу и тому подобное. Иногда у нихъ можно найти и носовые платки и кусокъ каленкору. Терпѣливо странствуетъ онъ изъ деревни въ деревню, продавая свой грошевый товаръ и перенося, и жаръ, и стужу, и перемѣны погодъ.

— Перевозу-то значитъ, нѣтъ? спросилъ онъ, снимая коробку и опуская ее на землю.

— Обѣдать пошли! отвѣчалъ мужикъ, разсказывавшій о слѣпомъ.

— Ну пусть себѣ пообѣдаютъ! обождемъ! продолжалъ коробочникъ, усаживаясь нѣсколько въ сторонѣ отъ насъ.

Между мужиками снова завязался на прежнюю тэму разговоръ; стали говорить о барахъ, о дороговизнѣ, неурожаяхъ.

— Развращеніе нравовъ! отозвался вдругъ коробочникъ, отирая съ лица потъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ. Послѣднія времена приходятъ. Въ писаніи сказано: пріидетъ нужда, и болѣзнь, и гладъ, и трусъ, и мерзости обуяютъ. И падутъ люди, въ мерзостныя прельщенія и осквернятъ себя скверными, и нѣсть скверны, ею же не осквернятся! Вотъ что!

— Да плохія времена! какъ-то боязливо пропищала чуйка

— И еще хуже будетъ.

— Еще хуже? спросили мужики въ одинъ голосъ.

— Еще хуже! настанутъ тяжкія времена: и болѣзнь, и недугъ, и супостаты, и варвары, и языкъ на языкъ, и народъ на народъ, отцы на дѣтей своихъ и дѣти на отцовъ братъ на брата, другъ на друга; тогда будетъ гладъ, дороговизна и разныя мученія. Вѣдь вотъ все такъ и есть.

— Такъ все и есть! подтвердила чуйка.

— И все это въ писаніи сказано? спросили мужики.

— Все въ писаніи! отвѣчалъ коробочникъ.

— И все сбывается?

— Эхъ вы, головы. Какъ же писанію не сбыться. Вѣдь писанія-то писаны святыми угодниками по внушенію Духа Божія. Все и сбывается. Сказано: нѣсть скверны, ею же не осквернятся и что же, какими савернами люди не осквернились? Табакъ курятъ и нюхаютъ, не думая, что курятъ и нюхаютъ судъ и осужденіе себѣ, погибель вѣчную на радость врагу рода человѣческаго, и что Богъ отвратилъ лицо свое отъ дѣлъ ихъ.

— А развѣ курить грѣхъ, дядюшка? спросилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Нѣтъ, спа́сенье! Какъ же не грѣхъ! Вѣдь ты дьявольское зеліе въ угожденіе ему куришь, оскверняешь себя! Голова! кому ты подобенъ? Развѣ у святыхъ угодниковъ можетъ исходить огнь, пламя и дымъ изъ устъ, носа и ушей? Развѣ отъ нихъ смрадъ и удушье? Святые благоухаютъ, яко цвѣты и кринъ сельный. А посмотрите-ка на изображеніе дьявола. Изъ рта, ноздрей и ушей исходитъ пламя геены огненной, дымъ, смрадъ и жупелъ. Такъ, вотъ ты и подумай, возьмешь эту окаянную трубку, что пыхнешь дымомъ, огнемъ и смрадомъ, то значитъ и уподобился дьяволу, и затворилъ врата царствія небеснаго, заживо пріялъ геену огненную. Вотъ какъ, братъ. Мнѣ самому говорили эти люди, которые курятъ, что на другой день какъ встанутъ, то во рту страшнѣйшій смрадъ, и мерзость, и скверна. Этотъ смрадъ остается постоянно во рту, ну подумай-же какъ съ такимъ смрадомъ и зловоніемъ явиться предъ престоломъ Божіимъ. Богъ, разумѣется, отвратитъ лицо свое отъ таковой скверны и беззаконія.

— Значитъ и водку грѣшно пить? замѣтилъ я.

Коробочникъ окинулъ меня быстрымъ испытующимъ взглядомъ, и отвѣчалъ:

— Отчего такъ?

— На другой день тоже зловоніе и смрадъ!

— Нѣтъ, водку пить не грѣхъ. Во-первыхъ сказано: ничто-же скверно, иже въ уста, но токмо скверно изъ устъ. Ну, такъ вотъ видите-ли, значитъ, вы водку пьете во уста, оно и не скверно, а табакъ когда курятъ такъ изрыгаютъ дымъ изъ устъ и ноздрей, и выходитъ оскверненіе и мерзость. Во-вторыхъ, я вамъ доложу, вино пить показано и въ писаніи; сказано: «вино веселитъ сердце человѣка, только не упивайтесь виномъ въ немъ же есть блудъ. Отцы церкви и тѣ пили вино, и въ книгахъ говорится: праздникъ—

разрѣшеніе вина и елея. Вотъ и выходитъ, что вино пить можно! Вы почитайте писаніе, тамъ все сказано. А вы употребляете табакъ?

Я только-что хотѣлъ предъ этимъ закурить папиросу, но желаніе поговорить и познакомиться съ коробочникомъ поближе превозмогло позывъ къ куренію. На вопросъ моего собесѣдника, я отвѣчалъ не задумываясь:

— Нѣтъ не употребляю.

— Отчего?

— Отъ того, что не привыкъ, не люблю.... Не нахожу удовольствія.

— Вотъ то-то и есть! Потому что вы знаете, что это не хорошо, что это значитъ уподобиться дьяволу. Я вижу, что вы добрый человѣкъ, только вотъ надобно почитать писаніе. Тамъ все это сказано. Ну, а вы кто? Сѣли или посадили?

— Какъ сѣли или посадили?

— Да такъ! Кто вы? На чьей значитъ сторонѣ: сѣли или посадили?

Вопросъ былъ нѣсколько страненъ и заставилъ меня задуматься на короткое время. Коробочникъ еще разъ взглянулъ на меня, и въ лицѣ его, въ особенности въ глазахъ, промелькнула легкая насмѣшка. Его лицо казалось говорило: что братъ! задалъ я тебѣ задачу! Эхъ ты! этого-то ужъ не знаешь!

— Посадили! отвѣчалъ я.

— Я это и зналъ. Вотъ оттого-то мы горе и терпимъ, а роптать не должны.

— Чтожъ это значитъ: сѣли или посадили? спросила чуйка.

— А вотъ что, други вы мои милые. Кто сѣли-то? а? первосвященники Анна и Каіафа, да Пилатъ Понтійскій. А кого посадили?—Христа. Ну вотъ, всѣ, что противъ правды и Бога, распинаютъ правду, и за правду,—тѣ сѣли, и имѣютъ

они довольство, и богатство, и власть въ мірѣ семъ. Кто-же идетъ за Христа, за правду, и совѣсть, дѣлаетъ все по закону, такъ этихъ слугъ Христовыхъ посадили: они какъ Христосъ терпятъ напасти, лишенія, нужду и гоненія. Они не имѣютъ богатства и власти. Такъ вотъ что! избирай что знаешь. Коли не боишься Бога, и не думаешь о спасеніи души, такъ садись съ нечестивыми, тебѣ дадутся всѣ блага міра сего и богатства, и власть надъ братіями твоими, и это все отъ дьявола: ѣшь, пей, веселись въ куреніи табаку и нечестивыхъ зрѣлищахъ. А хочешь спасенія вѣчнаго, будь *посадили*, и на сѣдалищѣ губителей не сѣде, ну тогда будешь терпѣть вся тяжкія, въ бѣдности и ничтожествѣ, это все отъ Христа и страданія отъ страданія его, и раны отъ ранъ его. Онъ не имѣлъ власти и богатства и его сыны не имѣютъ ихъ.

— Да вѣдь Христосъ былъ сынъ царскій—замѣтилъ я.

— Онъ былъ племени Давыда, а не сынъ царскій; Іосифъ-то былъ просто плотникъ. Нѣтъ, я вамъ доложу, Христосъ былъ какъ есть простой человѣкъ, то есть простаго званія. И ремесло плотничье, честное ремесло. Плотники устрояютъ домы Божіи и святые престолы въ нихъ.

— Отчего-жъ это теперича значитъ житья нѣтъ? спросилъ одинъ изъ мужиковъ. Куда это не обернешься все это дорого и скверно. Всякъ тебя обижаетъ, разоряетъ въ конецъ, и нигдѣ это управы не найдешь!

— А вотъ отчего. Скажу я, вамъ, мои други милые, было двѣнадцать сновъ, посланныхъ царю Мимамеру и эти двѣнадцать сновъ растолковалъ ему мудрецъ по имени Шахарадъ. Объ этомъ есть такая старинная книга, въ ней объясненіе всѣхъ его сновъ значитъ. Книга эта писана за нѣсколько тысячъ лѣтъ и вѣковъ, а теперь все, что въ ней сказано, исполняется.

— Вишь ты! за нѣсколько тысячъ лѣтъ! воскликнули мужики.

— Да! продолжалъ разнощикъ. Ну и въ этой книгѣ братцы вы мои, все это и говорится. Видѣлъ этотъ царь Мимамеръ людей, подобныхъ всѣмъ, сказано, человѣцемъ, но изъ устъ и ноздрей и ушей изрыгали пламя, огнь, дымъ, смрадъ, зловоніе и жупелъ. И на главахъ ихъ были вѣнцы златые разныхъ степеней власти надъ человѣками. И пріиде велій смрадъ и огнь вѣчный, и, разтерзавъ, поглотилъ всѣхъ изрыгавшихъ пламя, дымъ въ свою утробу разожженную. Это значитъ они пошли къ отцу ихъ дьяволу. Потомъ видѣлъ онъ, этотъ царь Мимамеръ, что ходятъ желѣзные носы и клюютъ всѣхъ, и кого клюнутъ, того постигаютъ скорби лютыя и печали великія, нужда, нищета и гладъ. И исклевали тѣ желѣзные носы всю правду на землѣ.

— Какіе же это носы? спросила чуйка.

— Не знаешь? а много ихъ. Подумай-ка: что за носы клюющіе правду?

— Какіе-же это такіе носы?

— Желѣзные? эхъ-ма! голова! да ты видалъ-ли примѣрно хоть становыхъ или кого-нибудь изъ приказной братіи? бывалъ въ судахъ?

— Да развѣ у нихъ носы желѣзные?

— Что носы! други вы мои милые! носы ихъ только въ рюмки смотрѣть горазды. А вотъ пишутъ-то они чѣмъ? вѣдь Господь показалъ писать перьями гусиными, на то онъ Творецъ премудрый и многомилостивый перья птицѣ-гусю далъ. Все праведное и святое гусиными перьями писано и Библія святая, и Евангеліе Христово и писанія апостоловъ господнихъ и житія святыхъ, все писано гусиными перьями. А теперь вотъ пошли перья желѣзныя, ходятъ они по міру Божьему и творятъ зло и клюютъ правду. Съ той поры и пошло разореніе, нужда и кривда.

— И долго-же это будетъ?

— Долго-ли, коротко-ли про то одинъ Господь знаетъ. А всѣ эти бѣдствія будутъ рости и умножаться до-тѣхъ-

поръ, пока не пріидетъ Христосъ со славою, и устроитъ царство свое: и будетъ едино стадо и единъ пастырь.

— А что вы, старой вѣры? спросилъ я.

— Кто, мы? спросилъ разнощикъ.

— Да.

— Нѣтъ мы, значитъ не старой вѣры, а съ измальства писаніе святое читали и разныя книги божественныя; ходишь по свѣту бѣлому, мало-ль чего насмотришься и научишься.

— Я чай и страстей-то навидался и натерпѣлся! проговорила чуйка.

— Всего бывало. Вотъ, онамеднясь, чуть-было въ бѣду не попался.

— Какъ-же это? спросила чуйка.

— Да вотъ, братцы вы мои, шелъ я это шелъ, путемъ дорогою да и запозднился. Пала ночь, дождикъ такъ и хлещетъ, потьма такая, что не приведи Богъ! вижу огонекъ, ну, слава Создателю, думаю, переночую по крайности. Подхожу, анъ это постоялый дворъ и стоитъ онъ, что твой перстъ, одинъ-одинешенекъ. А мѣсто-то, други вы мои, пустое препустое, совсѣмъ дикое, лѣсъ, да боръ. Взошелъ я это на постоялый дворъ, помолился какъ слѣдовать быть должно, и сѣлъ въ уголку. Перезябъ это я гораздо и попросилъ чайку; напился, съѣлъ кусочикъ пирога съ горохомъ и прилегъ вздремнуть, а коробку значитъ хозяинъ спряталъ въ чуланъ. Пріѣхали какіе-то люди, надо быть купцы или Богъ ихъ вѣдаетъ кто, всю ночь это они бражничали, пѣли пѣсни, а къ свѣту и поссорились. Поссорились и принялись пьяные драться, только одинъ изъ нихъ, какъ хватитъ ножъ да товарища прямехонько подъ сердце, тотъ и не пикнулъ, хоть-бы голосъ подалъ, такъ и свалился. Я давай Богъ ноги, еле уплелся!

— Чего же вы испугались? спросилъ я.

— Какой же еще напасти-то? Наѣдетъ судъ, слѣдствіе,

посадятъ въ тюрьму и пошли тягать. Да тутъ душу всю вытянутъ, въ-досталь разорятъ, въ острогѣ сгніешь.

— Да вѣдь вы ни въ чемъ не виноваты!

— Въ этомъ-то вся и статья значитъ. Примѣрно будь я виноватъ, такъ тогда легче гораздо. Запирайся тамъ себѣ, коли совѣсть не зазритъ, знать молъ не знаю и вѣдать не вѣдаю, а тутъ тебя на поруки и отдадутъ. Этакъ многіе ослобонились; вѣдомо вотъ, что воры и душегубцы, а ничего ходятъ по бѣлу свѣту. Есть у меня знакомый прудникъ, онъ значитъ мельницу содержитъ, еще и кумомъ мнѣ приходится. Ну, этотъ прудникъ имѣлъ деньгу, много-ли, мало-ли, не знаю врать не хочу, а только имѣлъ. Разъ ночью слышитъ онъ, что кто-то въ двери толкается. Спрашиваетъ: кто тамъ? говорятъ мы. Кто вы такіе? что надо? — отвори, говорятъ тебѣ нужно. Смѣкнулъ онъ этимъ дѣломъ, что значитъ не за добромъ къ нему идутъ. Вышибли двери и влѣзли. Кумъ, прудникъ-то, зачалъ съ ними короводиться, бился, бился, кому попало въ рожу, кому куда, всѣхъ перемѣтилъ, только значитъ не сообразился съ ними, одолѣли они его, тоже избили лихо. Связали ему руки и ноги, деньги выбрали изъ одежи захватили, что было получше, да и говорятъ: смотри, жаловаться не смѣй, а то не сдобровать тебѣ и мельницу твою сожжемъ и тебя убьемъ какъ собаку; Тогда не пеняй, самъ виноватъ будешь. Прудникъ на перво-то смолчалъ, а потомъ взяла его злость. Какъ, други вы мои милые, слышитъ, что вотъ по сосѣдству рукой подать въ деревнѣ, солдатъ отставной и какіе-то неизвѣстные люди пьянствуютъ и деньгами такъ и сыплютъ. Злость его взяла.

— Да какъ тутъ не возьметъ злость, когда твои деньги проматываютъ и сорятъ ими какъ-будто своими собственными! замѣтила глубокомысленно чуйка.

— Вѣстимо, свое добро такъ взговоришь! сказалъ мужикъ. Пошелъ кумъ, продолжалъ коробочникъ, и объявилъ.

Объявилъ это онъ, други вы мои милые, кому тамъ слѣдуетъ, вотъ и забрали всѣхъ этихъ людей, повели въ городъ и посадили въ острогъ. Чего-бы кажется? все какъ есть видно. Ну, думаетъ себѣ прудникъ, скрутили молодцевъ рабовъ Божiихъ,—теперь не вырвутся, да и деньги возвратятъ хоть, и не всѣ. Чтожъ вы думаете, братцы мои! Шло это дѣло безъ малаго не полгода. Наконецъ денегъ прудниковыхъ не отъискали и душегубцевъ оправили и выпустили, — всѣ назадъ попришли. Прудникъ такъ и обмеръ какъ увидѣлъ ихъ. Ну, говоритъ, не сдобровать мнѣ теперь! Не знаю живъ-ли теперь, сердечный, али ужъ его уходили.

— Чтожъ это за распорядокъ такой! сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Эхъ ты! голова! отвѣчалъ другой. Извѣстно дѣло какой распорядокъ, всегда такъ бываетъ, только поклонись мошной, тамъ не спрашиваютъ своей-ли или чужой, все едино, оправятъ.

— Такъ вотъ, продолжалъ коробочникъ, стой на своемъ— ослобонятъ! А коли зазрила совѣсть, покайся во всемъ, ну тебя присудятъ и сошлютъ тамъ въ Сибирь что-ли: все легче, чѣмъ въ острогѣ-то гнить. Ну, а попадешься въ свидѣтеляхъ такъ нѣтъ хуже. Затаскаютъ и заморятъ въ тюрьмѣ. Виновныхъ, смотришь, давно уже или ослобонили или сослали, а тебя все тягаютъ, да мучатъ, у насъ ужъ такой распорядокъ.

— Да ужъ эти суды, да становые такъ чтобъ ихъ! проговорилъ мужикъ и Бога въ нихъ, знать, нѣтъ что-ли! Вотъ, онамнясь, съ нами рядомъ изъ нѣмцевъ управляющiй засѣкъ и забилъ мужика. Видимое дѣло грѣхъ случился. Пошелъ онъ къ становому, разумѣется не съ пустыми руками, а тамъ сколько надобно за душу христiанскую. Прiѣхалъ становой, велѣлъ выкопать яму, дѣло было въ самые петровки, пекота стояла страшнѣющая. Велѣлъ этотъ становой, сложить мертваго въ яму и поливать водою, говоритъ: чтобы

не испортился. Ладно! Лили, лили на него воду, вотъ малаго и разнесло и раздуло всего. Потомъ становой говоритъ, надо просушить, да два дня на солнцепекѣ продержалъ. Вмѣсто человѣка, осталось Богъ знаетъ что, и взглянуть такъ съ души воротитъ. Пріѣхалъ дохтуръ и судъ, рѣзали малаго на часточки, расплостали что твою севрюжину и нашли, что отдалъ Богу душу, значитъ по своей причинѣ. Заговорила вотчина, дескать его забили и засѣкли, всѣ сами и рубцы видѣли. Вотъ и осерчали это они всѣ. Гдѣ, говорятъ, рубцы? дохтуръ смотрѣлъ, мы смотрѣли да ничего не нашли, а вы сиволапы, видѣли!

— Ну чтоже? спросила чуйка.

— Ничего! Такъ тѣмъ дѣло и замирилось. Истинно, что послѣднія времена! Коли нѣтъ у тебя достатку, коли ты не воръ не злодѣй, не душегубецъ такъ тебѣ и житья нѣтъ на свѣтѣ! Просто хоть ляжь да умирай.

— Постойте, сказалъ я, вотъ теперь будетъ лучше, теперь дана вамъ свобода.

— Оно такъ-то такъ! Да кто ее знаетъ, еще мы не видали ее, что это значитъ за свобода такая. А кто ихъ вѣдаетъ можетъ и лучше будетъ, должно быть лучше, коли дѣлаютъ, а мы народъ темный!

— Развѣ вы не рады волѣ?

— Какъ не рады, оченно рады. Только значитъ въ толкъ ее еще не возьмемъ, какъ это она будетъ. По-нашему, примѣрно, по-мужицкому, коли воля, такъ дали-бы намъ земли клочокъ: на, дескать, живи какъ знаешь, хошь нанимайся у барина, а не хошь иди на всѣ четыре стороны, и ни становой, никто тебя не прижметъ, не обдеретъ. А то примѣрно хошь вольные это крестьяне, чтожъ они развѣ лучше насъ помѣщичьихъ живутъ? Я примѣрно знаю помѣщика, а тамъ и голова и писарь, и сотскій, и еще какіе это, кто ихъ знаетъ всякъ лупитъ и деретъ. И спины-то у нихъ у вольныхъ строчены хуже чѣмъ барскихъ, да и карманы очи-

щены ловко! Конечно, есть господа, что твои Пилаты, ну, а остальные ничего. А становой и исправникъ, всѣ одинаковы.

— Безъ нихъ тоже нельзя, кто же будетъ творить судъ и расправу.

— Такъ-то такъ!

— Только правды-то отъ нихъ не жди! вмѣшался коробочникъ. Первое, ихъ господа выбираютъ, ну, они разумѣется противъ своихъ не пойдутъ и будутъ тянуть все на барскую руку, отъ нихъ мужичокъ и не жди правды, коли его забидитъ баринъ. А и то надо сказать, что выбираютъ-то какъ есть самую шушеру.

— По-нашему, по-мужицкому: собрались-бы мы всѣмъ міромъ, да и присудили-бы, что нужно и когда. Міръ, коли въ немъ нѣтъ никого заглавнаго, никого не обидитъ! Всѣ видятъ какъ быть должно

— Ну братъ, замѣтилъ я, неужели уже не погрѣшите?

— Простите, батюшка, мы люди темные, болтаемъ значитъ сглупу, по-мужицки.

— Ничего, баринъ добрый! сказалъ разнощикъ. Такъ вотъ какія дѣла-то дѣлаются.

Въ это время подъѣхалъ паромъ

— Ну, надыть ѣхать! заговорили мужики.

— Вы куда? спросилъ коробочникъ чуйку.

— Въ городъ.

— Такъ! значитъ гдѣ ни-на-есть были?

— Да мы по деревнямъ ѣздимъ, волну *) скупаемъ.

— Такъ!

Мужики тронули возы. Вдругъ раздался громкій крикъ и ругательства. Бѣлое парусинное пальто выходило изъ себя, какъ смѣли мужики прежде его взъѣхать на паромъ. Ткнувши одного въ зубы, другаго въ шею, парусинникъ взвезъ на паромъ свою кибитку.

*) Волна — овечья шерсть.

— Вишь развоевался! — проговорилъ коробочникъ.

— Кто это? спросилъ я.

— А кто его знаетъ, должно быть баринъ, или изъ чиновныхъ.

Мой извощикъ стоялъ уже на паромѣ. Я и коробочникъ взошли также на паромъ по танцовавшимъ бревнамъ. Съѣзды заложили шестами и мы отчалили. Паромъ состоялъ изъ плота, который отъ тяжести двухъ бричекъ погружался въ воду дотого, что она выступала на дрянную настилку и мочила ноги. Бѣлое парусинное пальто посматривало на меня съ пренебреженіемъ какъ кажется за то, что я разговаривалъ съ мужиками.

— Ну что вы часто бываете въ этой сторонѣ? спросилъ я коробочника.

— Часто. Извѣстно дѣло идешь постоянно, пока не обойдешь всего пространства. Всю исходилъ эту сторону какъ есть.

— Чтожъ хорошая сторона?

— Ничего, сторона хорошая. Кажется, чего-бы не жить! Жить можно! Какой еще стороны! и живи небѣдно себѣ, всего-бы кажется должно быть въ волю. Да ничего не подѣлаешь: тѣсно жить, ни за что приняться нельзя, ничего не подѣлаешь!

— Отчего?

— Оттого, что ужъ распорядокъ такой, вездѣ надобны деньги, за все плати, того нельзя, другаго не смѣй, за третье шкуру дерутъ. Должно быть ужь планида такая вышла. Тѣсно жить.

— Какъ тѣсно?

— Да такъ, тѣсно да и только, значитъ развернуться нельзя, ничего не подѣлаешь; всѣ пути заказаны и тяжесть большая лежитъ. Вѣдь вотъ все это мудрецъ Шахарадъ объяснилъ царю Мимамеру. И тягота эта будетъ рости и множиться, доидеже предѣлъ не придетъ. Все это предска-

зано въ писаніи: и голодъ, и страда, и бѣдность, и дороговизна, и напасти. Все исполняется, нѣтъ ни правды, ни защиты! Разореніе кругомъ. Тяжко житье.

— Ну, а ваша какъ торговля идетъ?

— Ничего благодареніе Богу, питаемъ свою грѣшную душу, пока не пошлетъ по нее Господь.

— Торговать значитъ выгодно?

— Да какъ вамъ сказать? Какъ торговать. Если торгуешь по совѣсти, такъ конечно барышъ не большой, ну а съ обманомъ такъ и попадешь ловко въ карманъ. Наше дѣло такое, что его надобно знать да знать, гдѣ, что и какъ надлежитъ. Кто нашего дѣла не знаетъ, тотъ ни въ жизнь не пойметъ, хоть ты ему разсказывай какъ хочешь. На все своя сноровка, а безъ того проторгуешься. Только иногда какъ попадешься въ лапы желѣзному носу, да онъ тебя поклюетъ,—извѣстно, съ приказью слово сказалъ, такъ давай ему деньги, — ну такъ поневолѣ обманешь и другаго, чтобъ наверстать свое. Охъ-хо-хо-хо! Приказь это видно за грѣхи Богъ послалъ ее въ наказанье тяжкое! Они-то въ тяготѣ дѣлаютъ тяготу, гдѣ и такъ тяжело, а они придавятъ. Кажись, не будь прикази, иначе-бы и свѣтъ шелъ, легче и привольнѣй и жить-бы было! Приказь это, что твои шолуди, лихоманка и недуги страшные, затерзали совсѣмъ. И что это за люди — шушера! Обиралы!

Паромъ подъѣхалъ къ берегу. Начали собирать за перевозъ.

— Какую тебѣ плату — закричало бѣлое пальто. Развѣ ты не видишь! Я чиновникъ земскаго суда!

Извощикъ подогналъ лошадей и мимо меня замелькали опять поля и луга, да покривившіяся курныя избенки.

ЕВСѢЙ КУЛАКОВЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

I.

Какъ посмотришь назадъ, на пройденный путь жизни, невольно станетъ тяжело и грустно! Боже, Боже! сколько прожито, какъ далеко умчалось то, что, кажется, было еще такъ недавно! Гдѣ вы, радости? гдѣ вы, надежды юности, золотые сны? Гдѣ лица милыя, съ которыми рука объ руку шелъ нѣкоторую часть жизненнаго пути, которыхъ такъ любилъ? Здоровые, сильные, полные надеждъ и энергіи — гдѣ вы? живы-ли вы? идете-ли вы все къ своей цѣли? слышите-ли голосъ мой? или васъ взяла могила и заснули, исчезли ваши богатырскія силы безъ слѣда и безъ пользы, сраженныя раннею смертью? А нѣтъ—можетъ быть еще хуже: пропадаютъ, надрываются эти силы въ борьбѣ съ нуждою, съ мелочами жизни, съ горькою судьбою! Развѣется жизнь прахомъ, разольется въ мелкія капли и пропали сильные дѣятели на пользу человѣчества. Многіе изъ васъ своротили съ прямой дороги, позабыли цѣль, къ которой стремились, перемѣнили взгляды и убѣжденія. Веселы-ль вы! каково вамъ живется на свѣтѣ? А время летитъ и летитъ? а жизнь льется и льется и уноситъ все — и людей, и радости, и страданія, и враговъ, и милыхъ, и надежды, и

упованія! Живешь день за днемъ и точно отстаешь отъ общаго движенія жизни, остаешься одинъ, мало-по-малу вся знакомая обстановка уносится, является новая. Другія и совершенно чужія лица, другія чувства! Откуда все это и гдѣ старое! Грустнымъ взглядомъ посмотришь вокругъ, съ грустью и тоскою заглянешь въ самаго себя! Откуда эти чувства, откуда это отчаяніе, вѣдь еще недавно сердце билось золотою надеждой! Откуда сомнѣнія, вмѣсто твердой увѣренности? Давно-ли вѣрилъ въ себя, въ свои силы, въ человѣка, въ общество, въ стремленіе къ лучшему, въ побѣду истины? — а теперь — теперь я ни во что не вѣрю! Темно будущее, пошло настоящее, такъ улыбнемся прошедшему....

Разъ, послѣ обѣда, я лежалъ на диванѣ съ трубкою въ зубахъ и въ полудремотѣ пускалъ легкія облака дыму, гулявшаго надо мною какъ тучи въ осенній день. Я былъ въ томъ положеніи, когда грезы сливаются съ дѣйствительностью и дѣятельность готова перейти въ сонъ. Всѣ органы какъ-то пріятно разслабляются, спокойствіе проливается по всему тѣлу, кажется, ни за что-бы не пошевельнулся! Еще мгновеніе—и глаза закроются, заснешь крѣпко, сладко.

Въ это время дверь съ шумомъ растворилась и вошолъ высокій, красивый офицеръ въ форменномъ сюртукѣ съ бѣлыми гладкими пуговицами. Я медленно поднялся съ дивана и съ недоумѣніемъ разсматривалъ вошедшаго; тотъ бросилъ на стулъ свою фуражку и кинулся обнимать и цѣловать меня.

Всматриваюсь, что за пропасть!—Кулаковъ, мой старинный, школьный пріятель, другъ, котораго я такъ давно не видалъ.

Долго мы обнимались и цѣловались, наконецъ усѣлись. Я пристально посмотрѣлъ въ лице Кулакову. Какъ онъ перемѣнился! видно, что пожилъ на свѣтѣ! Кулаковъ въ школѣ считался красавцемъ и въ него многіе изъ товарищей, отличавшихся поэтическою природою, были влюблены. Дѣй-

ствительно, Евсѣй отличался хорошенькимъ личикомъ, женскою нѣжностью и какимъ-то кокетствомъ. Онъ былъ граціозенъ, милъ, беззаботенъ и веселъ. Лице его носило отпечатокъ плутовской шутливой улыбки. Теперь его было трудно узнать, такъ онъ перемѣнился. Женственность и нѣжность изчезли, бѣлизна и румянецъ лица изчезли, глаза впали, большіе усы давали его физіономіи суровое выраженіе, еще болѣе усиливавшееся нѣсколькими легкими морщинами на лбу. Онъ носилъ длинные волосы, но это плохо скрывало начинавшуюся лысину.

— Какъ живешь? спросилъ меня Кулаковъ.

— Такъ себѣ.

— Какъ всегда, мечтателемъ! Ну, а я такъ распорядился иначе, я женатъ, у меня ужъ и сынъ есть.

— Поздравляю тебя отъ всей души. Скажи, пожалуйста, гдѣ ты? что ты? что это на тебѣ за форма? Какъ ты попалъ сюда?

— Я, во-первыхъ, Евсѣй Кулаковъ, во-вторыхъ — поручикъ, въ третьихъ, форма на мнѣ гарнизонная, въ четвертыхъ.... объ чемъ, бишь, ты меня спрашивалъ?

— Какъ и за что ты попалъ въ гарнизонъ?

— По собственной своей волѣ, произволу и хотѣнію.

— А сюда какъ ты попалъ?

— Пѣшкомъ, съ партіею рекрутъ.

— Гдѣ-жъ твоя жена? Да разскажи мнѣ свои мудреныя похожденія.

— Изволь! Но прежде всего на радости свиданія надобы было выпить, вѣдь мы не нѣмцы, слава Богу, чтобы сидѣть за грошевой сигаркой! Ахъ, кстати, какими я тебя сигарами попотчую, прелесть! Я досталъ случайно контрабанду. Ну, посылай-же скорѣе за шампанскимъ.

Онъ подалъ мнѣ бумажку въ десять рублей серебромъ.

— За чѣмъ-же? сказалъ я, я и безъ тебя пошлю.

— Ну, ладно, прибавь своихъ пожалуй, да и вели взять

на всѣ. Ты со мною не церемонься: это я ставлю триста рублей неожиданныхъ.

— Какъ неожиданныхъ?

— Пришли ко мнѣ въ карманъ триста цѣлковыхъ нежданно, негадано, вотъ и все!

— Чтожъ, ты ихъ на улицѣ нашелъ, или они тебѣ съ неба свалились?

— Ни то, ни другое! Я собралъ ихъ съ пробѣловъ моихъ, или лучше сказать съ пробѣловъ въ моей книгѣ.

Онъ звонко и весело засмѣялся, какъ смѣялся давно въ школѣ. Смѣхъ этотъ перенесъ меня разомъ на нѣсколько лѣтъ назадъ, и точно-будто на время что-то отогрѣлось въ душѣ, шевельнулось въ сердцѣ—тамъ, гдѣ давно уже смерть и сомнѣнье.

— Для тебя это все загадки! продолжалъ онъ, ну, постой, начну свою исповѣдь, такъ поймешь все.

Принесли шампанскаго. Кулаковъ безъ дальнихъ церемоній отбилъ горлышко и налилъ стаканы. Мы выпили другъ за друга, за его жену и сына, за прошедшую дружбу, за настоящее свиданіе и за будущее счастіе.

Кулаковъ закурилъ сигару и началъ разсказъ:

II.

Меня произвели въ офицеры въ армію, въ какой-то чуть не кислосладкій пѣхотный полкъ, который въ то время былъ на маршѣ. Я весело догонялъ его, на сердцѣ было легко, въ головѣ постоянно шумѣло, въ карманѣ деньги, мать прислала на обмундировку, копила кажется старуха года три, собирая всѣ средства и отказывая себѣ во всемъ. Добрая была старушка, царство ей небесное! Прибавь къ этому обаяніе перваго офицерскаго чина и множество надеждъ

впереди, и ты поймешь что это путешествіе было едва-ли не лучшими минутами въ моей жизни. Въ городахъ, которые мнѣ попадались на дорогѣ, я иногда засиживался довольно долго и преимущественно по слабости своего сердца къ хорошенькимъ женщинамъ. Если я случайно встрѣчалъ на улицѣ личико, нравившееся мнѣ, я, не долго думая, располагался въ городѣ и принимался волочиться. Иногда отъѣзжалъ съ носомъ, а иногда мои исканія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Эхъ, славное было время!

Понятно, что такія продѣлки стоили денегъ и дѣло кончилось тѣмъ, что, не догнавши полка верстъ полтораста, я сѣлъ безъ гроша денегъ какъ ракъ на мели. Однако-же я не унывалъ. Остановился въ гостинницѣ, заказалъ себѣ лучшій обѣдъ и отправился посмотрѣть городъ. Какъ на зло, встрѣчались мнѣ все хорошенькія, чортъ знаетъ, что за досада! Продалъ я кое-какія вещи, которыя были не такъ нужны, кутнулъ напослѣдокъ и поѣхалъ догонять полкъ.

Полковаго командира я увидѣлъ въ первый разъ и имѣлъ честь ему представляться на почтовой станціи, гдѣ полковникъ изволилъ останавливаться на ночлегъ. Полковникъ меня принялъ, какъ слѣдуетъ начальнику подчиненнаго, гордо, важно. Наговорилъ мнѣ кучу наставленій и сентенцій о службѣ, распространился о нравственности, потомъ разспросилъ гдѣ я воспитывался, откуда родомъ, кто мои родители и прочее. Когда уже спрашивать больше было нечего, онъ отпустилъ меня и велѣлъ зайти къ полковому адъютанту. Полковой адъютантъ принялъ меня также гордо, съ покровительственнымъ тономъ и далъ нѣсколько наставленій въ формѣ совѣтовъ. Полковой адъютантъ былъ очень забавный господинъ. Представь себѣ: маленькій, красненькій, вѣчно раздушеный, напомаженый и завитой. Волосъ собственныхъ у него было очень мало, зато парикъ — великолѣпный. Онъ, то есть полковой адъютантъ, считался первымъ дамскимъ кавалеромъ не только въ полку, но даже

въ цѣлой дивизіи. Онъ былъ всегда перетянутъ въ рюмочку, говорилъ сладко и большею частію по-французски. Разумѣется, рѣчь его была до приторности усѣяна комплиментами и любезностями. Но торжество его составляли эполеты. Такихъ эполетъ не было ни у кого, въ нихъ были вдѣланы табакерки съ музыкою. Табакерки заводилися снизу, а звѣздочки служили для перемѣны ихъ. Бывало стоило только прикоснуться къ его эполетамъ и музыка играла или вальсъ Хлопицкаго, или мазурку Масницкаго, или французскій кадриль. Злые языки въ полку прозвали адъютанта ходячею музыкою, но ходячая музыка дѣлала страшный фуроръ въ обществѣ и нерѣдко сами насмѣшники отплясывали до десятаго поту подъ звуки адъютантскихъ эполетъ.

Адъютантъ въ послѣдствіи очень полюбилъ меня за то, что я тоже былъ дамскій кавалеръ, но такъ-называемыхъ бурбоновъ онъ ненавидѣлъ и обыкновенно говорилъ объ нихъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Знаешь, бывало скажетъ:

— Дрянь такая, что силъ нѣтъ! и найтись не умѣютъ! Тутъ иногда нарочно возьмешь, да и отдавишь дамѣ ногу, чтобы потомъ извиниться. Ну ужъ тутъ и разсыпешься! Любезникъ былъ этотъ адъютантъ!

Меня назначили въ пятую роту и я отправился догонять ее. Это было утромъ, дорога гладкая, широкая, славная. Вижу—идетъ рота, спрашиваю: которая?—Пятая.

— Гдѣ ротный командиръ?

— Впереди, ваше высокоблагородіе!

Я пустился обгонять роту и просто остолбенѣлъ отъ удивленія. Впереди ѣхала телѣга, запряженная парою, на два бока ея была положена доска, накрытая скатертью; на доскѣ кипѣлъ небольшой походный самоваръ и стояли другія принадлежности чая. Разливала чай молоденькая, недурненькая дамочка—жена ротнаго командира. На телѣгѣ полулежали два офицера со стаканами въ рукахъ, а позади этой колесницы шли пѣсельники, били въ бубны, въ та-

релки, въ барабаны, и подъ рѣзкіе звуки кларнета горланили во всю мочь:

Ой, Дунюшка! ой, Дунюшка!
Ой, Дунюшка Ѳомина, Ѳомина!
По бережку, по бережку,
По бережку ходила, ходила,
Правой рукой, правой рукой,
Правой рукой махала, махала!

Офицеръ, у котораго усы были длиннѣе, подергивалъ плечами и подщелкивалъ языкомъ. Это былъ мой ротный командиръ. Я подъѣхалъ къ нему и явился.

— Ахъ, очень радъ, очень радъ! заговорилъ онъ, — прошу любить да жаловать. Пожалуйте сюда, безъ церемоніи, на телѣжку! Самсоновъ, подсади прапорщика! Вотъ такъ, честь имѣю рекомендовать: это моя жена Варенька! Варя—прапорщикъ Кулаковъ. Это поручикъ Долбинъ. Неугодно-ли вамъ чаю? Да присядьте, вотъ такъ, на бокъ-то!

Мнѣ дали стаканъ чаю, съ одной стороны сунули булку, съ другой сигарку и осыпали вопросами о Петербургѣ, о новостяхъ, о политикѣ. Черезъ двѣ минуты мы были какъ старые знакомые. Предобрые они были люди.

Ротный командиръ мой весь погрязъ въ поэзію устава и фронта, въ свободное же время въ поэзію солдатскихъ пѣсенъ. Бывало, пѣсельники соберутся, поютъ, а онъ сидитъ около нихъ, покуриваетъ изъ фарфоровой трубки съ такимъ коротенькимъ чубучкомъ, что дымъ изъ трубки прямо шелъ въ носъ, за это такія трубочки зовутъ *носогрѣйками*. Ну, такъ сидитъ онъ, куритъ трубочку, да слушаетъ, и смотря по пѣсни, заунывная — такъ всплакнетъ, слезы такъ и закапаютъ, а веселая—ну такъ всѣ его суставчики такъ и заговорятъ, онъ притопываетъ, прищелкиваетъ, присвистываетъ и подергиваетъ плечами, чуть въ плясъ не пускается.

Долбинъ со взводомъ стоялъ въ другой деревнѣ, и такъ,

съ Варенькой, мы оставались по цѣлымъ днямъ наединѣ, вмѣстѣ гуляли, читали, разговаривали и наконецъ сблизились какъ нельзя болѣе.

Я плавалъ въ восторгѣ, въ неизъяснимомъ блаженствѣ, которое человѣкъ испытываетъ только разъ въ жизни при первой интрижкѣ съ порядочной женщиной, съ женщиной достойной не только любви, но и уваженія. Съ ротнымъ командиромъ мы были тоже друзьями. Такъ прошелъ первый годъ. Черезъ годъ мой ротный командиръ нашелъ себѣ какое-то мѣсто и вышелъ въ отставку. Я скучалъ ужасно, вокругъ меня осталась пустота.

III.

Съ этого времени я началъ кочующую жизнь. Лѣтомъ лагери, а зимою, какъ придемъ на квартиры, отправляемся бывало объѣзжать помѣщиковъ. Познакомиться нашему брату офицеру очень легко. Пріѣхалъ, отрекомендовался и уже какъ дома, живешь дня три или цѣлую недѣлю, играешь съ стариками въ карты, любезничаешь съ барышнями, иногда въ альбомъ напишешь, возьмешь на память какой-нибудь бантикъ, ленточку и уѣдешь къ другимъ, къ третьимъ. Вездѣ рады, принимаютъ, не знаютъ какъ угостить. Въ деревнѣ скучно, вдругъ является новое лице, да еще могущее быть женихомъ, такъ можешь судить какъ принимаютъ — чуть на рукахъ не носятъ. Бывало, хочешь уѣхать, такъ не пускаютъ, а нѣкоторые лошадей запирали въ конюшнѣ.

Весело было, чортъ возьми! Эхъ, времячко золотое. Я постоянно былъ влюбленъ и засахаренъ какъ сосулька. Нерѣдко доходило до того, что разомъ влюблялся въ четырехъ или въ пятерыхъ барышень и, хоть убей, не зналъ которой отдать преимущество, которую больше люблю.

Такъ прошло года два. Человѣкъ рѣдко бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ! Я сначала съ какимъ-то опьяненіемъ, съ восторгомъ погрязъ въ этотъ міръ вздоховъ, сентиментальныхъ любезностей, платонической страсти, танцевъ и альбомныхъ стишковъ. Потомъ мнѣ этого показалось мало. Я желалъ другихъ правъ и преимуществъ. Я началъ свататься. Бывало, гдѣ только постоишь, вездѣ есть невѣсты двѣ или три, — и жизнь моя пошла восхитительно. Можешь себѣ представить: пріѣдешь, принимаютъ какъ жениха, маменька и папенька въ полномъ упованіи сбыть съ рукъ дочку, не знаютъ какъ угодить, смотрятъ въ глаза, угощаютъ обѣдами, узнаютъ, что я особенно люблю, просто на рукахъ носятъ. А дочки дарятъ поцѣлуями, пожатіями руки, сердечными признаніями. Поживешь съ недѣлю, поворкуешь, нацалуешься, напьешься, наѣшься, маршъ къ другой невѣстѣ, потомъ къ третьей, потомъ опять къ первой и такъ далѣе. Смотришь—зима и пролетѣла! Эхъ, чудное было время! Весело пожилось! Цѣлые чувствительные романы разыгрывались! На слѣдующій годъ новая стоянка и новыя невѣсты, а старыя, я думаю, до-сихъ-поръ еще ждутъ!

— Развѣ хорошо такъ играть сердцемъ дѣвушки? замѣтилъ я.

— Э, братъ, да ты Сенекой сдѣлался! Какое тутъ сердце! Что, ея развѣ убудетъ оттого, что она нѣсколько разъ меня поцѣлуетъ! Губы не сахарныя -- не растаютъ. А вѣдь, напротивъ, ей-же лучше, будетъ она же потомъ высчитывать: «у меня вотъ сколько было жениховъ, да я всѣмъ отказала»! По-крайней-мѣрѣ скажетъ на половину правду. Послушай ихъ, у нихъ у всѣхъ была куча жениховъ, а на самомъ дѣлѣ на иную ни одинъ голодный писарь не взглянулъ съ вожделеніемъ! Ну и выходитъ, что дѣвочка въ выигрышѣ— задала тонъ, да и я не въ проигрышѣ. Ей также пріятно поиграть въ любовь, значитъ дѣло-то ко взаимной пользѣ и

ко взаимному удовольствію! Къ чорту-ли тутъ твоя мораль! Выпьемъ-ка за здоровье моихъ невѣстъ! Я вѣдь, братъ, ихъ любилъ всегда платонически. Для житейскихъ требъ отвѣчали маменьки, вдовушки и вѣрныя, нѣжныя жены. А къ барышнямъ я только сватался.

— И ты ни разу не былъ наказанъ за это?

— Все сходило съ рукъ какъ нельзя лучше. Уйдешь бывало въ лагери, обѣщаешь писать, пріѣхать и разумѣется выпустишь въ трубу, съ клятвами и увѣреніями. А нѣтъ, такъ уѣдешь просто, не говоря ни слова. Ищи потомъ съ собаками по всей Россіи. Къ нѣкоторымъ впрочемъ я писалъ письма отъ имени товарища, что, дескать, Кулаковъ умеръ, твердя ваше имя и прижимая къ сердцу отрывокъ ленточки отъ завязокъ вашего башмака.

Разъ только пришлось мнѣ плохо. Задали баню, до-сихъ-поръ жарко. Какъ-то разъ пришли мы на прежнюю стоянку. Въ такомъ случаѣ полковой адъютантъ распредѣлялъ роты такъ, чтобы той, въ которой былъ я, пришлось стоять подальше отъ деревень, обитаемыхъ моими невѣстами. Онъ зналъ всѣ мои продѣлки. Наша рота занимала караулъ въ полковомъ штабѣ. Разъ я сижу у себя дома, у меня было человѣкъ пять гостей: офицеры нашего полка и двое или трое изъ жителей горсда. Мы преспокойно сидимъ, попиваемъ и мечемъ *ланцушку*.

Вдругъ слышимъ, что кто-то подъѣхалъ. Растворяются двери, смотрю — одна изъ моихъ прошлогоднихъ невѣстъ изволила пожаловать съ своими родителями.

— Развѣ такъ дѣлаютъ благородные люди? завопили они, обѣщали жениться, по всему уѣзду женихомъ объявлены, а вы и глазъ не кажете! за другихъ сватаетесь! Надъ нами всѣ смѣются! — и пошли, и пошли писать.

Слезы, возгласы, вопли, обмороки, истерики, — просто хоть караулъ кричи. Я было ихъ уговаривать такъ сякъ, куда тебѣ! — Въ церковь! вѣнчаться — да и только. Я от-

казываюсь. — Нѣтъ, говорятъ, батюшка, посватался такъ женись!

— Да мало-ль, говорю я, на своемъ вѣку за кого я сватался, не могу-же я жениться на всѣхъ,

— Нѣтъ, братъ, вздоръ! то другіе, а то мы! Знай, съ кѣмъ имѣешь дѣло! Не задѣвай дворянской амбиціи!

Ну, спорили мы, спорили, ничего не рѣшили. Побѣжали они къ полковнику. У самыхъ дверей полковаго командира маменька и дочка растянулись въ обморокѣ, а старикъ отецъ реветъ какъ быкъ. Вижу—дѣло плохо, чортъ возьми! Что тутъ дѣлать!—Придется, пожалуй, чего добраго, жениться. Невѣста-то не дурна, да грошей мало!

Кулаковъ налилъ еще шампанскаго, выпилъ полстакана и продолжалъ:

— Да, плохо было дѣло, да вывезла кривая!—Требуютъ меня къ полковому командиру, я одѣлся, отправляюсь. Только что подхожу къ дверямъ, смотрю—со мною вмѣстѣ входитъ другая моя невѣста съ родителями и съ дѣдушкой, у котораго на шеѣ былъ какой-то орденъ. Вотъ тебѣ, я думаю, бабушка и юрьевъ день! Отправляемся мы вмѣстѣ къ полковнику, а тамъ пошла писать та же исторія: обмороки, слезы, вопли. Гвалтъ такой подняли, что хоть не только изъ дому, изъ города бѣги вонъ.

— Онъ намъ сдѣлалъ предложеніе!

— Нѣтъ намъ!

— Врете вы, намъ!

— Сами вы врете. Не вѣрьте имъ, полковникъ! Намъ.

Родители обѣихъ невѣстъ чуть въ волосы другъ другу не вцѣпились. Маменьки визжатъ, плюются, бранятся, заливаются, дочки хнычутъ, отцы и дѣдъ бормочутъ и причитаютъ; концертъ такой, что просто со смѣху животы надорвешь. Полковникъ совсѣмъ ошеломѣлъ, стоитъ розиня ротъ и выпуча глаза, покрякиваетъ, да вертитъ усы. Прошло такъ съ четверть часа и дошло дѣло чуть не до драки.

Вдругъ дверь растворяется и влетаетъ дама растрепанная, чепчикъ сдвинутъ на бокъ, одежда въ безпорядкѣ. Еще за дверями она подняла визгъ, такъ-что можно было подумать, что ее или рѣжутъ или давятъ.

— Гдѣ они, гдѣ? разбойники! Узнали, что я Маринушку свою за него выдаю, такъ полетѣли жаловаться! Отобьемъ дескать! Наплетемъ съ три короба, такъ заставятъ жениться! Какъ-бы не такъ! Вотъ вамъ фига! Такъ я это и позволила! Онъ за вашу дочь и не думалъ свататься! Онъ въ Маринушку влюбленъ! А вы не знаете какъ свою спихнуть: засидѣлась въ дѣвкахъ дочь, такъ насильно на шею навязываете! Нѣтъ-съ, не хотите-ли хрѣну!

Надобно видѣть, что тутъ было! Господи твоя воля, что за потѣха поднялась! Полковникъ наконецъ вышелъ изъ терпѣнія:

— Что это такое, поручикъ? а?

— Я не знаю, полковникъ, отвѣчаю я чего имъ угодно! Я бывалъ у нихъ, правда, часто, былъ любезенъ, какъ слѣдуетъ молодому человѣку со всѣми, но съ чего они взяли, что я сватался—не знаю. Не могъ же я, согласитесь сами, сватать трехъ разомъ. Я былъ любезенъ....

— Вотъ я васъ полюбезничаю: на мѣсяцъ на *обвахту!* Сидите тамъ себѣ, разводите куры, муры, да амуры! Да на дежурство васъ, въ караулы со всѣми ротами!

— Помилуйте, говорю, зачто-же?

— Что-съ? зачто! я вамъ покажу зачто!... Чтобъ вы больше занимались службой и поменьше любезничали! Вотъ зачто! Вы у меня сгніете на обвахтѣ!

Потомъ обратился къ родителямъ:

— Извините, говоритъ, господа! Я ничего для васъ не могу сдѣлать!

Они на него всѣ и налетѣли разомъ со всѣхъ сторонъ:

— Какъ не можете? Кому-же послѣ того жаловаться? Гдѣ искать правды и защиты, войдите въ наше положеніе,

ваше превосходительство! Сватался! ославилъ по всему уѣзду! Цѣловался при всѣхъ! Вскружилъ голову! Теперь всѣ смѣются! Чтожъ ей, бѣдной, по милости его въ дѣвкахъ весь вѣкъ сидѣть!

— Да, господа, помилуйте!—Не могу-же я заставить его жениться на трехъ!

— Какъ-же, помилуйте! — Онъ нашей дочери сдѣлалъ предложеніе, а они лгутъ, жениха отбиваютъ у насъ! заговорили, или, лучше сказать, завопили родители хоромъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! они врутъ все! визжала матушка Маринушки, ухватившись за руку полковника. Это самые зловредные, злонамѣренные люди, обижаютъ меня сироту, вдову беззащитную. У меня вотъ съ ними рядомъ есть маленькое имѣньеце, такъ они свиньями своими мою гречиху вытравили, разбойники! Телку мою съѣли, будто она къ нимъ въ овесъ зашла. Всегда такъ обижаютъ!

— Полноте вамъ, убирайтесь, вы вѣчно выдумываете и хнычете! замѣчаетъ дѣдъ.

— Нѣтъ, пусть ихъ превосходительство насъ разсудятъ. Я вамъ сказала, что это вамъ не пройдетъ такъ, пожалуюсь! Посудите сами, ваше превосходительство: вдова я бѣдная, семейство огромное, въ той деревнѣ запашка крошечная, только гречиха хорошо родится и вдругъ они своими свиньями все повытравили! Развѣ они смѣютъ это? гдѣ же права?

— Это до меня не касается! говоритъ полковникъ.

— Вы извольте выслушать, ваше превосходительство! Вѣдь свиньи....

— Оставьте меня въ покоѣ съ вашими свиньями.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я пришла просить вашей защиты. Вѣдь я могла-бы съѣсть этихъ свиней, но я этого не сдѣлала, я подала прошеніе! Какъ-же они смѣли съѣсть мою телку. Прикажите имъ заплатить.

— Охъ, Боже мой! Просите объ этомъ судъ, становаго, самаго чорта! А я не судья, я полковой командиръ, сдѣлать

ничего не могу, приказывать не могу, и мнѣ дѣла нѣтъ ни до телокъ, ни до свиней!

— Вотъ они всегда такъ, ваше превосходительство! Теперь сюда поѣхали, чтобы отбить у моей Маринушки жениха. Я какъ узнала, что они поѣхали, сейчасъ-же велѣла Матюшкѣ запрягать и, не ѣвши, поскакала слѣдомъ! Вотъ они какіе!

— Отведите его на обвахту, закричалъ полковникъ адъютанту, указывая на меня; а для васъ, господа, я ровно ничего не могу сдѣлать!

Тутъ уже всѣ уцѣпились за него, подняли хаосъ и дикіе вопли и завыванія, такъ что полковникъ рванулся отъ нихъ и безъ шапки выбѣжалъ на улицу.

Я просидѣлъ за это цѣлый мѣсяцъ на гауптвахтѣ. Я былъ очень радъ своему аресту, потому что родители жили въ городѣ недѣли двѣ, а мать Маринушки чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ, всѣ ожидали устроить дѣло. Полковникъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, принужденъ былъ поставить двухъ часовыхъ съ ружьями у воротъ своей квартиры, съ строжайшимъ запрещеніемъ пропускать родителей. Маринушкина мать ухитрилась и здѣсь, она цѣлые часы стояла подъ окномъ и продолжала упрашивать и защитить сироту и вдову беззащитную. Наконецъ и та уѣхала, кажется, жаловаться губернатору.

Губернаторъ писалъ полковнику, тотъ отвѣчалъ, что я чести ни чьей не задѣлъ, никого ея не лишилъ, по-крайней-мѣрѣ изъ всѣхъ претендентокъ на мою руку никто того не предъявилъ. Жениться-же заставить на всѣхъ нельзя, потому что у насъ многоженства не допускается. Это написалъ все полковой адъютантъ, получившій вслѣдствіе этого происшествія обо мнѣ самое высокое мнѣніе. Такъ эта исторія и кончилась! Хорошъ-бы я былъ, если-бы маменьки не собрались вкупѣ-воедино!

Полковой командиръ смотрѣлъ на меня косо, придирался

и нѣсколько разъ высказывалъ, что съ моимъ поведеніемъ нельзя служить въ его полку, подъ его цѣломудреннымъ и высоко нравственнымъ начальствомъ. Я думалъ, думалъ, да ужъ махнулъ рукой: чорта тебѣ лысаго на поминки! и хотѣлъ перейти куда-нибудь. Вмѣсто того у него у самаго у голубчика отняли полкъ.

IV.

— За что-же у него отняли полкъ? спросилъ я.

— Да слишкомъ уже разгулялся по карманной части. Больно много въ ломбардъ посылалъ. Казначей и квартермистръ были, разумѣется, съ нимъ за одно, да чего-то не подѣлили, поссорились и донесли на него, вотъ его, раба Божія, и спихнули. Къ намъ пріѣхалъ новый полковникъ изъ гвардіи, худенькій, бѣленькій; такой шаркунъ, любезный, вѣжливый; говорилъ такъ нѣжно, сладко, тоненькимъ голоскомъ, солдаты про него говорили: поетъ райская птичка! Ну, думаемъ, слава Богу, нажили хорошаго человѣка; золото, а не начальникъ! — Только, смотримъ, съ однимъ исторія, потомъ съ другимъ, съ третьимъ, и все изъ-за пустяковъ, изъ-за мелкаго самолюбія.

Ну да Богъ съ нимъ. Мнѣ было лучше, потому что меня перестали тѣснить, дали отдохнуть и я могъ оставаться въ полку. Но скука невыносимая, просто хоть ложись, да умирай! Пріѣдешь къ одному помѣщику—принимаютъ сухо, косятся, держатъ себя какъ-то далеко, а барышни совсѣмъ не выходятъ. У другихъ вовсе не принимали, или скажутъ, что дома нѣтъ, или-же прямо такъ и отрѣжутъ: васъ не приказано принимать! У нѣкоторыхъ только продолжали принимать по-прежнему, зато только что разинешь ротъ, чтобы

сказать барышнѣ какую-нибудь любезность, всѣ дѣвицы сейчасъ и закричатъ хоромъ:

— Покорно благодаримъ за комплиментъ! Вы, кажется, намѣрены посвататься — не безпокойтесь, пожалуйста, напрасно!

Одолѣла тоска! Знаешь, какъ привыкнешь свататься, такъ лучше не пить и не ѣсть, а только сдѣлать предложеніе, такъ вотъ и тянетъ. Удивительно заманчивая штука сватовство. Долго я не могъ придти въ себя, наконецъ думаю: чортъ съ вами! и безъ васъ обойдусь! Пересталъ ѣздить къ помѣщикамъ, завелъ ружье, собаку и по цѣлымъ днямъ сталъ пропадать на охотѣ. Брожу, бывало, цѣлые дни по полямъ да по лѣсамъ, набью дичи, а все тоска смертельная, все хочется держать кого-нибудь за руку, называть невѣстой и цѣловать безъ счету, безъ стѣсненья. Сходили мы въ лагери, пришли назадъ на квартиры, мѣсто выпало прескверное, помѣщиковъ въ окружности мало, ну просто дрянь дѣло. Къ довершенію всего и дичи было мало.

Разъ какъ-то собралось нашихъ офицеровъ довольно много и не помню съ чего зашла рѣчь о женитьбѣ. Мирградовъ, одинъ изъ нашихъ офицеровъ, и говоритъ (онъ былъ изъ семинарскихъ и говорилъ какъ-то препротивно, въ носъ):

— А вотъ Кулакову никогда не исполнить таинства брака!

Я его терпѣть не могъ, онъ всегда подличалъ передъ старшими и былъ чѣмъ-то въ родѣ полковаго фискала, а потому, избѣгая съ нимъ всякихъ разговоровъ, я пропустилъ мимо ушей его замѣчаніе.

— Да! подхватили другіе, Кулакову не жениться теперь, по-крайней-мѣрѣ, пока онъ въ полку.

— Отчего? спрашиваю я.

— Всѣ знаютъ какой ты гусь: посватался, нацѣловался— да и улетѣлъ!

— Аа! Всѣ знаютъ! такъ женюсь-же!

— Въ этомъ городѣ?

— Въ этомъ городѣ!

— Не женишься!

— Женюсь!

— Пари!

— Идетъ!

Постой же, думаю я себѣ, я вамъ покажу какъ я не женюсь. А надо тебѣ сказать, что въ городѣ было три первыхъ невѣсты, въ которыхъ были влюблены всѣ наши офицеры и уѣздные львы и недоросли. Я не зналъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе и рѣшился положиться на случай. Написалъ ихъ имена и завязалъ въ узелки на концахъ платка, потомъ вытянулъ одинъ—вышла дочь смотрителя градской больницы. Она была лучше всѣхъ и по ней больше страдало. Вотъ я и думаю: постой-же, голубчики, я вамъ натяну такой носъ, что вы не ожидаете! Надо еще было познакомиться. Я видалъ смотрителя въ другихъ домахъ, а у него не бывалъ. Что тутъ дѣлать? какъ лучше и вѣрнѣе втереться къ нему? Сдѣлать прямо визитъ странно, мы съ нимъ иногда разговаривали и онъ меня никогда не приглашалъ къ себѣ. Дай, думаю, поймаю его на улицѣ. Разъ встрѣчаемся мы, поздоровались, я начинаю съ нимъ разговаривать, подпускаю ему турусы на колесахъ, такъ знаешь и разливаюсь, такимъ любезникомъ, шевальегаланомъ, что просто прелесть. Анекдоты, исторіи, каламбуры такъ у меня и сыпятся, откуда что берется! Старикъ мой, вижу, таетъ; дошли мы до его дома, онъ пригласить меня къ себѣ не рѣшается, а я не кончаю своихъ исторій и анекдотовъ. Бѣдный смотритель вертится туда и сюда, жмется, смотритъ на меня и не знаетъ что дѣлать.

— Вотъ, Петръ Кирсановичъ, говорю я, сколько разъ я къ вамъ собирался, да все не рѣшаюсь!

— Да про меня разнесли такую славу, что просто стыдно глаза куда-нибудь показать. Выдумали, что я все сватаюсь,

да надуваю. Кто говоритъ! въ молодости было такихъ случаевъ пятокъ, а теперь, согласитесь сами, ужъ я въ такихъ лѣтахъ....

Смотритель потолковалъ что-то объ исправленіи и пригласилъ къ себѣ. Его красавица дочка Лиза приготовила намъ своими хорошенькими ручками кофе и совершенно обворожила меня, то-есть, ты понимаешь, не кофеемъ обворожила, а сама собою. Въ самомъ дѣлѣ она была восхитительна, милашка, душка такая!

Познакомился я и началъ бывать чуть не каждый Божій день, а потомъ уже и по два раза въ день. Начались у насъ шуры-муры, знаешь—азбука-то знакомая, по этой дорожкѣ сто разъ хаживали. Мы сейчасъ смекнули съ какой стороны надобно подъѣзжать, чѣмъ понравиться. Ну, понравился я Лизѣ какъ нельзя больше, вскружилъ ей голову такъ, что была отъ меня просто безъ ума. Ужъ мы на томъ стоимъ, изучили этотъ предметъ въ тонкости. Ну-съ, думаю, какже теперь?—стоитъ только посвататься, чтобы изгадить все дѣло, а посвататься надо! Какъ-нибудь объясниться этакъ потоньше, чортъ возьми совсѣмъ! Ну, была не была пойду къ старику!

Усѣлись мы, толкуемъ о томъ о семъ, наконецъ добрались до свадебъ. Я начинаю говорить, что остепенился, что пора мнѣ въ самомъ дѣлѣ жениться. Смотритель одобрилъ мое намѣреніе и замолчалъ. Что тутъ дѣлать? какъ сказать? Э! да смѣлымъ Богъ владѣетъ! Зажмурился я, да и брякнулъ, что хочу жениться на его дочери. Ну, думаю, что-то теперь будетъ? Старикъ смѣшался.

— Если, говорю я, вы сомнѣваетесь, такъ будемте держать въ тайнѣ и завтра-же отпразднуемъ свадьбу!

Старикъ опять задумался, потомъ махнулъ рукой и говоритъ:

— Хорошо, положимъ такъ! А если вы не поѣдете въ

церковь, скажете, что только такъ дурачились! Что тогда будетъ?

Я клялся, божился, предлагалъ ѣхать сейчасъ-же въ церковь.

— Хорошо, говоритъ старикъ, вы вѣрно не хотите опозорить моей дочери, пощадите мои сѣдые волосы, я вѣрю вамъ! Сватьба будетъ черезъ недѣлю, если только дочь моя будетъ согласна!

Позвали Лизу. Та, услыхавъ въ чемъ дѣло, расплакалась, бросилась къ отцу на шею и сказала, рыдая:

— Онъ обманетъ меня, папа!

Мы ее начинали уговаривать, она сквозь слезы улыбнулась и съ радостью и со слезами подала мнѣ ручку. Черезъ недѣлю мы обвѣнчались. И какая изъ нея вышла женочка, просто, братъ, прелесть, рѣдкость, диво! Авось, Богъ дастъ когда-нибудь увидишь ее! Хорошенькая, добренькая, умненькая, скромная, тихая, ну настоящій ангелъ! Теперь ужъ у меня сынъ есть;—разбойникъ такой! Тоже, вѣрно, будетъ ѣздить по всей Россіи свататься.

V.

— Какъ-же ты попалъ въ гарнизонъ? спросилъ я.

— А! это дѣло другаго рода. Послѣ сватьбы я поселился у тестя. Толпа товарищей нагрянула съ завистливыми поздравленіями. Мы задали балъ, на который съѣхался весь уѣздъ. Ты вѣдь знаешь, что я люблю развернуться, показать себя, задать шику. Балъ былъ великолѣпный и, признаться, насъ нашли парою. На нее заглядывались всѣ кавалеры, я очень былъ по сердцу дамамъ. Представь себѣ, что я сдѣлался страшнѣйшимъ ревнивцемъ. Меня мучитъ, если кто-нибудь любезенъ съ моею женою и если она поговоритъ съ кѣмъ-нибудь, это меня бѣситъ, выводитъ изъ себя. Я такъ много обманулъ мужей, что, не смотря на харак-

теръ и постоянство моей жены, на ея твердыя правила, мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы не обманули меня, тѣмъ болѣе, что самъ я не могу похвалиться особенною вѣрностью своей женѣ. Я разомъ влюбился въ трехъ, ну да и нельзя было не влюбиться, всякій-бы на моемъ мѣстѣ растаялъ, ни кто-бы не устоялъ, такія были красотки. Въ особенности хороша была жена гарнизоннаго полковника. Представь себѣ южную красавицу, онъ взялъ ее изъ цыганскаго табора смуглую, съ такими чорными волосами, что, казалось, изъ нихъ сыплются искры. Но глаза ея были просто двѣ молніи. Красавица была вполнѣ Все въ ней было огонь и страсть, она вся горѣла и заставляла горѣть своею любовью. Такой страстной женщины, такого воплощенія огня, знойной, нечеловѣческой любви я не встрѣчалъ во всю жизнь. Въ ея любви было столько блаженства, что ты не можешь себѣ представить; вмѣстѣ съ тѣмъ невольно чувствовалъ я, что эта любовь сожигаетъ, разрушаетъ меня. Всѣ женщины передъ нею мнѣ казались куклами, холодными, ледяными. бездушными. Мнѣ было противно и тошно смотрѣть на жену,—невыносимо не видаться съ полковницею нѣсколько часовъ.

Бывало, цыганка упадетъ на грудь мою и зальется горькими слезами. Я осыпаю ее поцѣлуями.

— Что съ тобой, другъ мой? божество мое!

— Я бы желала умереть! отвѣчаетъ она мнѣ съ нечеловѣческими рыданіями. Что я была и что я теперь! Я всѣмъ обязана моему мужу, онъ мнѣ больше благодѣтеля, больше отца, больше матери. Я его должна боготворить и что же? Я не могу его любить, я не могу быть ему вѣрной, онъ слишкомъ старъ. Мнѣ хочется любить страстно, а онъ охаетъ и толкуетъ о болѣзняхъ.

Въ этомъ было дурно то, что полковница какъ-будто гордилась нашею любовью и не только не старалась скрыть нашихъ отношеній, но какъ-будто-бы хвалилась ими и вы-

ставляла на показъ всему городу. Объ насъ всѣ говорили, мужъ какъ водится узналъ послѣднимъ. Старикъ ужасно огорчился, оскорбился. Онъ прогналъ отъ себя жену и полковница осталась на моихъ рукахъ.

Я живо помню эту сцену. Онъ внезапно возвратился домой и засталъ насъ среди сердечныхъ изліяній.

— Вамъ она нравится, сказалъ онъ, вы любите другъ друга, я не буду мѣшать вашему счастію, возьмите ее и будьте благополучны. А васъ, сударыня, чтобы я не видалъ больше въ своемъ домѣ.

Произошла чувствительная, трагическая сцена. Полковникъ подтвердилъ свое неизмѣнное рѣшеніе, чтобъ жены его черезъ часъ не было въ домѣ, и вышелъ. Мы остались опять наединѣ. Я задумался. Мнѣ было и совѣстно, и грустно, и неловко, и тяжело. Я до-сихъ-поръ не могу дать себѣ отчета, что меня тогда такъ давило? какое чувство терзало сердце, сжимало грудь? Полковница лежала на полу и рыдала, волосы ея были растрепаны и густыми волнами спадали на обнаженныя плечи. Она въ припадкѣ отчаянія и горя разорвала на себѣ платье такъ, что до пояса оставалась обнаженною. Вдругъ она вскочила какъ безумная, отерла слезы, глаза ея заблистали, засвѣтились, лице оживилось и запылало страстью. Она бросилась ко мнѣ и впилась въ меня въ неистовомъ поцѣлуѣ, жгла меня своими ласками, душила объятіями. Это проявленіе восторга и страсти было похоже на изверженіе волкана. День такой страсти — и человѣкъ сгоритъ весь, жизнь быстро вспыхнетъ въ одномъ порывѣ и загаснетъ навсегда. Такая страсть даетъ неземное блаженство, за которымъ слѣдуетъ смерть! Прерывая поцѣлуи, давя меня въ своихъ объятіяхъ, она говорила:

— Ну, теперь я твоя! Ты единственный мой владыка, моя подпора, защита, жизнь! Ты моя любовь. Ты далъ мнѣ счастіе! Ты чортъ! — ты погубилъ меня.

Она цѣловала меня, или, лучше сказать, впивалась въ

меня губами такъ, что у меня на тѣлѣ оставались красныя пятна.

— Я всѣмъ пожертвовала для тебя! продолжала она, ты мой! Мы свободны теперь любить другъ друга!

— Я женатъ! прошепталъ я.

Она захохотала и при новомъ поцѣлуѣ зубы ея до крови прохватили мнѣ щеку.

— Ха, ха, ха! Ты женатъ! говорила она. Женатъ! Ну такъ что-же! Пойдемъ къ твоей женѣ, я скажу ей, что ты мой! Ты отнялъ меня у мужа, я тебя отниму у твоей жены. Пойдемъ!

Съ трудомъ уговорилъ я ее не дѣлать этой глупости. Я нанялъ для нея квартиру и съ этого дня жизнь моя обратилась въ адъ. Полковница мучила меня своею любовью и ревностью, жена моя узнала все отъ услужливыхъ барынь и цѣлые дни плакала, отецъ ея сердился. Я просто не зналъ что дѣлать. Жена моя была мнѣ въ тягость, отецъ ея надоѣлъ, полковница измучила меня. Дома мнѣ не было покоя, у полковницы не было житья, такъ я прострадалъ мѣсяца два. Смотритель госпиталя умеръ. Послѣ смерти, по обыкновенію, на него явились начеты, взысканія и моей женѣ не осталось ничего. Я долженъ былъ жить однимъ жалованьемъ и притомъ расходовать на два дома. Дѣлать нечего, приходилось перемѣнить службу, — я подалъ въ гарнизонъ. Все-таки мое положеніе было такое невыносимое, что я готовъ былъ надѣть на шею петлю. Къ счастію, въ городѣ появился какой-то кирасиръ и полковница перенесла свою любовь на него. Мнѣ было сначала горько, досадно. Я пришелъ въ отчаяніе, рвалъ на себѣ волосы, хотѣлъ убить кирасира и полковницу, готовъ былъ убить самого себя, но потомъ одумался и утѣшился. Кирасиръ и полковница вскорѣ уѣхали куда-то, а мы отправились въ лагери.

Послѣ лагерей меня перевели въ гарнизонъ.

Кулаковъ отбилъ горлышко у бутылки и выпилъ стаканъ

шампанскаго, не переводя духу, потомъ налилъ другой. Лице его, омрачившееся въ концѣ разсказа, опять прояснилось и приняло выраженіе беззаботности и веселія.

VI.

— Какая же выгода быть въ гарнизонѣ? спросилъ я.

— Какая выгода? — Эхъ ты, фофанъ! А партіи-то водить! Вѣдь контроль-то нашъ въ казенной палатѣ, поклонишься контролеру и дѣло въ шляпѣ, а тамъ пиши что́ знаешь въ книгу. Разумѣется, при поклонѣ передашь пачку кредитныхъ билетовъ, да обѣдомъ накормишь. Напримѣръ, разъ я вывелъ подводы подъ партію прехитро. Знаешь, полагается при слѣдованіи партіи рекрутъ на двѣнадцать человѣкъ одна подвода, для возки вещей и отстающихъ, я ихъ вывелъ. Потомъ вывелъ подъ казенныя запасныя вещи, аммуницію и тому подобное, да еще сверхъ того показалъ, что вся партія устала и ѣхала, а потому на каждые четыре человѣка вывелъ по подводѣ. Въ этомъ случаѣ на двѣнадцать человѣкъ подъ вещи и отстающихъ не слѣдовало выводить, а контролеръ взялъ восемь сотенъ и нашелъ все законнымъ.

Но лучше всего было здѣсь. Привожу я сюда партію, съ нея я имѣлъ тысячу шестьсотъ целковыхъ, — дай, думаю, ухитрюсь оставить себѣ все. Иду въ казенную палату, представляю книгу и говорю контролеру:

— Заверните-ка ко мнѣ вечеркомъ.

А самъ велѣлъ набрать деньщику побольше пустыхъ бутылокъ и завалилъ ими цѣлый уголъ. Деньги спряталъ и оставилъ въ шкатулкѣ всего рублей семьдесятъ. Сижу за двумя бутылками, — является контролеръ. Я прошу его садиться и предлагаю выпить, кричу:

— Эй! халдей! шипучки!

Самъ притворяюсь, будто лыка не вяжу. Деньщикъ приноситъ двѣ бутылки шампанскаго.

— Ну, говоритъ мнѣ контролеръ, написали въ книгѣ! Впрочемъ это ничего, восемь радужныхъ и все будетъ хорошо.

Я захохоталъ.

— Восемьсотъ! говорю я, едва ворочая языкомъ. Да откуда мнѣ ихъ взять. Вотъ возмите все, что есть.

При этомъ отпираю шкатулку и показываю семдесятъ рублей.

— Да, говорю, еще на дорогу нужно.

Онъ взглянулъ въ шкатулку, въ уголъ на бутылки, видитъ, что кутила, весь прокутился, пропился; покачалъ головою и говоритъ:

— Не сносить вамъ головы, вѣдь книги нельзя утвердить!

— А чортъ-ли въ томъ? отвѣчаю я, въ солдаты, такъ въ солдаты! Эка штука! плевать я хочу! Важное кушанье, что въ солдаты разжалуютъ! Эй, халдей! давай еще шипучки!

— Ахъ, жаль мнѣ васъ! отзывается опять старый грѣшникъ. Убей Богъ! только для васъ дѣлаю! Можетъ быть, вспомните меня, я васъ выручу.

— Дѣльно! говорю я. Вѣдь въ моей погибели вамъ проку не будетъ никакого, а можетъ быть я вамъ и пригожусь. Какъ-же сдѣлать?

— А вотъ какъ. У васъ есть, кажется, пробѣлы въ книгѣ?

— Пропасть!

— Ну, такъ приходите завтра въ присутствіе, наполнимте ихъ, только по рукамъ: шестьсотъ мнѣ, остальное вамъ.

— Ладно.

Прихожу вчера въ казенную палату, меня сажаютъ за казенный столъ, контролеръ самъ хлопочетъ, третъ лысину, диктуетъ. И выволи же мы рацею! однихъ піявокъ на сто

сорокъ рублей! ха, ха, ха! Мнѣ же еще триста рублей осталось. Вотъ надулъ то стараго плута! ха, ха, ха!

Онъ расхохотался и выпилъ еще шампанскаго. Обсосавши усы, онъ продолжалъ.

— Такъ вотъ какова служба въ гарнизонѣ! Разумѣется, безъ партій жить нельзя, жалованье какихъ-нибудь рублей девять въ мѣсяцъ, зато если съумѣешь поддѣлаться къ командиру гарнизоннаго баталіона и онъ будетъ давать больше партій, и на большія разстоянія, такъ что и гвардія! Меня очень любитъ батальонный командиръ.

— Не за женой-ли его ухаживаешь?

— Нѣтъ, братецъ, не то! Полюбилъ онъ меня за сапоги рекрутскіе. Эхъ, право, гарнизонная служба!—что твоя Илліада! Видишь-ли ты, были у насъ рекрутскіе сапоги изъ такой дряни, гнилушки, что просто срамъ; а дѣлали ихъ, надо тебѣ сказать, вольные мастеровые. Сшиты они были красиво, не солдатской топорной работы, на какую-то остроугольную колодку, такъ-что гадко взглянуть,—нѣтъ знаешь, были такіе акуратные, кругленькіе, заглядѣнье просто! А все-таки ихъ никто не бралъ изъ офицеровъ. Говорятъ: не сдадимъ этой гнили! — Батальонный хотѣлъ размѣстить по нѣскольку паръ въ каждую партію, дескать, сдѣлай офицеръ отъ себя и сдавай какъ себѣ знаешь!—Размѣстили по партіямъ, и все-таки много еще оставалось. Я подхожу къ полковнику и говорю:

— Дайте мнѣ ихъ всѣ въ мою партію.

— Что же вы съ ними будете дѣлать? спрашиваетъ полковникъ, вытаращивъ на меня глаза и кладя, отъ изумленія, табакъ, вмѣсто носа, въ ротъ.

— Сдамъ!

— Не примутъ!

— Примутъ, это моя ужъ забота!

— Ну, какъ знаете! Только помните, я ни за что не отвѣчаю!

— Очень хорошо знаю! Дайте мнѣ только одни сапоги солдатской работы для образца.

— Извольте!

Онъ велѣлъ исполнить мои требованія. Сапогъ полагается на каждаго рекрута по двѣ пары. Одна надѣвается на дорогу, другая укладывается въ тюки и сдается вмѣстѣ съ партіею.

— Вы хотите вести людей въ этихъ сапогахъ? спросилъ меня батальонный командиръ.

— Это невозможно! отвѣчалъ я, они не выдержатъ и одного перехода, я ихъ положу въ тюки!

— Тото-же.

Всѣ качаютъ головами и думаютъ: залѣзъ человѣкъ въ петлю по доброй волѣ.

Я пришолъ сдавать партію въ N. Являюсь N—скому батальонному командиру.

Надо тебѣ сказать, что онъ былъ изъ гвардіи, молодой человѣкъ, партій не водилъ и нашихъ распорядковъ не знаетъ. Я ему и говорю:

— Со мною случилось несчастіе.

— Какое? спрашиваетъ онъ, съ такимъ участіемъ, какъ-будто я былъ ему знакомъ или родственникъ.

— У меня пропали рекрутскіе сапоги.

— Какъ-такъ?

— Да такъ, говорю я, горе просто!

— Чтожъ тутъ дѣлать?

— Я представлю другіе, вольныхъ мастеровъ, заглядѣнье, а не сапоги.

При этомъ я ему показалъ пару сапоговъ вольной работы, только изъ хорошей кожи и пару солдатскаго мастерства. Вижу, что понравились ему сапоги.

— Всѣ, говоритъ, такіе?

— Всѣ, отвѣчаю я, только ужъ вы будьте милостивы,

дайте по гривенничку съ пары! Я человѣкъ бѣдный, имѣю семейство, терплю крайній убытокъ, совершенное разореніе!

— По гривенничку много.

— Ну, какъ угодно! Такъ я вамъ представлю солдатской работы, а эти пригодятся моему батальонному командиру.

— Хорошо, посмотрю!

Вывелъ я людей на смотръ, сапоги просто прелесть, тотъ съ дуру и дай мнѣ по гривеннику ради бѣдности и семейнаго положенія! — Я по пяти копѣекъ положилъ въ карманъ, а по пяти представилъ батальонному командиру. Тотъ и ротъ разинулъ.

— Ну, говоритъ, Кулаковъ! Собаку съѣлъ! Вотъ молодецъ, такъ молодецъ!

И съ-тѣхъ-поръ даетъ мнѣ лучшія партіи. Вотъ какъ дѣла-то дѣлались прежде, благодаря Бога, живу отлично! Съ женой мы опять сошлись, живемъ согласно, ладимъ.

Долго еще мы говорили съ Кулаковымъ. Наконецъ онъ ушелъ поздно вечеромъ и на другой день рано утромъ выѣхалъ изъ города.

VII.

Недавно я опять встрѣтилъ совершенно неожиданно Кулакова. Я ѣхалъ на почтовыхъ. На одной станціи я увидѣлъ довольно полнаго помѣщика съ порядочной лысиной. Онъ толковалъ съ станціоннымъ смотрителемъ объ новостяхъ. Когда онъ оборотился—я узналъ Кулакова.

— Евсѣй! ты-ли это?

— Я!

— Какъ ты сюда попалъ?

— Очень просто. Я живу отсюда въ двухъ верстахъ и потому ты немедленно отправляешься со мною.

Мы сѣли на бѣговыя дрожки, запряженныя красивою и сильною лошадью. Кулаковъ правилъ.

— Ты все-таки мнѣ не сказалъ, какимъ ты чудомъ очутился здѣсь! сказалъ я.

— Я теперь въ отставкѣ! отвѣчалъ онъ.

— Чтожъ это ты! а партіи?

— Нѣтъ, братъ, дудки! Нынче партіи, чортъ ихъ возьми совсѣмъ, ничего не стоятъ! Хлопотъ пропасть, а пользы—шишъ!

— А пробѣлы? а сапоги? а піявки?

— Все, братъ, улетѣло! Начальство стало другое, порядки стали другіе, такъ-что отъ партіи почти-что ничего не остается, не стоитъ и хлопотать. Вздоръ, гадость. Служить не изъ чего, не стоитъ. Пятидесяти рублей домой не привезешь! Я побился, побился, да и вышелъ въ отставку.

— Что-же, имѣніе купилъ?

— Гдѣ, братецъ, купить имѣніе! Откуда? Жилъ-то я слишкомъ ужъ широко въ былое время, оттого ничего почти не осталось. Я тутъ арендую одно имѣніе.

— И выгодно?

— Очень. Имѣніе было запущено, я его устроилъ и особенно налегъ на скотоводство. Ты посмотри сколько у меня скота, свиней и тому подобнаго.

Мы пріѣхали. Кулаковъ живетъ въ хорошенькомъ домикѣ, жена его хорошенькая женщина, очень милая и любезная, и сынъ славный мальчикъ, очень похожій на отца.

Сидя за столомъ съ трубкою въ рукахъ, Кулаковъ любитъ разсказывать о своихъ прошлыхъ похожденіяхъ, о невѣстахъ и рекрутскихъ сапогахъ; сынишка его слушаетъ очень внимательно. А на столѣ прекрасное масло и чудныя, густыя сливки.

РАЗСКАЗЫ ПРОВИНЦІЯЛА.

Вражда.

I.

Боже мой Господи! какъ времена-то перемѣнились! Всюду проникло образованіе этакое, просвѣщеніе, — люди совершенно перемѣнились, совершенно стали другіе. Смотришь, да дивишься, что это такое завелось! Вотъ хоть-бы у насъ въ городѣ чиновники и сановники, совсѣмъ стали другіе. Бывало, приказные въ халатахъ рваныхъ да въ ситцевыхъ архалукахъ ходятъ по городу, а нынче вотъ все въ сюртукахъ, да еще съ ясными пуговицами, какъ слѣдуетъ. Сапоги вычищены такъ, что хоть смотрись въ нихъ какъ въ зеркало!

Да чего ближе, взять хоть нашего судью. Отецъ его извѣстенъ былъ всей губерніи, не умѣлъ даже писать порядочно, едва-едва дьячекъ выучилъ его подписать собственное имя, жилъ себѣ дома, тянулъ пѣнное, да ѣздилъ на охоту со стаями псовъ и псарей—тутъ, бывало, ему не попадайся. Хорошо, если придешься по нраву — ну запоитъ, закормитъ на-убой просто,—а чуть не понравился, такъ бѣда: или велитъ псарямъ гнать въ зашей, или еще какую мерзость сдѣлаетъ, а то растянетъ, да розгами вспрыснетъ,

такъ что страсть! Ну, а сынокъ-то? Нѣтъ-съ, я васъ спрашиваю, сынокъ-то каковъ? Можно сказать, образованнѣйшій, воспитаннѣйшій, умнѣйшій человѣкъ! Какое обращеніе!—просто прелесть. А вечеринки какія даетъ! а какое у него дѣлаютъ заливное!—объяденіе, просто пальчики обсосешь!—что и говорить, однимъ словомъ—европейски просвѣщенный человѣкъ. Или возьмите нашего городничаго!—Ужъ тоже лицемъ въ грязь не ударитъ. Видно, что всегда въ высшемъ кругу общества обращался. Пройдетъ, взглянетъ, скажетъ—любо дорого, словно рублемъ подаритъ! можно сказать, образцовый человѣкъ. Не то, что покойный Зарубаевъ, тотъ солдатъ-солдатомъ былъ, въ обществѣ никуда не годился.

А супруги-то судьи и городничаго?—тутъ уже и словъ не достанетъ: тонкость, деликатность, французскій языкъ, образованіе, ну словомъ, все въ нихъ! Такъ послѣ этого мудрено-ли, что нашъ городъ далеко такъ ушелъ на пути просвѣщенія? вѣдь примѣръ и руководство много значатъ! Судейчиха и городничиха (у насъ такъ называютъ женъ судьи и городничаго) составляли душу, главу и примѣръ для всего общества: онѣ устраивали увеселенія, съ нихъ *перенимали* моды, по ихъ образцу отдѣлывали и меблировали дома, ихъ мнѣніе было закономъ для всѣхъ. Но, можетъ быть, вы желаете ближе познакомиться съ ними и съ ихъ достопочтенными супругами?—извольте.

Судья небольшаго роста, толстъ и съ порядочнымъ брюшкомъ. Ноги у него несоразмѣрно короче туловища и съ виду похожи на два обрубка, лице у него широкое, красное, какое-то плоское и сильно рябоватое, потому-что покойный его батюшка былъ ревностнымъ гонителемъ оспопрививанія. Носикъ у него маленькій, въ родѣ пуговки, такъ что съ перваго взгляда его физіономія очень походитъ на только-что срубленную котлету. Душевныя его качества и характеръ превосходно выражены въ его атеста-

ціи, которую ему выдали изъ одного учебнаго заведенія. Въ этой атестаціи, между прочимъ, значится, что онъ, Андрей Кондратьевъ сынъ Свеклинъ, нрава кроткаго, тихаго и подобострастнаго, поведенія добропорядочнаго, въ пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ и въ другихъ предосудительныхъ поступкахъ и качествахъ не замѣчался; но покоренъ, послушенъ и набоженъ, только немного разсуждаетъ. Супруга его, Александра Кирилловна, была брюнеточка очень миленькая и очень свѣженькая. Городничій, Ѳома Ѳомичъ Ѳоминъ, худъ и высокъ какъ жердь и нѣсколько угловатъ. Привыкнувъ къ военной службѣ, онъ поворачивается и ходитъ по темпамъ. Физіономія его—длинная, блѣдно-желтая, съ острымъ и длиннымъ, какъ обелискъ, носомъ, вслѣдствіе чего и называютъ его (не носъ, а городничаго) дятломъ и жоровомъ (журавлемъ). Нрава онъ чрезвычайно кроткаго и тихаго, и, какъ человѣкъ вполнѣ современный, сильно преслѣдуетъ и искореняетъ взятки. Самъ онъ ихъ не беретъ, и обыкновенно говоритъ купцамъ: «Я правды низачто не продамъ! виноватъ — такъ виноватъ и есть! не смѣй и думать откупаться. Такъ, по дружбѣ, принесешь — неси, не обижу отказомъ! — Самъ попрошу, если что понадобится, а взятки низачто! По дружбѣ—дѣло другое: у друзей все общее!» И въ самомъ дѣлѣ, онъ навѣдывался въ лавки какъ въ собственную кладовую. А какъ придетъ въ лавку, то такую заведетъ пріятную бесѣду, что даже растаешь весь, заслушаешься, ну кажется не жаль-бы было полъ-лавки отдать, каждымъ словомъ точно масломъ душу смазываетъ. Препріятно забиралъ! И чѣмъ больше и дороже выбираетъ товаровъ, тѣмъ слаще говоритъ. — Такъ что по уходѣ его, купецъ долго стоитъ какъ засахаренный. Супруга его, Настасья Матвѣевна, пухленькая блондиночка, голубо-глазая, воздушная, точно безе, слегка подрумянившаяся. Дама, можно сказать, примѣрная, жаль только, что Богъ не благословилъ ихъ дѣтьми.

Судья и городничій были очень дружны между собою, просто жить не могли одинъ безъ другаго; жены ихъ—также. Судья, бывало, всегда ужъ зайдетъ послѣ присутствія къ городничему выпить травничку и закусить разными солеными и копчеными продуктами, которыя приносили купцы по дружбѣ. Городничиха не пришьетъ ни одного бантика, не посовѣтовавшись предварительно съ судейчихою.

Время шло препріятно. Обыкновенно или семейство судьи цѣлый день у городничаго, или городничій съ женою цѣлый день у судьи. Вечеркомъ начинаютъ подходить посторонніе: заѣзжіе помѣщики, исправникъ, откупщикъ, кое-кто изъ служащихъ, голова, докторъ — и пошли рѣзаться на зеленомъ полѣ, да прихлебывать пуншикъ. Дамы соберутся въ гостинной и кто сядетъ за карты, кто разговариваетъ о предметахъ пріятныхъ и занимательныхъ. Дѣвицы и молодыя дамы поютъ, играютъ, бѣгаютъ и рѣзвятся съ молодежью. Жаль только, что молодежи-то у насъ очень мало: повытчикъ, отставной поручикъ, да двое или трое недорослей изъ дворянъ, числящихся на службѣ для полученія перваго офицерскаго чина, вотъ и всѣ. Это немного портитъ наши вечера; будь побольше молодежи, такъ веселѣе нашего города и не было-бы, ей Богу!

Вы посмотрите-ка: судейчиха и городничиха и пожилыхъ дамъ займутъ, и разговоръ поддержатъ, и у карточныхъ столовъ побудутъ, посовѣтуютъ: снести, купить, съиграть, и романсы поютъ такъ, что въ дрожь и въ млѣніе бросаетъ, и рѣзвятся, и танцуютъ сь молодежью,—вездѣ рѣшительно поспѣютъ. Ну, душа общества да и только или, лучше сказать, души общества! Особенно онѣ хороши въ танцахъ и въ пѣніи. Судейчиха танцуетъ съ жаромъ, со страстью. Съ нею, говоритъ отставной поручикъ, какъ пойдешь танцовать, такъ сгоришь въ прахъ, раскалишься просто!—Городничиха танцуетъ съ томной граціей и необыкновенно легко.

Поютъ онѣ обѣ хорошо, просто заслушаешься какъ по-

ютъ: звонко, тонко, чисто, серебристо! Кажется, впрочемъ, что судейчиха поетъ немного лучше, потому что помѣщикъ Поликарпъ Евсѣевичъ Коротковъ, тотъ самый, у котораго тетеревиныя брови и хоръ музыки изъ шести человѣкъ, разъ подъигрывалъ ей на скрипкѣ и пѣлъ съ нею дуэтъ: *рѣка шумитъ, рѣка реветъ!* Что вы думаете? — Пришелъ въ такой восторгъ, что, еще не кончивъ романса, заревѣлъ громче всѣхъ возможныхъ рѣкъ и пустился въ плясъ, въ присядку. Эхъ, чудный то вечеръ былъ! Музыканты подхватили камаринскую, и тутъ секретарша земскаго суда выплыла. Какъ они вдвоемъ отхватали трепачка-то!—прелесть! Вспомнишь, такъ сердце вотъ и запрыгаетъ, такъ вотъ самъ-бы и пустился въ плясъ!

О чемъ, бишь, я сталъ говорить?... да! о пѣніи! Ну-съ, такъ судейчиха поетъ этакъ, какъ-бы вамъ сказать, рѣзко, даже голосъ у ней дрожитъ, словно будто водоворотъ полощетъ, а слушаешь ее такъ дрожь и забираетъ. Этакъ огненно поетъ! И знаете, голосомъ такъ и выводитъ! А городничиха пронзительно такъ, какъ заведетъ ноту, да подкатитъ глаза подъ лобъ, такъ и обомлѣешь весь, а она опять взвизгнетъ, такъ что только морозъ по кожѣ пробѣжитъ. Чудно, чудно поетъ! Вотъ стряпчиха тоже было пустилась, такъ хоть уши затыкай, даже самъ мужъ ея не вытерпѣлъ. «Эхъ, говоритъ, какъ тебя повело! Нѣтъ ужъ это талантъ надобно имѣть такой, матушка!»

Такъ время проходитъ до ужина незамѣтно, весело, пріятно! Послѣ ужина на зеленыхъ столахъ начнутъ въ банчишку рѣзаться, молодежь еще попрыгаетъ и разойдется, а старички до заутрень просидятъ. На другой день опять тоже. Изрѣдка и у другихъ бываютъ вечеринки. А не то — пригласятъ музыку Короткова и составятъ балъ. Кавалеровъ насбираютъ изъ приказныхъ, — да для этакой штуки и помѣщики съѣдутся въ городъ. Ужъ тутъ такое веселье, что душа не нарадуется.

II.

Долго у насъ все шло такъ дружно и любовно.

Только разъ, 4-го декабря, городничій справлялъ свои имянины, гостей была тьма, вина—хоть купайся, какъ слѣдуетъ на имянинахъ такой особы. Музыка, танцы, просто прелесть!

Когда все общество поутомилось и всѣ сѣли поотдохнуть, занимаяся пріятными разговорами, а музыканты пошли прохладиться водочкой, не помню съ чего-то зашла рѣчь о томъ, кто первое лице въ городѣ? Поднялся споръ, вскорѣ въ немъ приняли участіе городничиха и судейчиха.

— Мой мужъ, безспорно, первое лице въ городѣ! сказала городничиха. Самое названіе *градоначальникъ* не допускаетъ возраженій!

— Правда! отозвались нѣкоторые.

— Нѣтъ! Совершенная неправда! возразила судейчиха. Мой мужъ первое лице въ городѣ. Онъ не только надъ городомъ, но и надъ уѣздомъ начальствуетъ! Къ тому-же исправляетъ должность предводителя дворянства, представителя всѣхъ, слѣдовательно и говорить нечего, что онъ первое лице въ городѣ!

— Справедливо! замѣтили другіе.

— Ахъ, какія же вы право, ma chère! начала опять городничиха. Въ уѣздѣ вашъ мужъ первое лице, а въ городѣ — мой!

— Да вѣдь городъ тоже въ уѣздѣ. Мой мужъ глава всѣхъ, а ужъ вашъ мужъ въ городѣ второе лице послѣ него, какъ въ уѣздѣ исправникъ. Мой мужъ старше ихъ обоихъ, начальникъ ихъ.

— Извините, мнѣ странно, какъ это вы не понимаете, или просто не хотите сознаться и уступить мнѣ первенство.

— И никогда не уступлю! Это ясно какъ день: мой мужъ

предводитель дворянства и судья всѣхъ, а — вашъ начальникъ городской полиціи и только!

— Ахъ не спорьте, милая Александра Кирилловна, онъ градоначальникъ, а не начальникъ одной полиціи, глава города и первое лице.

— Не спорьте, душечка, Настасья Матвѣевна! Судья разумѣется первое лице, онъ судья всѣхъ, предводитель дворянства, глава. У него дѣла всѣхъ дворянъ рѣшаются: а вашъ мужъ только съ бородачами, да съ дрянью возится. Кто порядочный человѣкъ пойдетъ въ полицію или будетъ имѣть съ нею дѣло? Мой мужъ всегда съ дворянами, а вашъ съ бородами, съ мужиками, со сволочью дѣло имѣетъ!

Городничиха поблѣднѣла даже. Слово за слово поднялся шумъ, споръ, дамы разгорячились, начались колкости, двусмысленности.

— Вы забываетесь! воскликнула городничиха. Вы помните, кто я и кто вы!

— Нѣтъ, это вы забываетесь! возразила судейчиха. Вотъ что значитъ поставить васъ на короткую ногу съ собою, поднять до себя! — Вы и забылись!

Богъ знаетъ чѣмъ-бы кончился ихъ споръ, зашедшій очень далеко, если-бы помѣщикъ Леденевъ, хватившій черезъ край, не пустился-бы въ присядку. Эта штука прекратила ссору, но не возбудила всеобщаго веселья. Вечеръ прошелъ натянуто, вяло и скучно. Двѣ души общества видимо пикировались. Даже судейчиха за ужиномъ начала сожалѣть о купцахъ по поводу винъ и закусокъ, а городничиха разсказала что-то о колодникахъ.

Разошлись рано и какъ-то не въ духѣ. Остались только присяжные игроки дорѣзывать банчишку, да Леденевъ, заснувшій надъ стаканомъ шампанскаго.

На другой день городничій и судья, вслѣдствіе строжайшаго запрещенія своихъ супругъ, не видались. Судейчиха и городничиха были кое-у кого въ городѣ и отнеслись другъ

объ другѣ довольно язвительно, съ сожалѣніемъ даже, что, не зная своей противницы, сошлись такъ близко и познакомились такъ хорошо. Городничій былъ тоже не въ духѣ, взошелъ въ лавку взять табаку и не завелъ обычной пріятной бесѣды, а спросилъ какъ-то грубо, отрывисто, положилъ въ карманъ и вышелъ.

Судьѣ было очень не ловко, выйдя изъ присутствія, не завернуть къ городничему выпить рюмочку доппель-кюммелю.

Такъ прошелъ этотъ тревожный день, настало шестое декабря.

Поутру подошла судейчиха къ мужу и раздраженнымъ голосомъ сказала:

— Послушай, мой другъ, непремѣнно надобно сбить спѣси съ этой дряни; она, посмотри, сегодня навѣрное полѣзетъ первая ко кресту. Этого не должно допускать. Я сперва это дозволяла изрѣдка, а теперь ни за что! Слышишь-ли, чтобъ этого не было!

— Что-жъ мнѣ дѣлать, матушка?

— Какъ, что дѣлать?—Тебѣ все нечего дѣлать! совершенно ясно!—Не дозволяй этой дерзости!

— Какъ-же я не дозволю?

— Ахъ ты пеньтюхъ, право пеньтюхъ! тебѣ и дѣла нѣтъ, что тебя въ грязь топчутъ! я обо всемъ заботься! Не знаешь какъ удержать ее! Ну, наступи ей на платье, когда она пойдетъ ко кресту, и дѣло съ концемъ, будто нечаянно. Да, слышишь-ли? Непремѣнно наступи, а то не смѣй мнѣ и на глаза казаться!

— Хорошо, матушка, хорошо! Наступлю хоть на носъ, только не сердись, пожалуйста!

Въ соборѣ была вся городская аристократія, чиновники, купцы. Наконецъ въ толпѣ началось сильное волненіе: квартальный могучимъ кулакомъ и локтями раздвигалъ народъ и очищалъ широкій путь. Вошелъ городничій съ своею

супругою и остановился у лѣваго клироса. Вслѣдъ за нимъ явился судья съ женою и сталъ у праваго клироса. Судейчихѣ разчищалъ путь въ толпѣ лакей въ разорванной ливреѣ и потому входъ ея былъ далеко не такъ торжественъ, какъ входъ городничихи. Дамы взглянули одна на другую и отвернулись съ выраженіемъ безпредѣльной ненависти и глубочайшаго отвращенія.

Обѣдня шла своимъ порядкомъ, на клиросахъ страшно ревѣли мѣщане, замѣнявшіе пѣвчихъ; протоколистъ изъ середины церкви подтягивалъ жалобнымъ голоскомъ, похожимъ на дишкантъ, и бывало уже всѣ кончатъ, а онъ тянетъ себѣ, словно завываетъ осенній вѣтеръ.

Кончилась служба. Мѣщане, болтая руками, пѣли многолѣтіе такъ, что у нихъ даже глаза вылѣзли и налились кровью; городничиха и судейчиха разомъ пошли ко кресту. Городничиха, впрочемъ, успѣла нѣсколько опередить свою соперницу, но вдругъ остановилась и, не смотря на всѣ свои усилія, не могла сдѣлать шагу.

Между-тѣмъ судейчиха подвигалась торжественно, не торопясь. Поровнявшись съ городничихой, она подарила ее презрительнымъ взглядомъ со словами: «туда-же всякая дрянь лѣзетъ!» и торжественно приложилась ко кресту.

Какое бѣшенство закипѣло въ душѣ городничихи! Она обернулась — сзади нея стоялъ судья, блѣдный какъ смерть и дрожавшій весь какъ въ лихорадкѣ. Онъ напрасно старался поймать ногою платье городничихи, оно ускользало. Еще-бы секунда, одна только секунда — одно-бы мгновенье и городничиха приложилась-бы ко кресту; въ это время судья встрѣтилъ гнѣвный взглядъ своей супруги, въ отчаяніи уцѣпился обѣими руками за салопъ городничихи и пригвоздилъ ее на мѣстѣ.

Судейчиха торжествовала; побѣда ея была полная. Она величественно разъѣзжала по городу и говорила, что она осадила и еще осадитъ эту дрянь городничиху.

Съ этого дня началась непримиримая вражда и въ городѣ завелись раздоры и смуты. Сначала впрочемъ все ограничивалось мелкими сплетнями, которыя разносили по городу записныя вѣстовщицы, обрадовавшіяся этому случаю какъ нельзя болѣе.

Судейчиха сочиняла разныя извѣстія про городничиху, распространяя, подкрашивая и передѣлывая немилосердно небольшія сердечныя тайны, которыя въ дни дружбы ей повѣряла городничиха; кромѣ-того, считала всѣ поборы городничаго въ лавкахъ.

Городничиха, съ своей стороны, дѣйствовала насмѣшками. Она осмѣивала все въ домѣ судьи, начиная съ самихъ хозяевъ.

Все, что говорила одна сторона, въ тотъ-же день было извѣстно другой, и надо сказать правду, обѣ стороны достигали своей цѣли, то есть каждымъ словомъ попадали въ сердце и бѣсили противную сторону страшно.

Такъ шли дѣла до Рождества.

Во все это время судейчиха и городничиха встрѣтились только разъ у исправника. Судья и городничій по привычкѣ хотѣли подать другъ другу руки и уже крякнули съ самымъ дружескимъ расположеніемъ; но супруги ихъ не допустили ихъ до такого афронта, какъ выразилась городничиха, и растащили ихъ за фалды въ разныя стороны. Цѣлый вечеръ обѣ дамы пикировались, кололи другъ друга и подъ конецъ поссорились очень крупно, такъ что если-бы не подоспѣли исправникъ съ женою и протоколистъ съ племянницею, то онѣ вѣрно-бы добрались и до прическокъ.

Боже мой! какъ ослѣпляетъ гнѣвъ человѣка! а я еще восхищался просвѣщеніемъ, озарившимъ нашъ городъ! — Александра Кирилловна! Настасья Матвѣвна! опомнитесь! удержитесь! что это вы дѣлаете? Вы воскресили времена варварства, когда на обѣдѣ у предводителя помѣщицы Рожкова и Ломтева, сбили одна у другой чепчики, попортили

прически и исцарапали лица. Но тогда были времена мрака, невѣжества, необразованія и варварства, а теперь... Что скажутъ про нашъ уѣздъ другіе дворяне, хотя Тр....вскіе, отличающіеся такою деликатностью, что считаютъ неприличнымъ высморкаться при другихъ, а всегда для этой операціи выходятъ въ другую комнату, или-же наклоняются подъ столъ и производятъ ее безъ малѣйшаго звука?

Наступило Рождество. Обыкновенно это время у насъ бывало самое веселое, давались вечеринки всѣми поочереди, наряжались, дурачились; судейчиха и городничиха устраивали катанья, завтраки и разныя удовольствія, а судья и городничій картежную игру. Многіе помѣщики, жившіе постоянно въ деревняхъ, пріѣзжали въ городъ повеселиться на праздникахъ и проиграть, промотать послѣднія деньги, отложенныя для отсылки въ опекунскій совѣтъ. И въ этотъ годъ пріѣхали помѣщики — а все никакихъ удовольствій нѣтъ. Въ магазинѣ Щелчка, единственномъ во всемъ городѣ, въ тотъ годъ нарочно были выписаны изъ Москвы престрашныя маски и порыжѣлыя домино, но маскировалось только мѣщанство и лакейство, и то преимущественно замазывая лица сажею, вмѣсто маски, и надѣвая вывороченные тулупы вмѣсто домино.

Наконецъ 29-го декабря былъ объявленъ балъ у городничаго. Всѣ были приглашены, за исключеніемъ семейства судьи. Весь городъ собирался наконецъ повеселиться, дамы разъѣзжали по лавкамъ и закупали разныя разности къ предстоявшему балу; мужчины заранѣе составляли партіи для сраженій на зеленомъ полѣ. Отставной поручикъ даже купилъ цѣлую коллекцію духовъ, состоявшую изъ шести сортовъ, и за два дня закрутилъ волосы въ папильотки.

III.

У городничаго балъ! Что-же дѣлаетъ судейчиха? Неужели она останется хладнокровною зрительницею торжества своей соперницы? — Ничуть не бывало, — она думаетъ, какъбы разстроить балъ и нанести новый ударъ своей сопернипѣ. На совѣтъ объ этомъ важномъ дѣлѣ приглашена и Арина Ѳарафонтьевна (Ирина Ѳерапонтовна), дама пожилыхъ лѣтъ, первая сплетница въ городѣ, обиженная до крайности городничихою, которая, подчуя какъ-то разъ гостей, обнесла ее вареньемъ. Между-тѣмъ, Арина Ѳарафонтьевна, вы сами знаете, какое лице! У насъ въ городѣ никто не умретъ, не родится, не окрестится, не женится безъ участія ея. Безъ нея не совершится ни одно сколько-нибудь замѣчательное событіе. Въ послѣднее время въ ней обнаружился еще новый даръ, — развѣ вы не слыхали? — Какже! вѣдь она лечитъ простыми средствами, и какъ хорошо, удачно, такъ просто удивляться надобно! И знаете какъ открылось, что она лекарка? Не знаете? — такъ слушайте, я вамъ разскажу, это очень замѣчательный случай.

Бабкинъ, этотъ толстый, красный, плѣшивый купецъ, что пеньку у всѣхъ помѣщиковъ скупаетъ и еще ходитъ въ длинномъ нанковомъ сюртукѣ желтоватаго цвѣта, испачканномъ дегтемъ, — ну такъ этотъ Бабкинъ и Гончаровъ — тоже толстый купецъ, никакъ еще толще Бабкина, у него, знаете, домъ у Покрова, желтый съ зелеными разводами и съ высокою красною крышею — ну, такъ они поспорили, кто изъ нихъ больше грибовъ съѣстъ. Принялись уписывать — а вѣдь у обоихъ животы страсть что такое! чуть не Ноевы ковчеги или чревы кита, поглотившаго Іону — однакоже Гончаровъ одолѣлъ, съѣлъ чуть не сотнею больше. Пришелъ онъ домой и разболѣлся, кричитъ, животъ это у него схватило, самъ разгорѣлся какъ самоваръ и уже не

помнитъ ничего. Привезли нашихъ обоихъ докторовъ, тѣ прописали лекарствъ, куда тебѣ! ничуть не лучше, даже хуже стало! Приходитъ Арина Ѳарафонтьевна, заслышавши, что Гончаровъ умираетъ. Она, значитъ, за обязанность поставляетъ быть при смертномъ часѣ каждаго, за это, говорятъ, сколько грѣховъ Богъ прощаетъ. Пришла Арина Ѳарафонтьевна и спрашиваетъ: отчего это съ нимъ приключилося? — Говорятъ ей — такъ и такъ, желудокъ грибовъ переварить не можетъ! — Она задумалась на минуту, а потомъ и говоритъ: дайте-ка я попытаюсь его полечить! Поставьте самоваръ! — принесли самоваръ, а она и говоритъ: если грибы не варятся желудкомъ, такъ надобно ихъ сварить! — Взяла простыню, сложила ее въ нѣсколько разъ, положила на животъ и начала поливать по немногу кипяткомъ. — Что-же вы думаете? — вѣдь всталъ на другой-же день, только кожа слѣзла съ живота.

Такъ вотъ какая дама Арина Ѳарафонтьевна! А сколько она потомъ вылечила, въ особенности дѣтей. И такую даму обнести вареньемъ! — какъ хотите, это не хорошо! очень не хорошо!

Ну-съ, такъ судейчиха и Арина Ѳарафонтьевна совѣтовались. Совѣтъ былъ жаркій. Сперва было думали сдѣлать балъ у себя тоже 29-го декабря, но потомъ разсчитали, что городничій приглашалъ ранѣе, слѣдовательно у него и будетъ болѣе гостей, — а это равняется пораженію. Поэтому порѣшили устроить на другой день катанье, а наканунѣ новаго года балъ.

— Все это хорошо! говорила судейчиха, — я увѣрена, что у меня балъ будетъ лучше, я для этого послѣднее платье продамъ; а все-таки и у нея былъ балъ, мнѣ этого-то допустить не хочется. Голубчикъ, Арина Ѳарафонтьевна, душечка! помогите! Придумайте что сдѣлать? — а то вѣдь къ нимъ начнутъ скоро и собираться.

— Что-же дѣлать? ей Богу, не знаю! Ахъ, вотъ штука-то! Хотите, что у нихъ бала не будетъ?

— Хочу, хочу! Душечка, Арина Ѳарафонтьевна! сдѣлайте!

— То-то «сдѣлайте!» ну ужъ ладно? Пусть-же она знаетъ, что я не какая-нибудь, что можно мнѣ пренебреженіе оказывать! Вотъ что я могу ей сдѣлать! Пусть теперь посмотритъ!

Арина Ѳарафонтьевна застучала въ окно, шедшему мимо, Короткову съ музыкантами и начала его манить, потомъ обратилась къ судейчихѣ:

— Ну, теперь пойте съ нимъ дуэты, а между-тѣмъ готовьтесь: у васъ будетъ сегодня балъ!

— Да вѣдь всѣ будутъ у городничаго?

— Объ этомъ не заботьтесь, только дайте мнѣ лошадку кое-куда съѣздить, да удержите до моего возвращенія Короткова, онъ запоется и останется! Вы музыкѣ-то велите подъигрывать! А я сейчасъ возвращусь.

Въ это время явился Коротковъ. Арина Ѳарафонтьевна и говоритъ ему:

— Ааа! здравствуйте, Поликарпъ Евсѣевичъ! попойте-ка съ Александрой Кирилловной, вѣдь еще рано къ городничему!

И Арина Ѳарафонтьевна исчезла.

Пока судейчиха пѣла съ Коротковымъ «Рѣка реветъ» и другія пріятныя штучки, почтенная вѣстовщица успѣла объѣхать весь городъ.

Смерклось. Въ домахъ засвѣтились огни, всѣ хлопотали, приготовлялись къ предстоявшему балу, спѣшили выгладить платье, пришить бантикъ, примѣрить, — да мало-ли приготовленій-то у прекраснаго пола, когда въ перспективѣ цѣлый вечеръ удовольствій и танцевъ. И Господи, Боже мой! страшно станетъ, какъ подумаешь, сколько на иной понадѣто. Вотъ тутъ пусть говорятъ: не бери взятокъ! Какъ ихъ

не брать-то? Вѣдь надобно-же одѣть и жену и дочерей! а вѣдь каждая изъ нихъ въ одинъ вечеръ навѣситъ на себя чуть не трехгодовое жалованье.

Ну-съ, такъ Арина Ѳарафонтьевна разъѣзжаетъ по городу и всѣмъ объявляетъ, что городничиха и судейчиха, при ея посредствѣ, примирились и что балъ уже будетъ у судьи, а не у городничаго, и что они оба, т. е. городничій и судья, просятъ пожаловать на балъ къ судьѣ, непремѣнно, потому что городничиха рѣшилась просить при всѣхъ извиненія у судейчихи. Сомнѣваться въ истинѣ словъ почтеннѣйшей Арины Ѳарафонтьевны никто не осмѣлился. Слушая эти извѣстія, многіе пожимали плечами, кто удивлялся высокой душѣ городничихи, кто обвинялъ ее, кто смѣялся и осуждалъ; но всѣ обѣщались быть у судьи.

Объѣхавши всѣхъ, не исключая и отставнаго поручика, Арина Ѳарафонтьевна застала Короткова въ совершенномъ изступленіи восторга: музыка его напиливала и гремѣла, а онъ ревѣлъ еще громче ее, махалъ руками и колотилъ ногою такъ по полу, такъ-что домъ только трясся. Вотъ-то поетъ человѣкъ! Даетъ-же Богъ, подумаешь, такой даръ! вѣдь онъ такъ поетъ, что самъ себя заслушивается.

Арина Ѳарафонтьевна подаетъ судейчихѣ записочку, та ее читаетъ, а Коротковъ тутъ только спохватился, что ужъ давно пора къ городничему.

— Куда вы, Поликарпъ Евсѣичь! спрашиваетъ его Арина Ѳарафонтьевна.

— Къ городничему, матушка Арина Ѳарафонтьевна, къ городничему! Тамъ мои хлопцы играть будутъ!

— Такъ не за чѣмъ вамъ и ходить: балъ будетъ здѣсь. Вотъ городничиха прислала со мною письмо. Проситъ, чтобы Александра Кирилловна балъ сдѣлала, а она пріѣдетъ извиненія у ней просить. Я ее встрѣтила на базарѣ, она ко всѣмъ приглашеннымъ ѣздила и я ѣздила, просили пріѣхать ихъ не къ городничему, а сюда. «Вообразите, говоритъ мнѣ Настасья

Матвѣевна, вообразите, Арина Ѳарафонтьевна, я говоритъ, такъ соскучилась по моемъ другѣ Сашѣ, что просто не знаю, говоритъ, что и дѣлать! Я, говоритъ, чувствую, что передъ нею очень виновата! Я, чай, она на меня очень сердита!» — Иии! помилуйте, говорю я, ужъ сердце давно и у ней, говорю, отошло! Вамъ-бы помириться, я говорю, съ нею матушка! — и знаете, начала я ее уговаривать. — Такъ вотъ, говоритъ Настасья-то Матвѣевна, я, говоритъ, вотъ что придумала: пусть она сдѣлаетъ у себя балъ, а я, говоритъ, пріѣду и извинюсь при всѣхъ и мы, говоритъ, опять за живемъ душа въ душу!

— Ура! закричалъ Коротковъ, ай-да Настасья Матвѣевна! мамочка! Я за это побѣгу у ней ручку поцѣловать.

— Нѣтъ, вы постойте, подумайте-ка лучше, чтобы ей съиграть торжественное, знаете для встрѣчи, когда она взойдетъ! да протвердите хорошенько, чтобъ музыканты-то знали.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! Чтожъ-бы съиграть? Торжественный маршъ изъ Калифа Багдадскаго развѣ грянуть! Спасибо, что надоумили.

IV.

Пока Коротковъ протверживалъ со своею музыкою, судейчиха, судья и Арина Ѳарафонтьевна устроивали все къ балу, бѣгали, скакали по городу, наконецъ, кое-какъ все сладили. Гости уже съѣхались, ихъ принималъ Коротковъ и съ умиленіемъ разсказывалъ, что Богъ его сподобилъ быть свидѣтелемъ самаго высокаго и трогательнаго примиренія.

Вышла судейчиха, блистая нарядомъ и гордымъ торжествомъ. О, какъ она была хороша въ этотъ вечеръ! Отставной поручикъ окончательно растаялъ и влюбился въ нее по уши, а секретарь уѣзднаго суда и засѣдатель, испивъ

порядочную порцію пуншику и, прохладившись водками, даже плакали отъ избытка восторга, что имѣютъ отмѣнное счастіе служить подъ начальствомъ такой красавицы, такого, такъ сказать, амура, или настоящаго купидона.

Музыка гремѣла, пары носились, а городничиха все еще не являлась. Это возбуждало сильное нетерпѣніе во многихъ. Судейчиха не могла воздержаться, чтобы не проѣхаться мимо дома своей соперницы и съ торжествомъ смотрѣла на рядъ освѣщенныхъ, но совершенно пустыхъ комнатъ, по которымъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи прохаживалась разряженная, какъ говорится, въ пухъ и прахъ городничиха. Судейчиха возвратилась еще болѣе веселая, еще болѣе торжествующая. Танцы продолжались.

Между-тѣмъ, Коротковъ успѣлъ составить заговоръ, чтобы городничиху встрѣтить громкими криками «ура», поднять на руки и донести до судейчихи подъ торжественные звуки марша. Ее ждали, но она все не являлась.

Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго, нарочно поставленный караульный далъ знать, что городничиха ѣдетъ,— пріѣхала. Дверь растворилась и явилась, въ самомъ дѣлѣ, давно ожидаемая гостья. Благодаря вѣстовщицамъ, замѣняющимъ въ нашей уѣздной жизни столичные телеграфы, она узнала, что у судьи балъ, воспылала праведнымъ гнѣвомъ и явилась какъ грозная Немезида, противъ всякаго ожиданія судейчихи и Арины Ѳарафонтьевны. Лишь только она показалась въ двери, какъ загремѣла, затрещала музыка, и громкое «ура» оглушило и ее и всѣхъ. Съ нея сняли салопъ, подняли ее на руки, при чемъ стукнули ее довольно сильно лбомъ объ двери, и понесли съ торжествомъ къ судейчихѣ, выбѣжавшей въ залу на дикіе вопли восторженныхъ. Шествіе остановилось, Коротковъ замахалъ руками, заоралъ и съ трудомъ успѣлъ заставить замолчать музыку и кричавшихъ,

— Александра Кирилловна! сказалъ онъ, отирая пе-

стрымъ платкомъ слезы, катившiяся изъ-подъ его тетеревиныхъ бровей, «воззрите и поклонитесь истинной добродѣтели и незлобiю ангельскому! Настасья Матвѣевна, забывая все прошлое, съ истинно-христiанскимъ смиренномудрiемъ, явилась просить у васъ извиненiя и примиренiя отъ чист....

— Я буду просить извиненiя у этой твари! воскликнула городничиха. Напротивъ, я прiѣхала сказать этой дряни, что она дрянь! что я ей покажу!...

Тутъ у державшихъ ее на воздухѣ опустились руки отъ удивленiя и городничиха тяжело рухнулась на полъ и растянулась у ногъ своей соперницы.

Она была въ бальномъ платьѣ и сильно зашнурована. Вѣдь какъ ее шнуруютъ-то! Өекла и Дунька — двѣ ея горничныя—упрутся въ нее рукой и колѣнями, а другой рукой и зубами тянутъ шнурокъ,—ну такъ что-же тутъ удивительнаго, что она упала и не могла встать! Коротковъ подалъ ей руку помощи. Она вскочила, показала кулаки судейчихѣ и съ ужасною бранью уѣхала. Боже мой! до чего гнѣвъ-то ослѣпляетъ человѣка!

Балъ продолжался и гости уже разъѣхались утромъ. Съ удивленiемъ разсуждали, что это за выходка была со стороны городничихи; однакоже всѣ рѣшили, что съ такой дамой нельзя имѣть знакомства.

На другой день судейчиха устроила катанье и съ торжествомъ четыре раза проѣхала мимо дома городничаго. Настасья Матвѣевна немедленно завѣсила всѣ окна, чтобы не видать своего врага.

Въ тотъ-же день вечеромъ городничiй высѣкъ человѣка судьи. Судья въ гнѣвѣ высѣкъ двухъ людей городничаго и послалъ сказать ихъ своему барину, что и ему дескать тоже будетъ.

Съ этого роковаго дня началась у насъ въ городѣ страшная вражда. Примѣра подобной вражды не найдется во всей исторіи, ей Богу, не найдется! Я нарочно перелистывалъ исторію Кайданова, по которой учатся дѣти исправника.

Городничій запретилъ купцамъ продавать чтобы-то ни было судьѣ, велѣлъ свозить и выбрасывать на улицу передъ его домомъ со всего города нечистоты.

Пошли сплетни, кляузы, ябеды, доносы, наѣхали со всѣхъ сторонъ слѣдователи и ревизоры, которые любезничали съ судейчихою и городничихою и брали съ ихъ мужей порядочныя суммы. Обѣ соперницы старались кокетничать одна передъ другой, чтобы завладѣть сердцами слѣдователей, но дѣло кончилось тѣмъ, что и городничаго и судью отрѣшили отъ должностей и предали суду, подъ которымъ они и досихъ-поръ состоятъ.

На мѣсто городничаго опредѣленъ къ намъ раненый герой съ злодѣйски закрученными усами, а судьею избранъ Ермолай Кузьмичъ, тотъ самый, который сбилъ съ Арины Ѳарафонтьевны чепчикъ за какую-то сплетню,—оба прекраснѣйшіе люди. Объ нихъ я разскажу вамъ въ другое время, а теперь, ей Богу, некогда, спѣшу: Арина Ѳарафонтьевна звала на пирогъ и обѣщала разсказать какія-то новости. Я до смерти люблю новости! Сами вы посудите, люди мы маленькіе, газетъ и журналовъ не получаемъ, у насъ все замѣняетъ Арина Ѳарафонтьевна! Какъ начнетъ говорить, такъ разслушаешься!—лучше всякой книги, ей Богу! Мы ее такъ и зовемъ: *Наша Пчела.* Да куда Пчелѣ, противъ нея дрянь! Какой только у нея будетъ пирогъ?... съ капустой или съ рыбой?

Базаръ.

I.

Скучно! ей Богу, скучно! Жить нельзя у насъ въ городѣ отъ тоски смертельной! Просто, хоть ложись, да умирай! Съ тѣхъ-поръ, какъ судья поссорился съ городничимъ — все пошло вверхъ дномъ, никакого единодушія не стало въ обществѣ, никакого развлеченія нѣтъ. Да еще на бѣду отецъ Никифоръ — протопопъ соборный — умеръ. А рѣдкій былъ человѣкъ! Какіе онъ травники приготовлялъ по секретному рецепту! просто прелесть! Я увѣренъ, что уже больше нигдѣ не пить такихъ травниковъ! Нектаръ! просто, нектаръ! Бывало, выпьешь и губы обсосешь, чуть языка не проглотишь и то не проглотишь только потому, что на него навязываются разные маринованные и соленые грибки, которые тоже хорошо приготовлялъ покойникъ.

Такъ въ городѣ у насъ скучно, какъ-будто городничиха и судейчиха оставили корни раздора, или наши барыни въ прошедшей ссорѣ до того раскачались, что не могутъ никакъ остановиться — все и за все ссорятся! Что съ ними дѣлать?

Недавно у насъ случился вотъ какой казусъ:

Пріѣхалъ къ намъ изъ Петербурга окружной начальникъ, предостойный человѣкъ! именно столичнаго образованія и самаго европейскаго обхожденія! Умная штука этотъ окружной, Порфирій Ивановичъ! Только фамилія у него не совсѣмъ-то привлекательная: Лягвинъ. Самъ онъ душа-человѣкъ просто, если будете у насъ въ городѣ, познакомьтесь съ нимъ непремѣнно, останетесь довольны!

Жена его.... нѣтъ! перо выпадаетъ изъ рукъ и языкъ прилипаетъ къ гортани.... не могу высказаться! Вспомнить

о ней, такъ уже, знаете, такое наслажденіе по душѣ проходитъ! На что я былъ поклонникъ судейчихи и городничихи, да куда имъ до Прасковьи Андреевны Лягвиной! — какъ землѣ до неба далеко!

Вообразите себѣ: дама.... нѣтъ, вы не въ состояніи вообразить! — описать я тоже не могу — на нашемъ языкѣ нѣтъ и словъ для выраженія! Это, знаете, воздушное этакое безе, только съ тою разницею, что безе таетъ, а Прасковья Андреевна не таетъ, а самъ при взглядѣ на нее таешь, а ужъ про образованіе и говорить нечего! — извѣстно, столичное! И то сказать, постоянно вѣдь она въ высшемъ обществѣ обитала и каждый день по Невскому прогуливалась, такъ какъ-же ей не быть образованной дамой. Вотъ только и отведешь душу, какъ зайдешь поговорить съ ней, а заговоритъ она такъ уши развѣсишь, ротъ разинешь и не наслушаешься, только дивишься. Хоть-бы однимъ глазомъ взглянуть на все, что она видѣла!

Вообразите: видѣла всѣхъ министровъ, знаетъ множество генераловъ, говорила со многими сочинителями, съ Майковымъ, съ Полонскимъ, съ Писемскимъ. Какъ это рѣшиться говорить съ сочинителемъ! не понимаю! Вѣдь сколько надобно ума, чтобы говорить съ ними! А тутъ какъ знаешь, что умишкомъ-то того.... слабоватъ, такъ не осмѣлишься и рта разинуть. А Прасковья Андреевна ничего, разговаривала себѣ, и даже говоритъ, что не оробѣла. Ну это-то, я думаю, хвастаетъ! Какъ не сробѣть!

Ну-съ, какъ-бы, казалось, вокругъ этого свѣтила не собраться всему обществу? Такъ нѣтъ, еще хуже всѣ разошлись! или ужъ такая нашла планета, или какъ онъ? — чтобъ ему пусто было! — Ахъ! вѣдь вотъ на языкѣ вертится, и слово-то такое дрянное! — его все Лягвинъ твердитъ! Да, да! вспомнилъ! прогрессъ! Такъ или, быть можетъ, этотъ прогрессъ одолѣлъ! Кто его выдумалъ, тотъ не добрый человѣкъ! Къ чему онъ поведетъ — одинъ Богъ знаетъ! И чего имъ хо-

чется? Это все молодежъ съ похмѣлья выдумали! говоритъ Коротковъ, — и правда, совершенная правда!

Вѣдь жили-же наши отцы и дѣды, да и мы сами хорошо, спокойно, въ свое полное удовольствіе, — нѣтъ, говорятъ, такъ не хорошо! — Идите впередъ! А куда и зачѣмъ итти, когда мнѣ и такъ хорошо? Начали кутить, мутить, такую билиберду затѣяли, что и лукавый ихъ не разберетъ, не тѣмъ онъ будь окаянный помянутъ! съ нами сила крестная! Чтобъ ему сгинуть и съ прогрессомъ вмѣстѣ, въ тартарары провалиться!

Нѣтъ, ей Богу, досадно! По неволѣ скажешь что-нибудь крѣпкое! Что за прогрессъ? пока его не было, жили мы спокойно, а тутъ какъ затрубили въ уши, такъ по неволѣ залѣзетъ иногда въ голову какой-нибудь вопросъ. А что въ немъ пути и пользы? — Ничего! только аппетитъ или сонъ испортитъ! Пошло это сомнѣнье и всякая всячина. И вотъ только разсказать не умѣю, а вотъ чувствую какъ-то себя неловко. Никакъ не успокоишься съ-тѣхъ-поръ, какъ пошелъ этотъ прогрессъ. Точно нѣтъ, нѣтъ, да и кольнетъ тебя кто-нибудь булавкой. Знаете, иногда поколотишь лакея, да и сконфузишься! — чего-бы, кажется? — вотъ что значитъ-то гиль въ голову лѣзетъ!

Ну-съ такъ вотъ и идетъ прогрессъ себѣ; мы долго крѣпились — нѣтъ, таки одолѣлъ! Лукавый знаетъ какъ и съ чего вздумали заводить школу какую-то. Нельзя-же, во всѣхъ книжкахъ пишутъ — школы да школы, вотъ и у насъ вздумали. Дѣлать нечего! Говорятъ: надобно жертвовать. — Благодаримъ покорно! славно! У меня нечѣмъ было хорошенько справить имянинъ, а тутъ на школу жертвуй! — Собрались наши всѣ помѣщики, да только въ затылкахъ почесываютъ, вотъ тебѣ и прогрессъ!

Прасковья Андреевна за это дѣло взялась куда какъ горячо. Разныя начала придумывать исторіи какъ-бы деньги собрать. Глядимъ — разносятъ билеты. — Это что? — Да вотъ,

говорятъ, Прасковья Андреевна устроиваетъ литературный и музыкальный вечеръ въ пользу школы. — Что это за штука? — Еще за входъ по рублю серебромъ, а съ семейства — два! Взяли мы билеты, а деньги, говоримъ, отдадимъ самой Прасковьѣ Андреевнѣ. И точно-будто сговорились, съѣхались всѣ къ ней разузнать, что будетъ на этомъ вечерѣ. А Прасковья Андреевна и говоритъ:

— Будутъ читать разныхъ сочинителей и пѣть и играть на фортупьянахъ.

Мы всѣ и переглянулись, а Лизавета Сергѣевна и говоритъ:

— Какъ же это платить деньги за это? Да я и дома могу прочитать или попросить кого-нибудь, если захочу, а другому и читать-то не хочется!

— Нѣтъ! говоритъ Гаврила Афанасьевичъ, тотъ самый, что живетъ возлѣ собора и постоянно играетъ въ карты, — нѣтъ, матушка Прасковья Андревна! отъ чтенія-то насъ увольте! тоска смертная, еще заснешь, чего добраго! Я и даромъ-то никогда не читаю. Въ молодости, знаете, прочиталъ Ивана Выжигина, Булгарина, да что-то такое Греча, — съ-тѣхъ-поръ и на книгу посмотрѣть не могу. Съ души воротитъ! Такъ вечеркомъ посидѣть, въ картишки перебросить — съ удовольствіемъ!

— Но, господа, это будетъ въ пользу школы чтеніе и пѣніе! говоритъ Прасковья Андревна.

— Да во вредъ нашимъ карманамъ! проговорилъ Чуприковъ и усадилъ дочь пѣть, прибавивъ: садись, пой! вѣдь мы за это ничего не беремъ!

Съ-тѣхъ-поръ о чтеніи и о пѣніи никто ни гугу.

Пріѣхалъ Коротковъ съ музыкой. Чего-бы, кажется? въ прежнее время-то пошли-бы пиры, да балы, да веселіе! Разгулялась-бы душа! — а тутъ нѣтъ! Точно не живые, никто и вечеринки не сдѣлалъ. Кто жалуется на времена плохія, кто — на безденежье, а кто въ ссорѣ со всѣми, такъ-что и

пригласить некого. А всѣ вообще ругали прогрессъ, это все черезъ него вышло!

Собралъ предводитель дворянъ и говоритъ: «господа! вы сами вызвались открыть школу, объ этомъ уже сдѣлано представленіе высшему начальству и получено разрѣшеніе. Теперь надобно опредѣлить сумму для ея содержанія, согласиться на счетъ пожертвованій».

Мы призадумались. Начались толки, споръ, шумъ. Долго не могли ни на что рѣшиться, наконецъ Коротковъ предложилъ пожертвовать городской выгонъ. Что-же вы думаете! Наше купечество и граждане рѣшительно стали на дыбы. Говорятъ: «это мы сами пожертвуемъ! Это земля городская и распоряжаться ею дворяне не имѣютъ права»! Толкуй тутъ съ ними! Опять мы собрались и Богъ знаетъ, чѣмъ-бы это кончилось, если-бы Чуприковъ, спасибо ему, не выручилъ; вотъ министерскій-то умъ! А выжига какая — не приведи Богъ! Вѣдь у него меньше пяти тяжбъ никогда не бываетъ и онъ почти всегда всякое дѣло выиграетъ. Ну-съ, такъ онъ и предлагаетъ вотъ какую штуку:

— Господа! говоритъ, теперь черезъ нашъ городъ прошло шоссе и почтовая дорога остается излишнею. Такъ сказать, напрасно тяготитъ землю!

Насъ всѣхъ озарило просвѣтленіе. Сердце такъ и застукало, на душѣ стало легко. Чувствуемъ, что вотъ здѣсь именно, на дорогѣ и лежитъ избавленіе: непремѣнно дорога выручитъ! Только какъ — ужъ это врагъ ее знаетъ. Не придумаешь никакъ, словно въ головѣ вертится, а на языкъ не попадаетъ.

Чуприковъ молчитъ, смотритъ на насъ и посмѣивается.

— Ну что-же, говоримъ, Кирилло Иванычъ! говорите-же, что съ дорогой-то дѣлать!

— На ней, милостивые государи, отвѣчаетъ Чуприковъ, напрасно ростутъ деревья. Она обсажена аллеями березъ, не

приносящими никакой пользы, такъ я полагаю продать ихъ съ аукціона на срубъ, а деньги пожертвоватъ на школу.

Мы такъ и завопили «ура». А Леденевъ, бывшій въ подпитіи, схватилъ его на руки, поставилъ на кресла и говоритъ:

— Вотъ, господа, геніальный человѣкъ!

Коротковъ цѣлую ночь игралъ ему подъ окнами серенаду такъ, что собаки по всему городу вой подняли.

II.

Осталась недовольна одна Прасковья Андреевна, какъ безъ нее дѣло обошлось! Затѣяла она новую затѣю: *базаръ*, чтобы дамы сидѣли и продавали разныя вещи. Наши дамы сперва очень обидѣлись такимъ предложеніемъ, но Прасковья Андреевна — бѣсъ сущій! Она разсказала какъ размазала. Нашего брата не скоро поддѣнешь на просвѣщеніе и прогрессъ, а женщина, извѣстное дѣло: скажи ей, вотъ по модному надо вотъ такъ, молъ. Онѣ готовы для моды все сдѣлать. Ну-съ, Прасковья Андреевна наговорила, что это самое модное занятіе, что въ Петербургѣ всѣ графини, княгини и первыя красавицы сидятъ и продаютъ. Одѣться надо по бальному, а послѣ базара—танцы.

Ошалѣли наши дамы, да и только! Только и твердятъ, базаръ, да базаръ! Торговать еще не наторговали, а ужъ по лавкамъ бѣгаютъ, закупаютъ наряды. Начнешь, бывало, говорить, такъ куда тебѣ! Мы грубыя натуры, намъ-бы съ косами да съ навозомъ возиться.

Ну-съ, объявили по всему городу базаръ въ домѣ у Прасковьи Андреевны. Батюшки мои! Въ залѣ и въ гостиной понаставлены это столики и подставочки и вездѣ сидятъ наши барыни и барышни, пышныя, нарядныя, просто ослѣпленіе нападаетъ.

Мы столпились всѣ въ кучу у дверей, а Прасковья Андреевна говоритъ:

— Что-же вы, господа, стоите!

— Чтожъ намъ дѣлать? говорили мы.

— Какъ, что дѣлать! — покупайте! Вотъ увидимъ, чьи глазки привлекутъ больше покупателей, чья любезность раскроетъ больше кошельковъ!

Вѣдь ишь куда хватила! Какъ вамъ кажется! а? Будь у насъ много молодежи, ей Богу-бы все раскупили! Подошли мы къ столикамъ — и приступу нѣтъ, все въ три дорога!

— Что это вы, господа! говоритъ Прасковья Андреевна, неужели нельзя, за удовольствіе купить у насъ, заплатить подороже!

Въ это время являются Дрохвины. Знаете, двѣ старушки, Рипсимія Ивановна и Павлина Ивановна. Умныя, дѣльныя старушки, ихъ очень любятъ и уважаютъ въ нашемъ городѣ. Рипсимія и говоритъ.

— Посмотри-ка, Павочка! Вотъ ленточки точь-въ-точь такія, какія мнѣ надобны, я два года изъ-за нихъ капота не дошиваю. Купцы безсовѣстно дерутъ. Вотъ случай! А что за аршинъ?

Ленты продавала Марья Лаврентьевна, та молоденькая, миленькая барынька, которую Нижеполозовъ изъ Рославля взялъ, ее у насъ такъ и зовутъ Рославская. Такъ Марья Лаврентьевна взглянула на бумажку, что Прасковья Андреевна на всякой вещи пришпилила, и говоритъ:

— Сорокъ копѣекъ.

— Мѣдью?

— Нѣтъ, серебромъ. А мѣдью рубль сорокъ.

— Что ты, мать моя! никакъ съума спятила! Да ктожъ тебѣ дастъ? купцы на что христопродавцы, а всего по гривеннику отдаютъ, я и то сказала, что не дамъ. Тридцать копѣекъ — мѣдью такъ!

— Здѣсь не торгуются. Цѣна рѣшительная!

— Да, какъ-же! Что запросила, то тебѣ и дать! Умна больно! А это почемъ?

— Это — рубль серебромъ.

— Цѣлковый? Да что ты, смѣешься, что-ли? Что мы тебѣ дуры достались? Ты думаешь, что мы ужъ и цѣнъ не знаемъ! Ничего понять не можемъ! Еще не такъ глупы! Молода, молода, матушка, надъ старостью смѣяться-то! Грѣхъ! не-будетъ тебѣ счастія. Ты вспомни, что въ писаніи-то сказано: передъ лицемъ сѣдаго возстани и почти лице старче! Ты продавай, коли сѣла продавать, а не дури.

Голосъ ея, въ которомъ звучало раздраженіе и неподдѣльное негодованіе, привлекъ огромную толпу. Подошла Прасковья Андреевна и говоритъ:

— Это сборъ въ пользу школы, а не дешевая распродажа! Это, такъ сказать, жертва на пользу общую.

— Да ктожъ у васъ покупать станетъ? кому нужно деньги бросать! твердитъ Рипсимія. Что я за дура, что стану платить рубль серебра, когда я тоже найду въ лавкѣ по полтинѣ? Умна больно, сударыня, много барыша хотите! такъ и жидъ не беретъ много! Ты вотъ что: возьми по сорока копѣекъ, уважь старуху, вотъ что я тебѣ скажу. Ну, берешь, что-ли.

— Здѣсь не торгуются, вамъ говорятъ, что это сборъ въ пользу школы.

— Что мнѣ за дѣло до вашей школы, я и знать ее не хочу. Ты уважь вотъ лучше стараго человѣка! Какія тамъ школы, а школа и безъ тебя какъ школа. И то пострѣлята только озарничаютъ, а не учатся! Намедни пустили камнемъ, чуть въ голову не попали; стала я браниться, а они, чертенята, хохочутъ, языки показываютъ, дразнятся, кричатъ. Едва уплелась! Ну отдавай-же! Кто станетъ платить лишнее! я намедни вонъ у жида по сорока пяти копѣекъ покупала. Ей Богу, рука отсохни, по сорока пяти! А это что?

грабежъ дневной, разбой просто. Да я плюну тому въ глаза, дуракомъ назову, кто у васъ что-нибудь купитъ.

Въ это время входитъ отставной поручикъ, подходитъ къ Марьѣ же Лаврентьевнѣ и торгуетъ какую-то бездѣлицу копѣекъ въ сорокъ.

— Передалъ, батюшка, передалъ! кричитъ Рипсимія. Съ тебя въ три-дорога взяли. Брось! въ лавкахъ по гривеннику сколько угодно.

— Помилуйте, Рипсимія Ивановна, отвѣчаетъ отставной поручикъ: — мнѣ пріятно купить у Марьи Лаврентьевны!

Съ этими словами подаетъ трехъ-рублевую бумажку. Марья Лаврентьевна положила ее въ столикъ, улыбнулась, кивнула головой и говоритъ:

— Благодарю васъ!

— Что-же ты ему сдачи! восклицаетъ Рипсимія.

— Здѣсь сдачи не даютъ.

— Какъ не даютъ?

— Такъ. Это считается жертвой въ пользу школы. Вѣдь это не лавки.

— А если я у тебя купила на грошъ, да даю сто цѣлковыхъ?

— Значитъ, вы жертвуете сто цѣлковыхъ, я возьму и поблагодарю!

— Ну ужъ это мошенничество, воровство чистое! Попробовала-бы ты это сдѣлать со мною! Чтожъ ты, батюшка, молчишь? Требуй сдачи! прибавила она, обращаясь къ отставному поручику!

— Помилуйте! зачѣмъ-же!

— Что зачѣмъ? Два рубля-то шесть гривенъ? Лишніе завелись? Богатъ больно! слишкомъ пышно прохаживаешься! живо спустишь, промотаешь все, голубчикъ. Пойдешь по міру, если такъ денежки бросаешь. Нечего зубы-то скалить.

— Посмотримъ, проговорила Прасковья Андреевна, обращаясь къ отставному поручику, чьи глазки будутъ на васъ

имѣть большее вліяніе, какая торговочка принудитъ васъ къ большей жертвѣ!

— Что, что? проговорила Рипсимія. Павочка! никакъ онѣ всѣ, безстыдницы, съ открытыми лифами сидятъ?

— Да, сестрица!

— Вѣдь ишь что затѣяла, безстыдница! Посадила молодыхъ дѣвченокъ и бабенокъ, чтобы онѣ амурничали, да отуманивали глаза, да деньги съ кавалеровъ забирали!

— Ахъ, оставьте! говоритъ Прасковья Андреевна, вы ничего не понимаете!

— Какъ не понимаю! я все понимаю! я хоть стара, а все понимаю! Стараго воробья на мякинѣ не проведешь! Понимаю, что вы тутъ шуры, муры, да амуры заводите! Вотъ что! Ты чѣмъ торгуешь? опомнись! За что ты юность развращаешь? Да и онѣ то совѣсть, видно, потеряли, на выставку разсѣлись, амурничать! Еще какую мерзость заведете? Вѣдь это срамъ! развращеніе нравовъ! У насъ такой гадости и не видали, и не слыхали! Безстыдницы! хоть-бы старшихъ постыдились! Чего отцы, да мужья смотрятъ! вишь, что позволяютъ, кромѣшники. Да за это въ старые годы такъ-бы отчесали, что закрылась-бы! А это не мужья, а кромѣшники, нате, дескать, мою жену, только и мнѣ за вашими побѣгать! Тьфу, мерзость, срамъ этакій, грѣхъ, подлость, низость! Голыми шеями и грудью мужчинъ привлекать, амурничать съ ними, дайте только денегъ. То-то и лупятъ! я смотрю, что это такъ дорого, а онѣ это себя съ товаромъ продаютъ!

Многія торговки сконфузились, бросили свои мѣста и скрылись въ толпѣ.

— Поймите-же: эта жертва въ пользу школы, говоритъ Прасковья Андреевна.

— Жертва-съ? отозвался Бабкинъ (Прасковья Андреевна приглашала и купечество). Тэксъ! Что эта за жертва такая на чужія-то денежки, ась? По-нашему, коли ужъ тебѣ пришла охота жертвовать, такъ вынулъ денежки изъ

своего кармана, вотъ молъ, жертвую! изволь! получай чистоганомъ!

— Конечно такъ! подхватила Рипсимія, а это какая жертва! амурничество! наглости! развращеніе! мерзость! хороши! хороши! безстыдницы! молоденькія дѣвчонки и бабенки, а на что пускаются! Жертва! Да кто-же своею честью жертвуетъ! Тьфу! мерзость! развратъ какой! На выставкѣ сидятъ, смотрите, дескать, на меня и на мои прелести! Послѣднія времена настали! Усѣлись съ открытыми лифами. Да ужъ вы лучше-бы совсѣмъ раздѣлись. Продаютъ себя, прямо говорятъ: ну кому я нравлюсь? Кто больше дастъ денегъ, того и я! Безсовѣстныя! до чего развратились! Совѣсть забыли! Стыдъ и честь, амбицію потеряли! Бога забыли! тьфу! тьфу! Господи! прости грѣхъ тяжкій, что я сюда по невѣдѣнію зашла! Здѣсь порядочной женщинѣ непристойно быть. Скажутъ, была на базарѣ, это все равно, что потерянная до послѣдней степени! Да васъ теперь всякій на улицѣ имѣетъ право обнимать! Вы теперь общее достояніе! Пойдемъ, Павочка! Я думала, въ самомъ дѣлѣ базаръ! а это мерзость! тьфу! тьфу! тьфу! Съ нами сила крестная!

Дрохвины ушли. Тутъ всѣ повскакали! скандалъ! срамъ! крикъ! поднялся шумъ, ссора, попреки! Накинулись на Прасковью Андреевну, она на нихъ. Пошла катавасія. Перессорились, перебранились и разъѣхались! Товары такъ у Прасковьи Андреевны остались! Она ихъ всѣ на свои деньги покупала.

Съ той поры у насъ въ городѣ хоть умирай со скуки! Ничего не имѣется! единственное осталось утѣшеніе, и можно сказать, отрада—это Арина Ѳарафонтьевна. Неоцѣненная наша Арина Ѳарафонтьевна. Какъ начнетъ разсказывать, такъ точно медомъ обольетъ. Все это она знаетъ, что у кого дѣлается, какъ кто живетъ, что говоритъ,—ну, всю подноготную разскажетъ, все знаетъ! А какъ разсказываетъ, такъ, кажется, вѣкъ слушай, не наслушаешься!

III.

Прошло нѣсколько времени; ну думаешь, забудется этотъ окаянный базаръ и все пойдетъ отлично! Такъ нѣтъ-же! Базаръ этотъ и прогрессъ стали у насъ просто поперегъ горла, чтобъ имъ сгинуть совсѣмъ! Вы только слушайте!

Пріѣхали къ намъ, въ городъ, какіе-то два, кто ихъ знаетъ что за люди. Одинъ одѣтъ по-дворянски, такъ хорошо, только волоса какъ у дьячка длинные; а другой съ бородой. Вотъ, говорятъ, прогрессъ такой пошелъ, чтобы бороды носить! Ну статочно-ли это дѣло? Пристало-ли дворянину? сами посудите! Гдѣ это видано, чтобы дворянинъ бороду носилъ? Чѣмъ-же его тогда отличить отъ купца или отъ мужика? Вы, вѣрно, вѣдь бороды не носите, а если ужъ васъ такъ одолѣлъ прогрессъ, такъ, когда пріѣдете въ нашъ городъ, непремѣнно сбрѣйте! А то васъ такъ толкнутъ, что вы не опомнитесь! скажутъ: куда ты, борода, лѣзешь! Я тебѣ вотъ дамъ. А частный приставъ Петропавловскій пожалуй въ шею накладетъ, у него это не долго.

Ну-съ, пріѣхали эти два господина—концертъ даютъ. Ну отчего не посмотрѣть отъ скуки? Въ другое время, знаете, не пошелъ-бы, а тутъ тоска смертельная! Собрались мы. Дамочки наши сидятъ и такъ злобно, колко другъ на друга посматриваютъ. Ну-съ, вышелъ безъ бороды, сѣлъ за фортупьяны (у Прасковьи Андреевны брали, славныя фортупьяны, басы это, знаете, такъ и хрипятъ, а дишканты такъ и переливаются, какъ колокольчики на святой недѣлѣ). Ну-съ, сѣлъ онъ и заигралъ какую-то ерунду съ клюквой—ни складу, ни ладу. Ни маршъ, ни полька, ни вальсъ, не экосесъ, я экосесы помню! Мотнетъ головою и застучитъ, и загремитъ! потомъ тихо, потомъ опять застучитъ, а нѣтъ, такъ по всѣмъ фортупьянамъ пуститъ трры-ры-ры-рры-ры! Чортъ знаетъ, что такое!

Потомъ вышелъ съ бородой и началъ пѣть. Постойте, что онъ пѣлъ то? Дайте вотъ сыщу афишку, она у меня, кажется за зеркаломъ лежитъ. Вотъ она. Только я ужъ этого не прочитаю, не могу; а списываю какъ есть въ афишѣ: Tracopo amero covero belopera Luciada Limerdch. Не знаю, вѣрно-ли? афиши писалъ нашъ городническій писарь, а онъ часто вретъ страшно.

Ну-съ, запѣлъ онъ это. Тянулъ, тянулъ, тянулъ! Тоска взяла! Леденевъ и говоритъ (Онъ знаете, какъ обыкновенно вечеромъ, былъ въ подпитіи):

— Ты что мусью, команъ ву портиву, воешь-то? точно изъ тебя Понтій Пилатъ жилы тянетъ, или смертный часъ твой приближается. Ты спой намъ что-нибудь такое, чтобы душа чувствовала. Этакое, знаешь, вотъ какъ Поликарпъ Евсѣичъ поетъ: «рѣкареветъ!» Чортъ возьми! Понимаешь? Что выпучилъ глаза-то какъ баранъ! Не понимаешь, что-ли? Вѣдь русскимъ языкомъ тебѣ говорятъ.

Борода что-то заболтала и смотритъ на насъ. Прасковья Андреевна и говоритъ ему по-ихнему: спойте, молъ, еще что-нибудь.

Борода поговорила съ товарищемъ и запѣла. Что? ужъ сказать вамъ не могу, только знаю что недалеко отъ начала есть слова: *я сынъ Линдора Кифидова**), только и разслушалъ. Въ концѣ борода затянулъ такъ тонко, жалобно, точно изъ него жилы тянутъ.

— Потѣха! Мы такъ всѣ и померли со смѣху. Смѣшно ужасъ какъ! Ну, говоримъ, мусью, выкинь-ка еще разъ колѣнце, фора, фора, фора!

Затянулъ онъ опять *Кифидовъ, Кифидовъ, Кифидовъ и Констанція*, въ концѣ такъ тонко опять, напотѣшилъ! По-

---

*) Lo son Lindoro she fido v'adaro, слова изъ серенады графа Альмавивы, въ первомъ дѣйствіи оперы Севильскій цирюльникъ.

томъ опять первый заигралъ, на этотъ разъ отлично маршъ отхваталъ! Потомъ еще что-то пробарабанилъ. Глядимъ — опять лѣзетъ борода, что это вотъ на афишѣ Una furtiva lagrima. Пѣлъ онъ, пѣлъ, да вдругъ, чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось, ошалѣлъ, что-ли! протянулъ руку, показываетъ на дочь судьи Ермолая Кузьмича, да какъ крикнетъ! una mama! Или онъ спятилъ, или у нихъ ужъ такая шутка, пѣсня такая—кто ихъ знаетъ!

Ермолай Кузьмичъ (онъ поступилъ вмѣсто Андрея Кондратьевича Свеклина, мужа Александры Кирилловны) такой бѣдовый, вспыльчивый и ужъ за дочь свою стоитъ горою. Онъ даже съ Арины Ѳарафонтьевны сбилъ за нее чепчикъ, а ужъ какъ уважалъ нашу-то пчелу. Какъ борода сказалъ только: *мама*, Ермолай Кузьмичъ вспыхнулъ какъ порохъ, вскочилъ, да къ нему. Борода улыбнулся и кричитъ *ловите!* *) Тутъ ужъ Ермолай Кузьмичъ изъ себя вышелъ, подскочилъ къ нему.

— Ахъ ты, говоритъ, борода проклятая! Какъ ты смѣлъ мою дочь мамой назвать? какая она тебѣ, бородачу, мама! Чего выпучилъ глаза? бычья морда! Да еще кричишь: ловите! Что я сумасшедшій, что-ли? ловите! Ты думалъ, что твою руку потянутъ. Ахъ ты, мерзавецъ! я тебѣ дамъ мама и ловить! Ты у меня будешь знать, какъ дворянскихъ дочерей мамами называть и на дворянъ кричать ловите! Я-те поймаю! Нѣмчура поганая!

Повернулъ его Ермолай Кузьмичъ, да и началъ накаливать въ шею, а кулачище у него прездоровый! Держитъ его, нагрѣваетъ ему затылокъ да и приговариваетъ:

— Вотъ тебѣ мама! вотъ тебѣ ловите! вотъ тебѣ мама, вотъ тебѣ ловите!

---

*) Окончаніе аріи Una furtiva lagrima, она меня любитъ, я вижу, по-итальянски m'ama lo vedo.

Борода завопилъ, заблеялъ, какъ баранъ, рванулся, да и тягу, Ермолай Кузьмичъ за нимъ, догналъ его у дверей, да какъ дастъ въ шею!—борода и растянулся. А городничій какъ увидѣлъ эту исторію, послалъ сейчасъ-же квартальнаго и двухъ полицейскихъ схватить бороду и его товарища и отвести въ сибирку. Надобно вамъ сказать, городничій у насъ изъ раненыхъ, превосходнѣйшій человѣкъ, веселый, милый, добрый и поетъ, знаете, и танцуетъ, и анекдоты разсказываетъ, и штуки разныя представляетъ! Отличный человѣкъ! Онъ не женатъ еще и сильно приволакивается за дочерью судьи.

Потащили бороду съ товарищемъ, а Ермолай Кузьмичъ и говоритъ:

— Такъ ихъ надобно! пріѣзжаетъ сюда всякая заморская шишимора, визжитъ, собираетъ деньги, да еще смѣетъ дерзости дѣлать!

Ну, кажется, чего тутъ, такъ-ли не такъ-ли, и разговаривать не стоитъ. Пусть говорятъ, что борода не виноватъ! да стоитъ-ли объ этомъ толковать! Я васъ спрашиваю: стоитъ-ли говорить, что какого-нибудь сапожника-нѣмца въ сибирку посадили и въ шею ему надавали! Нѣтъ, вздумалось Прасковьѣ Андреевнѣ доказывать, что артисты (она такъ называетъ бороду съ товарищемъ) не виноваты.

— Кто-жъ? Я, по-вашему, виноватъ? крикнулъ Ермолай Кузьмичъ.

— Разумѣется. Вы, не разобравши...

— Ну ужъ вы, матушка, молчите! кричитъ Ермолай Кузьмичъ. Это вы виноваты! Все по вашей милости! Если-бы моя дочь не сидѣла у васъ на базарѣ, не смѣли-бы ей этого сказать. Правду говоритъ Рипсимія Ивановна, что теперь ихъ на улицѣ будетъ обнимать всякій! Борода смѣлъ этакую штуку выкинуть! Да его за это запороть. Экъ велика штука, что я его поколотилъ! А то нѣтъ! по-вашему, ему за это спасибо сказать. Отправляйтесь, вѣшайтесь имъ на

шею, цѣлуйтесь съ ними, если хотите, а я своей дочери такихъ вещей не позволю говорить! Вы тамъ какъ знаете! Поѣдемъ, Леночка, домой!

Тутъ къ нему подходитъ окружной и говоритъ:

— Вы, Ермолай Кузьмичъ, сейчасъ учили этого господина вѣжливости, за воображаемое оскорбленіе, а сами позволяете себѣ говорить такія вещи! Ну, а если я вздумаю теперь вамъ дать наставленіе?

— Чтожъ вы меня бить за бороду хотите? Вы-бы уже хватали меня, когда онъ кричалъ: ловите! А я говорю правду! разумѣется, ваша жена устроиваетъ базары и заводитъ безнравственность и мерзости! А васъ я не боюсь и самъ сдачи дать съумѣю!

— Экій-же вы мужикъ, Ермолай Кузьмичъ! право, мужикъ, говоритъ окружной, чурбанъ неотесанный!

Завязалась ссора чуть не до-кулаковъ. Тутъ подошли ихъ разнимать, мирить! Куда тебѣ! Сами поперессорились. Раздѣлились на двѣ партіи и дѣло дошло чуть не до драки. Насилу разъѣхались!

Вотъ этотъ базаръ проклятый, да окаянная борода надѣлали-то, что просто хоть умирай со скуки. Всѣ въ ссорѣ. Да кстати о бородѣ. Его городничій продержалъ дней пять въ сибиркѣ, а потомъ выслалъ за-городъ.

Съ этого дня мы дали клятву низачто не пропускать прогресса! Нѣтъ, таки прорвался окаянный, но объ этомъ въ другой разъ, а теперь надо отправляться на обрученіе Елены Ермолаевны, дочери судьи, съ городничимъ. Разскажу вамъ послѣ заодно ужъ и о прогрессѣ и что увижу на сватьбѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. СЦЕНЫ.

II. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

S. L.

[illegible]

THE LIBRARY OF CONGRESS
DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING
ST. AUGUSTINE
FLA.
32084